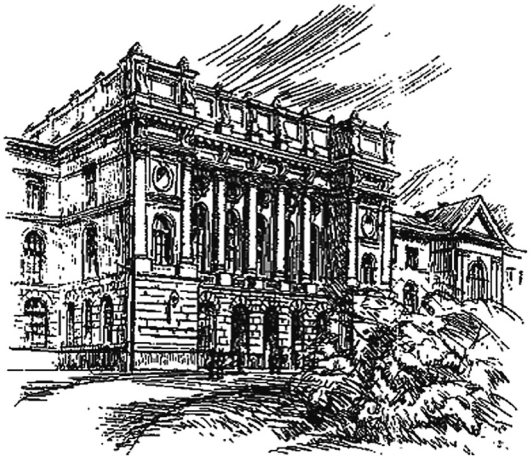
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ



НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные науки

4 (208) 2014

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2014

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагарьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте http://www.elibrary.ru.

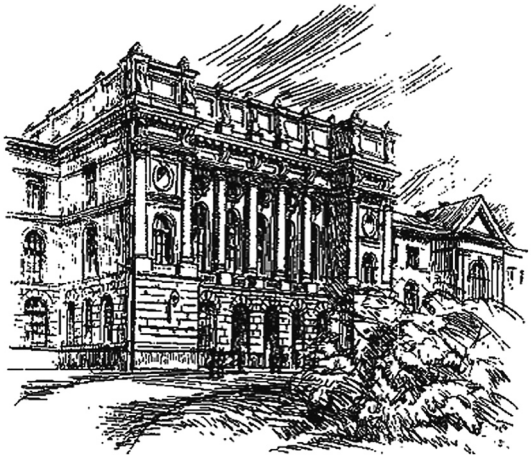
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION



ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

Humanities and Social Sciences

4 (208) 2014

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2014

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.;
Babkin A.V., Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.;
Glukhov V.V., Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.);
Ivanov V.K., Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.;
Rudskoy A.I., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief;
Yusupov R.M., corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Akopova M.A., D.Ed., prof.;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Goryunov V.P., D.Phil., prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Pylin V.V., J.S.D., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base
© Scientific Electronic Library (http://elibrary.ru/).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© St.Petersburg State Polytechnical University, 2014

Содержание

Политические науки и регионоведение

Попов Д.Г., Обухова Ю.О. *Абитуриенты СПбГПУ-2014 (особенности, ценности, ожидания)* 9
Зайцева К.В. *Этапы развития политики России в области трудовой миграции* 17
Стафеев Д.В. *Роль политического фактора в трансформации международного спортивного движения* 24
Ван Ц. *Арктика в глобальном мире*..... 35

Международные отношения

Погодин С.Н. *Финляндско-российские отношения в конце XX века*..... 42
Рубцова А.И. *Энергетический фактор в контексте ливано-израильского конфликта* 48

Исторические науки и археология

Морачевский А.Г. *Военно-химическая промышленность России в годы Первой мировой войны (1914—1918) (К 100-летию начала Первой мировой войны)*..... 55
Кузницына С.Л. *Проблема становления индустриально-технического образования в СССР в первой половине XX века (очерк истории)* 62
Лагушкин С.Г. *Роль высших учебных заведений в реализации программы «Интенсификация-90»* 70
Ростовцев Е.А. *Петербургский университет в фокусе правительственной политики (1860-е — начало 1880-х гг.)* 81
Афанасьев Г.Ю. *Водные спасатели Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века): становление, структура, эффективность* 90

Философские и культурологические исследования

Трофимова Е.А., Пигров К.С. *Рерих и Чюрлёнис: космическое видение и социальная мифология Модерна (К 140-летию со дня рождения Н.К. Рериха)* 98
Лезгина М.Л., Иванов В.Г. *Истоки и пути формирования научного миропонимания* 109
Маслобоева О.Д. *Органическая концепция истины как основание культурной идентичности*..... 119
Москвитин В.А. *Изобразительный принцип языка и проблема истинности* 129
Куракина Е.В. *Прогностическая функция концепции переходного периода в философии и науке* 137
Кийченко К.И. *Эвристическое значение гипотезы лингвистической относительности в современной гуманитаристике* 142

Горбунова И.Б. *Информационные технологии в музыке и комплексная модель ее семантического пространства* 152

Денисков А.В. *Познавательный разрыв как особенность современного информационного общества*.... 162

Рудакова А.Л. *Теоретические истоки и идеологические предпосылки доктрины конца истории Френсиса Фукуямы* 167

Горюнов В.П. *Философия духа: социально-экзистенциальное исследование* 173

Образование и педагогические науки

Моглан Д.В. *Образовательное сетевое сообщество как одна из эффективных форм активизации учебно-познавательной деятельности студентов*..... 183

Одинокая М.А. *Формирование основ когнитивной и коммуникативной компетенций средствами иностранного языка в условиях самостоятельной работы студентов технического вуза*..... 192

Ежова О.В. *Прогнозирование инновационного содержания образования специалистов швейной отрасли* 197

Дроздов С.В. *Иноязычная подготовка студентов в сфере туризма* 205

Дашкина А.И., Фёдорова А.Я. *Роль наставничества студентов при обучении двухступенчатому иноязычному информативному чтению в малых группах*..... 213

Хроника

Офицерова Н.В., Кулик С.В., Ульянова С.Б. *К 100-летию Первой мировой войны: высшая школа, наука и техника России в 1914—1918 годах (Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции)* 220

Contents

Political science and area studies

Popov D.G., Obukhova Yu.O. *Applicants of SPbGPU in 2014 (Features, Values, Expectations)* 9
Zaytseva K.V. *Stages in development of Russian migration policy* 17
Stafeev D.V. *The role of the political factor in transforming the international sports movement* 24
Van Ts. *The Arctic in the global world* 35

International relationships

Pogodin S.N. *Finnish-Russian relations at the end of the 20th century* 42
Rubtsova A.I. *Energy factor in the context of the Lebanese-Israeli conflict* 48

Historical science and archaeology

Morachevskiy A.G. *Military chemical industry of Russia in the First World War (1914—1918) (Centennial of the First World War)* 55
Kuznitsyna S.L. *The problem of origins of industrial and technical education in the USSR in the first half of the 20th century (a historical sketch)* 62
Lagushkin S.G. *Role of higher educational institutions in implementation of program "Intensification-90"* .. 70
Rostovtsev E.A. *St. Petersburg university in the focus of government policy (1860s — early 1880s)* 81
Afanasiev G.Y. *Water rescuers of the Russian Empire in the mid 19th and early 20th century: origins, structure, efficiency* 90

Philosophical and cultural studies

Trofimova E.A., Pigrov K.S. *Roerich and Churlenis: cosmic vision and social mythology of modern (For the 140th anniversary from the birthday N.K. Roerich)* 98
Lezgina M.L., Ivanov V.G. *The origins and ways to build scientific world outlook* 109
Masloboeva O.D. *Organic concept of truth as the basis of cultural identity* 119
Moskvitin V.A. *Descriptive nature of the language and the problem of truth* 129
Kurakina E.V. *Predictive function of transition period concept in philosophy and science* 137
Kiychenko K.I. *Heuristic value of the hypothesis of linguistic relativity in modern humanities* 142
Gorbunova I.B. *Information technology in music and integrative model of its semantic space* 152
Deniskov A.V. *Cognitive gap as a feature of modern information society* 162

Rudakova A.L. *Theoretical origins and ideological background of the doctrine of the end of history of Francis Fukuyama* 167
Goryunov V.P. *Philosophy of spirit: socio-existential study* 173

Education and pedagogical science

Moglan D.V. *Educational network community as one of effective forms to boost educational and cognitive activity of students* 183
Odinokaya M.A. *Building of cognitive and communicative competence via the means of a foreign language in the conditions of students' independent work in higher technical school* 192
Yezhova O.V. *Projections of innovative educational contents when training specialists in the sewing industry* 197
Drozdov S.V. *Foreign languages acquiring by students in tourism sphere* 205
Dashkina A.I., Fyodorova A.Ya. *Two-stage approach to teaching information-retrieving reading in a foreign-language via students' mentorship in small groups* 213

Chronicle

Ofitserova N.V., Kulik S.V., Ulyanova S.B. *For 100th anniversary of the First World War: Higher Education, Science and Technology of Russia in 1914—1918 (All-Russian scientific-theoretical conference)* 220

УДК 316.3

Д.Г. Попов, Ю.О. Обухова

АБИТУРИЕНТЫ СПбГПУ-2014 (ОСОБЕННОСТИ, ЦЕННОСТИ, ОЖИДАНИЯ)

ПОПОВ Дмитрий Геннадьевич – *доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат философских наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: klacik_p2@list.ru

ОБУХОВА Юлия Олеговна – *ассистент кафедры социально-политических технологий Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат социологических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: julie_ob@mail.ru

Приведены результаты социологического исследования контингента потенциальных абитуриентов СПбГПУ 2014 года. Цель статьи – создание социального портрета потенциального абитуриента СПбГПУ, выявление его ценностных ориентаций. Ключевым педагогическим вопросом исследования стало изучение мотивации к обучению. Исследование показало, какие именно цели ставят перед собой абитуриенты высших учебных заведений, какие требования они предъявляют к учебной и внеучебной жизни университета, каковы их ожидания и иерархия ценностей.

ПЕДАГОГИКА; СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ; ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ; МОТИВАЦИЯ К ОБУЧЕНИЮ; АБИТУРИЕНТЫ.

Современная социология образования ставит перед исследователями целый ряд практически ориентированых задач. Изучение целевых групп студентов, преподавателей, аспирантов позволяет оценить как качественные и количественные характеристики системы высшего образования, так и интересы, ценности и пожелания ключевых аудиторий образовательного дискурса. С целью повышения конкурентоспособности вуза полезно в условиях ежегодной летней кампании по набору абитуриентов оценивать эффективные механизмы профориентационных работ, выявлять и анализировать ключевые интересы современных выпускников школ, апробировать удобный формат по их ориентированию на поступление в СПбГПУ в рамках специального научно-просветительского мероприятия.

Актуальность данной темы связана и с тем, что сейчас меняется структура приема в высшие учебные заведения, причем это происходит на фоне сокращения приема в вузы в последние 5 лет [1, с. 41]. Изучение профессиональных ориентаций студентов – одна из важных практических проблем в социологии образования [2, с. 95–97].

В качестве сопровождения кампании по набору на первые курсы СПбГПУ рабочей группой Гуманитарного института 7–8 июня 2014 года в рамках специального мероприятия «FAB PICNIC в Политехническом» был проведен опрос потенциальных абитуриентов с целью изучения ценностных ориентаций молодежи Санкт-Петербурга, имеющей желание поступить в Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Дополнитель-

ная цель – изучить ключевые ценности специального профориентационного мероприятия «FAB PICNIC в Политехническом».

Задачи исследования:

1. Выявление гендерного и демографического состава потенциальных абитуриентов СПбГПУ.

2. Анализ местоположения и специфики школ и иных учебных заведений, которые они оканчивали.

3. Выявление ориентации потенциальных абитуриентов относительно направленности будущего образования.

4. Выявление их пожеланий относительно дополнительной полезности от получения высшего образования в данном вузе.

5. Изучение ожиданий потенциальных абитуриентов в отношении высшего образования.

6. Определение их ценностных ориентаций в жизни и учебе.

7. Анализ факторов, способных мотивировать к хорошей учебе.

8. Определение источника информации (откуда потенциальные абитуриенты узнали о СПбГПУ и проводимом в нем мероприятии).

Методы исследования – количественные, метод сбора данных – структурированное интервью. Всего было опрошено 144 человека в возрасте от 14 до 28 лет, и в результатах исследования отражены данные анализа 144 анкет. Опросник включал восемь закрытых и один открытый вопрос, касающийся места обучения в тот момент будущего абитуриента. В ходе исследования использовались таблицы сопряженности для дихотомических переменных, коэффициенты корреляции для количественной и дихотомических переменных (коэффициент корреляции Спирмена).

Легенда мероприятия. «FAB PICNIC в Политехническом» – это фестиваль научно-технического творчества молодежи формата open-air. Его цель – повышение интереса молодежи к инженерному и научно-техническому творчеству, а также вовлечение ее в различные области современных высоких технологий, науки и техники. В мероприятии приняли участие дети разного возраста из более чем 20 школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, студенты, заинтересованные в научно-техническом творчестве, родители студентов и абитуриентов, выпускники и сотрудники СПбГПУ, а также гости и приглашенные участники. Всего «FAB PICNIC в Политехническом» в течение двух дней посетили около 2500 человек. Идентификация целевых участников опроса проводилась путем индивидуального опроса полевой группой, а также путем индивидуального собеседования авторов исследования с респондентами в ходе профориентационной работы в рамках мероприятия.

Гендер. Среди принявших участие в исследовании количество мужчин и женщин было примерно одинаковым: соответственно 52,4 и 47,6 %. Выборка была относительно репрезентативной для данной возрастной категории. Следует отметить, что женская часть аудитории не была случайной. Интерес к технической, лекционной и интерактивной составляющей мероприятий характерен для всех, вне зависимости от гендерной специфики. Этому способствует и политехнический характер нашего университета, представляющего целую линейку технических и гуманитарных специальностей, а также формат мероприятия, направленный на максимальную всеохватность аудиторий.

Если обратиться к итоговым расчетам коэффициентов корреляции с дихотомическими переменными, то статистическую значимость показывают следующие аспекты: мужчины более склонны выбирать программирование и инженерные специальности (с физикой, экономическими и гуманитарными специальностями значимых связей с полом не выявлено), а также религию как базовую ценность. Для них в отличие от девушек важны престиж вуза и обстановка в нем. Девушки же более склонны выделять значимость успешной учебы, а также называть в качестве базовой ценности образование.

Возраст. Средний полный возраст участников опроса – 16,8 года (см. рис. 1), а медиана проходит как раз по 17 годам. Наиболее часто встречающееся значение – 16 лет. Большинство лиц, пришедших на данное мероприятие, в первую очередь видели своей целью посещение научно-развлекательной части мероприятия. Но в то же время нельзя забывать, что их возраст – это возраст принятия решения о выборе вуза. Данную теорию подтверждают как дополнительные ответы опрошенных, так и комментарии сопровождающих их лиц. Целевые группы выпускников школ показали высокую активность, несмотря на большую загруженность в связи с подготовкой к сдаче ЕГЭ.

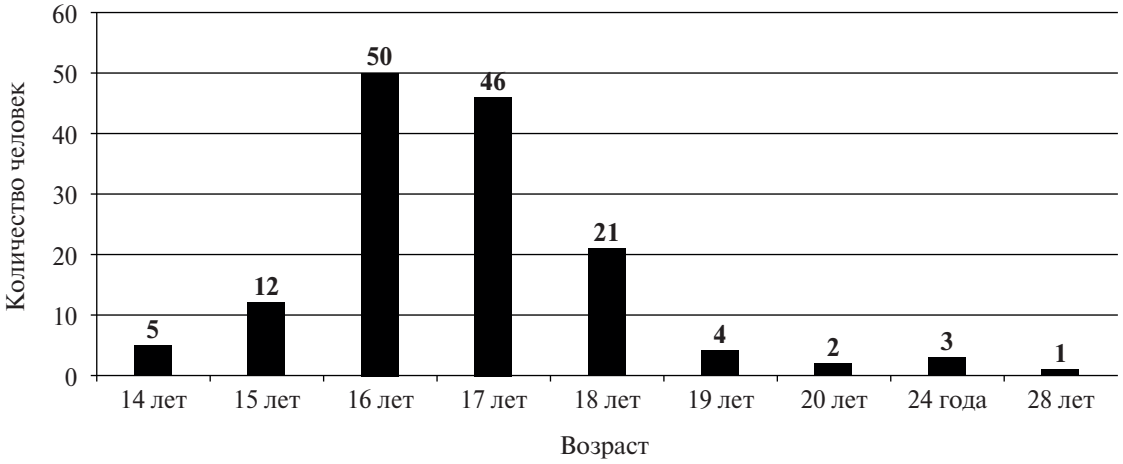


Рис. 1. Возрастной состав участников опроса

Средняя школа. Исследование показало, что образовательная деятельность СПбГПУ привлекает учащихся школ всех форматов и специализаций (рис. 2). Так, например, среди посетителей были учащиеся Аничкова лицея, физико-математических лицеев № 30 (12 человек) и № 239 (6 человек), гимназий № 2 и 652 (4 человека). Большинство опрошенных проходили обучение в учреждениях Санкт-Петербурга, но в то же время были представители Тосно, Котласа, Кисловодска. Основная локализация учащихся школ – Выборгский и Калининский районы нашего города. Потенциальные абитуриенты редко приходят в одиночку, базовый состав групп – два-три одноклассника.

Информированность о СПбГПУ. Ключевое значение в современных условиях конкуренции вузов и борьбы за абитуриентов приобретает источник информации о вузе. Согласно результатам нашего исследования, потенциальные абитуриенты узнавали о СПбГПУ из разных источников, спектр которых достаточно широк (см. рис. 3): 11 человек узнали о нем из прессы, 13 – из наружной рекламы, 38 – из Интернета, а бóльшая часть (82 человека) – из личных контактов (от знакомых – 59 человек, от роди-

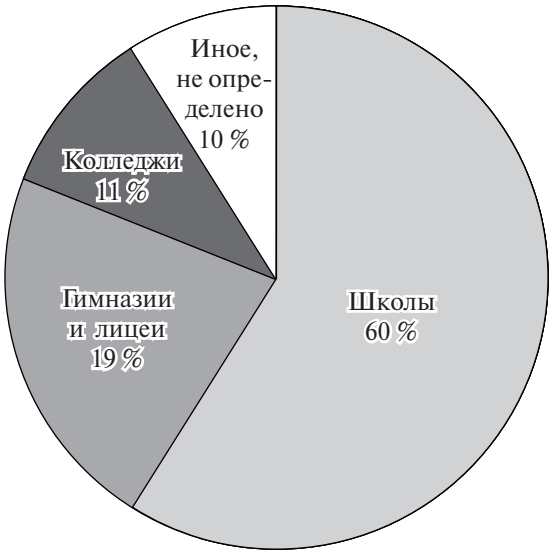


Рис. 2. Места получения будущими абитуриентами среднего и среднего специального образования

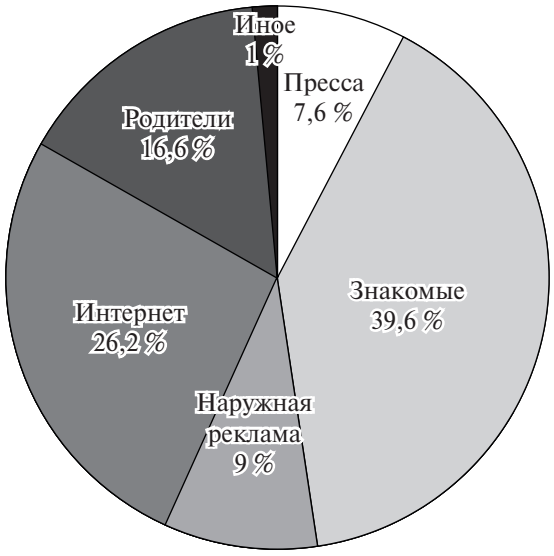


Рис. 3. Источники информации о СПбГПУ

телей – 23). При этом многие из опрошенных дополняли предложенные варианты ответов, идентифицируя себя с СПбГПУ, так как они «всю жизнь знали о вузе», «семья прошла через Политех», «родители (друзья) учились (учатся) в СПбГПУ».

Выбор специальности. С учетом приведенных выше характеристик респондентов в ходе опроса были проанализированы их предпочтения при выборе специальности. Особенностью вопроса об индивидуальном выборе будущей специальности являлась возможность дать на него множественный ответ. Часть аудитории выбрала несколько вариантов ответа, что свидетельствует о том, что еще не все готовы к точному выбору. Кроме того, множественный выбор – результат воздействия на опрашиваемых опыта сдачи ЕГЭ, позволяющего с помощью ключевых экзаменов поступать на разные специальности и направления подготовки.

Результаты обработки анкет следующие: 13,1 % респондентов интересуются обучением по специальности «Связи с общественностью и реклама», еще 13,1 % хотели бы поступить на юридические специальности, 27,6 % – на инженерные и строительные, 23,4 % – на физические, 13,1 % – на языковые, 16,6 % – на экономические, обучаться программированию намерены 23,4 %, психологии и педагогике – 13 %. Наблюдается небольшой перевес в выборе технических специальностей (рис. 4).

Если говорить о статистически значимых корреляциях с желанием учиться по направлению подготовки «Связи с общественностью и реклама», то оно отрицательно связано с желанием изучать инженерные специальности, физику или программирование. То же можно сказать и по отношению к будущим юристам. Для них значимо важно окружение в вузе (ремонт, например). Потенциальные инженеры, а также физики и программисты имеют отрицательную корреляцию с желающими изучать гуманитарные, языковые специальности и юриспруденцию.

Выбор вуза. Выбор места для получения высшего образования зависит от множества факторов. В этой связи успешная конкуренция высшего учебного заведения невозможна без удовлетворения ожиданий целевых групп. Современность, высокое качество и доступность образования – важные аргументы при выборе вуза, но не всегда выбор зависит только от них. Университеты никогда не воспринимались лишь как место получения специальных и элитарных знаний. Об этом свидетельствуют и результаты опроса (рис. 5). В том, что касается ожиданий от высшего образования как такового, то будущие абитуриенты высказали следующие пожелания при ответе на вопрос «Разные

Рис. 4. Выбор будущей специальности участниками опроса

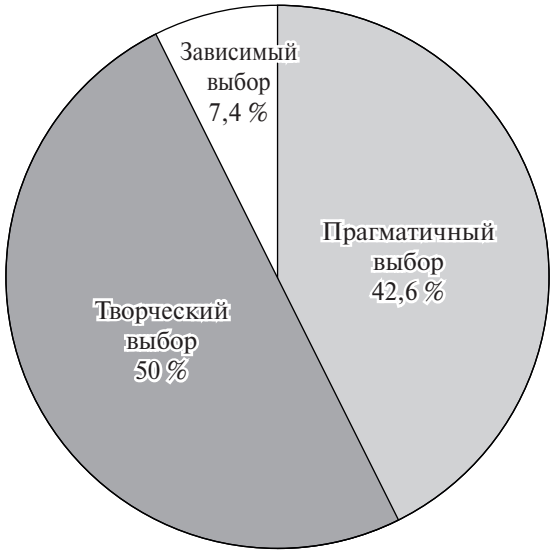


Рис. 5. Специфика выбора высшего образования как формы социальной активности в среднесрочный период (до 5 лет)

люди от высшего образования ожидают разного. Что именно хотите получить Вы?» Интеллектуального развития, приобретения знаний и навыков ожидает более половины опрошенных – 62,1 %, успешной карьеры – 57,9 %. При этом творческое саморазвитие является значимой целью при поступлении в вуз для 40 %, что можно охарактеризовать как достаточно значимую цифру. Ценности коммуникации и социализации в рамках вуза («интересное общение с другими людьми, сверстниками») отметили 46,2 % опрошенных. Выбравшие эти два мотива получения высшего образования количественно обгоняют даже отметивших ожидание получения профессии (38,6 %). Повышения социального статуса и получения возможности порадовать родителей ожидают от высшего образования соответственно 29,7 и 21,4 % респондентов.

Полагаем, что правильно поступают те вузы, которые уделяют большое внимание воспитательной и творческой стороне образовательного процесса. Исходя из полученных данных, можно предположить, что необходима дополнительная профориентационная работа в школах с целью повышения эффективности поиска прикладной профессии будущими абитуриентами. Будущие абитуриенты признаются, что далеко не у всех из них присутствует ожидание развития навыков, получения знаний и даже профессионального успеха. Значительное количество участников опроса отметили, что имеют и другие мотивы поступления в вуз – общение, творческое развитие. Часть респондентов большое значение придают ожиданиям родителей и их надеждам, а значит, поступают в вузы в результате давления и по причине зависимости от выбора родителей.

Будущие физики, например, ожидают от высшего образования повышения интеллектуального уровня, потенциальные юристы – повышения статуса и интересного общения.

Требования к вузу. Важной составляющей при выборе вуза становятся ожидания молодежи [3, с. 87; 4, с. 80]. Современные школьники живут в условиях конкурентного мира, они не очень доверяют учебникам и планам, делают ставку как на индивидуализм, так и на групповой результат. В то же время сохраняется общая тенденция на повышенные ожидания от индивидуального обучения. Этому способствуют репетиторство, занятия в малых группах, индивидуальная и групповая подготовка к олимпиадам и дополнительные занятия с потенциальными медалистами. Опрос показал, что 72,4 % его участников считают важным при выборе вуза такой фактор, как талантливые преподаватели. Они хотят учиться у таких преподавателей. Интерес к учебе по конкретным направлениям зависит от способностей учителя, а также примеров по успешной реализации индивидуальных и групповых проектов. Для 36,6 % опрошенных важно, чтобы в вузе было много интересных и разнообразных предметов, как технических, так и гуманитарных. Это демонстрирует интерес к получению знаний, позволяющих успешно конкурировать на рынке труда. Техническая оснащенность вуза важна для 49 % опрошенных. Вуз должен обладать современным оборудованием и лабораториями, сопоставимыми с общемировыми аналогами, и показывать это. Оказались не очень важны популярность и престижность вуза в городе или стране (это отметили лишь 28,3 %), так же как внешний вид и эргономика учебного пространства (26,9 %).

В то же время акцент на приобретении конкретной прикладной профессии важен лишь для 36,6 % опрошенных. Данный результат является общим для высших учебных заведений РФ, где лишь треть выпускников работает по специальности. В этой связи мы видим, что уже на уровне абитуриентов заложена проблема дальнейшего трудоустройства по полученной специальности. Все большее значение приобретают «профессиональные ценности студенческой жизни». То, что придается большое значение таким факторам, как интересные мероприятия и специальные события (отметили 54,5 % участников опроса), а также кружки, студенческие союзы и объединения (37,9 %), показывает правильность усиления работы СПбГПУ по развитию внеучебной деятельности: патриотической, воспитательной трудовой (студенческие отряды), волонтерской спортивной и иной студенческой деятельности. Данные формы коллективной активности востребованы современной молодежью и привлекают ее внимание при выборе вуза.

Для желающих обучаться по направлению «Связи с общественностью и реклама» значимо важен престиж вуза, для потенциальных инженеров важны техническая оснащенность вуза

(для программистов тоже) и наличие там кружков, союзов, студенческих объединений.

Таким образом, мы видим, что будущие студенты хотят не только учиться, но и вести активную социальную и творческую жизнь. В нашем университете много союзов, секций, проводится большое количество мероприятий. В рекламной кампании СПбГПУ, в том числе и через традицию «FAB PICNIC в Политехническом», на этом следует делать особый акцент.

В связи с вышесказанным необходимо привлечь внимание следующего поколения студенчества к образовательным практикам.

Мотивы высокой успеваемости. Ответы на вопрос о мотивах, которые могли бы сподвигнуть студентов на хорошую учебу в вузе, продемонстрировали достаточно благоприятную картину: для успешной учебы важна в первую очередь позитивная мотивация. Негативные мотивы (не отставать от сокурсников и избежать осуждения, наказания за плохую учебу) оказались важны лишь для 26,9 % опрошенных (17,9 и 9 % соответственно).

Также невелико значение мнения других людей как мотива для хорошей учебы – это важно для 15,2 % участников опроса, которые хотят стать примером для других студентов. В качестве такого мотива 15,2 % опрошенных отметили одобрение родителей, а 23,4 % – уважение преподавателей.

Мотивы, связанные с улучшением собственных навыков и повышением уровня знаний, более популярны. Однако только 47,6 % опрошенных отметили, что их мотивом могло бы быть желание стать высококвалифицированным специалистом, 44,1 % – непосредственно приобретение знаний и навыков. Интеллектуальное удовлетворение от учебы мотивирует 33,1 % опрошенных, желание получить диплом – 44,1 %. Стипендия могла бы стать мотивом для 35,2 %, а хорошие оценки – для 42,1 %. Еще одним мотивом, но не самым популярным, является желание быть лидером – 28,3 %.

При расчете таблиц сопряженности самые интересные результаты дало изучение связи между желанием получить диплом как мотивом хорошей учебы и прочими мотивами. Например, выяснилось, что приобретение глубоких знаний является мотивом только для 44,4 % из тех, кто назвал мотивом учебы получение диплома. Лишь 50 % из них назвали вторым мотивом желание стать специалистом. Интеллектуальное удовлетворение от учебы как мотив назвали только 20,4 % таковых. Подтвердилась гипотеза, что существуют лица, заинтересованные в получении статуса студента или выпускника вуза, для них менее важна интеллектуальная и профессиональная составляющая получения высшего образования.

В то же время успешная учеба совпадает с желанием получить глубокие знания у 16 % опрошенных (от общего их числа), с желанием стать специалистом – у 16,8 %. Иными словами, это составляет 37 и 38,9 % от числа тех, для кого мотивом является желание иметь глубокие знания. Однако среди таковых 48 % в качестве мотива назвали также и желание получить диплом.

Для будущих программистов мотивом к хорошей учебе могла бы стать стипендия, как, кстати, и для будущих экономистов. Потенциальные физики отличаются тем, что для них мотивом стало бы получение глубоких знаний.

Ценностные ориентации. Сформировавшиеся к моменту поступления в вуз ценности являются одним из значимых факторов формирования отношения к высшему образованию [5, с. 78–79]. Если же говорить об общих жизненных ценностях будущих абитуриентов, то наибольшее значение для них, как показал опрос, имеют семья и карьера (соответственно 66,2 и 40,7 %). Также высока значимость такой ценности, как свобода (33,1 %). С небольшим отрывом идут творческая самореализация и отдых, развлечения (33,1 и 26,9 %), а также материальное благополучие (31 %). При этом для 22,8 % опрошенных получение образования является самостоятельной ценностью. Наименьшую значимость имеют такие ценности, как высокий социальный статус, религия и уважение окружающих – соответственно 11; 6,9 и 6,2 %.

Интересно отметить, что те, кто высоко ценит карьеру, в 71,7 % случаев выбирают и семью, в 13,6 % – свободу, в 17 % – творчество (кстати, корреляции с невыбором творчества оказались статистически значимыми). А вот материальное благополучие и деньги оказались важны соответственно для 28,6 и 20,8 % тех, кто выбрал карьеру.

Для будущих абитуриентов, для которых образование является самостоятельной ценностью, статистически значим невыбор сво-

боды (87,5 % не сочли это важной ценностью). Только для 21 % из них важно материальное благополучие как базовая ценность и лишь для 21,9 % – карьера.

Наблюдается отрицательная корреляция между желанием поступить на физическую специальность и семьей как базовой ценностью. Желание учиться психологии и педагогике положительно коррелирует с потребностью в творчестве. Желание получить экономическую специальность значимо коррелирует с уважением преподавателей как мотивом для хорошей учебы. Для будущих юристов одной из ценностей является социальный статус, для потенциальных инженеров высока значимость такой ценности, как свобода.

Опрос потенциальных абитуриентов, проведенный 7–8 июня 2014 года, стал важной частью аналитической работы по оценке количественных и качественных показателей одной из наиболее интересных для СПбГПУ целевых групп, выявил их ключевые ожидания. Результаты опроса могут послужить базой для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гохберг Л.М., Ковалева Н.В., Кузьминов Я.И., Реморенко И.М.** Образование в цифрах: 2013 : кр. стат. сб. М.: Изд-во Нац. исслед. ун-та «Высш. шк. экономики», 2013.

2. **Иванова В.И., Матвеева Н.А., Осипов А.М., Рысакова П.И.** Современная социология образования в России: некоторые итоги и проблемы развития // Социол. исслед. 2013. № 5. С. 95–103.

3. **Каюмов А.Т., Каников Ф.К., Исхакова Н.Р.** Учащаяся молодежь крупного индустриального города о престиже профессий // Там же. № 8. С. 87–95.

4. **Селиванова З.К.** Динамика и взаимосвязь ценностных ориентаций и жизненных целей городских подростков // Там же. С. 80–86.

5. **Зубок Ю.А., Чупров В.И.** Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Там же. № 1. С. 78–90.

D.G. Popov, Yu.O. Obukhova

APPLICANTS OF SPbGPU IN 2014 (FEATURES, VALUES, EXPECTATIONS)

POPOV Dmitriy G. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: klacik_p2@list.ru

OBUKHOVA Yuliya O. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: julie_ob@mail.ru

This article is the result of the opinion survey conducted amongst applicants of SPbGPU in 2014 year. The purpose of this article is to compose a social profile of SPbGPU's prospective student and to unveil their system of values. The key pedagogic question of this research was examination of students' learning motivation. The study has shown what goals exactly students set for themselves when trying to enroll in a university, what demands they place on a college's academic and extra-curricular activities, what their expectations and hierarchy of values are.

PEDAGOGY; SOCIOLOGICAL STUDY; LIFE VALUES; MOTIVATION TO LEARN; ENTRANTS.

REFERENCES

1. Gokhberg L.M., Kovaleva N.V., Kuzminov Ya.I., Remorenko I.M. *Obrazovaniye v tsifrakh: 2013* [Education numerically: 2013]. Moscow, National Research University "Higher School of Economics" Publ., 2013. (In Russ.)

2. Ivanova V.I., Matveyeva N.A., Osipov A.M., Rysakova P.I. [Contemporary Sociology of Education in Russia: some results and problems of development]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2013, no. 5, pp. 95–103. (In Russ.)

3. Kayumov A.T., Kanikov F.K., Iskhakova N.R. [Studying youth large of industrial city about prestige occupations]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2013, no. 8, pp. 87–95. (In Russ.)

4. Selivanova Z.K. [Dynamics and the relationship between value orientations and life goals of urban adolescents]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2013, no. 8, pp. 80–86. (In Russ.)

5. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. [Sociocultural mechanism of formation of young people's attitudes to education]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2013, no. 1, pp. 78–90. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 325.14

К.В. Зайцева

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОБЛАСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

ЗАЙЦЕВА Ксения Викторовна – *ассистент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: xiniya-regionoved2010@ya.ru

В статье рассмотрены основные этапы развития политики России в области трудовой миграции. Особое внимание уделено формированию нормативно-правовой и институциональной базы миграционной политики, а также изменениям, связанным с провозглашением курса на модернизацию российской экономики и повышением интереса к проблемам адаптации и интеграции мигрантов.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА; РОССИЯ; ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ; ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ; НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА; ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА.

В современном мире практически все страны в той или иной степени сталкиваются с проблемой международной трудовой миграции, и от того, насколько удачно удастся выстроить отношения между мигрантами и принимающим обществом, во многом зависит успех и процветание экономики страны. Именно поэтому в развитых странах уже с 1960–1970-х гг. активно идет процесс формирования миграционной политики, направленной на упорядочение гражданских и общественных отношений в области перемещения иностранной рабочей силы через государственную границу.

Россия столкнулась с проблемой массовой трудовой миграции относительно недавно. Более благоприятная экономическая ситуация в нашей стране, по сравнению с другими странами СНГ, привела к тому, что к концу 1990-х гг. она стала центром притяжения миграционных потоков, активно формировавшихся в то время на постсоветском пространстве. В новых условиях действующие нормативно-правовые акты времен СССР, в частности закон «О правовом положении иностранных граждан в СССР» от 26.06.1981 г., оказались устаревшими. Потребовалось создание законодательства в области привлечения и использования трудовых ресурсов, которое отвечало бы новым запросам времени. Работа в этом направлении началась в 1996–1997 гг.

Первым шагом на пути формирования нормативно-правовой базы стал закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 г. Примерно в это же время на рассмотрение в Госдуму был предоставлен проект федерального закона о привлечении к трудовой деятельности иностранных граждан. В этом законопроекте впервые появился такой инструмент квот, как «барьер на пути чрезмерного использования иностранной рабочей силы» [1]. Но Госдума законопроект отклонила. Закон о положении иностранных граждан также постигла неудача. В 1997 г. он был отклонен и отправлен на доработку. В результате процесс затянулся на пять лет, и закон вступил в силу только в 2002 г.

Помимо этого были предприняты попытки по созданию институциональной системы. В 1998 г. была сформирована Правительственная комиссия по миграционной политике под руководством первого заместителя председателя Правительства РФ О.Н. Сысуева. Однако дефолт 1999 г. вывел на первый план проблемы другого порядка, и решение вопросов, связанных с миграционной политикой, пришлось отложить на неопределенное время. Сама ко-

миссия также просуществовала недолго и, не приняв ни одного значимого решения, была распущена в 2001 г.

С приходом к власти В.В. Путина начался пересмотр концептуальных основ миграционной политики страны. С этой целью в декабре 2001 г. была образована Межведомственная рабочая группа по подготовке предложений по совершенствованию миграционного законодательства РФ под руководством В.П. Иванова – доверенного лица президента [2]. Интересно, однако, что группа была сформирована из представителей министерств и ведомств, в то время как представители бизнеса, НПО, экспертного сообщества приглашены не были. Вопросы миграционной политики вошли составной частью в Концепцию демографического развития РФ на период до 2015 г., которая фактически определила принципы регулирования миграционных процессов.

В начале 2002 г. серьезные структурные изменения произошли в Федеральной миграционной службе: согласно указу президента РФ этот федеральный орган стал частью Министерства внутренних дел России [3]. Это привело к неизбежной все большей закрытости организации для представителей НПО, научного и экспертного сообщества. К тому же слабая востребованность опыта и профессионализма государственных гражданских служащих в силовой, по сути, структуре привела к вымыванию из нее гражданских специалистов, что, в свою очередь, не могло не привести к ослаблению аналитической и научной основы работы ФМС.

Что касается разработки новой нормативно-правовой базы, то здесь стоит упомянуть принятие закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который был разработан на основе упоминавшегося выше проекта 1997 г. Законом вводились и пояснялись такие понятия, как «вид на жительство» и «временное проживание»; количество иностранцев на рынке труда было предложено регулировать квотами [4]. Трудно сказать, стало ли это следствием принятия вышеупомянутых законов, но в последующие годы работодатели стали активнее оформлять разрешения на привлечение иностранных работников: с 2003 по 2005 г. объемы легального привлечения возросли в 2,5–3 раза [1]. Однако, поскольку процедура привлечения к трудовой деятельности осталась слишком сложной (она была взята из старой модели, действовавшей до 2002 г.), на снижении объемов нелегальной занятости это сказалось крайне слабо. Общий поток мигрантов в страну рос куда быстрее. Так, например, по итогам проверки соблюдения законодательства в сфере миграционных правоотношений Генеральной прокуратурой РФ было установлено, что на 2004 г. легально осуществляли свою трудовую деятельность в России лишь 10 % иностранных работников [Там же], остальные же пополняли собой сектор незаконной занятости и неурегулированного пребывания.

Существенный рост нелегальной трудовой миграции был на руку теневым структурам. Именно в эти годы произошли становление сектора незаконной занятости и расцвет так называемого бизнеса на мигрантах. Однако тут надо учесть, что этот бизнес мог появиться только при нарушении законодательства самими чиновниками, отвечающими за выдачу разрешений на работу и регистрацию. Таким образом, можно сделать несложный вывод, что ограничительные меры привели не к «наведению порядка», а к росту коррупции.

Поиски новых путей реализации миграционной политики продолжались в течение нескольких лет. В июне 2002 г. была воссоздана (правда, вскоре вновь упразднена) Правительственная комиссия по миграционной политике. В октябре 2004 г. была распущена Межведомственная рабочая группа по подготовке предложений по совершенствованию миграционного законодательства РФ под руководством В.П. Иванова. Помимо этого были произведены неоднократные реорганизации ФМС (в 2002, 2004, 2005 гг.), уточнены и расширены ее полномочия. В результате всех изменений именно ФМС стала определять всю правоприменительную практику и через нее, по факту, миграционную политику страны. Разумеется, все решения так или иначе должны были получить предварительное одобрение администрации президента в лице В.П. Иванова, который с марта 2004 г. являлся помощником президента и курировал миграционное направление вплоть до мая 2008 г.

Однако продолжающийся рост сектора незаконной занятости и теневого бизнеса на мигрантах, рост коррупции заставили сделать

давно напрашивающийся вывод: продолжение политики жестких запретительных мер в дальнейшем приведет только к ухудшению ситуации. Поэтому весной 2005 г. президентом РФ было принято решение взять курс на либерализацию и прагматизацию миграционной политики, которое он впервые озвучил на заседании Совета безопасности РФ 17 марта 2005 г. [5].

Очередной разворот миграционной политики пришелся на докризисный период 2006–2007 гг., когда все еще продолжался рост российской экономики, а вместе с тем и сохранялась роль России как центра притяжения трудовых потоков на постсоветском пространстве. Экономике страны требовались рабочие кадры, однако действующее на тот момент законодательство явно этому не способствовало.

Летом 2006 г. был принят федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», внесены изменения и дополнения в федеральные законы «О гражданстве РФ» и «О правовом положении иностранных граждан в РФ». В результате всех этих нововведений существенно упростилась процедура постановки на миграционный учет и оформления разрешения на работу для иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию. Квоты на иностранную рабочую силы хотя и были сохранены, но формировались с огромным запасом, и найм в таких условиях сложностей не представлял [1].

Помимо поправок, которые облегчили трудоустройство иностранных граждан, было принято решение об ужесточении санкций за использование нелегального иностранного труда. Еще в конце 2004 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей об «Организации незаконной миграции», были ужесточены наказания за нарушения иммиграционных правил, за нарушение правил пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства, правил привлечения и использования иностранных работников, незаконной трудовой деятельности в Российской Федерации. В итоге уже в первый год действия нового законодательства, благодаря довольно легкой процедуре регистрации через почтовое отделение, существенно сократился сектор нелегального пребывания и незаконной занятости, а также теневого бизнеса. Директор ФМС России К.О. Ромодановский в своем интервью «Российской газете» привел следующие цифры: «По всей России за 9 месяцев (2007 г. – *К. З.*) стали на миграционный учет 6,3 млн мигрантов, а за соответствующий период прошлого года – 3,9 млн. Новое законодательство позволило увеличить прозрачность миграционных потоков более чем в полтора раза» [6].

Но, несмотря на очевидные успехи нового курса, уже к концу 2007 г. произошел возврат к рестриктивной политике. В декабре была принята квота на разрешение на трудовую деятельность на следующий год, которая была меньше, чем количество легально трудившихся на тот момент в стране иностранных граждан. Уже весной 2008 г., фактически до начала массового приезда мигрантов, квоты закончились. Вполне понятно, что в сложившейся ситуации в выигрыше в первую очередь оказался теневой бизнес, который весьма быстро восстановил утраченные ранее позиции.

В конце 2008 г. из-за проявлений последствий кризиса на рынке труда был существенно изменен порядок трудоустройства безвизовых мигрантов. Приказами ФМС от 15 декабря 2008 г. и 26 февраля 2009 г. они ставились в жесткую зависимость от работодателя. Теперь первоначальное разрешение на работу выдавалось только на 3 месяца, затем продлевалось, если мигрант нашел себе место работы и заключил контракт. Если же работа не найдена, то разрешение теряло силу, регистрация тоже, и из страны надо было уехать [7].

Сам по себе такой механизм может считаться вполне оправданным, особенно в ситуации кризиса. Вызывает сомнения и споры один существенный момент: мигрант, получив первоначальное разрешение в рамках квоты и покинув страну, так квоту и не выработав, тем самым лишает работодателя возможности нанять другого, поскольку квота уже оказывается выбранной. Таким образом, данные изменения заметно сократили для работодателя возможности найма, не говоря уже о снижении уровня мобильности иностранной рабочей силы.

Все усиливающаяся критика системы квотирования привела к тому, что в 2009 г. субъекты федерации стали все настойчивее требовать увеличения их роли и влияния при формировании квот. Уже в мае 2009 г. по инициативе Калининграда в Государственную думу было внесено

предложение, которое сводилось к следующему: квоты устанавливаются субъектом Российской Федерации с учетом ситуации на его рынке труда, демографической ситуации и возможностей по обустройству иностранных граждан, а за центральной властью остается право установленную квоту изменять. К осени законопроект дошел до первого чтения, но в связи с официальным курсом на снижение притока иностранной рабочей силы был отклонен [1].

Нужно отметить, что если вышеописанные меры по регулированию трудовой миграции вызывают трудности при осуществлении проектов федерального масштаба, то «правила игры на миграционном поле легко меняются» [Там же]. Так, при подготовке к Олимпиаде-2014 в Сочи было принято специальное постановление Правительства Российской Федерации об ускоренном и упрощенном порядке выдачи разрешений на работу иностранным гражданам, задействованным в олимпийском строительстве. Другое не менее важное событие – форум «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» – также сопровождалось принятием аналогичного постановления Правительства РФ.

В институциональной системе в период с 2007 по 2009 г. тоже произошли серьезные изменения. Так, например, в очередной раз был изменен статус ФМС и вновь воссоздана Правительственная комиссия по миграционной политике.

Решение усилить роль и наделить ФМС полномочиями полноценного министерства было принято весной 2007 г. Желание разграничить полномочия МВД России и ФМС в миграционной сфере высказывалось уже очень давно, в первую очередь представителями НПО и бизнеса. Теперь Министерство внутренних дел осуществляет сугубо выработку государственной политики в сфере миграции, тогда как все функции по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию переданы ФМС России.

Что касается Правительственной комиссии по миграционной политике, то идея о ее воссоздании лоббировалась в первую очередь ФМС. Наверно, поэтому ее первым председателем в мае 2009 г. был назначен директор службы К.О. Ромодановский. На данный момент председателем комиссии является первый заместитель председателя Правительства РФ И.И. Шувалов [8]. Список задач комиссии очень обширен, и в него входит практически все, что относится к области миграционной политики: от разработки концепции миграционной политики и подготовки предложений по повышению эффективности механизма определения потребности в привлечении иностранной рабочей силы до вопросов предоставления в электронном виде государственных услуг [9].

Очередная переориентация курса миграционной политики наметилась на рубеже 2009 и 2010 гг. и была связана с избранием на пост президента Д.А. Медведева. Осенью 2009 г. он впервые провозгласил, а затем в своей статье «Россия, вперед!» и обосновал курс на модернизацию российской экономики. Для миграционной сферы это означало, что отныне политика в области трудовой миграции будет формироваться под влиянием двух противоречивых факторов: реализации антикризисного комплекса мер по защите рынка труда от избыточной иностранной рабочей силы, с одной стороны, и потребности в иностранном, в первую очередь квалифицированном, труде – с другой.

По данным опроса, проведенного Институтом социологии РАН, после кризиса 2008 г. процент потенциальных мигрантов из России среди населения достиг в среднем 16–20 % (среди молодежи: до 25 лет – 74 %, а от 25 до 35 лет – 57 %). Наблюдается неравноценное замещение людей с высшим образованием (экономистов, математиков, врачей, программистов) мигрантами, имеющими в лучшем случае среднее специальное образование [10, с. 83].

Вплоть до 2010 г. основным инструментом обеспечения дифференцированного подхода к разным категориям трудовых мигрантов при допуске их на рынок труда было ежегодное утверждение списка профессий (специальностей) иностранных граждан, на которые квоты не распространяются. В первом варианте такого списка в 2008 г. было представлено 19 позиций, из них 15 – это директора различных категорий, а еще 4 – инженеры [1]. В утвержденном перечне профессий (специальностей, должностей) на 2014 г. насчитывается 62 позиции. В основном это руководители организаций, инженерно-технические специалисты, а также работники культуры и искусства [11].

В 2009 г. был подготовлен законопроект, который, помимо всего прочего, предусмат-

ривал вычленение из общего потока трудящихся-мигрантов высококвалифицированных специалистов. В мае 2010 г. был принят федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Согласно этому закону, высококвалифицированный специалист (с зарплатой не менее 2 млн рублей в год), приехавший в РФ по приглашению работодателя, может оформить разрешение на работу вне квоты и сразу на три года, причем с возможностью продления неограниченное количество раз. Также он, как и члены его семьи, могут не вставать на миграционный учет по месту пребывания в течение 90 дней после приезда в Россию, свободно передвигаться по стране и жить в ней с членами семьи.

Можно выделить еще несколько важных положений закона. Если контракт заключен более чем на полгода, то уже с первого дня работник считается налоговым резидентом и платит соответственно не 30, а 13 % подоходного налога. В случае расторжения договора специалист еще месяц может искать себе нового работодателя – разрешение на работу, виза и вид на жительство все это время будут действительными.

Помимо этого законом предусмотрен механизм, при котором специалист может заявить о себе сам и въехать в страну, получив для этого визу в упрощенном порядке на основании письменного предложения потенциального работодателя о проведении соответствующих переговоров [10, с. 83].

Для работодателя, нанимающего такого высококвалифицированного специалиста, также имеются свои плюсы: он освобождается от необходимости получения разрешения на привлечение и использование иностранных работников, а приглашение на въезд в РФ нужного работника может оформить вне установленной квоты [1].

Новым в миграционной политике последних лет стало уделение особого внимания проблемам интеграции и адаптации приезжающих в Россию трудовых мигрантов.

В законодательной сфере это выразилось принятием в октябре 2012 г. поправок к закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые требуют, чтобы иностранцы подтверждали знание русского языка. Пока поправка коснулась только тех, кто намерен работать в системе ЖКХ, торговли и бытового обслуживания. Однако вскоре планируется распространить это требование абсолютно на всех иностранных работников, независимо от страны исхода, в том числе и на граждан Украины [10, с. 76].

Кроме того, в 2012 г. была опубликована Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Однако по-настоящему важным событием стала разработка проекта закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Документ впервые закрепил основные понятия, необходимые для обеспечения деятельности в области адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации, такие как «социальная и культурная адаптация иностранных граждан», «социальная и культурная интеграция иностранных граждан», «адаптационный контракт», «интеграционный контракт», «инфраструктура для адаптации и интеграции иностранных граждан», «центр социальной адаптации и интеграции», определил функции и полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области адаптации и интеграции мигрантов, а также права и обязанности иностранных граждан в данной сфере [12].

Несмотря на общую положительную оценку, составителям законопроекта все-таки не удалось избежать некоторой расплывчатости в формулировках. Так, например, не очень понятно, что называется «уважением к государственному языку Российской Федерации». Тем не менее документ является очень актуальными и при дальнейшей разработке и уточнении может сыграть важную роль в совершенствовании миграционной политики.

Таким образом, в становлении миграционной политики современной России можно выделить несколько этапов. В период с 1997 по 2002 г. была демонтирована старая система управления, а также сформирована нормативная база новой политики. С 2002 по 2006 г. был получен первый опыт регулирования трудовой миграции. Однако жесткие ограничительные меры привели к увеличению сектора

незаконной занятости и коррупции. В рамках третьего этапа – с 2007 по 2009 г. – четко видны две стадии: докризисная (2007) и кризисная (2008–2009). Либеральный подход к проблемам миграции, характерный для докризисной стадии, сменился сокращением допуска мигрантов на российский рынок труда в рамках антикризисных мер 2008–2009 гг. Что касается современного этапа, то он во многом связан с курсом на общую модернизацию российской экономики. В рамках данного курса был создан канал привлечения необходимых стране высококвалифицированных кадров путем дифференцирования трудового потока, а также впервые обращено серьезное внимание на проблему адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Градировский С.Н.** Политика репатриации и трудовой миграции в современном российском государстве // Рус. архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru (дата обращения: 15.03.2014).

2. **Вышегородцев М.М.** Деятельность Межведомственной рабочей группы по проблемам миграции // Право и безопасность. 2002. № 4 (5). URL: http://dpr.ru (дата обращения: 29.03.2014).

3. **Указ** Президента РФ от 23.02.2002 г. № 232 «О совершенствовании государственного управления в области миграционной политики» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.04.2014).

4. **Федеральный** закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Там же (дата обращения: 20.04.2014).

5. **Вступительное** слово на заседании Совета безопасности по миграционной политике // Президент России. Офиц. сайт. URL: http://archive.kremlin.ru (дата обращения: 27.04.2014).

6. **Неужели** поворачивать назад? Директор ФМС России Константин Ромодановский считает невозможным возврат к запретам в миграционной политике // Рос. газ. 2007. 7 ноября. URL: www.rg.ru (дата обращения: 27.04.2014).

7. **Приказ** ФМС России № 36 от 26 февраля 2009 г. «О некоторых вопросах выдачи разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы» // Там же. 2009. 11 апреля. (дата обращения: 27.04.2014).

8. **Состав** Правительственной комиссии по миграционной политике // Офиц. сайт ФМС России. URL: http://www.fms.gov.ru (дата обращения: 27.04.2014).

9. **Положение** о Правительственной комиссии по миграционной политике // Там же.

10. **Стрельцова Я.** Президентские выборы во Франции и России: проблемы иммиграции и идентичности // Мировая экономика и междунар. отношения. 2012. № 9. С. 75–89.

11. **В РФ** определен перечень профессий, по которым иностранцы могут работать вне квот // Росбалт. 2014. 1 января. URL: http://www.rosbalt.ru (дата обращения: 27.04.2014).

12. **Проект** федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» // Офиц. сайт ФМС России. URL: http://www.fms.gov.ru (дата обращения: 27.04.2014).

K.V. Zaytseva

STAGES IN DEVELOPMENT OF RUSSIAN MIGRATION POLICY

ZAYTSEVA Kseniya V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: xiniya-regionoved2010@ya.ru

The article traces the stages of Russian migration policy development and analyzes their content. Special attention is paid to legislative and institutional framework of migration policy, as well as to their development caused by the declaration of economical modernization and rising interest in adaptation and integration problems.

MIGRATION POLICY; RUSSIA; LABOUR MIGRATION; DEVELOPMENT STAGES; LEGISLATIVE FRAMEWORK; INSTITUTIONAL SYSTEM.

REFERENCES

1. Gradirovskiy S.N. [Repatriation and labour migration policy in modern Russian state]. *Russkiy Arkhipelag*. Available at: http://www.archipelag.ru (accessed 15.03.2014).

2. Vyshegorodtsev M.M. [Activities of the Interdepartmental Working Group in the field of migration]. *Pravo i bezopasnost'*, 2002, no. 4 (5). Available at: http://dpr.ru (accessed 29.03.2014). (In Russ.)

3. [The presidential decree from 23.02.2002 No. 232 "About improvements in public administration in the field of migration policy"]. *KonsultantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru (accessed 20.04.2014).

4. [The Federal law from 25.07.2002 No. 115-FZ "About legal status of foreigners in the Russian Federation"]. *KonsultantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru (accessed: 20.04.2014).

5. [Foreword on the security council session about the migration policy]. *The President of Russia*. Official website. Available at: http://archive.kremlin.ru (accessed 27.04.2014).

6. [Should we go back? The head of the Russian FMS thinks it's impossible to return to prohibitive measures in migration policy]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2007. November 7. Available at: www.rg.ru (accessed 27.04.2014). (In Russ.)

7. [The FMS order No. 36 from the 26th of February 2009 "About some questions concerning problems of issuance of the work permission for people arriving to the Russian Federation without a visa"]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2009, April 11. Available at: www.rg.ru (accessed 27.04.2014). (In Russ.)

8. [The state migration committee]. FMS official website. Available at: http://www.fms.gov.ru (accessed 27.04.2014).

9. [The law about the state migration committee]. FMS official website. Available at: http://www.fms.gov.ru (accessed 27.04.2014).

10. Streltsova Ya. [President elections in France and Russia: immigration and identity problems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [Global economy and international relations], 2012, no. 9, pp. 75–89 (In Russ.)

11. [The list of non-quota jobs in the Russian Federation]. *Rosbalt*, 2014, January 1. Available at: http://www.rosbalt.ru (accessed 27.04.2014).

12. [The draft federal law "About social and cultural adaptation and integration of foreigners in the Russian Federation"]. FMS official website. Available at: http://www.fms.gov.ru (accessed 27.04.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 327.7

Д.В. Стафеев

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ

СТАФЕЕВ Дмитрий Валерьевич – *аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.*
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: stafeevdmitry@yandex.ru

В условиях глобализации международное спортивное движение подвергается систематическим структурным изменениям, в связи с чем наряду с положительным эффектом (выработка единой системы управления, способствование преодолению глобальных вызовов и т. д.) в спортивной сфере наблюдаются политизация и коммерциализация. Международные спортивные организации приобретают реальную политическую власть, а сам спорт становится механизмом достижения различных политических целей. В статье с помощью методов институционального анализа международного спортивного движения, интенционного анализа политического процесса и сравнительно-исторического анализа Олимпийских игр дана оценка вызовам, возникающим перед международным спортивным движением в результате его политизации.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ; ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ; ОЛИМПИЙСКАЯ ХАРТИЯ; СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ; ПОЛИТИЗАЦИЯ СПОРТА; ИМИДЖ.

Спорт, как и любой другой вид человеческой деятельности, выходящий за границы конкретного государства, испытывает на себе воздействие глобализации. Крупнейшие международные спортивные организации, такие как Международный олимпийский комитет (МОК) и Международная федерация футбола (ФИФА), имеют серьезное влияние в мире и контролируют мощнейшие финансовые потоки. Ни одна другая организация, кроме МОК и ФИФА, не предоставляет практически всем государствам мира такого права, как право участия в Олимпийских играх или чемпионатах мира по футболу, и такой площадки для выступления. Возникающие государства очень быстро включаются в международное спортивное движение (что доказывает пример бывшей Югославии). Создав в 2004 году департамент по спорту, Ватикан также признал значимость спорта в современном мире. Спорт пересекает границы, культуры, языки и социально-экономические различия, он глобален по своей природе. При этом на практике в спортивной сфере регулярно наблюдаются проявления глобализационных процессов. С одной стороны, ее деятельность заметно облегчается с созданием унифицированных правил для всех стран, упрощением таможенных и визовых барьеров, общим признанием необходимости сотрудничества во всех сферах, в том числе спортивной. С другой стороны, международные спортивные организации, получающие финансирование из различных источников (ТНК, СМИ, политические силы), теряют свою независимость и становятся инструментом выражения интересов определенных государств и транснациональных корпораций. Данная тенденция является последствием возрастания роли культуры (и спорта как ее неотъемлемой части) во внешней политике государств. Спорт все больше превращается в орудие политического и экономического давления, и во многих крупных спортивных решениях (например, выбор места проведения Олимпийских игр) явственно читается политический подтекст.

Попробуем оценить влияние политических факторов на развитие международного спортивного движения с помощью его институционального анализа. Для определения мотивов политического поведения акторов используем

интенционный метод анализа политического процесса, т. е. анализ намерений субъектов. Помимо этого, будет использован сравнительно-исторический анализ Олимпийских игр, при организации и проведении которых политические факторы играли ключевую роль.

Олимпийские игры, будучи одним из наиболее масштабных мероприятий современности, уже сами по себе являются следствием глобализации. При этом они стимулируют и подстегивают многие глобализационные процессы. Возникает интересная ситуация, при которой Олимпийские игры в современном формате становятся одновременно причиной и следствием глобализации. Очевидно, выход на глобальный уровень был бы невозможен без соответствующего уровня развития средств массовой информации, имеющих сегодня широкие технические возможности по продвижению бренда Олимпийских игр. Именно при помощи СМИ во всем мире пропагандируется объединяющая роль Олимпийских игр, их роль в развитии общечеловеческих ценностей, идеалы мира и добрососедства. Атмосфера дружбы и гармонии, сопровождающая Игры, способствует появлению глобальной идентичности, космополитичности, ощущению принадлежности ко всему человечеству. Подобному мировосприятию способствует и ключевой лозунг олимпийского движения «Главное – не победа, а участие», распространяющий идею неантагонистического соперничества. По мнению многих авторов, именно Олимпийские игры могут стать отправной точкой для распространения новой глобальной системы ценностей, во главе которых будут стоять гуманизм и пацифизм [21].

Даже если не рассматривать долгосрочные эффекты, а обратиться к крупным турнирам лишь на время их проведения, уже можно увидеть положительные социальные, культурные, экономические и другие последствия. За месяц проведения Олимпийских игр или чемпионатов мира по видам спорта десятки сборных команд и тысячи болельщиков со всего мира путешествуют по принимающей стране, знакомятся с местной культурой, создают новые трансграничные социальные связи, привносят элементы своей культуры в жизнь местных сообществ. Сами спортсмены, перемещаясь в рамках соревнований из одной страны в другую, представляют собой некое мини-интернациональное неформальное сообщество, большую международную семью, где все хорошо друг друга знают, соревнуются исключительно в рамках спортивной борьбы и распространяют принципы толерантности и взаимоуважения [23]. Положительный политический эффект может достигаться и посредством активности болельщиков на стадионе, так как с помощью СМИ их политические акции и баннеры транслируются по всему миру, идеи приобретают глобальный масштаб и популярность. Так, во время чемпионата мира по футболу 2002 года в Южной Корее и Японии болельщики корейской команды вывесили на трибунах огромный баннер, косвенно призывающий к объединению с КНДР, что свидетельствует об общих настроениях в корейском обществе. В качестве другого примера приведем прошедший в Сербии в 2011 году товарищеский футбольный матч между сербской «Црвеной Звездой» и санкт-петербургским «Зенитом», на котором присутствовал премьер-министр РФ В. Путин. Сербские болельщики встретили политика продолжительными аплодисментами, файер-шоу, плакатами с его изображениями и баннерами с политическими призывами о помощи, обращенными к России [14]. Напротив, при проведении отдельных соревнований во время Олимпийских игр в Сочи были попытки вывесить на трибунах украинские флаги и баннеры с антироссийской риторикой. Таким образом, крупные международные соревнования зачастую служат площадкой для политических призывов и демонстрации политических взглядов той или иной группы населения.

Внутриполитическая оппозиция в любом государстве также рассматривает проведение масштабных спортивных мероприятий на территории страны как возможность вывести свои идеи на глобальный уровень. Многочисленные визиты оценочных комиссий, представителей международных спортивных организаций в преддверии соревнований, широко освещаемые СМИ, сопровождаются массовыми акциями протеста, в которых участвуют как оппозиционеры, так и антиглобалисты, и простые граждане, протестующие против проведения спортивных мероприятий в их городе.

Как бы парадоксально ни прозвучала данная мысль, но крупные международные со-

ревнования (к примеру, Олимпийские игры), помимо позитивного эффекта в виде объединения людей по всему миру, несут в себе отчетливый разделяющий национальный признак. Действительно, Олимпийские игры являются площадкой для демонстрации превосходства одной нации над другой, взывая к принципу суверенитета и к патриотическим и даже националистическим чувствам среди населения. Этому способствуют национальные флаги, гимны, итоговые рейтинги стран-участниц. СМИ принимают активное участие в формировании национального аспекта с целью повышения внимания к мероприятию в мире и соответственно повышения в результате его проведения прибылей. Именно в сфере международного спорта сегодня формируются наиболее сильные националистические тенденции в мире. Таким образом, возникает ситуация, при которой глобализм и национализм идут рука об руку, являясь неотъемлемыми характеристиками Олимпийских игр.

Связь спорта с политикой, и в частности с национализмом, становится все более отчетливой и вместе с тем сложной в последние годы глобализации. С другой стороны, национализм всегда был присущ большому спорту и являлся одним из его смыслов. Согласно распространенной точке зрения, благодаря масштабным спортивным мероприятиям развивается не чувство единения и взаимопонимания среди членов мирового сообщества, а принципы капитализма и образцы потребления. Можно согласиться с тем, что глобализация действительно не способствует снижению уровня спортивного национализма, выходящего впоследствии за рамки спортивных мероприятий. Национализм является механизмом защиты от агрессивно навязываемых принципов интернационализма, интеграционных и унифицирующих тенденций, возникающих в результате глобализации. В качестве примера А. Томлинсон приводит церемонии открытия Олимпийских игр, построенные на подчеркивании национальных особенностей принимающего государства [25, с. 591]. В каждом государстве, ведущем трансляции Игр на своей территории, при освещении событий акцент ставится на собственную страну, а при помощи грамотных комментариев создается патриотический (зачастую переходящий в националистический) настрой у телеаудитории. А поскольку СМИ усиленно создают образ Игр как глобального мероприятия, «фестиваля в глобальной деревне» [21, с. 12], получается, что глобализация в контексте Олимпийских игр служит средством расширения аудитории для пропаганды совершенно других ценностей. Стоит отметить, что данные методы чаще находят применение в государствах с недемократическими политическими режимами.

Таким образом, в отношении данного вопроса напрашивается вывод, что национализм и глобализация (в спортивной сфере) не являются взаимоисключающими процессами и проходят параллельно. Комментируя данную ситуацию, Дж. Магуаер выдвигает теорию оси «глобальное – локальное – национальное», подразумевающую усиление местной и национальной идентичности в рамках глобализационных процессов [22, с. 259]. Помимо национальной идентичности, спорт создает в мире новые линии разлома. На крупных турнирах на первое место зачастую выходит политическая, религиозная или культурная идентичность, переходящие национальные границы. Так, начиная с 2004 года Иран официально отказался соревноваться со спортсменами, представляющими Израиль, в отдельных видах спорта [23]. Подобное развитие событий может приветствоваться разве что радикальными исламистами и никак не способствует распространению олимпийских идеалов. Сквозь призму глобального единства, одним из символов которого являются Олимпийские игры, легко просматривается стремление каждого государства подчеркнуть свою национальную идентичность.

Политическая власть, сосредоточенная в руках международных спортивных организаций, также является предметом нашего исследования и примером политизации спортивной сферы. Глобальная экономика представляет собой сложную структуру, важной частью которой являются спортивные услуги, продукты, символы и система ценностей. Вся эта структура регулируется набором иерархически расположенных организаций, возглавляемых глобальными спортивными организациями, такими как МОК или ФИФА. Несмотря на то что в руках таких организаций сосредоточены колоссальные финансовые потоки, человеческие ресурсы и вследствие этого политические возможности, в научной литературе им отводится довольно

скромная роль в качестве субъектов глобального управления. Подобные международные спортивные организации глобального уровня входят в число международных неправительственных организаций и являются управляющими органами в своих видах спорта, осуществляя законодательные, исполнительные и судебные функции. Изначально они появились как некоммерческие организации, ставящие перед собой цели защиты интересов видов спорта и организации мероприятий. Однако сегодня такие организации получают многомиллиардные прибыли и управляют серьезными денежными потоками, что делает их серьезными игроками в сфере международных отношений.

По сути, международные спортивные организации стали напоминать транснациональные корпорации. Сегодня их статус некоммерческих организаций вступает в конфликт с реальными возможностями получения колоссальных прибылей. Принимая во внимание тот факт, что финансовый аспект зачастую предопределяет широту политических амбиций субъекта, резонно встает вопрос о степени влияния международных спортивных организаций на международные процессы и политической легитимности их действий. Данные организации обладают властными полномочиями, под которыми понимается тот факт, что управляемые объекты воспринимают исходящие от них указания как правомерные и обязывающие к исполнению. Важной особенностью легитимности власти международных спортивных организаций является то, что она основана на общем признании их финансового могущества и способности (вследствие этого) действовать эффективно, а не на основании юридического права [20, с. 1]. Подобные организации представляют собой еще одну площадку для трансграничного взаимодействия мировых элит.

Таким образом, современные международные спортивные организации являются весомыми игроками на международной арене и оказывают серьезное влияние на принятие многих политических, экономических и культурных решений. Это стало возможным благодаря общему росту значения спорта в глобализирующемся мире, его тесной связи со СМИ и ТНК, позволяющей преподносить любое событие в нужном свете, колоссальным человеческим ресурсам и серьезной капитализации, в результате которой под контролем подобных организаций находятся значительные финансовые потоки. Известны случаи, когда международные спортивные организации оказывали воздействие на внутреннюю политику целых государств. Так, в разное время были исключены или находились под угрозой исключения из ФИФА за вмешательство политиков в деятельность национальных футбольных органов Украина, Ирак, Нигерия. Ситуация менялась только после принятия важных политических решений на уровне руководства этих стран и официальных извинений в адрес ФИФА [9]. Крупные международные спортивные организации имеют свою позицию по многим вопросам международных отношений, пропагандируют свою систему ценностей, отстаивают свои интересы. Другими словами, их деятельность вышла на новый, глобальный уровень, сопряженный с новыми возможностями, а также вызовами и угрозами.

Даже учитывая степень их влияния в современном мире, международные спортивные организации зачастую вынуждены принимать решения под давлением более влиятельных политических сил, от которых напрямую зависит их деятельность и финансовое благосостояние. Так, в августе 2011 года в Международном спортивном арбитражном суде в Лозанне был вынесен положительный вердикт в результате слушаний об отмене 45-й статьи Олимпийской хартии, запрещавшей спортсменам, уличенным в применении допинга и дисквалифицированным более чем на полгода, участвовать в двух последующих Олимпийских играх подряд [10]. Международный олимпийский комитет, хоть и выразил свое разочарование и несогласие с таким решением, не стал его оспаривать и принял к исполнению [7]. Причина кроется в том, что инициатором отмены 45-й статьи выступили США, недовольные дисквалификацией своего легкоатлета Л. Меррита и перспективой пропуска им Олимпийских игр. Учитывая, что главными инвесторами МОК являются именно американские компании, у него не было механизмов воспрепятствования данному решению без риска потери части финансирования. До активного вмешательства американской стороны подобного решения пытался добиться Олимпийский комитет России, но у него не оказалось серьезных рычагов воздействия на МОК для отмены 45-й статьи Олимпийской хартии.

Данная ситуация лишний раз подчеркивает степень вовлеченности спорта в глобализационные процессы, его политизированность, взаимозависимость профессионального спорта, международных спортивных организаций, крупного бизнеса и национальных интересов.

Спорт зачастую используется государствами в имиджевых и пропагандистских целях. Организовывая на своей территории глобальные фестивали уровня Олимпийских игр, государство идет на серьезные финансовые вложения и определенные риски, обосновывая их необходимостью сделать свой вклад в развитие спортивного движения и распространение мира. В действительности нередко на первое место выходят задачи привлечения внимания и вследствие этого инвестиций в государство, создание благоприятного имиджа, самоутверждения на международной арене и т. д. Организаторы Игр получают ни с чем не сравнимое по широте охвата освещение жизни страны во всех мировых СМИ на протяжении минимум трех недель. Более пристальное внимание к стране привлекают только войны и природные катастрофы национального масштаба.

В качестве примеров использования Олимпийских игр в политических целях рассмотрим Игры 1936 года в Берлине и Игры 2008 года в Пекине.

Классикой использования спортивного мероприятия в имиджевых целях стал фильм Лени Рифеншталь 1938 года «Олимпия». Данный фильм вошел в число шедевров мирового кинематографа и, по сути, стал одним из символов нацистского режима на долгие годы. Будучи крайне талантливым режиссером, Рифеншталь пользовалась большим уважением среди лидеров нацистского режима, что, безусловно, помогало ей в реализации своего потенциала и карьерном росте. Ее нельзя обвинять в пособничестве нацистам, поскольку она искренне ценила Гитлера и слишком поздно поняла губительность идей, которые сама помогала распространять [8]. Непосредственно в фильме «Олимпия» следует отметить безупречную режиссерскую работу, новейшие на тот момент достижения в области операторской работы и специальных эффектов, идеально подобранное музыкальное и шумовое сопровождение. Несмотря на то что в фильме нет прямой пропаганды фашизма и нацизма, «фашистская эстетика» и идея превосходства арийской расы неуловимым образом проходят красной нитью через весь фильм. Это проявляется и в идее прямой преемственности Германией олимпийского духа от Древней Греции, и в величественном показе побед немецких атлетов, и в связи этих побед с речами Гитлера и т. д. [13]. При этом стоит отдать должное Л. Рифеншталь: она не обошла своим вниманием победы спортсменов из других стран, в том числе темнокожих, что добавило фильму популярности за рубежом, в том числе в США. Лишь после еврейских погромов в Германии фильм был приравнен к пропаганде фашизма и запрещен к показу в западных странах.

Германия эффективно использовала Игры, чтобы смягчить критику, обрушившуюся на государство в связи с нацистским режимом, и ввести мировое сообщество в заблуждение. По сути, Гитлер, открывавший Олимпийские игры, стал первым, кто осознал, какое идеологическое влияние они могут оказать на мировое сообщество. Сборная Германии выиграла общекомандный зачет, оправдав его идею по демонстрации физического превосходства арийской расы [2]. Изначально Гитлер не планировал привлекать международное внимание к своему режиму, однако министр пропаганды Й. Геббельс убедил его в необходимости использовать Игры в качестве площадки для пропаганды фашизма. Выбор места проведения Игр и их организация сопровождались скандалами. Параллельно с широкой кампанией в СМИ на тему того, как безопасно и спокойно жить в Германии при нацистском режиме, в сборной Германии шла чистка по расовому признаку, а организаторы составляли списки иностранных спортсменов, которые не будут допущены к соревнованиям на основе расовых признаков. В связи с начавшимися в Германии притеснениями евреев МОК созвал конференцию в Париже на тему потенциального переноса Игр в Барселону, однако после посещения специальной комиссией Германии от этой идеи решено было отказаться. МОК официально признал ошибочность данного решения спустя 18 лет после проведения Игр [1].

Руководству Германии удалось ввести мировое сообщество в заблуждение и создать гостеприимный, доброжелательный имидж государства и режима. В этом им помогли кра-

сочная церемония открытия, успешное проведение непосредственно спортивной части, грамотная работа СМИ, публичные выступления официальных лиц, временное прекращение этнических чисток и антиеврейских лозунгов [17]. В результате личный авторитет Гитлера существенно поднялся, а образ режима улучшился. Это, а также мощная пропаганда помогли привлечь в экономику Германии крупных инвесторов. Среди причин, по которым Гитлер пошел на проведение Игр, можно выделить необходимость закрепления на международной арене экономических успехов государства, только что преодолевшего «великую депрессию» 1929–1933 годов и справившегося с невиданным уровнем безработицы [19].

Немецкие власти пытались даже изменить правила игры в футбол, издавая государственные директивы на тему того, что для придания игре максимальной агрессивности, свойственной арийской расе, следует практически отказаться от игры в обороне. Данные требования укладываются в общую теорию руководства Германии о том, что предназначение профессионального спорта – это в первую очередь подготовка первоклассных солдат из числа спортсменов [5].

Китай потратил на организацию Олимпийских игр в 2008 году 40 млрд долларов с целью «раскрутить» бренд КНР, продемонстрировать свои экономические, финансовые и спортивные возможности, доказать, что Китай является сверхдержавой [23]. Специалисты отмечают множество сходств в организации пекинских Игр и Олимпиады в Берлине 1936 года. Помимо схожих пропагандистских целей по внешнему облагораживанию политического режима, Игры в Китае также сопровождались внутренними скандалами, которые тщательно скрывались китайскими СМИ. Нарушение прав народов Тибета, массовые депортации населения из зон строительства олимпийских объектов влекли за собой демонстрации и акции протеста по всему миру. Согласно заявлениям критиков китайского режима, использование СМИ в Китае во время проведения Игр не отличалось от использования СМИ Гитлером в аналогичный период [18].

В целом проведение Олимпийских игр было необходимо для Китая именно в этот период. Перед государством стоит задача войти в элиту мирового сообщества в статусе равноправного партнера, развитого государства, и Олимпийские игры могут помочь в выстраивании нового имиджа. КНР уже входит в Совет Безопасности ООН и занимает одно из ведущих мест в мировой экономике, однако именно способность организовать масштабные спортивные мероприятия зачастую является индикатором глобальности государства. Так, на новый уровень восприятия в глазах мировой общественности за счет приобретения прав на организацию чемпионатов мира по футболу в последние годы вышли ЮАР (2010), Бразилия (2014), Катар (2022) [23] и Россия (2018). Перед Китаем всерьез стоит проблема нарушений прав человека, массовой бедности населения, однако в связи с высокой степенью интегрированности КНР в мировую политику и экономику никто из лидеров ведущих стран не стал портить с Китаем отношения, устраивая демонстративный бойкот мероприятия. Лишь Б. Обама и Н. Саркози высказали устное порицание происходивших в Китае накануне Игр событий [16]. За счет проведения Игр Компартия Китая пыталась добиться легитимации собственного режима в глазах населения страны.

В качестве еще одного примера проведения Олимпийских игр в имиджевых целях можно назвать Игры 1988 года в Сеуле. Во-первых, Игры сопровождались массой реваншистских публикаций в отношении Японии, имевшей статус метрополии по отношению к Корее с 1910 по 1945 год. На церемонии открытия и в ходе Игр всячески подчеркивались независимость корейского государства, сильное чувство национальной идентичности его народа и сила некогда существовавшего движения сопротивления колонизаторам. Во-вторых, при освещении Игр делался серьезный акцент на их роли в общемировой истории. Согласно южнокорейским СМИ, именно Игры в Сеуле положили конец холодной войне и приблизили мир к «концу истории». Согласно заявлениям официальных лиц Южной Кореи, Игры стали эпохальным событием, признанием значимости государства в мире [21].

Профессиональный спорт в имиджевых политических целях может использоваться не только государствами, но и отдельными политическими деятелями. При помощи грамотных PR-кампаний и определенных финансовых

вложений можно существенно расширить свой потенциальный электорат за счет спортивных болельщиков. Так, один из наиболее успешных и популярных клубов в истории мирового футбола – итальянский «Милан», обладающий многомиллионной армией болельщиков по всему миру, ассоциируется в первую очередь с именем своего президента, экс-премьер-министра Италии С. Берлускони. Политик и медиамагнат, Берлускони купил «Милан» в 1986 году и привел клуб к новым вершинам, завоевав с ним более 30 титулов за 26 лет. Подобные колоссальные успехи серьезным образом изменили политическую конъюнктуру в Италии. Болельщики «Милана» (9 млн человек), прежде традиционно голосовавшие за коммунистов, стали безоговорочно поддерживать Берлускони, обеспечивая ему победы на любых выборах [3]. Другим примером использования профессионального спорта в личных политических целях можно назвать усилия В. Путина по спасению футбольного клуба «Томь» в начале предвыборной президентской кампании 2012 года. Используя рычаги воздействия на крупный бизнес, премьер-министр обязал «Роснефть» и «Газпромнефть» участвовать в финансировании находящегося на грани банкротства ФК «Томь», чем вызвал волну одобрения среди населения в Сибири [11].

Директор Американского центра публичной дипломатии Ф. Сейб считает, что доверие – крайне важное понятие для политики, поэтому вовлеченные в политическую деятельность люди стараются найти партнеров среди известных спортсменов, имеющих чистую репутацию и популярность среди населения [24]. Ассоциирование политика, партии или целой страны с успехами определенного спортсмена или команды может принести первым немало дивидендов. Спортивная дипломатия, зародившаяся в 1970-е годы, призвана как раз переносить позитивное восприятие и почитание спортсменов на политический уровень. По сути, спорт является отличным средством международного распространения информации, репутации и отношений, что и является сутью публичной (спортивной) дипломатии. Если проанализировать объем средств, вкладываемых в спорт во всем мире, можно убедиться, что каждое государство в мире рассматривает его как инструмент собственной внешней политики. Интерес к спорту в мире и внимание аудитории намного превышают интерес к политическим новостям и даже кинематографу, что характеризует колоссальные пропагандистские возможности спорта.

Изначально, еще во времена Древней Греции, главной идеей Олимпийского движения являлся пацифизм, стремление к прекращению конфликтов хотя бы на время проведения мероприятия. Олимпийское перемирие, в результате которого вооруженные конфликты должны плавно перетечь в соперничество на беговых дорожках и стадионах, являлось ключевой задачей барона Пьера де Кубертена, возродившего идею проведения Олимпийских игр в конце XIX века. Особое значение эта идея приобрела в эпоху холодной войны, когда обе стороны противостояния использовали спорт как мощнейшее оружие пропаганды превосходства своего политического строя. Вся вторая половина XX века прошла под эгидой спортивных баталий между представителями соцлагеря и капиталистического Запада, а каждая победа или неудача несла в себе гораздо большее значение, нежели просто спортивный результат. Победы преподносились обеими сторонами как доказательства превосходства собственного общественно-политического строя, а поражения – как недоразумение либо как результат махинаций со стороны соперника. Венец противостояния – бойкот Олимпийских игр 1980 года в Москве со стороны западных капиталистических держав, включая США, Великобританию, ФРГ и др. Официальной причиной бойкота стал ввод вооруженных сил СССР в Афганистан. В ответ страны соцлагеря проигнорировали Олимпийские игры 1984 года в Лос-Анджелесе, обосновав свой отказ недостаточным уровнем обеспечения безопасности в США [4]. В результате этих политических акций общий уровень спортивного соперничества на обеих Олимпиадах значительно снизился, а пострадали в первую очередь болельщики и спортсмены. Интересным в контексте данного обоюдного бойкота выглядит мнение советского автора П.С. Степового о причинах бойкота Игр со стороны СССР. Согласно его позиции, советский спорт отличается от буржуазного чистотой помыслов, доступностью для масс и свободой от какой-либо идеологии. В США же спорт связан с политикой и является ее инстру-

ментом, поэтому советские спортсмены, верные принципам Олимпизма, были вынуждены пропустить Игры в знак протеста [15, с. 128].

Если взглянуть пристальнее на другие Олимпийские игры, выяснится, что они редко обходились без политических скандалов и бойкотов. По разным причинам Игры 1988 года в Сеуле пропустили Северная Корея, Куба, Никарагуа и Эфиопия [6], Игры 1976 года бойкотировали 26 государств Африки и Карибского бассейна [12], Олимпиаду 1956 года в Мельбурне пропустили Египет, Ирак, Ливан, Нидерланды, Испания и Швейцария [Там же]. Менее крупные политические скандалы выходили на первый план на Играх в Лондоне (1904), Хельсинки (1952), Токио (1964).

Таким образом, можно подвести некоторые итоги политизации международного спортивного движения как одного из последствий глобализации. Во второй половине XX века появилось осознание того, что не только традиционная дипломатия может быть средством достижения внешнеполитических целей государства. Термин «публичная дипломатия» отражает использование в политических целях культурных, спортивных, социальных мероприятий. В 1970-х годах возникло понятие «спортивная дипломатия», подразумевающее проникновение политики в спортивную сферу. Государства научились использовать глобальные спортивные мероприятия для легитимации собственного режима, пропагандистских целей, улучшения имиджа страны, привлечения новых инвестиций. С целью достижения политических целей и демонстрации своей позиции по отдельным вопросам использовались бойкоты спортивных мероприятий на территории недружественного государства и акции по их дискредитации. С развитием СМИ данные тенденции усиливались, благодаря трансляциям на весь мир стало возможным использовать спортивные площадки для демонстрации своих политических воззрений. Этим приемом активно пользуются целые государства, разворачивающие широкие пропагандистские кампании в СМИ, группы болельщиков, вывешивающие баннеры с призывами во время телетрансляций, и отдельные политики, заручающиеся поддержкой популярных спортсменов.

Статус и роль международных спортивных организаций в современном мире являются еще одним свидетельством глобализации международного спортивного движения. Сегодня они полноценные субъекты глобального управления, в их руках сосредоточены серьезные финансовые потоки, человеческие ресурсы и вследствие этого политические возможности по осуществлению исполнительных, законодательных и судебных функций. Несмотря на некоммерческий статус, колоссальные прибыли ставят международные спортивные организации в один ряд с транснациональными корпорациями по степени влияния в системе международных отношений. Однако выход их деятельности на глобальный уровень сопряжен с новыми рисками и подводными течениями. Например, резко возросла зависимость таких организаций от государств и корпораций, вносящих основной вклад в их финансирование. В соответствии с интересами последних могут меняться уставы международных спортивных организаций, регламенты проведения турниров и отдельные правила.

Следует отметить также националистические тенденции, которые усиливаются в рамках глобализационных процессов. Помимо объединяющей функции, спорт несет в себе новые политические, экономические, социальные и религиозные линии разлома. Крупные спортивные состязания пробуждают дух соперничества между нациями, а национальные атрибуты (флаги, гимны, итоговые рейтинги) лишь подчеркивают признаки суверенитета. Каждое государство старается использовать эту особенность в своих интересах, прививая населению патриотические и даже националистические настроения, дополняя подобную политику традиционными заявлениями об олимпийских идеалах и неантагонистическом соперничестве. По сути, национализм, выходящий впоследствии за рамки спортивных мероприятий, является механизмом самозащиты государств от агрессивно навязываемых принципов унификации и интернационализма, сопровождающих глобализационные процессы. Поэтому в том, что глобализация и национализм идут рука об руку в спортивной сфере, нет ничего удивительного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Базунов Б.** Сенсации и скандалы XX века. М.: Терра-Спорт, 2000. 288 с.

2. **Берлин-**1936 // Пекин-2008. URL: http://www.games08.ru/history/2774463.shtml (дата обращения: 09.10.2014).

3. **История** успеха Сильвио Берлускони // Конструктор успеха. URL: http://constructorus.ru/istorii-uspeha/istoriya-uspeha-silvio-berluskoni.html (дата обращения: 13.10.2014).

4. **История** Олимпийских игр. Лос-Анджелес-1984 // Olymp – Champion. URL: http://www.olimp-champion.ru/history/summer/198/ (дата обращения: 13.10.2014).

5. **Космарский А.** Блицкриг на футбольном поле // Лента. URL: http://lenta.ru/articles/2014/09/17/footballblitz/ (дата обращения: 09.10.2014).

6. **Мармер Э.** Коммерческий дух Олимпийских игр // Актуально о Германии. URL: http://www.rusverlag.de/index.php?mact=Archive,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=813&cntnt01relid=51&cntnt01mag_id=1&cntnt01_pagenumber=2&cntnt01returnid=60 (дата обращения: 13.10.2014).

7. **МОК** разочарован отменой 45-го правила Олимпийской хартии, предусматривавшего дисквалификацию спортсмена за допинг // ИТАР-ТАСС. 2011. URL: http://www.itar-tass.com/c11/241698.html (дата обращения: 22.10.2014).

8. **Никитинская Е.** Лени Рифеншталь // Люди. URL: http://www.peoples.ru/art/cinema/producer/riefenstahl/history4.html (дата обращения: 13.10.2014).

9. **Петровский П.** ФИФА поставила ультиматум Украине // Рос. газ. 2011. № 5389.

10. **Пресс-релиз** решения спортивного арбитражного суда в Лозанне от 6 октября 2011 г. // Офиц. сайт Международного спортивного арбитражного суда в Лозанне. URL: http://www.tas-cas.org/d2wfiles/document/5315/5048/0/Media20Release20EN20%282011.10.06%29.pdf (дата обращения: 13.10.2014).

11. **Путин:** «Финансировать „Томь" готовы „Роснефть" и „Газпромнефть"» // Евроспорт. URL: http://www.eurosport.ru/football/russian-premier-league/2011-2012/story_sto3125108.shtml (дата обращения: 13.10.2014).

12. **Рейнольдс П.** От Берлина до Пекина: история олимпийских протестов // Рус. служба BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/international/newsid_7336000/7336937.stm (дата обращения: 13.10.2014).

13. **Рифеншталь Л.** «Олимпия» [Видеозапись] / Olympia-Film GmbH. Берлин, 1938.

14. **Сербские** футбольные фанаты спели Путину «Катюшу» на стадионе «Маракана» // РИА Новости. URL: http://ria.ru/video/20110324/357334464.html (дата обращения: 13.10.2014).

15. **Степовой П.С.** Спорт. Политика. Идеология. М.: Физкультура и спорт, 1984. 128 с.

16. **Уже** не игры // Избранное. URL: http://www.izbrannoe.ru/32542.html (дата обращения: 17.02.2014).

17. **Ширкина О.** От Берлина до Пекина // Глобальный еврейский online-центр. URL: http://www.jewish.ru/style/sport/2008/05/news994262638.php (дата обращения: 11.10.2014).

18. **Юаньцунь Х.** Пекинская Олимпиада и берлинская Олимпиада 1936 года – сходства и различия. Ч. 1 // Великая эпоха. URL: http://www.epochtimes.ru/content/view/16521/9/ (дата обращения: 13.10.2014).

19. **То же.** Ч. 2 // Там же. URL: http://www.epochtimes.com.ua/ru/articles/view/5/6841.html (дата обращения: 13.10.2014).

20. **Croci O., Forster J.** Sport and Politics: The Question of Legitimacy of International Sport Organizations. Conference Papers – International Studies Association Annual Meeting. San-Diego, 2006. P. 1–21.

21. **Jung Woo L., Maguire J.** Global festivals through a national prism // Int. rev. for the sociology of sport. 2009. No. 44/1. P. 5–24.

22. **Maguire J.** Power and Global Sport: Zones of Prestige, Emulation and Resistance. London: Routledge, 2005.

23. **Sanders B.** Sport as public diplomacy. US Center on public diplomacy. Available at: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/pdin_monitor/article/international_sport_as_public_diplomacy/ (accessed 13.10.2014).

24. **Seib P.** The view from CPD. USC Center on public diplomacy. Available at: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/pdin_monitor/article/july-august_2011_the_view_from_cpd/ (accessed 13.10.2014).

25. **Tomlinson A.** Olympic Spectacle: Opening Ceremonies and Some Paradoxes of Globalization // London, Media, Culture and Society. 1996. Vol. 18, no. 4. P. 583–602.

D.V. Stafeev

THE ROLE OF THE POLITICAL FACTOR IN TRANSFORMING THE INTERNATIONAL SPORTS MOVEMENT

STAFEEV Dmitriy V. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: stafeevdmitry@yandex.ru

In the time of globalization the international sports movement is deeply and systematically transformed. Besides positive effects (elaboration of unified system of governance, contribution to coping with global problems), the sphere of sports faces politicization and commercialization. International sports organizations acquire real political power, while sport becomes a mechanism used to achieve different political aims. The objective of this article is to assess challenges to the international sports movement caused by politicization. In order to achieve this goal we use such methods in the article as institutional analysis of the international sports movement, intentional analysis of the political process and comparative analysis of different Olympic Games.

INTERNATIONAL SPORTS MOVEMENT; OLYMPIC GAMES; THE OLYMPIC CHARTER; SPORT DIPLOMACY; POLITICIZATION OF SPORT; REPUTATION.

REFERENCES

1. Bazunov B. *Sensatsii i skandaly XX veka* [Sensations and rows of the XX century]. Moscow, Terra-Sport Publ., 2000. 288 p. (In Russ.)

2. Berlin-1936. *Pekin-2008*. Available at: http://www.games08.ru/history/2774463.shtml (accessed 09.10.2014).

3. Istoriya uspekha Silvio Berluskoni [Silvio Berlusconi's success story]. *Konstruktor uspekha*. Available at: http://constructorus.ru/istorii-uspexa/istoriya-uspexa-silvio-berluskoni.html (accessed 13.10.2014).

4. Istoriya Olimpiyskikh igr. Los-Angeles-1984 [The history of the Olympic Games. Los-Angeles 1984]. *Olymp – Champion*. Available at: http://www.olimp-champion.ru/history/summer/198/ (accessed 13.10.2014).

5. Kosmarskiy A. Blitskrig na futbol'nom pole [Blitzkrieg at the football pitch]. *Lenta*. Available at: http://lenta.ru/articles/2014/09/17/footballblitz/ (accessed 09.10.2014).

6. Marmer E. Kommercheskiy dukh Olimpiyskikh igr [Commercial essence of the Olympic Games]. *Aktual'no o Germanii*. Available at: http://www.rusverlag.de/index.php?mact=Archive,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=813&cntnt01relid=51&cntnt01mag_id=1&cntnt01_pagenumber=2&cntnt01returnid=60 (accessed 13.10.2014).

7. MOK razocharovan otmenoy 45-go pravila Olimpiyskoy khartii, predusmatrivavshego diskvalifikatsiyu sportsmena za doping [The IOC is disappointed with the annihiliation of the 45-th point of the Olympic Charter providing disqualification of the sportsman for drugs]. *ITAR-TASS*. Available at: http://www.itar-tass.com/c11/241698.html (accessed 22.10.2014).

8. Nikitinskaya E. [Leni Riefenstahl]. *Lyudi*. Available at: http://www.peoples.ru/art/cinema/producer/riefenstahl/history4.html (accessed 13.10.2014).

9. Petrovskiy P. [FIFA posed the ultimatum to the Ukraine]. *Rossiyskaya gazeta*, 2011, no. 5389. (In Russ).

10. *Press-reliz resheniya sportivnogo arbitrazhnogo suda v Lozanne ot 6 oktyabrya 2011 g.* [Press release of the Court of Arbitration for Sport in Lausanne (6.10.2011)]. Official web site of the CAS. Available at: http://www.tas-cas.org/d2wfiles/document/5315/5048/0/Media20Release20EN20%282011.10.06%29.pdf (accessed 13.10.2014).

11. Putin: "Finansirovat' «Tom'» gotovy «Rosneft'» i «Gazpromneft'»" [Putin: "'Rosneft' and 'Gazpromneft' are ready to finance 'Tom'"]. *Eurosport*. Available at: http://www.eurosport.ru/football/russian-premier-league/2011-2012/story_sto3125108.shtml (accessed 13.10.2014).

12. Reynolds P. Ot Berlina do Pekina: istoriya olimpiyskikh protestov [From Berlin to Beijing: history of the Olympic protests]. *Russkaya sluzhba BBC*. Available at: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/international/newsid_7336000/7336937.stm (accessed 13.10.2014).

13. Riefenstahl L. "Olympia". Documentary film. Olympia-Film GmbH. Berlin, 1938.

14. Serbskiye futbol'nyye fanaty speli Putinu "Katyushu" na stadione "Maracana" [Serbian football fans sang "Katyusha" for Putin at "Maracana" stadium]. *RIA Novosti*.

Available at: http://ria.ru/video/20110324/357334464.html (accessed 13.10.2014).

15. Stepovoy P.S. *Sport. Politika. Ideologiya* [Sport. Politics. Ideology]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1984. 128 p. (In Russ.)

16. Uzhe ne igry [Not Games already]. *Izbrannoye*. Available at: http://www.izbrannoe.ru/32542.html (accessed 17.02.2014).

17. Shirkina O. Ot Berlina do Pekina [From Berlin to Beijing]. *Global jewish online center*. Available at: http://www.jewish.ru/style/sport/2008/05/news994262638.php (accessed 11.10.2014).

18. Yuantsun Kh.. Pekinskaya Olimpiada i berlinskaya Olimpiada 1936 goda – skhodstva i razlichiya. Pt 1. *Velikaya epokha*. Available at: http://www.epochtimes.ru/content/view/16521/9/ (accessed 13.10.2014).

19. Yuantsun Kh. Pekinskaya Olimpiada i berlinskaya Olimpiada 1936 goda – skhodstva i razlichiya. Pt 2. *Velikaya epokha*. Available at: http://www.epochtimes.com.ua/ru/articles/view/5/6841.html (accessed 13.10.2014).

20. Croci O., Forster J. Sport and Politics: The Question of Legitimacy of International Sport Organizations. Conference Papers – International Studies Association Annual Meeting. San-Diego, 2006. Pp. 1–21.

21. Jung Woo L., Maguire J. Global festivals through a national prism. *Int. rev. for the sociology of sport*, 2009, no. 44/1, pp. 5–24.

22. Maguire J. Power and Global Sport: Zones of Prestige, Emulation and Resistance. London, Routledge, 2005. 198 p.

23. Sanders B. Sport as public diplomacy. US Center on public diplomacy. Available at: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/pdin_monitor/article/international_sport_as_public_diplomacy/ (accessed 13.10.2014).

24. Seib P. The view from CPD. USC Center on public diplomacy. Available at: http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/pdin_monitor/article/july-august_2011_the_view_from_cpd/ (accessed 13.10.2014).

25. Tomlinson A. Olympic Spectacle: Opening Ceremonies and Some Paradoxes of Globalization. London. *Media, Culture and Society*, 1996, vol. 18, no. 4, pp. 583–602.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 327

Ц. Ван

АРКТИКА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ВАН Цзюньтао – *преподаватель, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: juntao2013@yandex.ru

В статье анализируется всё возрастающая роль Арктики в современном мире. Дается краткий анализ истории освоения региона и участия в этом ведущих стран мира. Констатируется факт изменения статуса Арктики: продолжая иметь важное военно-политическое значение, регион становится ключевым элементом глобального экономического развития.

АРКТИКА; ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР; ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА; СОТРУДНИЧЕСТВО; УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ; ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

Вовлечение Арктики в глобальный мир началось в послевоенные годы. СССР приступил к активному освоению региона: строился Северный флот, создавались дрейфующие станции. Заметно активизировались в арктическом направлении США и Канада [1]. Президент США Г. Трумэн в сентябре 1945 года заявил о притязаниях своего государства на Арктический бассейн и провозгласил, что ресурсы поверхности и недра континентального шельфа являются достоянием Соединенных Штатов и подконтрольны им. Позже в пресс-релизе Белого дома уточнялось, что «континентальным шельфом считается затопленная земля, прилегающая к берегу и покрытая водой глубиной не более 200 метров» [2]. Как отметил судья Международного трибунала ООН по морскому праву А.Л. Колодкин, «прокламация Трумэна не только не вызвала протеста международного сообщества, но стала отправным пунктом для развития новой обычной нормы международного права. Большинство внутренних актов, принятых другими государствами в 1945–1957 годах, в той или иной форме основывались на доводах, провозглашенных в вышеупомянутой прокламации» [3]. Важным событием в истории освоения Арктики стал 1957 год, когда на воду был спущен первый в мире атомный ледокол – «Ленин» [4].

Представленный краткий исторический экскурс показывает, что Арктика давно привлекала к себе повышенное внимание государств. Это способствовало тому, что регион был удостоен особого международно-правового статуса в качестве особой зоны планеты.

Сложившаяся еще в 20–30-е годы XX века норма права предусматривала *секторальное деление* территории за Северным полярным кругом. Суть такого деления заключается в том, что прибрежным арктическим государствам разрешено определять границы своих полярных владений в секторах [5, с. 3]. Сегодня основная борьба разворачивается за территории, прилегающие к Северному полюсу и находящиеся за пределами территориальных вод арктических государств.

С конца XX века заметно активизировалось международное сотрудничество в области морского права. В 1982 году была принята Конвенция ООН по морскому праву, ставшая наиболее комплексным инструментом международного морского публичного права. Этим была заложена основа *конвенционального деления* Арктики. Статья 137 Конвенции определяет: «Ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права или осуществлять их в отношении какой бы то ни было части Района (дно морей и океанов и их недра за пределами национальной юрисдикции. – *Прим.*) или его ресурсов, и ни одно государство, физическое или юридическое лицо не может

присваивать какую бы то ни было их часть» [6]. Ресурсы недр Района объявлены достоянием всего человечества. Это не означает, что они должны быть «законсервированы». Наоборот, подчеркивается, что все государства, независимо от их географического положения и наличия или отсутствия выхода к морю, имеют право осваивать ресурсы Района, осуществлять морские научные исследования; поощряется деятельность в этих направлениях, предпринимаемая развивающимися государствами [Там же].

Однако в этом документе есть противоречия. Например, Конвенция предусматривает 200 морских миль континентального шельфа, но в то же время не отменяет секторального принципа определения границ территорий арктических государств, о котором говорилось выше. Это привело к сложностям при определении внешних границ шельфа и морских границ между государствами.

Такие страны, как Бразилия, Индия, Китай, по сути, не имеющие прямого отношения к Арктическому региону, проявляют активность и стремятся выйти на передовые позиции в области изучения и освоения нового геополитического региона. В то же время не все государства на нынешнем этапе своего развития обладают технологиями, необходимыми для освоения Арктики. Примером является ситуация в России: растеряв к концу холодной войны свое былое могущество, запустив свои северные территории, сегодня она вынуждена всё начинать сначала, причем в ускоренном темпе. Арктическая зона официально определяется как самостоятельный объект государственной политики, что обусловлено особыми национальными интересами России в этом регионе [7].

Официальные документы определяют Арктическую зону как часть Арктики, на которую распространяется юрисдикция России. В научной литературе Арктика трактуется как «регион, настолько же плотно вовлеченый в процессы глобализации, насколько демонстрирующий явные признаки регионализации» [8, с. 95].

На наш взгляд, следует определить терминологическую разницу. Если с «зоной» как областью, территорией с общими свойствами и признаками всё более или менее понятно, то с определением категории «регион» не всё так просто хотя бы потому, что эту категорию можно рассматривать с различных точек зрения [9].

1. С точки зрения физической географии регион – «значительная по размерам территория с общими для нее и отличными от соседних территорий физико-географическими и климатическими характеристиками, а также с выраженными естественными рубежами» [10, с. 38]. Географический регион всегда имеет объективно идентифицируемые и измеряемые природные границы. Так, согласно федеральному закону «Об Арктической зоне», в Арктическую зону Российской Федерации включаются:

«а) территории субъектов Российской Федерации: Мурманская область; Лоухский, Кемский и Беломорский муниципальные районы Республики Карелия; Онежский, Приморский, Мезенский муниципальные районы и городские округа Архангельск, Северодвинск и Новодвинск Архангельской области, а также входящие в ее состав острова; городской округ Воркута Республики Коми; Ненецкий автономный округ; Ямало-Ненецкий автономный округ; Таймырский (Долгано-Ненецкий) муниципальный район, городской округ Норильск, муниципальное образование г. Игарка Туруханского муниципального района Красноярского края; Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский, Верхнеколымский районы (улусы) Республики Саха (Якутия); Чукотский автономный округ.

б) открытые и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Российской Федерации до Северного полюса, находящиеся в пределах границ, проходящих на западе по меридиану 32°04’35” восточной долготы (а в пределах от 74° до 81° северной широты – по меридиану 35° восточной долготы), на востоке – по меридиану 168°58’37” западной долготы» [7];

в) внутренние воды и территориальное море, а также исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации, прилегающие к вышеуказанным территориям;

г) воздушное пространство над перечисленными территориями.

2. В экономической науке и экономической географии данная категория определяется

как «часть территории страны, где сложился специфический комплекс хозяйствующих субъектов и связей между ними, а также связей этого комплекса с внешней по отношению к нему средой – страной в целом и/или рубежными странами и регионами. Относительно экономики страны регион является подсистемой» [10, с. 38].

3. С точки зрения административной практики регион – социально-территориальная система, т. е. включает в себя социально-политические и/или административные критерии. Границы такого региона определяются предельно произвольно [Там же].

Приведенные определения не являются исчерпывающим списком – каждой науке свойственно определять категории со своей позиции, с учетом изучаемых ею областей. Но как бы много ни существовало этих определений, их объединяет то, что под «регионом» подразумевается некая однородность, общность, единство в политическом, социальном, экономическом и других аспектах. Чаще говорится об их сумме. Регион должен обладать некой самобытностью, выделяющей его среди других регионов; он может обладать политической, финансовой, ресурсной автономией.

Согласно ряду источников, Арктика (Арктический регион) – это северный полярный регион Земли, включающий в себя северные территории Евразийского и Североамериканского материков, Северный Ледовитый океан со всеми островами, а также прилежащие области Атлантического и Тихого океанов, ограниченные Северным полярным кругом [11, с. 15]. Однако точного географического и юридического закрепления определения Арктического региона нет до сих пор.

Понятие «глобальность» подразумевает не только единство, однородность и прочие подобные им характеристики, но также и развитие информационных и коммуникационных потоков, которые способствуют пространственному оформлению территории. В этой связи глобальный регион, каким является Арктика, можно определить как «пространство, включающее в себя разнообразные формы взаимодействий государственных и негосударственных акторов в различных сферах и на различных уровнях» [12, с. 47]. И ее отличительными характеристиками будут понятие трансграничности, целостность без жесткой территориальной замкнутости и в то же время участие в качестве единого целого в микрополитических процессах.

Арктика в последнее время привлекает к себе все больше внимания. Так, изменение климата, вызвавшее таяние льдов, привело к тому, что стали доступны для разработки богатейшие месторождения полезных ископаемых, становится возможным судоходство по Северному Морскому пути и Северо-Западному проходу. Это несет в себе, безусловно, положительную экономическую нагрузку, но также существует реальная вероятность того, что это отрицательно скажется на состоянии окружающей среды в регионе. По мнению профессора Калифорнийского университета Л. Смита, в будущем это может привести к тому, что Арктика станет новым центром притяжения сил, подобно Европе в XX веке [13]. Его логика проста: с одной стороны, происходит рост населения, что естественным образом ведет к росту потребления, а это, в свою очередь, усиливает нагрузку на окружающую среду; с другой стороны, изменение климата приводит к тому, что открываются новые морские пути, становятся доступны новые месторождения полезных ископаемых. И Арктика является точкой соприкосновения этих вызовов. Вполне возможно, что в XXI веке геополитический вектор сместится на Север.

На рубеже XIX и XX веков имела место первая «гонка за Арктику». XX век был отмечен тем, что Арктика рассматривалась СССР как театр военных действий с США, одновременно упор делался на проведение научно-исследовательских работ. На рубеже XX и XXI веков началась вторая «гонка за Арктику». Государства предпринимают серьезные меры для защиты своих северных границ и территорий, нацелены на разработку богатейших месторождений минерально-сырьевых ресурсов. Наряду с арктическими/приарктическими государствами региону уделяют внимание и неарктические государства, различные транснациональные корпорации и т. д. Идея «Нового Севера» Л. Смита сегодня не выглядит фантастической, тем более что мы уже наблюдаем предпосылки к этому. Арктика приобретает большое значение не только с точки зрения формирования глобальных природных процессов. Растет ее геополитический, экономический вес, что, в свою очередь,

предполагает активное международное сотрудничество всех заинтересованных участников – от арктических и неарктических государств и их объединений до неправительственных организаций и транснациональных компаний. В этой связи мы имеем все основания говорить о формировании нового глобального региона.

Многостороннее сотрудничество в регионе началось с подписания «Соглашения о сохранении белых медведей» в 1973 году. Далее последовала «мурманская инициатива» М.С. Горбачева (1987), которая, можно сказать, обозначила окончание холодной войны за Северным полярным кругом, положив начало деятельности международных организаций регионального масштаба. «Инициатива» была направлена на установление на Севере «зоны мира», включала установление безъядерной зоны в Северной Европе, развитие трансграничного сотрудничества по вопросам разработки полезных ископаемых, научных исследований, защиты окружающей среды и мн. др. [14].

В связи с ростом геополитического и экономического значения Арктики в начале XXI века она стала занимать одно из приоритетных мест в глобальной повестке дня. Увеличение числа участников международных отношений, их взаимосвязанность и взаимозависимость как непосредственные результаты процессов глобализации очень хорошо представлены в Арктическом регионе, поэтому в научной литературе часто можно встретить идею о том, что Арктика сегодня является одной из точек бифуркации современного глобализирующегося мира [15].

Как отмечают исследователи, на рубеже XX и XXI веков произошли значимые изменения в статусе Арктики: наряду с важным военно-политическим значением, которое регион приобрел в XX веке, он стал иметь и важное экономическое значение. Арктический регион все более интегрируется в глобальную экономику прежде всего благодаря обнаруженным там месторождениям и перспективе новых навигационных коридоров, становится ее ключевым элементом [16]. «Экономика Севера все теснее интегрируется в глобальную мировую систему, а значение Арктики возрастает в связи с расширением спроса на стратегические минералы, нефть и газ, с усилением интереса к региону транснациональных консорциумов, а также с развитием технологий, облегчающих доступ к источникам сырья. Интеграция при создании современной инфраструктуры во многом регламентируется национальными программами, предусматривающими привлечение к реализации проектов транснациональных корпораций» [Там же. С. 94].

Сотрудничество в регионе сегодня не ограничивается межправительственным или региональным, перечень участников арктического диалога значительно расширился, и теперь именно они способствуют построению новой политической и международной реальности.

1. Государства по-прежнему остаются основными акторами. Хотя, согласно Конвенции ООН по морскому праву, лишь пять государств, непосредственно граничащих с Арктикой («арктическая пятерка»: Дания, Канада, Норвегия, Россия и США), имеют права на освоение шельфа и использование ресурсного потенциала региона, существует ряд государств, стремящихся оспорить исключительные права этих стран на ресурсы Арктики. Так, например, Финляндия и Швеция считают проводимую арктическими государствами политику дестабилизирующей, рассматривают арктические ресурсы как «достояние всего человечества», а поэтому, по их мнению, освоение месторождений полезных ископаемых, рыболовная деятельность должны происходить в рамках широкого международного сотрудничества. Предпринимают попытки включиться в процесс освоения ресурсов и другие страны, не имеющие прямого выхода к арктическим льдам: Корея, Япония, Китай, Сингапур, Бразилия, Индия, Франция (по всей видимости, список стран будет только пополняться), а Конвенция ООН по морскому праву, как мы выяснили, хоть и не предоставляет им подобного права, но и не запрещает этого.

2. Межправительственные организации ведут разнонаправленную деятельность, но обобщенно можно сказать, что они предоставляют площадку для переговоров и согласования деятельности остальным участникам. Ключевой организацией в этом смысле является Арктический совет, образованный в 1996 году. Осуществляют свою деятельность также Совет министров Северных стран (с 1971), Совет государств Балтийского моря (с 1992), Совет Баренцева/Евроарктического региона (с 1993). Основными

направлениями деятельности Советов являются: защита окружающей среды, устойчивое развитие здравоохранения, решение социальных вопросов, реализация культурных и молодежных проектов, поддержка развития информационных технологий и коммуникаций, а также научно-исследовательских и образовательных проектов [17].

3. Неправительственные организации также играют важную роль в новой транснациональной среде региона. Это экологические организации (например, ХЕЛКОМ, «Беллона»), Международный арктический научный комитет, Всемирная ассоциация оленеводов, Международная группа по делам коренных народов, Ассоциация зимних городов и мн. др.

4. Растущая ресурсная привлекательность Арктики притягивает транснациональные корпорации, которые изменяют не только экономический облик региона, но постепенно преобразуют и политический. Развитие и разработка ресурсной базы ведут к расширению круга участников, привлечению на отечественные рынки зарубежных компаний. Кроме того, расширяется спектр действующих в регионе ТНК – теперь это не только нефте- и газодобывающие и перерабатывающие компании, но и финансовые институты, такие как Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, Инвестиционный банк стран Северной Европы.

Очевидно, что у каждой из этих организаций свои интересы, и внутри групп существуют противоречия. Также очевидно, что для всех участников важны устойчивая среда Арктического региона, предсказуемость развития и конструктивный диалог с другими участниками.

Возникновение новых акторов, особенно негосударственных, дает основание говорить о том, что в регионе наметился переход от традиционного международного сотрудничества к транснациональному взаимодействию. И уровни такого взаимодействия, помимо традиционных двусторонних/многосторонних контактов между государствами, могут быть следующими [18]:

• сотрудничество на уровне законодательных органов Арктических стран (например, в рамках деятельности Конференции парламентариев Арктического региона);

• многостороннее сотрудничество в рамках деятельности международных правительственных и неправительственных организаций (ООН, Арктический совет, «Северный форум» и др.);

• сотрудничество в рамках региональных организаций (например, в рамках проекта «Северное измерение», деятельности Совета Баренцева/Евроарктического региона);

• совместные проекты транснациональных корпораций (например, французско-российский проект «Штокман»);

• сотрудничество коренных народов Севера (Циркумполярная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов и др.).

Отмеченные новые типы взаимодействия и должны стать основой новой логики сотрудничества в условиях транснационализации региона.

Таким образом, характерными особенностями современной среды Арктического региона являются: выход на первый план вопросов обеспечения устойчивого развития и экологической безопасности в регионе (вопросы военной безопасности немного уступили свои позиции); рост геополитического, экономического, экологического значения рассматриваемого региона в мире; количественный рост участников и качественное преобразование подходов к сотрудничеству.

Также хотелось бы отметить, что рост численности участников кроме положительных моментов (развитие региона, совершенствование его социальной, транспортной, экономической, информационной и другой инфраструктуры, развитие новых отраслей производства и техническое оснащение существующих) несет в себе угрозу расхождения интересов сторон, ущемления одних за счет приоритетности других. Найти баланс между желаемым и возможным – эта задача, на наш взгляд, должна стать первоочередной на современном этапе развития региона. Эту деятельность следует осуществлять как на национальном уровне (т. е. трехстороннее согласование интересов между государством, ТНК и коренными малочисленными народами Севера), так и на международном уровне (обеспечение реальной деятельности международных неправительственных и межправительственных организаций, возможности выполнять возложенные на них функции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Савойский А.Г.** Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007). 2-е изд., доп. М.; Пятигорск: РИА-КМВ, 2011. 755 с.

2. **Большая** советская энциклопедия. Арктика. URL: http://www.rubricon.com/bse_1.asp.

3. **Колодкин А.Л.** Континентальный шельф России в Арктике: перспективы расширения. URL: http://www.sea-law.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=113&Itemid=76.

4. **Большая** советская энциклопедия. Атомный ледокол «Ленин». URL: http://www.rubricon.com/bse_1.asp.

5. **Ларченко Л.В.** Современная Арктика: проблемы освоения и социально-экономического развития // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 11 (194). С. 2–8.

6. **Конвенция** ООН по морскому праву. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml.

7. **Проект** Федерального закона Российской Федерации. URL: http://www.minregion.ru/documents/draft_documents/2714.html.

8. **Мазур И.И.** Арктика – точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2. С. 93–104.

9. **Российский** энциклопедический словарь. Зона. URL: http://www.rubricon.com/res_1.asp.

10. **Транснациональные** политические пространства: явление и практика / Н.А. Косолапов, М.В. Стрежнева, Н.Г. Федулова [и др.]; отв. ред. М.В. Стрежнева; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Весь мир, 2011. 371 с.

11. **Ioana Georgescu.** Arctic Geopolitics – Time for a new regime / Institut Europeen des Hautes Etudes Internationales. Nice.

12. **Васильева Н.А., Лагутина М.Л.** Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2012. 424 с.

13. **Smith L.C.** The New North: the World in 2050. L.: Profile Books. 2011. 336 p.

14. **Речь** товарища Горбачева М.С. URL: http://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-3/.

15. **Oran R. Young.** The Age of the Arctic // Foreign Policy. 1985–1986. № 61. P. 160–179.

16. **Харлампьева Н.К.** Формирование транснациональной среды мировой политики в Арктическом регионе. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 6. Новые тенденции в мировой политике. М.: Изд-во МГИМО, 2007. URL: http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t6-kharlampieva.pdf.

17. **Цыганок А.Д.** Край ледяного безмолвия – будущий горячий регион планеты // Независимое военное обозрение. 2008. 7 марта. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-03-07/1_arktika.html.

18. **Lagutina M.** Russian Arctic Policy in the Global World. Chair InBev – Baillet Latour. 2012.

Ts. Van

THE ARCTIC IN THE GLOBAL WORLD

VAN Tszyuntao – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: juntao2013@yandex.ru

The article analyzes the increasing role of the Arctic in the modern world. A brief analysis is given to the development and participation of the leading countries of the world in the region. Stating the facts change the status of the Arctic, in addition to military and political significance, the region is becoming an important economic pillar in the global economic development.

ARCTIC; GLOBAL WORLD; THE GLOBAL ECONOMY; COOPERATION; SUSTAINABLE DEVELOPMENT; ENVIRONMENTAL SAFETY.

REFERENCES

1. Savoyskiy A.G. Russia – USA: 200 let ekonomicheskoy diplomatii (1807–2007). Moscow, Pyatigorsk, RIA-KMV Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)

2. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. Arktika. Available at: http://www.rubricon.com/bse_1.asp.

3. Kolodkin A.L. Kontinentalnyy shelf Rossii v Arktike: perspektivy rasshireniya. Available at: http://www.sea-law.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=113&Itemid=76.

4. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. Atomnyy ledokol "Lenin". Available at: http://www.rubricon.com/bse_1.asp.

5. Larchenko L.V. Sovremennaya Arktika: problemy osvoyeniya i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*, 2011, no. 11 (194), pp. 2–8. (In Russ.)

6. Konventsiya OON po morskomu pravu. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml.

7. Proyekt Federal'nogo zakona Rossiyskoy Federatsii. Available at: http://www.minregion.ru/documents/draft_documents/2714.html.

8. Mazur I.I. Arktika – tochka bifurkatsii v razvitii globalnogo mira. *Vek globalizatsii*, 2010, no. 2, pp. 93–104. (In Russ.)

9. Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Zona. Available at: http://www.rubricon.com/res_1.asp.

10. Kosolapov N.A., Strezhneva M.V., Fedulova N.G. et al. Transnatsionalnyye politicheskiye prostranstva: yavleniye i praktika. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. 371 p. (In Russ.)

11. Ioana Georgescu. Arctic Geopolitics – Time for a new regime / Institut Europeen des Hautes Etudes Internationales. Nice.

12. Vasilyeva N.A., Lagutina M.L. Globalnyy Yevraziyskiy region: opyt teoreticheskogo osmysleniya sotsialno-politicheskoy integratsii. St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publ., 2012. 424 p. (In Russ.)

13. Smith L.C. The New North: the World in 2050. London, Profile Books, 2011. 336 p.

14. Rech tovarishcha Gorbacheva M.S. Available at: http://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-3/.

15. Oran R. Young. The Age of the Arctic. *Foreign Policy*, 1985–1986, no. 61, pp. 160–179.

16. Kharlampyeva N.K. Formirovaniye transnatsionalnoy sredy mirovoy politiki v Arkticheskom regione. Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh. *Materials of the 4th Convention RAMI*. In 10 vol. Of vol. 6: Novyye tendentsii v mirovoy politike. Moscow, MGIMO Publ., 2007. Available at: http: //www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t6-kharlampieva.pdf.

17. Tsyganok A.D. Kray ledyanogo bezmolviya – budushchiy goryachiy region planety. *Nezavisimoye voyennoye obozreniye*, 2008, March 7. Available at: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-03-07/1_arktika.html.

18. Lagutina M. Russian Arctic Policy in the Global World. Chair InBev – Baillet Latour. 2012.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 329

С.Н. Погодин

ФИНЛЯНДСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XX ВЕКА

ПОГОДИН Сергей Николаевич – *заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; доктор исторических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: pogodin56@mail.ru

В статье рассмотрены двусторонние отношения между Финляндией и Российской Федерацией в конце прошлого века. Во второй половине XX века эти отношения имели «особый характер», отмечается конструктивность их развития. Исследуется влияние программы «Северное измерение» на финляндско-российские отношения. Анализируются перспективы дальнейшего развития отношений между двумя странами.

ФИНЛЯНДИЯ; РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ; ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА; «СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ».

Финляндско-российские отношения имеют длительную историю, но они не всегда развивались поступательно. Если взаимоотношения двух стран во второй половине XX века носили «особый характер», то в настоящее время в них возникли некоторые проблемы. Рассмотрим причины этих проблем.

Многие финские политики сегодня стараются не употреблять выражения «особый характер» [1] при определении отношений между Финляндией и Россией. Такая позиция обусловлена, на наш взгляд, несколькими причинами.

В 90-е годы XX века в Финляндии был провозглашен курс на максимальную интеграцию России и всего Балтийского региона в систему европейского сотрудничества. Ставилась задача приобщить Российскую Федерацию к общепринятым международным нормам и соглашениям, с одной стороны, и расширить деятельность Европейского союза по переговорам с участием России, с другой [Там же]. Исходя из этого Финляндия видела свою цель в превращении финляндско-российских отношений в элемент общей политики Европейского союза.

Такая позиция привела к новой трактовке отношений между двумя странами. Министр иностранных дел Финляндии А. Стубб признавал: «Отправной точкой в нашей политике в отношении России является наше членство в ЕС», но отмечал также, что «укрепление членства в ЕС не означает ослабления двусторонних отношений» [2], что создается новая картина двух моделей сотрудничества, которые дополняют друг друга: «хорошие двусторонние отношения необходимы для того, чтобы мы понимали друг друга и могли бы развивать сотрудничество по вопросам, относящимся к сфере национальной компетенции. Действующие двусторонние связи с Россией также являются нашим преимуществом в Союзе. Двусторонние отношения тем не менее не могут быть альтернативой политике в рамках ЕС» [Там же]. Аналогичную позицию высказал и известный эксперт по международным отношениям Т. Форсберг: «Рост значения многостороннего формата сотрудничества...

не означает, что значение России было забыто или что отношения ухудшились». М. Койвисто в своей последней речи на посту президента отметил: «Россия является и всегда будет великой нацией, которая в любых условиях будет оставаться сильной. Подлинные и долгосрочные партнерские отношения с Россией являются важным фактором стабильности» [1]. Такой же позиции придерживался и бывший президент М. Ахтисаари [Там же].

Однако желание финского руководства и политических деятелей сбалансировать финляндско-российские отношения в традиционном понимании и одновременно связать их с политикой Европейского союза не могло быть реализовано в силу разных причин. Новый формат отношений двух стран характеризовался в первую очередь желанием руководства Финляндии выступать на переговорах с Россией от лица Европы. Как отмечает У. Хямяляйнен, использование понятия «Финляндия» в официальных заявлениях резко сократилось, его заменило понятие «Европейский союз» [3]. Финляндия стала позиционировать себя в отношениях с Россией как страна, представляющая Европейский союз.

Такой подход в финляндско-российских отношениях связан прежде всего с отношением Финляндии к событиям внутри России, и эта позиция проявилась еще до вступления страны в Европейский союз. Примером тому является позиция финского руководства в связи с событиями 1993 года в России. М. Койвисто, бывший тогда президентом страны, заявил: «Вопрос в том, что мы не можем оставаться в стороне от общих позиций Запада без того, чтобы не ослабить нашу собственную позицию» [1]. Данная позиция стала основой членства Финляндии в Европейском союзе, и подтверждением тому могут служить многочисленные примеры.

Находясь с визитом в Москве в январе 1995 года, премьер-министр Э. Ахо выступил с критикой российского руководства в связи с применением военной силы в Чечне [Там же]. Фактически он изложил точку зрения Европейского союза. С аналогичной позицией Финляндия выступила и в 1999 году, использовав для этого трибуну Евросоюза, председателем которого она являлась [4, с. 137]. Та же ситуация повторилась и в 2000 году [1].

В 2006 году премьер-министр Финляндии М. Ванханен, выступая в Европейском парламенте и характеризуя российскую внутреннюю политику, заявил: «Определенные тенденции в России являются основаниями для беспокойства. Я не вполне уверен, что Россия идет в правильном направлении. Нам необходимо видеть бóльшую приверженность демократии, принципу верховенства закона и рыночной экономике. Мы не хотим, чтобы Россия двигалась в направлении авторитаризма. У нас есть полное право испытывать озабоченность по поводу ситуации в России» [5].

Позиция Финляндии полностью совпала с подходом Европейского союза в вопросе российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 года. Она была озвучена тогдашним президентом страны Т. Халонен: «Государство-член не нуждается в том, чтобы отдельно комментировать ситуацию от своего лица, если оно одобряет решения действующего председателя ЕС» [6].

Приведенные примеры свидетельствуют, что Финляндия в вопросах Российской Федерации придерживается общеевропейской позиции. Однако, как отмечают некоторые комментаторы, Финляндия не была склонна осуждать действия России (в ситуации Чеченской войны 1999 года) в столь жестких выражениях, как другие страны Европейского союза [1]. Совместно с другими странами – членами Евросоюза Финляндия принимает активное участие в обсуждении становления российской демократии, но не выступает с ярой критикой России [7, с. 59]. В вопросах, затрагивающих непосредственно финские интересы (визовая политика, транспорт и др.), финское руководство занимает более жесткую позицию в отношении России, чем Европейский союз.

Следует отметить и еще одно новое положение в отношении к России со стороны руководства Финляндии – обсуждение вопросов, касающихся ее внутренних дел [7] (внутренние реформы, права человека в Чечне и т. д.).

Примером «европеизации» политики Финляндии в отношении России стал проект «Северное измерение» [Там же] – своеобразная иллюстрация стремления Финляндии сделать проблемы финляндско-российских отношений предметом внимания Европейского союза. Идея проекта «Северное измерение» [См. под-

робнее: 8] возникла в 1997 году. Он задумывался как масштабный финский проект в рамках Евросоюза. Задача проекта – усиление роли Союза в Северном европейском регионе и налаживание позитивных отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом, а также формирование привлекательности Евросоюза для России [9].

Главной целью проекта «Северное измерение» объявлялось развитие трансграничного сотрудничества между Евросоюзом и Россией на территориях Дании, Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии, Польши, стран Балтии и России [10]. Сегодня политика «Северного измерения» рассматривается как равноправное сотрудничество четырех сторон – России, Европейского союза, Норвегии и Исландии [Там же]. Однако начиналась она как политика Европейского союза, обращенная на север Европейского региона и России [Там же].

Для Финляндии «Северное измерение» стало моментом перевода двусторонних отношений с Россией в сферу компетенции Евросоюза [11, с. 170]. Программу «Северное измерение» следует рассматривать как пример «европеизации» финляндско-российских отношений со знаком «плюс». Она принесла положительные результаты: способствовала перераспределению финансовых потоков внутри Евросоюза, активизировала взаимодействия Евросоюза и России во многих областях.

Одновременно программа «Северное измерение» создала определенные проблемы в отношениях двух стран. Первая из таких проблем связана с установлением упрощенного визового режима между Россией и Финляндией. Для России установление безвизового режима с Европейским союзом является важной целью. Впервые визовый вопрос был поднят президентом России В.В. Путиным летом 2002 года во время переговоров с Евросоюзом по проблеме Калининграда [12, с. 139]. Эти переговоры проходили медленнее, чем хотелось бы Российской Федерации. Поэтому в декабре 2003 года во время встречи с президентом Финляндии Т. Халонен В.В. Путин сообщил о готовности России работать над российско-финляндским двусторонним соглашением по установлению упрощенного визового режима. Заключение этого соглашения должно было стать первым шагом на пути к полноценному договору с Европейским союзом [Там же]. Но Т. Халонен не приняла предложения о совместной подготовке такого соглашения, отметив, что положительное решение возможно только с продвижением переговоров на уровне Европейского союза. Аналогичную позицию занял и премьер-министр Финляндии М. Ванханен во время встречи с премьер-министром России М. Фрадковым в июне 2004 года [Там же]. Позиция Финляндии в визовом вопросе была оценена российской стороной как несамостоятельная [Там же. С. 139–140]. Очевидно, что позиция Финляндии объясняется политической установкой на строго совместные действия с Европейским союзом [Там же. С. 140].

Позиции России и Финляндии в отношении визового вопроса имели принципиальное расхождение в подходах и видении путей его решения. Российский вариант (аналогичный был предложен Германии и Италии) предусматривал осуществление первоначальных мер на двустороннем уровне, до переговоров между Россией и Европейским союзом. Такой вариант можно назвать «рискованным» для Финляндии, поскольку он мог привести к проблемам в ее отношениях с Евросоюзом. Финляндия отказалась от двустороннего договора и заняла выжидательную позицию [Там же. С. 140–141].

Аналогичная ситуация сложилась и в связи с предложением России о проведении совместных финляндско-российских военных учений, которое в 2003 году озвучил министр обороны России С. Иванов. Его финский коллега С. Кяриянен заявил, что это была «всего лишь идея о небольших антитеррористических учениях, но не о совместных маневрах» [13, с. 97].

В декабре 2008 года министр обороны России А. Сердюков в интервью финской газете «Маанпуолустус» («Оборона страны») повторил идею о проведении совместных военных учений и предложил содействие в технической модернизации вооруженных сил Финляндии. Комментируя высказывания российского министра, финский журнал «Суомен Кувалехти» отметил: «Министр обороны Ю. Хякямиес не удивился заявлению своего коллеги Анатолия Сердюкова. Вместо этого он отверг предложение как невозможное» [14]. Позиция Ю. Хякямиеса состояла в следующем: «Вооруженные силы в Финляндии не проводят учения по борьбе с терроризмом, эта сфера находится в

компетенции министерства обороны». В ответ на предложение о содействии в технической модернизации финских вооруженных сил он заявил: «У нас есть некоторое количество российских военных транспортных средств, но необходимость в их модернизации отсутствует, запасные части же закупаются в России регулярно» [14]. Позиция Финляндии указывает на постепенное снижение активности сотрудничества с Россией в военной области.

Один из важнейших факторов в отношениях между Финляндией и Российской Федерацией, Финляндией и Европейским союзом – несовершенство финской системы разделения власти при решении внешнеполитических вопросов. По Конституции Финляндии 2000 года, внешняя политика страны осуществляется под руководством президента республики совместно с Государственным советом, а политика в отношении Европейского союза находится в ведении премьер-министра. Такая ситуация приводит к своеобразному двоевластию в финской внешней политике, когда за сотрудничество с Европейским союзом отвечает один центр принятия решений, а с Россией – другой.

Политический аналитик Р. Пенттиля в этой связи задается вопросом: «Как президенту стоит действовать, когда в двустороннем финляндско-российском диалоге затрагиваются отношения ЕС и России? Должен ли президент заявлять русским, что эти вопросы в соответствии с Конституцией относятся к компетенции премьер-министра?» [15]. Ситуация усугубляется и тем, что у тройки лидеров финской внешней политики (президент, премьер-министр и министр иностранных дел) иногда имеются разногласия по внешнеполитическим вопросам [См., например: 16].

Следует остановиться также на проблеме доверия в финляндско-российских отношениях. Принцип взаимного доверия между двумя странами действовал в период холодной войны. После распада СССР и в условиях, когда двусторонние отношения оказались в зависимости от отношений между Европейским союзом и Россией, проблема взаимного доверия обострилась.

Интересна трактовка доверия в финляндско-российских отношениях, данная Х. Рутявуори-Апунен [12, с. 123]. Он считает, что доверие – это взаимность поведения и разделяемое чувство взаимного обязательства. Доверие строится: а) на взаимном ожидании соблюдения обязательств по отношению к другой стороне, хотя они могут быть не закреплены юридически; б) с учетом интересов стороны, не входящей в политические блоки. Доверие является скрытой формой власти, которую применял СССР по отношению к Финляндии [Там же. С. 121–123]. Доверие определяется как форма знания, которая отличается от рациональной оценки возможного, основывающейся на проверенных фактах. Доверительные отношения предполагают ожидание, что тот, кому доверяют, будет отвечать взаимностью и не будет извлекать выгоду из слабых сторон партнера [Там же. С. 132, 137].

Характеристика «доверия», данная в работе Х. Рутявуори-Апунен, не имеет ничего общего с международным правом. Она сформулирована исключительно на основе опыта отношений между Финляндией и СССР.

Новый этап финляндско-российских отношений, начавшийся после распада СССР, в корне изменил прежнее представление о доверии в отношениях двух стран. Финляндия больше не ожидает от России «особого к себе отношения», что привело к несовпадению ожиданий одной стороны и намерений другой. В новых условиях Финляндия считает интеграцию в Европейский союз гарантией своей безопасности и защиты от давления со стороны восточного соседа [17].

Возрождение доверия в финляндско-российских отношениях реально и зависит от позиции финского руководства. Новое прочтение этого понятия имеет и новые возможности, связанные с новыми, абсолютно равноправными отношениями двух стран.

Новый этап доверия в отношениях между Финляндией и Россией может решить важную проблему финской внешней политики – противопоставление европейского и российского направлений, а также гарантировать связь между политикой Финляндии в Европейском союзе и двусторонними отношениями с Россией. Финляндия видит гарантию своей безопасности в объединении с Евросоюзом. Однако, по мнению Х. Рутявуори-Апунен, такой вариант изначально ставит страну в несколько ущемленное положение в вопросе защиты безопасности. Доверие является принципиальной альтернативой такой стратегии [12, с. 153].

Доверие предполагает «индивидуальный подход» к каждому рассматриваемому вопросу, прагматизм в его решении. Именно этого и недостает современным финляндско-российским отношениям. Такой подход минимизирует влияние искусственно построенных ограничений (например, использование факта членства Финляндии в Европейском союзе как способа отклонения более тесного сотрудничества в двусторонних отношениях с Россией) [12, с. 149, 156]. «Индивидуальный подход» означает признание «особых отношений», которые послужат основой для ответных политических решений [Там же. С. 149]. Доверие между Финляндией и Россией может стать хорошим примером и для Евросоюза, который испытывает недостаток доверия в отношениях с Россией [Там же. С. 156]. По мнению Х. Рутявуори-Апунен, пренебрежение финским опытом в этой сфере является плохой услугой для Европейского союза [Там же. С. 157].

Всё вышесказанное приводит к идее возрождения «особых отношений» между Финляндией и Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Forsberg T.** Suomen ulkopolitiikan europpalaistuminen // Eurooppatiedotus. Julkaisut. 27.6.2002. URL: http://www.eurooppa-tiedotus.fi/public/default.aspx?contentid=93261&nodeid=37847&contentlan=1&culture=fi-FI (дата обращения: 23.11.2008).

2. **Stubb A.** Puhe Venäjästä. 15.7.2008. URL: http://www.alexstubb.com/fi/index.php?trg=publication&id=39&item=385 (дата обращения: 17.12.2008).

3. **Helsingin** Sanomat. 29.03.2000.

4. **Raunio T., Tiilikainen T.** Finland in the European Union. Franc Cass. London; Portland, OR, 2003.

5. **Prime** Minister Matti Vanhanen in the European Parliament on 18 December 2006. Results of the Finnish EU Presidency. URL: http://eu2006.fi/news_and_documents/speeches/vko51/en_GB/178743/ (дата обращения: 29.3.2008).

6. **Konttinen J.** Three plates, three different opinions // Helsingin Sanomat. 2.9.2008. URL: http://www.hs.fi/english/article/COMMENTARY+Three+plates+three+different+opinions/1135239124783 (дата обращения: 8.10.2008).

7. **Möttölä K.** Membership of the European Union as a Normative Turn in Finnish Foreign Policy: the Case of Russia // Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations / ed. by H. Rytävuori-Apunen. Aleksanteri Series. Helsinki: Gummerus, 2008.

8. **Финляндия** и «Северное измерение». Хельсинки: Изд-во м-ва иностранных дел Финляндии, 2008; **Ходько С.** МегаРегион «Северное измерение»: миссия и менеджмент для устойчивого развития // Новые Рубежи. 2010. № 1 (64); **Шемятенков В.Г.** Европейская интеграция. М.: Междунар. отношения, 2003; **Энтин М.** «Северное измерение» в контексте отношений РФ – ЕС // Вся Европа. 2006. Вып. 4. URL: http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/04/04-severnoe-izmerenie.html.

9. Электронный ресурс. URL: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/.

10. **The Northern** Dimension Policy Framework Document. URL: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/index_en.htm (дата обращения: 18.3.2009).

11. **Ланко Д.** Процессы глобализации, регионализации и локализации вокруг Балтийского моря. СПб., 2008.

12. **Rytävuori-Apunen H.** Revisiting the Problem of Trust in Finnish-Russian Relations // Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations / ed. by H. Rytävuori-Apunen. Aleksanteri Series. Helsinki, 2008.

13. **Nokkala A.** Being Interested in a Big Neighbour: Russia and the Finnish Defence Establishment // Ibidem.

14. **Puolustusministeri** Jyri Häkämies: Yhteiset sotaharjoitukset Venäjän kanssa mahdottomia // Suomen Kuvalehti. 12.12.2008. URL: http://www.suomenkuvalehti.fi/etusivu/uutiset-ja-politiikka/politiikka/puolustusministeri-jyri-hakamies.aspx (дата обращения: 20.12.2008).

15. **Penttilä R.** Suomen ulkopolitiikan idea // EVA Raportti. Helsinki, 2008. URL: http://www.eva.fi/index.php?m=3&subm=2&action=1&id=80 (дата обращения: 19.11.2008).

16. **Konttinen J.** Three plates, three different opinions // Helsingin Sanomat. 2.9.2008. URL: http://www.hs.fi/english/article/COMMENTARY+Three+plates+three+different+opinions/1135239124783 (дата обращения: 8.10.2008).

17. **Погодин С.Н.** Международная деятельность Финляндии в сфере безопасности // Междунар. отношения и диалог культур. 2012. № 1. С. 8–26.

S.N. Pogodin

FINNISH-RUSSIAN RELATIONS AT THE END OF THE 20TH CENTURY

POGODIN Sergey N. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: pogodin56@mail.ru

This article investigates the relationship between Finland and the Russian Federation. The second half of the 20th century is characterized by the "special nature" between the two countries, the constructive development between the two countries. The program "Northern Dimension" is studied, as well as the prospects for further development.

FINLAND; RUSSIAN FEDERATION; INTERNATIONAL RELATIONS; BILATERAL RELATIONS; FOREIGN POLICY; THE "NORTHERN DIMENSION".

REFERENCES

1. Forsberg T. Suomen ulkopolitiikan europpalaistuminen. *Eurooppatiedotus. Julkaisut*. 27.6.2002. Available at: http://www.eurooppa-tiedotus.fi/public/default.aspx?contentid=93261&nodeid=37847&contentlan=1&culture=fi-FI (accessed 23.11.2008).

2. Stubb A. Puhe Venäjästä. 15.7.2008. Available at: http://www.alexstubb.com/fi/index.php?trg=publication&id=39&item=385 (accessed 17.12.2008).

3. Helsingin Sanomat. 29.03.2000.

4. Raunio T., Tiilikainen T. Finland in the European Union. Franc Cass. London – Portland, OR, 2003.

5. Prime Minister Matti Vanhanen in the European Parliament on 18 December 2006. Results of the Finnish EU Presidency. Available at: http://eu2006.fi/news_and_documents/speeches/vko51/en_GB/178743/ (accessed 29.3.2008).

6. Konttinen J. Three plates, three different opinions. *Helsingin Sanomat*. 2.9.2008. Available at: http://www.hs.fi/english/article/COMMENTARY+Three+plates+three+different+opinions/1135239124783 (accessed 8.10.2008).

7. Möttölä K. Membership of the European Union as a Normative Turn in Finnish Foreign Policy: the Case of Russia. *Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations*. Ed. by H. Rytävuori-Apunen. Aleksanteri Series. Helsinki, Gummerus, 2008.

8. Finlyandiya i Severnoye izmereniye. Helsinki, Ministerstvo inostrannykh del Finlyandii Publ., 2008. (In Russ.); Khodko S. MegaRegion "Severnoye izmereniye": missiya i menedzhment dlya ustoychivogo razvitiya. *Novyye Rubezhi*, 2010, no. 1 (64). (In Russ.); Shemyatenkov V.G. Yevropeyskaya integratsiya. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2003 (In Russ.); Entin M. "Severnoye izmereniye" v kontekste otnosheniye RF – YeS. *Vsya Yevropa*, 2006, iss. 4. Available at: http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/04/04-severnoe-izmerenie.html.

9. Electronic resource. Available at: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/.

10. The Northern Dimension Policy Framework Document. Available at: http://ec.europa.eu/external_relations/north_dim/index_en.htm (accessed 18.3.2009).

11. Lanko D. Protsessy globalizatsii, regionalizatsii i lokalizatsii vokrug Baltiyskogo morya. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)

12. Rytävuori-Apunen H. Revisiting the Problem of Trust in Finnish-Russian Relations. *Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations*. Ed. by H. Rytävuori-Apunen. Aleksanteri Series. Helsinki, 2008.

13. Nokkala A. Being Interested in a Big Neighbour: Russia and the Finnish Defence Establishment. *Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations*. Ed. by H. Rytävuori-Apunen. Aleksanteri Series. Helsinki, 2008.

14. Puolustusministeri Jyri Häkämies: Yhteiset sotaharjoitukset Venäjän kanssa mahdottomia. *Suomen Kuvalehti*. 12.12.2008. Available at: http://www.suomenkuvalehti.fi/etusivu/uutiset-ja-politiikka/politiikka/puolustusministeri-jyri-hakamies.aspx (accessed 20.12.2008).

15. Penttilä R. Suomen ulkopolitiikan idea. *EVA Raportti*. Helsinki. 2008. Available at: http://www.eva.fi/index.php?m=3&subm=2&action=1&id=80 (accessed 19.11.2008).

16. Konttinen J. Three plates, three different opinions. *Helsingin Sanomat*. 2.9.2008. Available at: http://www.hs.fi/english/article/COMMENTARY+Three+plates+three+different+opinions/1135239124783 (accessed 8.10.2008).

17. Pogodin S.N. Mezhdunarodnaya deyatelnost' Finlyandii v sfere bezopasnosti. *Mezhdunarodnyye otnosheniya i dialog kul'tur*, 2012, no. 1, pp. 8–26. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 327

А.И. Рубцова

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ЛИВАНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

РУБЦОВА Александра Ивановна – *аспирант Санкт-Петербургского государственного университета*.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: alexa_rubtsova@mail.ru

Рассмотрены основные противоречия в ходе ливано-израильского конфликта. Выделены акторы, которые имеют наибольшее влияние на его развитие. Историческая логика противоречий переносится автором на новый аспект отношений, связанный с перспективностью средиземноморского шельфа стран – сторон конфликта с точки зрения разведки и разработки углеводородов. Делается вывод о том, возможно ли урегулирование споров между Ливаном и Израилем и каковы перспективы развития ситуации в регионе.

ЛИВАНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ; МОРСКИЕ ГРАНИЦЫ; ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ; ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР.

Ближневосточный конфликт является одним из наиболее затяжных и острых на современной политической карте мира. Ливанский фронт связан с противостоянием Израиля, с одной стороны, и целого ряда государств и радикальных групп – с другой. До последнего времени как в российской, так и в зарубежной литературе он рассматривался исключительно в терминах этнорелигиозного противостояния, геополитического соперничества на Ближнем Востоке, борьбы за сферы влияния. В связи с открытием довольно внушительных запасов углеводородов на шельфе в восточной части Средиземного моря ливано-израильский конфликт приобрел новый стимул к развитию. Пространством борьбы стала акватория, целью – доступ к месторождениям газа.

Впервые Ливан вступил в военный конфликт с Израилем в составе коалиции арабских государств во время войны 1948 года на волне панарабизма, вызванного процессом деколонизации и образованием государства Израиль на части палестинской территории, подмандатной Великобритании, и древнего Иудейского царства. Военная победа Израиля позволила ему отстоять свое право на существование. Ливан в войне 1948 года территориальных потерь не понес.

В Шестидневной войне 1967 года Ливан формально участия не принимал, но именно с этого момента, пожалуй, и стоит говорить о зарождении серьезных ливано-израильских противоречий, первоначально вылившихся в территориальные претензии. Наряду с другими странами Ближнего Востока военные действия против Израиля вела Сирия и понесла серьезные территориальные потери. Речь идет о Голанских высотах, стратегически важном пункте, с которого можно было обстреливать всю северную часть Израиля. Голанские высоты были крайне важны и для Израиля, в частности с точки зрения доступа к ресурсам пресной воды: здесь находится Тивериадское озеро, более известное как Галилейское море. Вместе с Голанскими высотами израильскими войсками были оккупированы фермы Шебаа – небольшая спорная территория, находящаяся на границе Сирии и Ливана. Впоследствии это позволило Ливану заявлять о захвате Израилем части его суверенной территории.

Период Гражданской войны (1975–1990) в Ливане можно рассматривать в качестве нового этапа в двусторонних отношениях. В результате внутренних этнорелигиозных противоречий Ливан стал полем борьбы не только внутрен-

них, но и внешних сил, стремившихся распространить свое влияние на его территорию. После событий «Черного сентября» 1973 года палестинские беженцы были вынуждены перебраться из Иордании в Ливан. В их среде попрежнему активно действовали радикальные группы, выступавшие за вооруженную борьбу против сионистского врага до победного конца, в том числе боевики Организации освобождения Палестины (ООП). Мусульманским общинам оказывали поддержку Сирия и Иран. Первая хотела расширить зону своего влияния, ссылаясь на общие исторические и культурные корни Сирии и Ливана. Для Ирана Ливан стал очередной страной, где он стремился совершить исламскую революцию, опираясь на шиитское население. В 1982 году на юге Ливана была создана «Хезболла» – военизированная шиитская организация, которая позже стала играть важную роль в политике как этой страны, так и всего Ближнего Востока. Формальным поводом для ввода израильских войск в южные районы Ливана стало обращение христианской общины за помощью после нападения на город Захле с преимущественно христианским населением. Другой задачей ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля) было освободить южные регионы от боевиков ООП.

Собственно, оккупация юга Ливана и создание «Хезболла» стали главными итогами Гражданской войны в свете их влияния на отношения Ливана и Израиля. После пятнадцати военных лет Ливан превратился из «ближневосточной Швейцарии» – респектабельного средиземноморского курорта со стабильной экономической и банковской системами – в подобие государственного образования, оккупированное, с одной стороны, Израилем, с другой – сирийскими войсками, с постоянным присутствием наблюдательной миссии ООН.

В условиях фактического отсутствия центральной власти «Хезболла», щедро финансируемая Ираном, становится не только мощной по местным меркам военизированной организацией, но и проводником широкомасштабных социальных программ после окончания военных действий. Как отмечал А. Байят, известный исследователь политических процессов на Ближнем Востоке, «Хезболла» «брала на себя строительство инфраструктуры в разрушенных Гражданской войной районах, развивала проекты в области медицинского обслуживания, строила госпитали, дороги, дома, школы, спортивные центры, электро- и газостанции, системы канализации, занималась обеспечением населения электричеством и водой. Она предоставила около 130 тыс. преподавателей школ и вузов, обеспечила материальной помощью 135 тыс. нуждающихся семей, сделала доступными беспроцентные займы» [1]. Безусловно, такие социальные программы носили свойственный системе клановый характер и распространялись главным образом на шиитскую общину. Тем не менее данная политика позволила «Хезболла» добиться широкой популярности среди населения. Идеология организации как нельзя лучше отвечала требованиям времени и ситуации в стране. Она выступала за единый, неделимый, свободный от внешних вмешательств Ливан, полное освобождение территории от оккупации, непримиримую борьбу с Израилем до его уничтожения и обретения арабским миром его святыни в Иерусалиме [2].

Принятие Таифских соглашений (1989) положило конец Гражданской войне и определило основные черты нового конституционного порядка. В результате современный государственный строй и политическая система Ливана основываются на конфессиональном принципе разделения власти между различными этническими и религиозными общинами, выборы в законодательные и исполнительные органы осуществляются согласно определенным квотам. «Хезболла» стремилась к тому, чтобы ее представители были включены в формировавшиеся политические структуры. Соответственно из организации, полагающейся на принципы национально-освободительного движения и исключительно вооруженные методы достижения целей, она трансформировалась в политическую партию.

Применение принципа конфессионализма позволило достичь хрупкого баланса в отношениях между религиозными общинами Ливана, однако он также содержит в себе основания для противоречий. Дело в том, что шиитская община, прежде третья по численности, за эти годы стала самой многочисленной. А возросшая роль «Хезболла» не могла найти пропорционального отражения в политической системе, ограниченной конфессионализмом. Таким образом,

«Хезболла» стала своего рода «государством в государстве».

Если говорить о внешнеполитической обстановке, то следует упомянуть о том, что Ливан после Гражданской войны фактически вошел в число стран так называемого «шиитского полумесяца». Иран, претендуя на религиозное и политическое лидерство на Ближнем Востоке, создал вокруг себя коалицию стран, где шииты играли значительную роль. В Сирии его союзником стал алавитский правящий режим Асадов, а в Ливане – «Хезболла», сама продукт деятельности иранских спецслужб и проектов по экспорту исламской революции.

Кроме того, центром силы в регионе стала Саудовская Аравия, которая является мировым центром ислама (здесь находятся важнейшие мусульманские святыни) и проповедует как религиозную идеологию ваххабизм ханбалитского толка. Египет также претендовал на место одного из центров силы, Ирак играл определенную роль. Израиль рассматривался странами «шиитского полумесяца» как враг, с которым нужно вести бескомпромиссную борьбу до полного уничтожения. Иран видел в Израиле главного конкурента, претендующего на первенство в регионе.

Не имея непосредственных границ с Израилем, Иран рассматривал «Хезболла» в качестве меча исламской революции. Радикальная организация между тем действовала также вполне независимо, хоть и разделяла большинство иранских идеологических посылов. Кроме того, она состояла в тесной взаимосвязи с сетью других исламистских радикальных организаций. В частности, в 1990-х годах сложился геополитический союз «Хезболла» с ХАМАС («Исламское движение сопротивления»), который тем самым решал вопрос своей изоляции у границ Израиля. Сотрудничество организаций позволяло вести борьбу против Израиля на два фронта. Израильский автор Э. Рекесс отмечает, что организации сыграли заметную роль в срыве процесса ближневосточного урегулирования: «Так, в 1991 году во время конференции, посвященной мирному процессу на Ближнем Востоке, Иран организовал параллельную конференцию, в которой участвовали радикальные организации, выступавшие против переговоров, которые вела ООП с Израилем. Участники этой конференции в Тегеране не могли согласиться с самим фактом существования Израиля и решили все сделать для того, чтобы саботировать эти переговоры. В это время как раз и были установлены отношения между Ираном и ХАМАС» [3]. Как утверждает Э. Кармон, Иран с начала 1990-х годов стал оказывать ХАМАС и финансовую помощь, выделяя по 30 млн долларов в год [4]. Израиль продолжал сотрудничество с США, а также с целым рядом арабских стран. Стараясь уйти от изоляции, он установил отношения с Египтом (1979) и Иорданией (1994).

История отношений Ливана и Израиля наглядно демонстрирует, что территориальный вопрос играл важнейшую роль для развития реваншистских настроений и пропаганды национально-освободительной идеологии со стороны «Хезболла». Именно позиционирование себя в качестве единственной силы в Ливане, способной бросить вызов израильской захватнической политике, давало «Хезболла» основной стимул к существованию, поддерживало ее популярность среди шиитских и других религиозных групп.

Понимая, что в связи с оккупацией южных районов Ливана израильским войскам приходится обеспечивать постоянную оборону сразу на нескольких фронтах и что благодаря этому факту Иран, Сирия и Ливан получают дополнительный политический козырь при диалоге с международным сообществом в рамках широкомасштабного процесса ближневосточного урегулирования, запущенного в 2000 году, Израиль вывел свои войска с ливанской территории.

«Хезболла», объявившая, что считает вывод израильских войск из Ливана своим успехом, должна была бы смягчить свою риторику. Однако этого не произошло. Организация вновь напомнила о фермах Шебаа и еще нескольких ливанских деревнях, которые Израиль якобы оккупировал во время арабо-израильской войны 1948 года.

Израиль после вывода своих войск приобрел дополнительный рычаг давления на Сирию, войска которой продолжали оставаться на территории Ливана. В ходе «кедровой» революции 2005 года, начавшейся после того, как премьер-министр Ливана Р. Харири, выступавший за вывод сирийских войск, был взорван в своем автомобиле, прошли массовые акции проте-

ста оппозиционных сил, требовавших освободить территорию Ливана от иностранных военных. Войска действительно были выведены, однако борьба за влияние в Ливане перешла в разряд соперничества внешних сил за назначение лояльных политиков на ключевые места в этой стране.

«Хезболла» также постепенно продвигала своих людей на министерские посты и в ливанский парламент. Организация стала особенно популярна после войны с Израилем 2006 года, поводом для начала которой послужил захват израильских военных, оказавшихся на спорной территории – в области Шебаа. Результаты военных действий стали крайне неоднозначными. Если говорить о количестве жертв, то, безусловно, с ливанской стороны их было значительно больше. В то же время Израиль не выполнил поставленных перед собой задач – «Хезболла» не была лишена боеспособности, захваченные военные не были освобождены. Все это позволило радикальной организации заявлять о победе в ливано-израильской войне, что, конечно же, имело огромный резонанс в арабском мире.

История развития ливано-израильских противоречий показывает, что во взаимоотношениях двух стран территориальный фактор играл крайне важную роль как повод для популяризации антиизраильских настроений и что Ливан в силу этноконфессионального состава государства и существующей ливанской модели организации власти никогда не был де-факто политически самостоятельным и независимым, всегда оставаясь фронтом борьбы различных ближневосточных групп, обусловленной их политическими интересами.

Данная логика развития событий не может не оказывать существенного влияния в ходе борьбы за обладание энергетическими ресурсами шельфа Восточного Средиземноморья. До последнего времени данный регион не был интересен с точки зрения его энергетического потенциала. Здесь единственной страной, имеющей углеводородные ресурсы, была Сирия. Импортерами нефти и газа являлись Палестина, Израиль, Ливан, Иордания. Причем объем импортируемых энергоресурсов в относительных показателях был невелик, что соответствовало скромным потребностям стран.

В то же время для Израиля вопрос о возможности обеспечить себя энергетическими ресурсами стоял крайне остро с момента образования государства. Находясь во враждебном окружении, Израиль мог полагаться только на собственные запасы и импорт по морю. Тель-Авив прикладывал усилия для разведки месторождений газа и нефти, несмотря на то что область не считалась нефтегазоносной.

Сегодня Израиль импортирует нефть в основном из Азербайджана, природный газ – из России и других стран СНГ. Кроме того, до событий Арабской весны он получал до 40 % импортируемого природного газа по Арабскому трубопроводу, проходящему из Египта через территории Иордании, Сирии и Ливана (с отдельным рукавом для Израиля) [5]. Для Египта, третьей по запасам голубого топлива страны в Африке, объем всего газа, экспортируемого по Трансарабскому газопроводу, составляет порядка 4 % от общего объема экспорта [6]. По данным Международного энергетического агентства, в Израиле доля природного газа составляет порядка 11 % относительно других энергоресурсов. В настоящее время половина предприятий его энергетического комплекса (49 %) работает на импортной нефти и около трети (35 %) – на угле [5]. При этом доля газа в структуре энергопотребления постепенно растет. Правительство стремится отказываться от угля из-за заявлений оппозиции, что его использование наносит серьезный урон окружающей среде.

В этой связи открытие крупных месторождений в водах восточной части Средиземного моря стало важнейшим событием не только в национальном масштабе, но и в региональном, а возможно, и в глобальном масштабе. Прежде в водах Израиля были обнаружены лишь незначительные месторождения. Первыми из месторождений, способных обеспечить национальные потребности в природном газе, стали месторождения «Тамар» и «Далит», разведанные в 2009 году. Когда же американская компания «Noble Energy» объявила об обнаружении в исключительной экономической зоне Израиля (в непосредственной близости от морской границы с Ливаном) месторождения «Левиафан», запасы которого были оценены в 450 млрд кубических метров газа, т. е. в 2 раза больше, чем месторождения «Тамар», оно было названо крупнейшим газовым месторождением, открытым в XXI веке. У Израиля появились перспективы не только обеспечения своих по-

требностей собственным газом, но и экспорта его за рубеж. Кроме того, стало очевидным, что шельф Восточного Средиземноморья крайне перспективен с точки зрения нефте- и газодобычи. В акваториях других прибрежных стран также могут быть запасы углеводородов. По данным Геологической службы США, в Ливане может находиться до 700 млрд кубических метров газа [7].

Сложность, однако, заключается в том, что морские границы в регионе не были определены. Впервые этой проблемой озадачилась Республика Кипр, подписавшая в 2007 году соглашение о делимитации границ с Ливаном. Но данное соглашение не было ратифицировано в Бейруте в связи с нотой протеста, заявленной Анкарой, которая сочла, что документ ущемляет права Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) и ее интересы в акватории Средиземного моря.

Когда же в 2010 году встал вопрос о делимитации исключительных экономических зон Республики Кипр и Израиля в связи с обнаружением значительных запасов энергоресурсов, стороны взяли в качестве северных отправных точек делимитации координаты, указанные в соглашении 2007 года между Кипром и Ливаном. В ответ на подписание соглашения 2010 года ноты протеста вновь направили ТРСК, Турция, а также Ливан.

Ливан оспаривал не только сам факт заключения соглашения, но и принадлежность морской пограничной зоны в виде треугольника с вершиной в точке отсчета исходной линии моря на ливано-израильской границе и основанием в 17 км к югу от самой южной точки делимитации границы, предусмотренной в соглашении 2007 года между Ливаном и Кипром. Кроме того, Ливан, не без участия «Хезболла», выдвинул претензии на часть месторождения «Левиафан», считая, что оно частично расположено в границах его исключительной экономической зоны. Получив соответствующий протестный запрос Бейрута, ООН самоустранилась от решения этого вопроса, сославшись на то, что полномочия миротворческой миссии ВСООНЛ в Ливане ограничены лишь охраной сухопутной границы.

Очевидно, что территориальные требования со стороны Ливана обусловлены желанием целого ряда акторов ближневосточной политики, по крайней мере, ограничить возможность разработки месторождений и экспорта газа Израилем. С другой стороны, требования укладываются в общую логику развития территориальных претензий между Ливаном и Израилем, в которых «Хезболла» находила основу для своего существования и популярности. Наконец, солидарность в вопросе морских границ с позицией Турции и ТРСК позволяет Ливану приобрести дополнительных союзников.

Вместе с тем с точки зрения международного права претензии Ливана на спорную часть акватории выглядят вполне оправданно, поскольку, во-первых, Израиль не является подписантом Конвенции 1982 года по морскому праву; во-вторых, сама Конвенция не предусматривает ни однозначных принципов делимитации морских границ, ни механизмов разрешения соответствующих споров. Как показывает мировая практика, в таких ситуациях возможны создание зон совместной эксплуатации (в случае морских пространств, где граница не может быть проведена) и заключение соответствующих соглашений о совместной разработке месторождений и разделе продукции/прибыли в установленных пропорциях. Если существуют сомнения, что месторождение является трансграничным, стороны обоюдно проводят геологоразведку. В случае подтверждения предположений они могут заключить соглашение о юнитизации, т. е. совместной разработке месторождения, предполагающей создание особого правового и трансграничного режима.

В связи с событиями Арабской весны и гражданской войной в Сирии, пользуясь слабостью властей в Бейруте, как сирийские оппозиционные силы, армия Башара Асада, так и Израиль использовали ливанскую территорию для нанесения ударов по войскам противника в Сирии [8]. В то же время Израиль уже приступил непосредственно к разработке месторождения «Левиафан» и распределению долей в консорциуме. Доли получили американская компания «Noble Energy», израильские «Delek», «Ratio», «Avner», австралийская «Woodside» [9], а вот российские компании «Газпром» и «Новатэк», которые рассматривались как серьезные претенденты на разработку, долей в «Левиафане» не получили.

Таким образом, очевидно, что Израиль, заручившись поддержкой держав, заинтересован-

ных в разработке газовых ресурсов в Восточном Средиземноморье, предпочел односторонние действия, отказавшись от поиска компромисса с Ливаном. В свою очередь, Ливан и «Хезболла» вновь пытались использовать энергетический фактор и неурегулированность морских границ для дестабилизации обстановки в регионе, срыва планов по разработке месторождений.

В то же время собственный шельф Ливана остается неразведанным, хотя также потенциально содержит в себе значительные залежи углеводородов. В условиях конфессиональной системы власти, ставшей гарантом хрупкого политического баланса между религиозными общинами страны, вопрос разведки и последующей разработки ресурсов на шельфе может вызвать новый виток напряженности. Это зависит от того, какой общий баланс сил сложится на Ближнем Востоке и смогут ли эти силы найти консенсус по ливанскому вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bayat A.** Activism and Social Development in the Middle East // Int. J. of Middle East Studies. 2002. Vol. 34, no. 1. P. 1–28.

2. **Document** politique du Hezbollah. Available at: http://www.voltairenet.org/article164055.html (accessed 23.04.2013).

3. **Rekhess E.** The Terrorist Connection – Iran, the Islamic jihad and Hamas. Tel-Aviv: Justice, 1995. 409 p.

4. **Karmon E.** Gaza/Hamastan, plateforme de déstabilisation du monde arabe par l'Iran // l'Institute for Counter-Terrorism et à l'Institute for Policy and Strategy at the Interdisciplinary Centre, Herzliya, Israël. Available at: http://www.cairn.info/zen.php?ID_ARTICLE=OUTE_022_0041 (accessed 19.04.2014).

5. **2009 Energy** Balance for Israel // International Energy Agency. Available at: http://www.iea.org/stats/balancetable.asp?COUNTRY_CODE=IL (accessed 13.04.2014).

6. **Egypt** // U.S. Energy information administration. Available at: http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=EG (accessed 13.04.2014).

7. **Eastern** Mediterranean Region // U.S. Energy information administration. Available at: http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=em (accessed 19.04.2014).

8. **Терещенко Д.** Игры вокруг Сирии: израильский пасьянс / Фонд стратегической культуры. URL: http://www.fondsk.ru/news/2013/06/09/igry-vokrug-sirii-izrailskij-pasjans-20892.html (дата обращения: 13.04.2014).

9. **Henderson S.** Energy Discoveries in the Eastern Mediterranean: Source for Cooperation or Fuel for Tension? The Case of Israel /Policy Brief / The German Marshall Fund of the United States. Available at: http://vsr.mil.by/2012/08/29/borba-za-leviafan/ (accessed 10.05.2014).

A.I. Rubtsova

ENERGY FACTOR IN THE CONTEXT OF THE LEBANESE-ISRAELI CONFLICT

RUBTSOVA Aleksandra I. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: alexa_rubtsova@mail.ru

The article represents analysis of the main contradictions in the Lebanese-Israeli conflict. The actors that have been influencing the evolution of the conflict most are outlined. The historical logic of the contradictions is transferred by the author into a new aspect due to the fact that the East Mediterranean maritime shelf is promising in terms of exploration and exploitation of hydrocarbon resources. The author outlines the possibilities of dispute settlement in the waters of two countries and perspectives for the development of the present situation in the region.

LEBANESE-ISRAELI CONFLICT; MARITIME BOUNDARIES; EASTERN MEDITERRANEAN; ENERGY FACTOR.

REFERENCES

1. Bayat A. Activism and Social Development in the Middle East. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 34, no. 1 (Feb., 2002), pp. 1–28.

2. [Political document of Hezbollah]. Available at: http://www.voltairenet.org/article164055.html (accessed 23.04.2013).

3. Rekhess E. The Terrorist Connection – Iran, the Islamic jihad and Hamas / Justice Publ. Tel-Aviv. Mai 1995. 409 p.

4. Karmon E. Gaza/Hamastan, platform of destabilization of the Arab world by Iran. Institute of Counter-Terrorism and Institute of Policy and Strategy at the Interdisciplinary Centre, Herzliya, Israel. Available at: http://www.cairn.info/zen.php?ID_ARTICLE=OUTE_022_0041 (accessed 19.04.2014).

5. 2009 Energy Balance for Israel. *International Energy Agency*. Available at: http://www.iea.org/stats/balancetable.asp?COUNTRY_CODE=IL (accessed 13.04.2014).

6. Egypt. U.S. Energy information administration. Available at: http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=EG (accessed 13.04.2014).

7. Eastern Mediterranean Region. U.S. Energy information administration. Available at: http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=em (accessed 19.04.2014).

8. Tereshchenko D. *Igry vokrug Sirii: izrail'skiy pas'yans* [Games around Syria: Israeli patience]. Fund of strategic culture. Available at: http://www.fondsk.ru/news/2013/06/09/igry-vokrug-sirii-izrailskij-pasjans-20892.html (accessed 13.04.2014).

9. Henderson S. Energy Discoveries in the Eastern Mediterranean: Source for Cooperation or Fuel for Tension? The Case of Israel /Policy Brief / The German Marshall Fund of the United States. Available at: http://vsr.mil.by/2012/08/29/borba-za-leviafan/ (accessed 10.05.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 66

А.Г. Морачевский

ВОЕННО-ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918) (*К 100-летию начала Первой мировой войны*)

МОРАЧЕВСКИЙ Андрей Георгиевич – *профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; доктор технических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: morachevski@mail.ru

Рассмотрено развитие военно-химической промышленности России в годы Первой мировой войны. Анализируется деятельность российских ученых по разработке эффективных технологий получения отравляющих и взрывчатых веществ. Особое внимание уделено деятельности выдающегося химика академика В.Н. Ипатьева, возглавившего Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, и профессора Петроградского политехнического института П.П. Федотьева. Дана оценка работы Военно-химического комитета при Русском физико-химическом обществе.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ИСТОРИЯ ХИМИИ; ВОЕННО-ХИМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО; ПЕТРОГРАДСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ; РУССКОЕ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

28 июня 1914 г. в Сараево, столице Боснии, небольшого государства на Балканском полуострове, аннексированного в 1908 г. Австро-Венгрией, был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Хотя оба участника этого убийства были подданными Австро-Венгрии, в организации преступления обвинили Сербию и начались преследования сербов, живущих на территории Боснии. Сербскому правительству 23 июля был вручен ультиматум Австро-Венгрии с требованиями, явно неприемлемыми для независимого государства. Россия покровительствовала славянским странам, включая Сербию, хотя и не имела с ней формального договора о взаимопомощи. Уже 24 июля Сербия обратилась к России с просьбой о помощи, и 27 июля император Николай II ответил: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желаниям, мы в этом не успеем <...> ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии» [См.: 1].

Несмотря на то что Сербия согласилась с большей частью предъявляемых ей требований и была готова к дальнейшим переговорам, Австро-Венгрия 28 июля объявила Сербии войну. В тот же день русское правительство объявило частичную, а 30 июля – общую мобилизацию. Требование Германии о немедленном приостановлении мобилизации было отклонено, и Германия 1 августа 1914 г. объявила войну России, а 3 августа – Франции. Германское вторжение в Бельгию, нейтралитет которой гарантировался Великобританией, привело к тому, что Англия 5 августа объявила войну Германии. Австро-

Венгрия 6 августа объявила войну России. Началась Первая мировая война, в которой основными противостоящими друг другу силами стали Четверной союз (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) и Антанта (Великобритания, Франция и Россия).

К началу XX в. Россия входила в число великих держав. Территория ее превышала 22,4 млн км^2, численность населения к началу Первой мировой войны составляла около 170 млн человек. Страна занимала одно из первых мест по уровню рождаемости, многодетные семьи являлись скорее правилом, чем исключением. Почти половине населения России было менее 20 лет. Начиная с 1860-х гг. и вплоть до начала Первой мировой войны рост промышленного производства в России составлял в среднем 5 % (больше, чем в странах Западной Европы). Особенно успешным было развитие промышленного и сельскохозяйственного производства (начиная с 1907 г. благодаря реформам П.А. Столыпина) [2].

Однако химическая промышленность России по многим показателям оставалась в зачаточном состоянии. В Министерстве торговли и промышленности не было органа, планирующего развитие отдельных отраслей промышленности, важных для обороны и экономики страны. Многие продукты химической промышленности, ввозимые из-за границы, можно было производить в России. Приведем характерный пример. За период проводимой П.А. Столыпиным земельной реформы потребление калийных удобрений возросло (в пересчете на чистый калий) с 6 (в 1908-м) до 23,9 тыс. т (1912). Из-за начавшейся войны ввоз таких удобрений полностью прекратился [3]. Собственного производства не было. Подобных примеров можно привести очень много.

В 1915 г. выдающийся российский ученый академик В.И. Вернадский писал: «Мировая война требует напряжения всех наших сил. Она может быть доведена до конца только при подъеме творческой, производительной работы, необходимой как для залечивания наносимых войной в экономической жизни ударов, так и для новых источников силы». Как член ЦК партии кадетов, Вернадский стал одним из авторов обращения «К единомышленникам» (1914): «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш долг сохранить родину единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия» [Цит. по: 4].

После первых успехов и поражений на фронтах уже к началу 1915 г. стал ощущаться недостаток в боеприпасах, обусловленный отсутствием сырья для производства взрывчатых веществ. В связи с острой нехваткой бензола и толуола и невозможностью получить их от союзников военный министр В.А. Сухомлинов направил в Донецкий бассейн группу специалистов во главе с выдающимся русским химиком, профессором Михайловской артиллерийской академии, генерал-лейтенантом, действительным членом Санкт-Петербургской академии наук В.Н. Ипатьевым (1867–1952). Проведя тщательную инспекцию коксохимических заводов Юга России, ученый сделал вывод: через два-три месяца можно начать производство ароматических углеводородов, а через семь-восемь месяцев ликвидировать их дефицит в стране [5, 6].

В феврале 1915 г. при Главном артиллерийском управлении Военного министерства России была создана *Комиссия по заготовке взрывчатых веществ*, которую возглавил академик В.Н. Ипатьев. Первоочередные задачи комиссии – организация производства бензола и толуола пиролизом нефтепродуктов, а также увеличение производства серной и азотной кислот, необходимых для изготовления взрывчатых веществ. Комиссия сразу же развернула энергичную деятельность. Собственного производства бензола в России вообще не было. Члены комиссии инспектировали все химические заводы, как казенные, так и частные. Вся информация немедленно стекалась к В.Н. Ипатьеву в Петроград. Первый специализированный бензольный завод в Донбассе был пущен в августе 1915 г., менее чем через полгода после утверждения планов его строительства, а в конце того же года началось строительство еще 20 небольших бензольных заводов на базе нефтяного сырья.

При образовании комиссии перед ней была поставлена следующая задача: ежемесячное производство взрывчатых веществ должно достичь 60 тыс. пудов (1 пуд = 16,38 кг). С са-

мого начала было ясно, что с помощью одних казенных заводов, без привлечения частных предприятий, эту задачу выполнить невозможно. Частные химические заводы надо было перепрофилировать на производство взрывчатых веществ, ранее они производились только на государственных предприятиях. Выполнение задачи осложнялось и тем, что было расширено число типов взрывчатых веществ, применялись также их различные смеси. Ввиду недостатка тротила к нему добавляли 40–50 % аммиачной селитры, изготовление которой в больших количествах было организовано на одном из предприятий Донбасса. Были разработаны также способы получения тринитроксилола. Он мог применяться в качестве взрывчатого вещества наряду с тринитротолуолом (тротилом). Изготовление тринитроксилола началось на трех заводах России. Кроме того, была разработана новая технология производства такого важного взрывчатого вещества, как пикриновая кислота. Производство ее было организовано также на одном из заводов Донбасса.

Все производства создавались на частных заводах, которые раньше никогда не занимались органическим синтезом. На ряде заводов было налажено производство динитронафталина, который совместно с пикриновой кислотой использовался при изготовлении снарядов. В.Н. Ипатьев [6] приводит следующие цифры суммарного производства в 1915 г. взрывчатых веществ: в феврале – 6,3; в апреле – 17,4; в июне – 37,4; в августе – 53,9; в октябре – 85,4 тыс. пудов. При этом если за указанный промежуток времени производство на казенных заводах выросло в 2,3 раза (с 5 до 11,5 тыс. пудов), то на частных заводах – в 53 раза (с 1,4 до 74 тыс. пудов). Таким образом, первоначально поставленная перед комиссией задача была выполнена за шесть месяцев благодаря перепрофилированию большого числа частных заводов. Однако уже в июне 1915 г. Комиссия по заготовке взрывчатых веществ получила новое задание – их производство должно быть увеличено до 165 тыс. пудов в месяц.

Производство такого громадного количества взрывчатых веществ и порохов требовало большого количества серной кислоты. В связи с военными действиями заводы по ее производству, расположенные в Риге, а также на территории Польши и работавшие на привозимом из-за границы сырье, не могли продолжать свою деятельность, а они производили 500 тыс. пудов серной кислоты ежемесячно. В июле 1915 г. оставшиеся в России заводы могли производить только 700 тыс. пудов серной кислоты в месяц, что грозило сокращением производства взрывчатых веществ, несмотря на налаженное достаточное производство основных компонентов – органических соединений. Собранный В.Н. Ипатьевым в Москве съезд представителей сернокислотных и горнорудных предприятий России составил программу расширения производства серного колчедана и серной кислоты. Летом и осенью 1915 г. приступили к строительству 20 новых сернокислотных заводов на базе отечественного сырья. Уже в январе 1916 г. выработка серной кислоты увеличилась до 1 млн пудов в месяц, а в марте – до 1,3 млн пудов, что было вполне достаточно для расширения производства взрывчатых веществ и порохов и получения их в нужном количестве.

Наряду с серной кислотой для производства взрывчатых веществ необходима азотная кислота. В довоенные годы она производилась из привозного сырья – чилийской селитры, отечественных месторождений селитры не было. Комиссия, руководимая В.Н. Ипатьевым, приступила к разработке способа производства азотной кислоты из аммиака, который был побочным продуктом коксохимических предприятий. Уже к осени 1915 г. инженером И.И. Андреевым на лабораторной установке в Технологическом институте в Петрограде и на опытной установке в Макеевке (Донбасс) были получены необходимые данные для проектирования завода по производству азотной кислоты. В марте 1916 г. в Юзовке (Донецке) было начато строительство завода, который в феврале 1917 г. выдал первую продукцию. В годы войны некоторое количество нитрата аммония поставляла в Россию Норвегия.

В ночь с 17 на 18 мая 1915 г. на Варшавском направлении немцы впервые применили на российско-германском фронте удушающие (отравляющие) газы. Потери, понесенные русскими войсками, были огромны: за одну ночь из строя были выведены около 7–8 тыс. военнослужащих, многие из них умерли. Для выяснения обстановки В.Н. Ипатьев был временно откомандирован в распоряжение верховно-

го начальника санитарной и эвакуационной части российской армии принца А.П. Ольденбургского. Вместе с ним и профессором химии Инженерной академии в Петрограде А.И. Горбовым Ипатьев выехал на фронт. Когда стало известно, что на французско-германском фронте немцы применили отравляющие вещества, в российской армии были заготовлены специальные повязки с поглотителем хлора, однако они не были своевременно розданы военнослужащим. После осмотра места газовой атаки было установлено, что немцы применяли хлор, выпуская его из баллонов, где он находился в сжиженном состоянии. Об этом В.Н. Ипатьев доложил Верховному главнокомандующему вооруженными силами России великому князю Николаю Николаевичу, ставка которого находилась на территории Польши. В своем докладе ученый указал, что хлор в России производится на заводах в Донбассе, но на создание установок для его сжижения потребуется четыре-пять месяцев. Было решено создать специальную *Комиссию по удушающим средствам*, которая весьма энергично начала свою деятельность в июле 1915 г.

Анализ сложившейся ситуации показал, что необходимо изготовлять два типа удушающих веществ – для выпуска их из баллонов и для заполнения ими снарядов, предназначенных для обстрела противника в окопах или на батареях. Для первой цели служил сжиженный хлор, находящийся в баллонах под давлением 30–35 атм. Для заполнения снарядов можно было использовать различные удушающие вещества: хлорпикрин, фосген, синильную кислоту, хлористый мышьяк. Находящиеся в Донбассе (в Донецке и Славянске) заводы по производству щелочи и хлора не производили сжиженный хлор и не имели соответствующего оборудования. Весь получаемый хлор шел на производство хлорной извести. Заводам немедленно было дано новое задание – производить жидкий хлор. Донецкий завод (ст. Переездная Юго-Западной ж. д.) в основном обслуживался бельгийскими специалистами и, получив компрессоры зарубежной фирмы, быстро справился с поставленной задачей. На заводе в Славянске пришлось обходиться собственными силами, и произошла задержка с поставками жидкого хлора. Донецкий завод в период со 2 августа 1915-го по 1 сентября 1916 г. поставил 91 тыс. пудов жидкого хлора, а славянский за то же время – 23 тыс. пудов. Тем не менее в случае необходимости производство обоими заводами могло составить 550–600 пудов в сутки. Поставки хлора полностью покрывали потребности армии. Целый ряд заводов был привлечен к производству фосгена, эта задача также была успешно решена.

В работах по расширению производства хлора на заводах Юга России активное участие принимал профессор Петроградского политехнического института П.П. Федотьев (1864–1934) [См. подробнее: 7]. В начале 1916 г. он был назначен директором завода в Славянске. Немцы, руководившие до войны производством, были высланы в Вятскую губернию. Помощником Федотьева был инженер-технолог Б.А. Сасс-Тисовский, впоследствии ставший известным ученым [8]. П.П. Федотьев одновременно был руководителем и донецкого завода, но на нем сохранялась бельгийская администрация, и необходимо было только направлять туда указания для исполнения.

Под руководством П.П. Федотьева во время войны было начато строительство хлорного завода близ Лисичанска (Донбасс). Производительность завода была рассчитана на 520 пудов жидкого хлора в сутки, но до конца войны она не была достигнута.

В организации производства фосгена на целом ряде заводов России большая заслуга принадлежит профессору Московского университета Е.И. Шпитальскому.

Кроме того, было налажено производство хлорпикрина, который употреблялся как удушающее средство. Им наполняли химические снаряды. Из второстепенных продуктов можно назвать производство мышьяковистых соединений и хлорного олова.

Комиссия по удушающим средствам с момента своего создания работала в тесном контакте с Русским физико-химическим обществом (РФХО), которое оказывало ей постоянную поддержку в выработке методов получения разнообразных химических соединений. В сентябре 1915 г. совет РФХО вошел в Особое совещание по обороне с ходатайством об отпуске средств для организации *Военно-химического комитета* и при нем небольшого опытного завода для проведения исследований в малом заводском масштабе. Руководимая В.Н. Ипа-

тьевым Комиссия по заготовке взрывчатых веществ активно поддержала это ходатайство. В конце 1915 г. Военно-химический комитет при РФХО был окончательно сформирован и получил средства для производства научных исследований. При этом следует отметить, что профессора и преподаватели, которые участвовали в его работах, никакого вознаграждения не получали. Председателем комитета был избран профессор Горного и Политехнического институтов академик Н.С. Курнаков, его заместителем стал профессор Петроградского университета В.Е. Тиценко. В состав комитета вошли виднейшие ученые того времени: академик В.Н. Ипатьев, профессор Петроградского университета А.Е. Фаворский, геохимик и геолог А.Е. Ферсман, профессор Петроградского университета Л.А. Чугаев и др. Московское отделение Военно-химического комитета возглавил академик П.И. Вальден. Деятельность комитета быстро расширялась, и это приносило большую пользу как Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, так и Комиссии по удушающим средствам. Задача комитета заключалась в том, чтобы объединить усилия русских химиков для совместной и планомерной работы по вопросам, связанным с нуждами государственной обороны [9].

К началу 1916 г. снабжением армии и страны различными химическими продуктами, добычей сырья для их производства занималось большое число различных организаций, но единого органа, координирующего и направляющего их деятельность, не было. В частности, такой важной проблемой, как создание противогаза, занимался целый ряд организаций и частных лиц, а пока войска в необходимых случаях пользовались малоэффективными влажными марлевыми повязками. Правда, осенью 1915-го и зимой 1916 г. немцы газовых атак не предпринимали. Военный совет 7 апреля 1916 г. принял решение создать при Главном артиллерийском управлении (ГАУ) *Химический комитет*. Уже 16 апреля это решение было утверждено Высочайшим приказом. Химический комитет находился в ведении ГАУ, председатель его подчинялся непосредственно начальнику этого управления и должен был делать доклады о положении дел начальнику штаба Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России. Руководство Химическим комитетом было возложено на генерал-лейтенанта, академика В.Н. Ипатьева.

Химический комитет состоял из пяти отделов: взрывчатых веществ, удушающих средств, зажигательных средств и огнеметов, противогазового, кислотного. Каждый отдел проводил свои заседания и мог образовывать комиссии для рассмотрения подведомственных ему вопросов. Для окончательного решения важнейшие вопросы выносились на пленарные заседания Химического комитета, собиравшиеся не реже чем раз в неделю. В состав комитета входили также руководители или представители ряда учреждений и ведомств. В его деятельности принимали участие ведущие химики того времени: академик Н.С. Курнаков, профессора А.Е. Фаворский, Л.А. Чугаев, А.А. Яковкин, Г.В. Хлопин, А.А. Лихачев, В.Е. Тищенко, А.П. Поспелов. Для приведения в исполнение всех постановлений Химического комитета, для наблюдения за деятельностью химических заводов было создано семь региональных бюро.

В состав Химического комитета при ГАУ и Военно-химического комитета при РФХО входили в основном одни и те же ведущие химики Петрограда, Москвы и других городов России, что обеспечивало их тесное взаимодействие. Сразу же после образования Химического комитета была широко развернута работа по созданию противогаза, образована *Специальная совещательная комиссия* под председательством известного профессора-гигиениста Г.В. Хлопина. В состав этой комиссии вошли Н.С. Курнаков, А.Е. Фаворский, Л.А. Чугаев и другие ученые-химики. К работе по созданию противогаза были привлечены лучшие научно-технические силы России. Н.Д. Зелинский, в тот период (1911–1917) директор Центральной химической лаборатории Министерства финансов, одновременно преподававший в Политехническом институте в Петрограде, предложил использовать в качестве поглотителя активированный уголь. В создании противогаза активное участие принимали сотрудники Московского высшего технического училища во главе с профессором Н.А. Шиловым. Они подробно исследовали адсорбцию отравляющих веществ углем и защитное действие угольного противогаза. Большой вклад в изучение поглотительной способности угля внес уже упоминавшийся инженер И.И. Андреев. В.Н. Ипатьев выезжал на фронт,

чтобы лично убедиться в действии противогаза. За время деятельности Химического комитета (1916–1917) на фронт было поставлено более 15 млн противогазов различных типов [10, 11].

Благодаря активной деятельности самого председателя Химического комитета академика В.Н. Ипатьева, активности представительств этого комитета в различных регионах России, самоотверженной работе ведущих российских химиков, в годы Первой мировой войны был достигнут огромный прогресс в развитии военно-химической промышленности страны.

Первая мировая война с полным основанием характеризуется историками не только как противоборство армий, но и как война техники, «война умов» и, не в последнюю очередь, «война химиков». Она закончилась капитуляцией Германии в ноябре 1918 г. Если бы Россия оставалась в числе воюющих стран, даже полностью придерживаясь оборонительной тактики, но связывая значительную часть войск Германии и ее союзников на их восточном фронте, то, возможно, Германия капитулировала бы раньше. Россия вполне могла быть в числе победителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ольденбург С.С.** Царствование императора Николая II. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс, 1992. 288 с.

2. **Никонов В.А.** 1917 год в истории России // Вестн. РАН. 2013. Т. 33, № 6. С. 533–541.

3. **Сельскохозяйственный** промысел в России. Пг.: Изд-во Департамента земледелия, 1914. 255 с.

4. **Морачевский А.Г.** Академик Владимир Иванович Вернадский (К 150-летию со дня рождения) / под ред. Ю.С. Васильева. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 106 с.

5. **Ипатьев В.Н.** Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920. 48 с.

6. **Он же.** Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. I. Пг., 1921. 79 с.

7. **Морачевский А.Г.** Профессор Павел Павлович Федотьев и его научная школа / под ред. Ю.С. Васильева. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 89 с.

8. **Сасс-Тисовский Б.А.** П.П. Федотьев – инженер-электрохимик // Тр. Ленингр. политехн. ин-та им. М.И. Калинина. 1964. № 239. С. 16–21.

9. **Морачевский А.Г.** Академик Николай Семенович Курнаков и его научная школа / под ред. Ю.С. Васильева. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. 99 с.

10. **Дубинин М.М.** О развитии противогазового дела в Советском Союзе // Матер. по истории отечеств. химии: сб. докл. Второе Всесоюзн. совещание по истории отечеств. химии (21–26 апреля 1951 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 163–172.

11. **Фигуровский Н.А.** Замечательное русское изобретение (К 40-летию угольного противогаза Н.Д. Зелинского). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 53 с.

A.G. Morachevskiy

MILITARY CHEMICAL INDUSTRY OF RUSSIA IN THE FIRST WORLD WAR (1914–1918) (*Centennial of the First World War*)

MORACHEVSKIY Andrey G. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: morachevski@mail.ru

The author presents the development of Russian military chemical industry in the period of the First World War. Russian scientists' works in the field of the production of toxic and explosive substances are

analyzed. Special attention is paid to the meritorious work of the outstanding Russian chemists V. Ipatieff and P. Fedotjev. The author issues activities of the Chemical Committee of the Main Artillery Administration and the Military Chemical Committee of the Russian Physico-Chemical Association.

THE FIRST WORLD WAR; HISTORY OF CHEMISTRY; MILITARY CHEMICAL PRODUCTION; PETROGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE; RUSSIAN PHYSICO-CHEMICAL SOCIETY.

REFERENCES

1. Oldenburg S.S. Tsarstvovaniye Imperatora Nikolaya II. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Feniks Publ., 1992. 288 p. (In Russ.)

2. Nikonov V.A. 1917 god v istorii Rossii. *Vestnik RAN*, 2013, vol. 33, no. 6, pp. 533–541. (In Russ.)

3. Sel'skokhozyaystvennyy promysel v Rossii. Petrograd, Departament zemledeliya Publ., 1914. 255 p. (In Russ.)

4. Morachevskiy A.G. Akademik Vladimir Ivanovich Vernadskiy (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya). St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publ., 2013. 106 p. (In Russ.)

5. Ipatyev V.N. Rabota khimicheskoy promyshlennosti na oboronu vo vremya voyny. Petrograd, 1920. 48 p. (In Russ.)

6. Ipatyev V.N. Khimicheskiy komitet pri Glavnom artilleriyskom upravlenii i yego deyatelnost' dlya razvitiya otechestvennoy khimicheskoy promyshlennosti. Pt I. Petrograd, 1921. 79 p. (In Russ.)

7. Morachevskiy A.G. Professor Pavel Pavlovich Fedot'yev i yego nauchnaya shkola. St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publ., 2011. 89 p. (In Russ.)

8. Sass-Tisovskiy B.A. P.P. Fedot'yev – inzhener-elektrokhimik. *Trudy Leningradskogo Politekhnicheskogo instituta im. M.I. Kalinina*, 1964, no. 239, pp. 16–21. (In Russ.)

9. Morachevskiy A.G. Akademik Nikolay Semenovich Kurnakov i yego nauchnaya shkola. St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publ., 2010. 99 p. (In Russ.)

10. Dubinin M.M. O razvitii protivogazovogo dela v Sovetskom Soyuze. *Materialy po istorii otechestvennoy khimii*. II Vsesoyuznoye soveshchaniye po istorii otechestvennoy khimii (21–26 aprelya 1951 g.). Moscow, AN SSSR Publ., 1953. Pp. 163–172. (In Russ.)

11. Figurovskiy N.A. Zamechatel'noye russkoye izobreteniye (K 40-letiyu ugol'nogo protivogaza N.D. Zelinskogo). Moscow, AN SSSR Publ., 1956. 53 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 377.5

С.Л. Кузницына

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (ОЧЕРК ИСТОРИИ)

КУЗНИЦЫНА Светлана Леонидовна – *доцент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России; кандидат педагогических наук.*

Россия, 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., 149

e-mail: kuznitsyna@mail.ru

В статье проводится сравнительно-исторический анализ для определения главного содержания, основных форм, методологических принципов организации педагогической деятельности в советских индустриальных техникумах в 1920–1930-х гг. Автор использует компаративный метод анализа архивных документов, учебно-методических материалов, а также методический принцип единства исторического и логического, абстрактного и конкретного. Делается вывод, что в 1920-х гг. для индустриальных техникумов было характерно педагогическое новаторство, выражавшееся в наработке активных форм и методов обучения и воспитания; в 1930-х гг. в результате унификации народного образования произошел фактический отказ от дидактического и методического опыта предыдущего десятилетия, осуществлялась линия на жесткую политизацию и идеологизацию образования.

СТЕРЖНЕВАЯ СТРУКТУРА УЧЕБНОГО ПЛАНА; МЕТОДЫ И ФОРМЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ; ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕТОД; БРИГАДНО-ЛАБОРАТОРНЫЙ МЕТОД; ДАЛЬТОН-ПЛАН; ТЕХНИКУМЫ.

Чтобы определить главное содержание, основные формы и методологические принципы организации педагогической деятельности в советских индустриальных техникумах в 1920–1930-х гг., проведем сравнительно-исторический анализ.

В 1920-е гг. в СССР стала активно развиваться система среднего профессионального образования. Главная задача специальных учебных заведений (техникумов) состояла в том, чтобы обеспечить растущие потребности страны в квалифицированных технических кадрах. Все техникумы в то время делились на четыре типа: индустриальные, экономические, медицинские и художественные. Созданный в Ленинграде в сентябре 1924 г. Пожарный техникум относился к первому типу. Учебный процесс в нем осуществлялся в строгом соответствии с основными принципами построения учебных планов индустриальных техникумов, утвержденными 26 мая 1925 г. Комиссией по массовому профессиональному образованию научно-технической секции Государственного ученого совета (ГУС). Рассмотрим, в чем заключались эти принципы.

Во-первых, техникумы рассматривались как средние специальные учебные заведения, готовящие помощников инженеров для крупных предприятий и самостоятельных техников-руководителей для средних и небольших предприятий.

Во-вторых, учебный план индустриального техникума, согласно этим установкам, включал такой перечень дисциплин и в таком объеме, чтобы они обеспечивали серьезные и глубокие специальные знания, давали широкую общетехническую подготовку, воспитывали сознательное отношение к будущей профессии и вооружали необходимыми общественно-политическими знаниями.

В-третьих, специализация и специальные дисциплины в учебном плане индустриального

техникума были признаны основным, определяющим фактором, причем рекомендовалось включать в него только то, что действительно требовалось для подготовки техника к практической деятельности. Все лишнее и устаревшее должно было исключаться из учебных планов. «Конечная цель преподавания, – говорилось в Бюллетене научно-технической секции ГУС, – это выработка навыков в применении выводов теории к решению практических задач не только правильным и сознательным, но и притом наиболее быстрым и прямым путем...» [1, с. 1].

Под специальные знания подводился фундамент общетехнической подготовки. При изучении общетехнических дисциплин следовало «ограничиваться сообщением лишь важнейших законов и методов данной науки, производя проработку всех деталей на вопросах специальности» [Там же. С. 2].

Характерной особенностью (и одновременно слабостью) учебных планов всех индустриальных техникумов в то время была многопредметность. Чтобы ее ликвидировать, предполагалось отказаться от дробления общетехнических и специальных дисциплин на многочисленные самостоятельные курсы и ввести так называемую *стержневую структуру* учебных планов и программ, в основе которой лежал принцип естественного родства дисциплин и возможности их программного единства. Стержневая структура была разработана в 1924 г. в Ленинграде, а в 1926 г. она получила одобрение комиссии ГУС по массовому профессиональному образованию и стала широко применяться во всех техникумах РСФСР [2, с. 228].

В качестве примера можно привести Ленинградский пожарный техникум (ЛПТ). Первоначальный учебный план техникума насчитывал 36 дисциплин. Затем, в декабре 1925 г., он был основательно переработан и в этой последней редакции утвержден Ленинградским комитетом профессионального образования (Ленинградпрофобром). За счет сокращения многопредметности количество дисциплин в нем уменьшилось до 26. В учебных же планах за 1927/28 и 1928/29 учебные годы было всего 16 предметов [3, с. 60–65; 4, с. 259–347].

В докладной записке в учебную часть Ленинградпрофобра, составленной заведующим учебным отделом ЛПТ в январе 1927 г., указывалось, что все изучаемые дисциплины в техникуме были объединены в трех стержнях:

- обществоведческом (8 % всего учебного времени),
- общетехническом (43 %),
- специально-пожарном (49 %) [5, д. 2648, л. 1].

В той же записке было отмечено, что стержневая структура учебного плана позволила в первые годы своего применения:

- согласовать программы научных дисциплин и установить живую и тесную связь между этими дисциплинами в пределах стержня;
- избежать программных повторений, согласовать между собой все предметы каждого года обучения, т. е. в пределах учебного плана в целом;
- сконцентрировать учебный материал и связать его с производством и жизнью;
- использовать более целесообразные формы учета и оценки труда учащихся и преподавателей.

Кроме того, стержневая структура обусловила возможность наиболее рационально организовать учебно-методическую работу педагогического коллектива, а также сосредоточить учебное оборудование в кабинетах и лабораториях в соответствии с установленными стержнями [Там же. Л. 10].

Таким образом, данный подход к структурированию учебных планов являлся в то время своего рода педагогической инновацией и, на наш взгляд, был более рациональным, чем старая предметная система, с характерной для нее разрозненностью дисциплин.

Теоретические дисциплины в Пожарном техникуме изучались обстоятельно, систематично и в достаточном объеме. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что учащиеся получали основательные знания по физике и математике, без которых невозможно сознательное усвоение целого ряда технических дисциплин, тесно связанных с пожарной специальностью, таких, например, как «Электромеханика», «Гидромеханика», «Сопротивление материалов», «Различные инженерные конструкции и сооружения». Более того, педагогический коллектив техникума стремился приблизить (это видно из уже упоминавшейся нами докладной записки) уровень подготовки слушателей к инженерному уровню, чтобы в условиях предстоящей самостоятельной практической деятельности они могли проектировать и осуществлять противопожарные

мероприятия в различных отраслях народного хозяйства. А для этого требовалось широкое общетехническое образование.

Характерной особенностью всех индустриальных техникумов был принцип согласования и интеграции преподавания с практической работой учащихся в учебных мастерских и в производственных учреждениях соответствующей специальности. Поэтому в учебном процессе строго соблюдалась подчиненность общетехнических и специальных теоретических дисциплин целям производственного обучения, т. е. было стремление соотнести почти каждый элемент знаний с непосредственной практической деятельностью.

В 1920-х гг. советская педагогика признавала объективно существующую неразрывную связь между образованием и воспитанием как двумя сторонами единого педагогического процесса. Это означало, что школа должна не только и не столько учить, т. е. сообщать знания, но обязана формировать всесторонне развитую личность человека нового, социалистического типа. Данная задача, направленная на воспитание общественной активности и самодеятельности учащихся, решалась в первую очередь через изучение общеобразовательных дисциплин. Поэтому наряду с общетехническими и специальными в число обязательных предметов в Пожарном техникуме входило «Обществоведение», в процессе преподавания которого учащимся давались основы политической грамотности, формировалась новая идеология специалиста.

Активный поиск новых форм и методов обучения, характерный для педагогической практики 1920-х гг., затронул и систему среднего индустриально-технического образования. «Революционная ломка старого реакционного идейно-теоретического содержания школы, – отмечает профессор З.И. Равкин, – логически привела к решительному пересмотру старых организационных форм обучения, поскольку они не соответствовали идее советской школы о новых взаимоотношениях учителей и учащихся в процессе обучения, строящихся на принципах социалистического демократизма и гуманизма» [6, с. 72]. Разработка новых форм организации учебного процесса осуществлялась прежде всего с позиций развития активности и самостоятельности учащихся.

В соответствии с этой установкой и рекомендациями Главпрофобра в практику обучения в ЛПТ была введена такая форма учебной работы, как *лекции-беседы*. При их проведении использовался *метод эвристической беседы*, предполагавший диалог между преподавателем и учащимися для совместного поиска знаний. Другой новой организационной формой обучения стали *лабораторно-кабинетные занятия*, где учащиеся выполняли *лабораторные работы по заданиям с использованием исследовательских элементов* [5, д. 1662, л. 41]. Кроме того, в учебный процесс техникума была включена *самостоятельная деятельность учащихся*, сочетавшая различные формы индивидуальной и коллективной работы: выбор, анализ и обобщение материала для участия в учебной конференции, изучение нормативно-технической и справочной литературы, подготовка докладов и рефератов, проведение небольших самостоятельных исследований, дипломное проектирование [Там же. Л. 43].

Для педагогической теории 1920-х гг. основной была идея развития у учащихся активности и самостоятельности [6, с. 169]. Она воплощалась посредством применения соответствующих методов учебной работы, среди которых лидирующее положение занимал *исследовательский* (или *лабораторный*) *метод*. Этот метод активно внедрялся как в общеобразовательной школе, так и в средних профессионально-технических учебных заведениях путем настоятельных рекомендаций и пропаганды через печать, на совещаниях и конференциях Наркомпроса, Главпрофобра и др. Была даже создана специальная комиссия «по исследовательскому методу», работавшая в Ленинградском государственном институте научной педагогики. Появились первые значительные труды, посвященные непосредственно исследовательскому методу (Б.В. Всесвятский, В.Ф. Натали, А.П. Пинкевич, Б.Е. Райков, К.П. Ягодовский) [7–11]. Сам термин «исследовательский метод» был предложен Б.Е. Райковым, который писал: «...Исследовательский метод – это метод умозаключения от конкретных фактов, самостоятельно наблюдаемых учащимися или воспроизводимых ими на опыте...» [10, с. 31].

В трактовке советских педагогов тех лет исследовательский метод перерастал границы метода: по существу, это был общий подход,

принцип обучения, который в той или иной форме находил отражение и в других методах учебной работы (активно-трудовом, частично-поисковом или эвристическом, частично-исследовательском или экспериментальном, экскурсионном).

Анализ теоретических работ, посвященных данной проблеме [7–11], показал, что исследовательский метод представлял собой способ организации поисковой, творческой деятельности учащихся по решению новых для них проблем. Преподаватель предъявлял ту или иную проблему для самостоятельного исследования, знал ее результат, ход решения и те черты творческой деятельности, которые требовалось проявить в ходе решения. Тем самым построение системы таких проблем позволяло предусматривать деятельность учащихся, постепенно приводящую к формированию необходимых черт творческой деятельности.

В Пожарном техникуме активно использовался исследовательский метод. В докладной записке в учебную часть Ленинградпрофобра отмечалось, что занятия велись по твердому расписанию, учащиеся работали в предметных лабораториях. Весь учебный материал разделялся на ряд частей – заданий, по каждому из которых составлялось методическое пособие с указанием основных вопросов, путей и способов изучения материала, необходимой литературы. Иногда самостоятельной работе учащихся над заданием предшествовала вводная беседа преподавателя. После ее выполнения происходила заключительная конференция в присутствии преподавателя [5, д. 1662, л. 46].

По мнению ученых, исследовательский метод имел как сильные, так и слабые стороны. К первым следует отнести курс на всемерное развитие познавательной самостоятельности и активности учащихся, коллективистский характер учебной работы. Однако при этом снижалась роль преподавателя: систематическое изложение учебных дисциплин в дидактически обработанной, живой, ясной и интересной форме заменялось подчас однообразным чтением и конспектированием учебного материала (например, по обществоведению) [12, с. 143].

Тем не менее исследовательский (лабораторный) метод в условиях средней технической школы был приемлем и принципиально нов. Как метод активного обучения он способствовал активизации познавательной деятельности учащихся, развитию их индивидуальных способностей и склонностей, формированию умения планировать свой учебный труд и самостоятельно его выполнять, поскольку переносил центр тяжести на самостоятельную работу их по заданиям [13, с. 76].

В зависимости от специфики изучаемых дисциплин в техникуме применялись также *лекционный*, *групповой*, *экскурсионный* методы обучения.

В конце 1920-х гг. в СССР началась реформа среднего индустриально-технического образования. Основные ее положения, выдвинутые Главпрофобром, вытекали из постановления СНК и ЦИК СССР от 11 сентября 1929 г. «Об унификации системы индустриально-технического образования» и решений ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) [6, с. 213]. Цель реформы заключалась в том, чтобы сократить сроки обучения в техникумах, провести рационализацию всей педагогической и учебно-методической работы и при этом сохранить качественную подготовку специалистов.

Необходимость проведения реформы была обусловлена тем, что в конце 1920-х гг. в стране началась реконструкция промышленного производства на основе ускоренной индустриализации, конечной целью которой было превращение СССР в мощную, промышленно развитую страну. Для выполнения планов индустриализации требовалось огромное количество квалифицированных рабочих и среднетехнического персонала. Однако темпы подготовки кадров значительно отставали от нужд промышленного производства. Чтобы преодолеть это отставание, реформа среднего индустриально-технического образования предусматривала сокращение сроков обучения в индустриальных техникумах с четырех до трех лет. Одновременно увеличивалось количество времени, отводимое на производственную практику. Были приняты новые учебные планы, в соответствии с которыми часть теоретических часов переносилась в область практического обучения, однако при переработке планов не допускалось сокращение специального цикла, наоборот, подверглись известному сокращению общетехнический и общеобразовательный циклы. Вместе с тем удельный вес обществове-

дения, иностранных языков и военных дисциплин остался неизменным [5, д. 118, л. 10].

Другим важным направлением реформы стала своеобразная ревизия методов преподавания и форм обучения. Предписывалось, что лекция как таковая должна быть категорически изжита в индустриальных техникумах. Педагогическим коллективам рекомендовалось активнее переходить к лабораторному методу преподавания, подготавливая, таким образом, полное осуществление *дальтон-плана* [Там же. Д. 126, л. 4].

Дипломные или квалификационные работы должны были быть немедленно отменены. Дальнейшая работа над дипломом могла производиться лишь в порядке частной инициативы самого учащегося, не имея никакого официального значения. Выпуск и присуждение квалификации должны были осуществляться на основе оценки выполнения всего учебного плана и производственной практики за все время пребывания в техникуме. В целях увеличения пропускной способности аудиторий, лабораторий и мастерских техникумы переводились на непрерывную 5-дневную неделю.

Таким образом, необходимость проведения реформы среднего индустриально-технического образования была обусловлена прежде всего стремлением еще в большей степени укрепить связь теории с практикой, обучения с жизнью.

Реформа коснулась и Ленинградского пожарного техникума. Развернувшееся по всей стране широкомасштабное промышленное строительство, с одной стороны, требовало увеличения выпуска пожарных специалистов, а с другой – диктовало необходимость ускоренного их обучения. Согласно расчетам, проведенным Центральным пожарным отделом НКВД РСФСР, в первой пятилетке (1928/1929 – 1932/1933 гг.), например, существовала потребность в 650 пожарных работниках высшей, 3384 средней и более чем в 30 тыс. младшей квалификации. Поэтому продолжительность обучения в ЛПТ в 1930-е гг. была сокращена до трех лет. В целях ускоренной подготовки пожарных специалистов были отменены и дипломные работы. Вместо них учащиеся в процессе повседневной учебной работы по специальному циклу выполняли расчетно-графические упражнения [Там же. Д. 124, л. 6]. Отметим, однако, что во второй половине 1930-х гг. дипломное проектирование, в задачу которого входило научить выпускников обобщать и самостоятельно применять полученные знания, было снова введено в техникуме, что являлось правильным педагогическим решением [Там же. Д. 57, л. 3].

Начиная с 1931 г. во многих средних индустриально-технических учебных заведениях (и в ЛПТ, в частности) получил распространение в качестве всеобщего и обязательного при активной проработке учебных дисциплин *бригадно-лабораторный метод*, причем акцент делался преимущественно на методы «*бригадных опросов*» и *междубригадных* «*академических боев*».

Бригадно-лабораторный метод обучения (иногда его рассматривают как форму организации обучения) в отличие от дальтон-плана, который носил ярко выраженную индивидуалистическую направленность, предполагал сочетание коллективной работы всего класса с бригадной (звеньевой) и индивидуальной работой каждого учащегося. На общих занятиях планировалась учебная деятельность, обсуждались задания, готовились к общим экскурсиям, преподаватель объяснял трудные вопросы темы и подводил итоги бригадной работы. Определяя задание бригаде, преподаватель устанавливал сроки выполнения задания и обязательный минимум работы для каждого учащегося, при необходимости индивидуализируя задания. На итоговых конференциях бригадир от имени бригады (звена) отчитывался за выполнение задания [Там же. Д. 124, л. 7].

Положительными сторонами данного метода было то, что он внедрял дух соревновательности, активизировал познавательную самостоятельность учащихся, повышал у них чувства ответственности и товарищества. Многие вопросы, связанные с оказанием помощи отстающим студентам, контролем за дисциплиной, посещаемостью занятий, своевременным выполнением всех учебных заданий, решались самими учащимися, входившими в так называемые ударные бригады [Там же. Л. 8].

Однако распространению и дальнейшему развитию бригадно-лабораторного и сходных с ним методов и форм активного обучения (дальтон-плана, метода проектов, системы свободного коллективного продвижения бригад и т. д.) вскоре был положен конец. Уже в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и

средней школе» и постановлении ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» бригадно-лабораторный метод был назван «легкомысленным методическим прожектерством» и «явным извращением» в учебной работе общеобразовательных школ и профессионально-технических учебных заведений [14, д. 80, л. 9].

В этих документах предписывалось, что единственной приемлемой формой организации учебно-воспитательного процесса должен являться урок с четко зафиксированной структурой, по строго определенному расписанию и с твердым составом учащихся, а в основу оценки и учета учебной работы в школах и техникумах должен быть положен текущий индивидуальный, систематически проводимый преподавателем учет знаний учащихся. Вместе с тем запрещались практиковавшиеся ранее такие «антинаучные» методы и формы учета, как тесты, шкалы успеваемости и т. д. С 1936 г. в высших и средних профессиональных учебных заведениях вновь стали проводиться экзамены как форма ежегодной проверки знаний обучаемых.

Таким образом, в результате проводившейся государством в 1930-х гг. унификации народного образования многие активные методы поискового и исследовательского характера, формы обучения были признаны нецелесообразными, а их разработка и применение приостановлены. Вообще, отличительной чертой организации учебно-воспитательного процесса в этот период был *фактический отказ от дидактического и методического опыта предыдущего десятилетия*. Был взят курс на использование в первую очередь словесных методов обучения и связанное с этим усвоение готовых знаний [Там же. Д. 110, л. 15–17]. Отменялись демократические формы управления учебными заведениями, значительно ограничивалось самоуправление учащихся [Там же. Л. 18].

На основе изложенного выше можно сделать ряд выводов.

1. Для среднего индустриально-технического образования в 1920–1930-х гг. основными дидактическими установками были строгая подчиненность общетехнических и специальных теоретических дисциплин целям производственного обучения, стремление соотнести каждый элемент знаний с непосредственной практической деятельностью учащихся.

2. Педагогической инновацией в этот период стало введение стержневой структуры учебных планов и программ, что позволяло избежать дробления общетехнических и специальных предметов на многочисленные самостоятельные курсы, а также объединить и согласовать преподавание родственных дисциплин.

3. Отличительной особенностью учебно-воспитательного процесса в индустриально-технических техникумах в 1920-х гг. было педагогическое новаторство, выражавшееся в наработке активных форм и методов обучения и воспитания, нацеленных на развитие интереса, познавательной активности и самостоятельности учащихся.

4. В результате проводившейся государством в 1930-х гг. унификации народного образования произошел фактический отказ от дидактического и методического опыта предыдущего десятилетия. Был взят курс на использование словесных методов обучения и связанное с этим усвоение готовых знаний, осуществлялась линия на жесткую политизацию и идеологизацию учебных планов и программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бюллетень** научно-технической секции ГУСа. М., 1925. 255 с.

2. **Веселов А.Н.** Профессионально-техническое образование в СССР. М.: Учпедгиз, 1961. 326 с.

3. **Учебные** планы и программы индустриальных техникумов. М.; Л., 1927.

4. **Учебные** планы и программы техникумов. Индустриальное образование. М.; Л., 1929.

5. **Центральный** государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2552. Оп. 1.

6. **Проблемы** истории советской школы и педагогики / под ред. З.И. Равкина. В 3 ч. Ч. 1. М.: Прогресс, 1991. 879 с.

7. **Всесвятский Б.В.** Исследовательский подход к природе и жизни. М.: Учпедгиз, 1926. 207 с.

8. **Натали В.Ф.** Естествознание в новой школе. М.: Учпедгиз, 1923. 263 с.

9. **Пинкевич А.П.** Педагогика и наука // Педагогическая мысль. 1920. № 1–3.

10. **Райков Б.Е.** Исследовательский метод в педагогической работе. Л., 1924. 228 с.
11. **Ягодовский К.П.** Уроки по естествознанию в начальной школе. В 2 ч. М.: Учпедгиз, 1921. 316 с.
12. **Дидактика** средней школы / под ред. М.А. Данилова, М.Н. Скаткина. М.: Наука, 1975. 387 с.
13. **Сластенин В.А.** Педагогика. М.: Наука, 2000. 403 с.
14. **ЦГА СПб.** Ф. 7444. Оп. 2.

S.L. Kuznitsyna

THE PROBLEM OF ORIGINS OF INDUSTRIAL AND TECHNICAL EDUCATION IN THE USSR IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY (A HISTORICAL SKETCH)

KUZNITSYNA Svetlana L. – *St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia*.
Moskovsky pr., 149, St. Petersburg, 196105, Russia
e-mail: kuznitsyna@mail.ru

The article contains a comparative historical analysis of the matter, basic forms and methodological organizing principles of the educational process in the industrial secondary schools in 1920–1930th. To achieve the objectives of the study a comparative method of analysis of archival documents and educational materials has been used; the methodological principle of the unity of the historical and logical, abstract and concrete has been applied. The main results of the study include the fact that in the 1920s the pedagogical innovation was a common characteristic for industrial technical schools, which was expressed in the elaboration of active forms and methods of training and education. As a result of unification of the education in the 1930s the didactic and methodological experience of the previous decade was actually abandoned and there was a trend to heavily politicize and ideologies the education.

THE CORE-STRUCTURE OF THE EDUCATIONAL COURSE; METHODS AND FORMS OF THE ACTIVE LEARNING; METHOD OF RESEARCH; BRIGADE-LABORATORY METHOD; THE DALTON-PLAN; TECHNICAL SECONDARY SCHOOLS.

REFERENCES

1. Byulleten' nauchno-tekhnicheskoy sektsii GUSa. Moscow, 1925. 255 p. (In Russ.)
2. Veselov A.N. *Professionalno-tekhnicheskoye obrazovaniye v SSSR* [The professional-technical education in the USSR]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1961. 326 p. (In Russ.)
3. *Uchebnyye plany i programmy industrialnykh tekhnikumov* [The curricula and programmes of the industrial technical school]. Moscow, Leningrad, 1927. Pp. 60–65. (In Russ.)
4. *Uchebnyye plany i programmy tekhnikumov. Industrialnoye obrazovaniye* [The curricula and programmes of the secondary schools. The industrial education]. Moscow, Leningrad, 1929. Pp. 259–347. (In Russ.)
5. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv St. Peterburga. F. 2552. Desc. 1.
6. *Problemy istorii sovetskoy shkoly i pedagogiki* [Problems in the history of the soviet school and pedagogy]. In 3 pt. Of pt. 1. Moscow, Progress Publ., 1991. 879 p. (In Russ.)
7. Vsesvyatskiy B.V. *Issledovatelskiy podkhod k prirode i zhizni* [The research approach to nature and life]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1926. 207 p. (In Russ.)
8. Natali V.F. *Yestestvoznaniye v novoy shkole* [The natural science in the new school]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1923. 263 p. (In Russ.)
9. Pinkevich A.P. [Pedagogics and science]. *Pedagogicheskaya mysl'*, 1920, no. 1–3. (In Russ.)

10. Raykov B.Ye. *Issledovatelskiy metod v pedagogicheskoy rabote* [Research method in education]. Leningrad, 1924. 228 p. (In Russ.)

11. Yagodovskiy K.P. *Uroki po yestestvoznaniyu v nachalnoy shkole* [The natural lessons in the primary schools]. In 2 vol. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1921. 316 p. (In Russ.)

12. *Didaktika sredney shkoly* [The didactics in the school]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 387 p. (In Russ.)

13. Slastenin V.A. *Pedagogika* [The pedagogics]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 403 p. (In Russ.)

14. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv St. Peterburga. F. 7444. Desc. 2.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 378.1:001.2:332.14(09)(470.23–25)

С.Г. Лагушкин

РОЛЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ИНТЕНСИФИКАЦИЯ-90»

ЛАГУШКИН Сергей Георгиевич – *доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат исторических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: slagushkin@mail.ru

Рассмотрены проблемы развития экономики нашей страны в 1970–1980-х годах. Представлена структура программы «Интенсификация-90». Определены факторы готовности вузов Ленинграда к реализации этой программы в части кадрового обеспечения и научных исследований, представлены некоторые результаты их деятельности в данном направлении. Автор приходит к выводу, что программа «Интенсификация-90» явилась серьезным экзаменом для системы высшего образования региона на способность адекватного реагирования на запросы времени.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА; ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ; РЕГИОН; НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС; СТРУКТУРА ПРОГРАММЫ; ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ; НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВУЗАХ.

Полное название программы «Интенсификация-90» звучит как «Целевая комплексная территориально-отраслевая программа развития народного хозяйства г. Ленинграда и Ленинградской области на основе автоматизации с широким использованием вычислительной техники на 1984–1985 годы и до 1990 года». Начало использования метода программно-целевого планирования в нашей стране можно отнести к 1920-м годам, когда был создан и реализован хорошо известный План ГОЭЛРО (комплексная программа электрификации России). На протяжении всего советского периода истории нашего государства постоянно осуществлялась программная проработка наиболее важных проблем. Особенно широко программно-целевое планирование применялось в СССР в 1970–1980-х годах. Целевые программы разрабатывались в качестве составной части пятилетних народнохозяйственных планов. Одной из таких программ была Комплексная программа научно-технического прогресса.

В современных условиях России государственным программам придается большое значение. Они являются одним из инструментов повышения эффективности бюджетных расходов. Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 года № 594 был утвержден Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация [1]. В этом документе было дано определение понятия «федеральная целевая программа» – увязанный по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение системных проблем в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития Российской Федерации.

В 2010 году мы уже обращались к практике программно-целевого планирования и управления применительно к вузовской науке [2]. Был сделан вывод, что активное использование этого метода позволило привлечь вузовскую науку к решению важных научно-технических проблем, что, в свою очередь, положительно отра-

зилось на качестве подготовки выпускников. В данной статье рассмотрим условия подготовки и реализации программы «Интенсификация-90», которая была разработана в 1983 году, а также участие в этом вузов Ленинграда.

Государственная политика того периода исходила из политических и стратегических целей развития советского общества, которые формулировались руководством страны и партией в целом. Приоритетом в 1970-х и особенно в 1980-х годах была признана ориентация экономики на ускорение научно-технического прогресса. Однако к 1983 году стало очевидно, что реализация планов интенсификации общественного производства не подкреплялась созданием необходимых условий для эффективного развития науки и техники, повышения уровня исследований и разработок, широкого их применения в производстве. Предпринимались попытки практического изменения положения как в союзном, так и в региональном масштабе. 18 августа 1983 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» [3, с. 203–208], а 25 октября того же года оно было обсуждено и конкретизировано в интересах региона пленумом Ленинградского обкома КПСС.

Эти два документа и стали идеологической основой работы по формированию программы «Интенсификация-90». В то же время в регионе были и другие предпосылки для разработки территориально-отраслевой программы. Во-первых, наличие мощного научно-технического и промышленного потенциала: 22 научно-производственных объединения, 36 научных подразделений производственных объединений, около 400 отраслевых научных организаций, 32 организации АН СССР и 41 вуз. Во-вторых, многолетняя практика комплексного экономического и социального планирования развития города и области, как по отдельности, так и как единого объекта территориального планирования. В-третьих, опыт участия ленинградских научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических организаций, производственных предприятий в решении более чем 140 комплексных целевых научно-технических общесоюзных программ, а также ряда целевых региональных программ [4, с. 89].

Но было и еще одно обстоятельство, которое требовало принятия оперативных мер, о чем в одном из своих докладов Президиуму Академии наук СССР говорил академик И.А. Глебов [5]. Оно заключалось в том, что в начале 1980-х годов обозначилось отставание региона по темпам роста промышленного производства от средних показателей по стране и намечались тенденции к увеличению этого разрыва. В качестве основных причин назывались: более сложная, чем в целом по стране, демографическая ситуация; изменение структуры промышленности – увеличение доли машиностроения, металлообработки и соответственно падение удельного веса легкой и пищевой промышленности, а также химической промышленности, т. е. отраслей с высокой выработкой; далеко не оптимальная структура капиталовложений в развитие промышленности – расширение предприятий и новое строительство без учета реальных возможностей региона.

В условиях программно-целевого подхода, когда объектом управления является непосредственно программа, особое значение имеет схема (структура) управления. В данном случае руководство программой было поручено Совету экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса при Ленинградском областном комитете КПСС, а научно-методическое сопровождение – Ленинградскому научному центру АН СССР. В ее создании приняли участия ученые и специалисты более 340 предприятий и организаций, подчиненных приблизительно 100 союзным и республиканским министерствам и ведомствам. Задания по развитию региона определялись в Ленинграде, а затем согласовывались с союзными и республиканскими органами управления. Поэтому программа стала территориально-отраслевой. В процессе формирования и реализации программы сложилась ее базовая структура, которую составляли крупные региональные отраслевые комплексы (в программе они были представлены в виде «разделов») и основные направления их развития (см. рисунок).

Практическая работа по формированию программы завершилась в 1983 году, а в июле 1984 года программа «Интенсификация-90» была утверждена Госпланом СССР, Государственным комитетом по науке и технике, Президиумом АН СССР, получила поддержку ЦК

КПСС [3, с. 608–610]. Впервые в практике того времени территориально-отраслевая программа была отнесена к числу самостоятельных научно-технических программ, имеющих народнохозяйственное значение, ей был придан общесоюзный статус. Такое положение предполагало обеспечение программы финансовыми и материально-техническими ресурсами, взаимосогласованность с планами министерств, ведомств, региона и в конечном счете с народнохозяйственными планами страны. Предполагалось также, что показатели, заложенные в программе, будут обязательны для исполнения всеми ее участниками, в том числе и министерствами и ведомствами союзного и республиканского подчинения. К сожалению, как показало реальное положение дел во второй половине 1980-х годов, это во многом оказалось нереализованным.

Остановимся на факторах, которые, по нашему мнению, способствовали достаточно активному участию вузов города в подготовке и реализации программы. Первое, что необходимо отметить, это структура системы высшего образования, которая сложилась в городе к началу 1980-х годов. Если сопоставить названия разделов программы и перечень вузов, то станет очевидным, что в каждом из них в качестве соисполнителя мог присутствовать вуз, причем не один. Второе – научно-технический потенциал, который был сосредоточен в вузах. В таблице приведены основные показатели работы вузов нашего города в начале 1980-х годов, содержащиеся в отчете Совета ректоров [6].

И третье. В 1970-х годах в высших учебных заведениях города был накоплен значительный опыт в осуществлении интеграционных процессов с другими отраслями как в области подготовки кадров с высшим образованием, так и в области научных исследований, чему способствовали:

- достаточно высокий научно-образовательный потенциал высших учебных заведений и их значительное количество;
- высококвалифицированный ректорский корпус;

Базовая структура программы «Интенсификация-90»

Структура программы «Интенсификация-90»
(в виде «разделов» представлены отраслевые комплексы, основные направления – направления их развития)

• наличие в регионе серьезных научных, производственных и конструкторских учреждений;

• активная деятельность и понимание важности интеграционных процессов органами управления, которым удалось сформировать эффективную партийно-государственную, государственно-общественную системы управления не только высшей школой, но и всем научно-производственно-образовательным комплексом региона. Приведем несколько примеров.

Наиболее традиционной формой сотрудничества с предприятиями и организациями в области повышения качества подготовки специалистов в тот период стало создание базовых кафедр. Эта форма интеграции возникла в 1970-х годах и развивалась, совершенствовалась на протяжении последующих 15–20 лет. В определенной мере инициатором данного процесса явился Технологический институт им. Ленсовета. В 1970 году работало 9 таких кафедр (в НПО «Светлана», «Позитрон», в академических институтах – ФТИ им. А.И. Иоффе, НИИ химии силикатов, Институте прикладной химии и др.). В 1979 году базовые кафедры имелись в 9 вузах (всего 40 кафедр), в 1985 году – в 24 вузах (всего 104). В Технологическом институте в 1970-х годах было 9 базовых кафедр, в 1980-х – 17; в Электротехническом – соответственно 7 и 10; в Финансово-экономическом институте в 1980-х годах также 10.

И еще пример интеграции, но уже в области научных исследований. Начиная с 1950-х годов основой научной работы в высшей школе являлся хозяйственный договор, именно хоздоговорная тематика имела определяющее значение в укреплении взаимовыгодных связей вузов с промышленностью в широком смысле этого слова. В 1976 году финансирование научной деятельности составляло 134,6 млн рублей (в том числе по хоздоговорам 115,2 млн рублей); в 1980-м – 157 (135,5); в 1985-м – 186,7 (162); в 1989-м – 242,5 (192,8) млн рублей.

Хотя наблюдалось расширение научных исследований по хоздоговорной тематике, отсутствие долговременной основы сотрудничества приводило к тому, что финансирование научной деятельности порой велось из огромного количества небольших по объему, кратковременных и ненадежных источников. Следствием этого стало мелкотемье, малочисленность исполнительских коллективов. Ситуация изменилась в начале 1980-х годов, когда ректорату

Показатели работы высших учебных заведений Ленинграда в 1982/83 учебном году [6]

Показатель	Все вузы города	ЛГУ	ЛПИ	ЛЭТИ	ЛИАП
Численность научно-педагогического персонала:					
• всего	34 803	3966	2797	1881	807
• профессора, доктора наук	2156	439	168	92	48
• доценты, кандидаты наук	14 689	2164	1333	754	415
Численность студентов дневного отделения	148 518	11 527	15 215	8042	5118
Количество выпускников дневного отделения	25 769	2129	2148	1244	781
Подготовка кадров высшей квалификации:					
• защищено докторских диссертаций	134	27	13	5	3
• защищено кандидатских диссертаций	1133	355	236	171	56
Численность аспирантов	8417	1959	724	526	171
Общий объем НИР, тыс. рублей:					
• всего	171 164,3	27 717,8	23 968,3	13 019,6	8139,3
• по хоздоговору	149 536,6	19 442,6	22 698,9	12 748,0	7618,3
• по госбюджету	23 243,2	8275,2	1269,4	271,0	521,0
Количество госбюджетных научных учреждений	75	11	6	2	1
Количество отраслевых лабораторий	...	1	16	12	5

Примечание. Многоточие (...) означает отсутствие данных.

Политехнического института удалось на практике опробовать и доказать более эффективную форму сотрудничества – долгосрочные комплексные договоры. «Электросила», Кировский и Ижорский заводы, «Светлана» стали партнерами не только Политехнического, но и других ведущих технических вузов города. В конечном итоге Политехнический институт вышел на договорные отношения с министерствами. Первый договор был заключен с Минэнерго СССР [7, с. 176]. Это не привело к значительному увеличению фундаментальных исследований, по-прежнему ведущей была хоздоговорная тематика, но это были другие договоры, как по качеству и объему, так и по широте привлечения вузовских научных коллективов.

Существовали и другие факторы, способствовавшие широкому участию вузов в программе «Интенсификация-90». Остановимся еще на одном. В регионе был накоплен опыт регулирования объема подготовки специалистов и потребности в них предприятий и организаций. Особую остроту проблемы планирования подготовки специалистов с высшим образованием, приведения ее структуры в соответствие с потребностью промышленности приобрели в период формирования первого комплексного плана экономического и социального развития Ленинграда и области на 1976–1980 годы. При решении задачи по его кадровому обеспечению была выявлена несбалансированность территориального и отраслевого подхода в подготовке кадров по многим специальностям. Из 265 специальностей технических вузов 64 дублировались, причем по 29 из них прием на первый курс составлял только по одной группе. По отдельным специальностям возникали особенно большие трудности с распределением и устройством выпускников на работу. В то же время такие отрасли, как машиностроение, приборостроение, строительство и транспорт, испытывали острый дефицит в специалистах с высшим образованием. Сложившееся положение дел было обсуждено в Ленинградском обкоме партии, в то время единственном центре, реально обладавшем полной и достоверной информацией в этой области. Было рекомендовано в 11 вузах сократить прием по 25 специальностям, а, например, по специальностям «Технология машиностроения», «Автоматика и телемеханика», «Электронно-вычислительные машины» (всего по 10 специальностям) увеличить. Кроме того, с учетом состояния и перспектив развития материально-технической базы высших учебных заведений, демографической обстановки в регионе и в целом по стране было принято предложение Госплана и Минвуза СССР по стабилизации приема в вузы города на дневное отделение на уровне 1976 года. В начале 1980-х годов вопросы кадрового обеспечения интенсификации экономики на основе ускорения внедрения научно-технических достижений в народное хозяйство региона приобрели новую остроту. Явно недостаточными были масштабы подготовки специалистов по целому комплексу новых направлений.

Для успешной реализации программы «Интенсификация-90» необходимо было обеспечить подготовку опережающими темпами высококвалифицированных специалистов с высшим и средним специальным образованием, а также рабочих кадров в области проектирования, создания и эффективной эксплуатации средств вычислительной и микропроцессорной техники, автоматизированных систем проектирования и производства, робототехнических комплексов, гибких производственных систем и прогрессивных технологий. С этой целью в программе и был представлен специальный (восьмой) раздел «Подготовка и переподготовка кадров». Базовой организацией был определен Кораблестроительный институт, научным руководителем назначен ректор этого вуза профессор Д.М. Ростовцев. Ему же было поручено возглавить соответствующую секцию в составе Совета ректоров.

Выше уже было сказано о базовой структуре программы. Здесь же мы попытаемся показать особое место в ней восьмого раздела, сравнив его, например, с разделом «Транспорт». Существовавшие проблемы, задачи по дальнейшему повышению эффективности Ленинградского транспортного комплекса должны были решаться путем:

- широкого внедрения и использования результатов научных исследований, в том числе и логистических;
- автоматизации и электронизации всех транспортных процессов;
- внедрения новых технологий и материалов при создании транспортных средств;
- снижения энергоемкости и качества продукции и услуг.

Таким образом, региональный отраслевой комплекс «Транспорт» можно представить как некий объект, совершенствование и модернизацию которого предполагалось осуществить с помощью «инструментов» – в базовой структуре они представлены в виде «основных направлений», т. е. связь односторонняя.

Другое дело раздел «Подготовка и переподготовка кадров». В этом случае мы имеем связь по трем направлениям: основные направления реализуются в качестве и количестве подготовленных кадров различного уровня, которые, в свою очередь, действуют по двум векторам:

- обратной связью на решение задач, содержащихся в основных направлениях структуры;
- непосредственно на решение проблем региональных отраслевых комплексов (разделы структуры).

По сведениям Совета ректоров, в реализации заданий данного раздела программы приняли участие 612 общеобразовательных школ, 204 профессионально-технических училища, 92 средних специальных учебных заведения, 38 вузов и 18 институтов повышения квалификации и их филиалов. Таким образом, в решение проблем интенсификации экономики региона были включены все уровни образовательного процесса – от средней школы до высшего учебного заведения и далее.

Структура заданий 08 (так в программе обозначался раздел «Подготовка и переподготовка кадров») имела многоуровневый характер. Первый уровень детализации (08.01–08.10) был связан с выделением направлений в подготовке и переподготовке кадров: от анализа потребности в кадрах, разработки перечня специальностей (08.01) до организации профориентации и обучения школьников компьютерной грамотности в общеобразовательных школах. Второй уровень детализации конкретизировал вышеназванные задания, например выделял задания по подготовке некоторых категорий специалистов: инженеров (08.030010), техников (08.03.02) и т. д. На третьем уровне детализации конкретизировались задания по подготовке специалистов по группам специальностей: 08.03.01 – специальности высших учебных заведений, 08.03.02 – специальности средних специальных учебных заведений и 08.03.03 – специальности профессионально-технических училищ по отраслям народного хозяйства.

Однако прежде всего необходимо было определиться, какова номенклатура специалистов, уже выпускавшихся, и что возможно оперативно сделать на последних 1–2 годах обучения для их переориентировки в интересах реализации программы. В 1983 году ряд ведущих ленинградских предприятий, в основном принадлежавших так называемому оборонному комплексу, поставили задачу подготовки инженерных кадров по гибким автоматизированным производствам (ГАП). В разработке учебных планов на базе имевшихся учебных программ приняли участие представители промышленности, отраслевой и академической науки, вузовские ученые и преподаватели. В их числе были профессора Политехнического института Е.И. Юревич, возглавлявший ЦНИИ РТК, А.И. Федотов, заведовавший кафедрой гибких автоматических комплексов, и др. Уже в 1983/84 учебном году 8 технических вузов города подготовили первых (чуть более тысячи человек) специалистов. Здесь уместно заметить, что инициатива принадлежала, к сожалению, не высшей школе. Вузы, конечно, проявили готовность и реализовали ее в оперативной реакции системы подготовки кадров на запросы промышленности. Но сама подготовка, ее содержание должны были «предугадывать» развитие перспективных направлений науки и техники, а это удавалось не всегда и не везде. В последующие два года новые специальности и специализации в области разработки, создания и эксплуатации робототехнических систем, применения ЭВМ, систем автоматизированного проектирования, микропроцессорной техники и целом ряде других областей, связанных с интенсификацией народного хозяйства, открывались во всех ведущих технических вузах. В конечном итоге уже в 1985 году было выпущено около 20 тыс. специалистов с высшим образованием. За этими цифрами стоит большой объем учебной и методической работы вузовских коллективов, достижения в развитии материально-технической базы учебного процесса.

В контексте данной статьи мы полагаем целесообразным хотя бы кратко отметить результаты и на других образовательных уровнях, тем более что существенный вклад в полученные там достижения внесли и высшие учебные заведения, ректоры, заведующие кафедрами,

профессорско-преподавательский состав, научные работники и инженерно-технический персонал. В 1983 году состоялся выпуск первых 2 тыс. квалифицированных рабочих по специальности «Гибкие производственные системы» (ГПС). Несмотря на многоотраслевое подчинение средних профессионально-технических учебных заведений Главленпрофобру (в то время региональный орган управления системой ПТУ), удалось на базе головных ПТУ по отраслям создать учебно-методические центры, здесь же появились первые кабинеты информатики и вычислительной техники. С 1 сентября 1985 года школьники стали обучатся по единой общесоюзной программе, предусматривавшей введение новой дисциплины – «Основы информатики и вычислительной техники». Позволим себе заметить, что этот процесс можно образно назвать «ликвидацией компьютерной безграмотности». Учились все – и дети, и взрослые, работники исполкомов, райкомов и горкомов. Также с 1 сентября 1985 года 13 вузовских факультетов повышения квалификации начали осуществлять целенаправленное всеобщее повышение квалификации профессорско-преподавательского состава в области вычислительной и микропроцессорной техники, САПР, ГАП, АСНИ. Конечно, были и трудности, например недостаточная, а порой и низкая оснащенность высших учебных заведений вычислительной техникой.

Важной частью мероприятий по кадровому обеспечению программы «Интенсификация-90» являлась работа по приведению количественных и качественных характеристик контингента выпуска в соответствие с потребностями народнохозяйственного комплекса региона. На эту проблему мы уже обращали внимание чуть выше, когда говорили о ранее накопленном опыте в данном направлении. Можно только добавить, что в разные годы в рамках Совета ректоров ею занимались в Инженерно-экономическом и Финансово-экономическом институтах. В рамках же программы она была поручена Кораблестроительному институту. И, как нам кажется, получила новое развитие.

В 1984–1985 годах коллектив исполнителей ЛКИ под руководством Д.М. Ростовцева с участием региональных органов статистики и планирования провел анализ состояния дел в городе по подготовке специалистов с высшим образованием. В результате анализа были получены сведения:

- о приеме в 1984-м и выпуске специалистов в 1985 году с разбивкой по вузам, специальностям и формам обучения. В разрезе каждой специальности прием и выпуск конкретизировались (ленинградцы, иногородние). Номера специальностей указывались в соответствии с общесоюзным классификатором и формами отчетности Центрального статистического управления СССР;
- подготовке специалистов, ориентированных на интенсификацию народного хозяйства на основе автоматизации с широким использованием вычислительной техники, вузами Ленинграда в 1985 году и планах подготовки на период 1985–1990 годов в соответствии с этапами раздела «Подготовка и переподготовка кадров» программы «Интенсификация-90». В зависимости от объема специальных дисциплин выделялись три уровня подготовки специалистов с высшим образованием в области создания и использования средств вычислительной и микропроцессорной техники, автоматизированных систем различного назначения, робототехники, ГПС и прогрессивных технологий: I уровень – до 70 часов, II – до 150 часов, III – 300 и более часов.

Созданный массив данных по всем вузам города (кроме Высшей партийной школы, Института культуры, Института театра, музыки и кинематографии и Института физической культуры) позволял иметь полную и достоверную информацию о качестве приема и выпуска, о количестве и месте подготовки инженерных кадров по любой группе специальностей. Он позволял оперативно влиять на устранение параллелизма и дублирования в подготовке кадров, концентрировать ее в вузах, обладавших лучшими условиями для этого. Подобная работа была проведена в регионе впервые.

Параллельно с анализом объема подготовки специалистов высшей школой была проведена другая, не менее важная, работа. В 1986 году началась разработка методических рекомендаций по определению научно обоснованной потребности региона в специалистах с высшим образованием. Общее руководство было возложено на Плановую комиссию Ленгорисполкома, а научное – на Кораблестрои-

тельный институт. Непосредственно научным руководителем коллектива разработчиков являлся профессор В.В. Волостных. В качестве головных организаций, ответственных за выполнение работ по соответствующим отраслям, были определены: Политехнический институт – промышленность; Инженерно-экономический институт – строительство, транспорт, связь, коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание; Институт социально-экономических проблем АН СССР – непроизводственная сфера; Механический институт – прочие отрасли. Созданная методика позволяла определять дополнительную потребность в специалистах в разрезе специальностей, исходя из их планируемого выбытия, сбалансированную с возможными источниками ее удовлетворения, объемами подготовки в вузах и т. д. В свою очередь, анализ выявленной дополнительной потребности в специалистах и уровня развития системы их подготовки мог стать основой для подготовки предложений по развитию высшего образования в регионе (подготовка, распределение, использование и переподготовка кадров специалистов).

В начале 1980-х годов на базе ленинградских высших учебных заведений действовали 13 НИИ, 112 опытно-конструкторских бюро и проблемных лабораторий, свыше 200 отраслевых лабораторий. Научными исследованиями в вузах города занималось 30 тыс. работников и почти 8 тыс. аспирантов. Столь высокий уровень научного потенциала, наличие серьезного задела по ряду проблем, связанных с автоматизацией, созданием новых материалов, приборов и систем, совершенствованием организационных структур, сложившиеся связи с отраслевыми НИИ и промышленными предприятиями, учреждениями АН СССР позволили вузам активно включиться в реализацию не только раздела «Подготовка и переподготовка кадров», но всех других – от раздела «Фундаментальные и прикладные исследования» (раздел 01) до раздела «Областное хозяйство и агропромышленный комплекс» (раздел 0.7). Координировала эту работу секция реализации программы «Интенсификация-90» совета по научной работе Совета ректоров вузов под руководством профессора С.В. Кулакова, в то время проректора по научной работе Института авиационного приборостроения.

В период с 1983 по 1990 год к реализации программы подключались от 21 до 36 вузов. Ими выполнялось от 106 до 350 заданий по разделам 01–07, по целому ряду заданий вузы являлись головными организациями. Существенная часть этих заданий приходилась на долю нескольких вузов: Государственного университета, Политехнического и Электротехнического институтов, Института авиационного приборостроения и Института точной механики и оптики, Кораблестроительного и Финансово-экономического институтов. В сравнительно короткий срок вузами был выполнен комплекс работ по созданию концепций и методических указаний по проектированию ГПС в отраслях промышленности, построению локальных вычислительных сетей на базе перспективных моделей микропроцессоров, микро- и мини-ЭВМ. Так, в Государственном университете разработали и запустили в серийное производство новый образец вычислительной техники – терминальную станцию ЕС-7970, в октябре 1987 года на Ижорском заводе был сдан в эксплуатацию участок ГПС изготовления образцов, в создании которого приняли участие 28 кафедр четырех факультетов и специально организованный инженерный центр Политехнического института.

В 1986 году по предложению вузов был сформирован свод дополнительных заданий по разделу «Фундаментальные и прикладные исследования в области аппаратного, программного и информационного обеспечения автоматизированных систем». Ведущие позиции в реализации этого раздела принадлежали Государственному университету и Политехническому институту, т. е. тем высшим учебным заведениям, которые располагали достаточными ресурсами, и прежде всего научными школами, в области фундаментальных знаний. Можно продолжить приводить примеры. По разделу «Транспорт» бесспорным «фаворитом» был Институт инженеров железнодорожного транспорта, по разделу «Связь» – Электротехнический институт связи, по разделу «Областное хозяйство и агропромышленный комплекс» – Сельскохозяйственный и Ветеринарный институты и т. д. Полагаем, что целесообразнее более подробно остановиться на работе Института текстильной и легкой промышленности им. С.М. Кирова (ныне – Университет технологии и дизайна). И вот почему.

Из всех вузов города, принимавших участие в программе «Интенсификация-90», Институт текстильной и легкой промышленности оказался самым востребованным в своем кластере. Существовали и другие кластеры, например судостроительный. Но если в судостроительном кластере Кораблестроительный институт находился в ряду таких величин, как ЦНИИ им. Крылова, Северное и Невское КБ, то Текстильный являлся флагманом в регионе по отрасли. Кроме вуза в регионе действовали два НИИ, четыре СКБ, один проектный институт и Техникум легкой промышленности. И не случайно Институту текстильной и легкой промышленности было поручено выполнять функцию головной организации по отрасли в разделе «Промышленность». Из 33 заданий в целом по программе 26 выполнялось в интересах отрасли. Но главная заслуга вуза и его руководства (тогда ректором был профессор Л.Я. Терещенко) в глубокой, продуманной работе по формированию содержания заданий отраслевого подраздела программы. Ученые вуза, отраслевых НИИ, специалисты конструкторских бюро составили единые коллективы, которые вплоть до 1984 года проводили комплексное обследование ленинградских предприятий легкой промышленности на предмет «узких» мест, разрывов в технологических процессах с целью их ликвидации путем внедрения средств автоматизации. По результатам обследования была создана конкретная адресная программа разработки и внедрения широкого спектра автоматических и автоматизированных систем и комплексов на 1984–1990 годы. Все это обеспечивалось сложившейся организационной структурой: вуз – КБ – производство. В текстильной промышленности: вуз – СКБ текстильной промышленности – предприятия Ленхимпрома; в швейной: вуз – СКБ швейной промышленности – предприятия Леншвейпрома.

Подводя итог, можно отметить следующее. Целевая комплексная территориально-отраслевая программа развития народного хозяйства г. Ленинграда и Ленинградской области на основе автоматизации с широким использованием вычислительной техники на 1984–1985 годы и до 1990 года явилась, по нашему мнению, серьезным экзаменом для системы высшего образования региона на способность адекватного реагирования на запросы времени. Этот экзамен был достойно выдержан. Вместе с тем было бы неправильно не заметить трудности, которые встречались на пути реализации программы в целом и негативно сказывались в том числе и на эффективности вузовского участия. Прежде всего это ресурсное и финансовое обеспечение. За каждым заданием, закрепленным за вузами, был определен источник финансирования. В большинстве случаев это были Минвуз СССР и Минвуз РСФСР, которые просто не справлялись с принятыми обязательствами. Основным источником научных исследований оставался хозяйственный договор. В то же время не надо забывать о социально-экономической обстановке, которая сложилась в стране во второй половине 1980-х годов. События 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС и экономические потери, вызванные взрывом, значительно сузили возможности выполнения долгосрочных программ. Не малое отрицательное влияние на результаты работы по программе имел так называемый человеческий фактор. Достаточно много было формализма, желания приукрасить реальное положение дел. И последнее. Программно-целевое планирование на длительный период (в нашем случае это полторы пятилетки, 1984–1990 годы) в любых масштабах (региона, страны) требовало политической и экономической стабильности. Этого, к сожалению, не было.

Последние пять лет перед началом 1990-х годов были временем напряженным, полным контрастов. Говоря о нем, нельзя не отметить, с одной стороны, добросовестный труд тысяч вузовских ученых и преподавателей, позволивший решать важные научно-технические задачи и готовить высококвалифицированные кадры, с другой – снижение темпов экономического роста и остаточный принцип финансирования социальной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Собрание** законодательства Российской Федерации. 1995. № 28.

2. **Лагушкин С.Г.** Развитие программно-целевого планирования и управления вузовской наукой в регионе в последней четверти XX в.: опыт и уроки (на материалах Ленинграда – Санкт-Петербурга) // Государство – экономика – политика: актуальные проблемы истории: сб. науч. тр. Всерос. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. 307 с.

3. **Коммунистическая** партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд. Т. 15. М.: Политиздат, 1990.

4. **Мелещенко В.И.** Совет экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса при Ленинградском обкоме КПСС. Л.: Лениздат, 1985. 192 с.

5. **Глебов И.А.** Об участии академических учреждений Ленинграда в выполнении региональной программы «Интенсификация-90» // В Президиуме Академии наук СССР. Доклад академика И.А. Глебова. URL: www.ras.ru/FStorage/download.aspx?Id=93d12f4b-f7ac-45c9-9253 (дата обращения: 16.04.2014).

6. **Центральный** государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 168. Д. 17.

7. **Васильев Ю.С.** Вопросы эволюции СПбГПУ // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. XXIV. Материалы XXIII сессии Междунар. школы социологии науки и техники / под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 295 с.

S.G. Lagushkin

ROLE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN IMPLEMENTATION OF PROGRAM "INTENSIFICATION-90"

LAGUSHKIN Sergey G. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: slagushkin@mail.ru

The value of state programs in modern conditions is noted. The attention is drawn to problems of development of national economy in the 1970–1980s, including the value of scientific and technical progress. The structure of the "Intensification-90" program is presented. The reserves which were available for activities of higher educational institutions and allowed them to contribute to implementation of the program effectively are considered. The conclusion is made that the "Intensification-90" program was a serious examination for the system of the higher education of the region.

TERRITORIAL PROGRAM; HIGH EDUCATION INSTITUTIONS; REGION; SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS; PROGRAM'S STRUCTURE; PREPARATION OF HUMAN RESOURCES IN ENGINEERING; SCIENTIFIC RESEARCHES.

REFERENCES

1. Laws of the Russian Federation. 1995. No. 28. (In Russ.)

2. Lagushkin S.G. [The development of software-oriented planning and management of university science in the region in the last quarter of the twentieth century: experience and lessons (On materials of Leningrad – St. Petersburg)]. *Gosudarstvo – ekonomika – politika: aktualnyye problemy istorii*. Trudy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii [The State – economy – policy: actual problems of history: collection of scientific works of the All-Russian scientific and methodical conference]. St. Petersburg, St. Petersburg State Polytechnical Univ. Publ., 2010. 307 p. (In Russ.)

3. [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988)]. In 15 vol. Of vol. 15. Moscow, Politizdat Publ., 1990.

4. Meleshchenko V.I. *Sovet ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya, uskoreniya nauchno-tekhnicheskogo progressa pri Leningradskom obkome KPSS* [Council for Economic and Social Development, the acceleration of scientific and technical progress of the Leningrad Regional Committee of the CPSU]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985. 192 p. (In Russ.)

5. Glebov I.A. [About participation of academic institutions in the implementation of the Leningrad regional program "Intensification-90"]. *In Presidium of Academy of Sciences of the USSR*. Available at: http://www.ras.ru/FStorage/download.ac-45c9-53 (accessed 16.04.2014).

6. Central State Archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 24. Op. 168. D. 17.

7. Vasilyev Yu.S. [Questions of evolution SPbGPU]. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov* [Problems of activity of the scientist and research teams]. Pt XXIV [Materials XXIII of session of the International school of sociology of science and equipment]. St. Petersburg, St. Petersburg State Polytechnical Univ. Publ., 2008. Pp. 172–184. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

УДК 94(470)«16/18»

Е.А. Ростовцев

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ФОКУСЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (1860-е – НАЧАЛО 1880-х ГГ.)

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич – *доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат исторических наук.*

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: rostovtsev@hotbox.ru

В статье анализируются взаимоотношения между властью и российскими университетами в переломную эпоху на рубеже 1870–1880-х годов. Рассмотрены основные мероприятия правительственной политики в «университетском вопросе» через призму событий, происходивших в Санкт-Петербургском университете. Показано, что профессорские корпорации не были готовы выступать в качестве инструмента правительственного контроля, потому что это противоречило не только их политической позиции, но и видению ими «университетского идеала». Особенно ярко эта ситуация проявилась во время кризиса на рубеже 1870–1880-х годов в столичном университете, что подтолкнуло правительство искать выход сначала в ограничении «контроля» над студенчеством (эпоха министров М.Т. Лорис-Меликова и А.А. Сабурова), а затем, после очевидного провала этой политики, – в ограничении «автономии» университетов (устав 1884 г.).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ; ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ; РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ; «ДИКТАТУРА СЕРДЦА»; УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1884 ГОДА; А.А. САБУРОВ; П.П. ПОДБЕЛЬСКИЙ.

Историография, посвященная «университетскому вопросу» пореформенной России [1–4] и Петербургскому университету той поры [5, 6], обширна, однако не все аспекты этой проблематики исследованы в равной степени. Среди вопросов, требующих, с нашей точки зрения, дополнительного изучения, «университетский вопрос» в переходный период, т. е. с начала так называемой «диктатуры сердца» и до издания нового устава. Традиционная точка зрения рассматривает устав 1884 г. как часть политики так называемых контрреформ Александра III [См., например: 7–9]. При этом, несмотря на наметившийся в литературе пересмотр данного положения [См., например: 10, 11], некоторые фактические аспекты той ситуации, в которой шла подготовка устава, остаются в тени. Попробуем дать краткий анализ системы отношений между обществом, студенчеством, преподавательской корпорацией и властью, сложившейся во время кризиса на рубеже 1870–1880-х гг. на примере столичного университета.

На пути к кризису. Комиссия И.Д. Делянова и Петербургский университет

Напомним, что университетский устав 1863 г., отдав университеты «в руки профессоров», создал условия для развития не только университетской науки, но и университетской корпоративности, а также для становления в рамках университетской системы целого ряда организационных структур, возникавших прежде всего благодаря инициативе российской профессуры. В первую очередь это научные общества и их издания, без которых немыслимо представить себе развитие российской науки второй половины XIX – начала XX в. Достаточно назвать Московское математическое общество (1864), Московское юридическое общество (1865), Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и Химическое общество при Санкт-Петербургском университете (оба 1868), Физическое общество при Санкт-Петербургском университете (1872), Киевское общество Нестора Летописца (1873) и др. Очевидно,

что по уровню и количеству научной продукции российские университеты 1960-х – первой половины 1980-х гг. оставляют позади Императорскую Академию наук (при этом, правда, надо иметь в виду, что в это время академики начинают сами преподавать в Петербургском университете) и складываются те научные школы, от которых ведет свою историю современная российская наука. Разумеется, впечатляющий рост университетской науки был обусловлен уникальным сочетанием социального и общественного заказа. В литературе, например, высказывались мнения о том, что «нигилистический энтузиазм и вера в науку, помноженная на решимость правительства вкладывать материальные ресурсы в развитие науки, привели к выдающемуся результату: 1860–1870-е гг. стали „золотым веком" русской науки» [12, с. 210; ср.: 13, с. 131–132]. При всей их категоричности, с нашей точки зрения, такие суждения не лишены определенных оснований. Во всяком случае, важно понимать, что для ведущих профессоров российских университетов последней трети XIX в. наука выступала как важнейший фактор социального прогресса, изменения общества к лучшему, поэтому, с одной стороны, служение науке представлялось служением обществу, с другой – появилось убеждение в том, что государство и общество обязаны поддерживать и пестовать фундаментальную науку [Ср.: 14].

Между тем на протяжении всего царствования Александра II студенческий вопрос оставался нерешенным. Одной из «idée fixe» императора стала задача правильного воспитания молодого поколения, в решении которой он видел средство для борьбы с революцией. Действительно, русская интеллигентная молодежь являлась основным поставщиком кадров для народнических организаций. После попытки покушения на императора, предпринятой студентом Московского университета Д. Каракозовым 4 апреля 1866 г., и разоблачения Ишутинского кружка Александр отстраняет от руководства Министерством народного образования А.В. Головина и назначает министром консерватора Д.А. Толстого. 26 мая 1867 г. Толстой вводит новые, еще более жесткие правила, устанавливавшие за студенчеством двойной контроль со стороны университетского начальства и полиции. Однако предпринятые Д.А. Толстым меры скорее ведут к обратному результату – российские университеты в конце 1860-х – начале 1870-х гг. становятся постоянной головной болью правительства, а студенчество не только поставляет новобранцев в революционные кружки, но и организует массовые волнения и беспорядки [15]. Толчком к началу массового студенческого движения 1878–1880 гг. послужили демонстрации, состоявшиеся после объявления оправдательного приговора Вере Засулич, покушавшейся на генерала Ф.Ф. Трепова. Радикалам весьма удачно удалось возглавить студенческое движение, объединив гуманистические требования, связанные с прекращением полицейского преследования народовольцев, с требованиями «студенческой автономии» (свободной организации студенческих сходок, кассы взаимопомощи, корпоративных организаций и вообще своих «прав человека») и требованиями пересмотра в этом смысле устава 1863 г. С чувством собственного достоинства в студенческих прокламациях провозглашалось: «Одно из двух: или допускать образование и давать учащимся права, приличные людям высшего образования, или вовсе закрыть все учебные заведения» [Цит. по: 16, с. 327]. После студенческих беспорядков 1878–1879 гг. в сентябре 1879 г. были введены в действие чрезвычайные «Временные правила для студентов», которые регламентировали поведение студентов не только в стенах университетов, но и за их пределами.

Как видим, правительственные репрессии вызывали обратный эффект, ведя к углублению пропасти между властью и обществом. Например, что касается студенчества, то в литературе подчеркивается то обстоятельство, что молодежь, которая массово исключалась из высшей школы и высылалась из столиц, несла пропаганду революционных, народнических идей в провинцию. Таким образом, правительство распространяло революцию «за казенный счет». Невозможность в рамках устава 1863 г. организации легальных студенческих организаций создавала благоприятную почву для революционных организаций, лидеры которых могли направлять активность молодежи в нужное русло. В эпоху Д.А. Толстого стало очевидно и еще одно обстоятельство – либеральная профессура вместе со всем прогрессивным русским обществом составила решительную оппозицию министру. Толстой настаивал на необходимости отказа от «университетской автономии» в той форме, в какой она была закреплена в 1863 г. В 1875 г. по

инициативе министра была даже учреждена комиссия, призванная разработать новый устав. Ее деятельность вызвала огромный резонанс и критическую реакцию в университетском сообществе [См. об этом, например: 17].

Председателем комиссии был назначен член Государственного совета, директор Публичной библиотеки и будущий министр народного просвещения И.Д. Делянов. Комиссия пришла к ряду выводов, общий смысл которых сводился к необходимости срочных и значительных перемен в жизни университетов. Состояние дел в университетах было признано комиссией абсолютно неудовлетворительным. Значительной проблемой, характерной для всех университетов, являлась *«неспособность» студентов окончить курс* (в некоторые годы число «не окончивших» университет превышало число «окончивших») [18, с. 134–135]. Особые претензии были высказаны в адрес столичного университета. Так, комиссия отметила, что в Санкт-Петербургском университете отсутствовала общая информация о студентах (имелись в виду данные об их распределении по специальностям, распределении по сословиям, по месту среднего образования и т. д.) [Там же. С. 135]. По мнению членов комиссии, в университете отсутствовал контроль как за студентами, так и за образовательным процессом. Одной из основных бед университетов была названа бедность студентов, граничившая с нищетой [Там же. С. 137–139]. При этом к выделению бедным студентам стипендий и помощи различных обществ комиссия относилась как к нежелательной практике. По мнению ее членов, профессора в университетах, сочувствуя неимущим студентам, снисходительно относились к ним на экзаменах, тем самым гарантируя им стипендию [Там же. С. 141]. Одновременно комиссия отмечала проблему непрестижности университетского образования [Там же. С. 138]. Обращает на себя внимание подробное описание комиссией проблемы отсутствия контроля за поведением студентов. В этом контексте особые претензии высказывались в адрес столичного университета. Так, комиссия с неудовольствием констатировала, что в карцер студентов университета не заключали с 1866 г., а за 10 лет было всего 7 выговоров и замечаний от ректора (при том что случаев задержания студентов полицией с последующим преданием суду за тот же период в среднем происходило по 5-6 в год) [Там же. С. 143]. Важной проблемой университетов, отмеченной комиссией, была разобщенность между студентами и разобщенность между студентами и профессорами, на что указывали последние [Там же. С. 142]. Подробно комиссия останавливалась и на проблемах преподавания. Было обращено внимание на существовавшую ситуацию, когда не было учебных планов, студентам читалось недостаточное число лекций, а профессора не составляли отчеты о своей работе, – все это, по мнению членов комиссии, отражало снижение качества образования [Там же. С. 148].

«Диктатура сердца» или казус Подбельского

Однако долгое время мечты Д.А. Толстого, связанные с пересмотром норм устава 1863 г., так и оставались мечтами. Причиной тому, конечно, был новый курс верховной власти, осуществлявшийся во время «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова. Именно в это время последовала последняя в александровское царствование смена министров. Отставка Д.И. Толстого и его замена на либерала А.А. Сабурова произошли в апреле 1880 г. Новый министр не замедлил с либеральными шагами – помилованием ряда сосланных студентов, возвращением их в университеты, проектом о предоставлении студентам ограниченных корпоративных прав. Впервые правительство попыталось не просто контролировать студенчество, но и боролось за его симпатии с революционными элементами, которые также не дремали. Радикалы чувствовали, что их время уходит, и пытались обострить ситуацию любым способом, взорвать ее. Характерна в этом отношении ситуация в Петербургском университете. Здесь при содействии «Народной воли» в 1880 г. был создан «Центральный кружок студентов Петербургского университета», который в начале 1880-х гг. активно вел нелегальную революционную работу [19, с. 84; ср.: 20, с. 340–342]. Решающие события развернулись 8 февраля 1881 г. на очередном торжественном акте, посвященном основанию университета. Годовой отчет университета читал в присутствии 4 тыс. человек (преподавателей и студентов) профессор А.Д. Градовский (известный юрист и историк, либерал). В президиуме, кроме ректора А.Н. Бекетова, – министр А.А. Сабуров.

После прочтения отчета студент Л.М. Коган-Бернштейн произнес речь, подготовленную А.И. Желябовым. В своей речи он клеймил антинародную политику правительства, с хоров в зал была брошена «Прокламация Центрального университетского кружка». В ней, в частности, говорилось: «Правительство свыклось за последнее время с мыслью, что студенчество не способно больше к жизни, что в нем нет ни политического смысла, ни гражданского мужества, короче говоря, что оно деморализовано до мозга костей. На единодушное заявление всех высших учебных заведений оно отвечает лишь полным пренебрежением. Но среда студенчества не обезличена, в ней таится скрытая сила, которую нельзя ни подавить, ни привести к вырождению. Эта сила могучая, страшная, она не согнет своей выи под игом железного деспотизма, прикрытого посулами и подачками, не откажется от политической и гражданской жизни. Для нее не существует компромиссов. <...> Над Сабуровым произносится приговор. Студенчество клеймит наглого лицемера, срывает мантию эффектного блеска, открывает убожество и немощь всей безнравственной политики правительства по отношению к студенчеству и заявляет, что на пренебрежение и гнусную ложь у всего молодого и мыслящего – один ответ, одна достойная кара: позор!» [Цит. по: 21, с. 114].

Этого зачинщикам показалось мало, и студент П.П. Подбельский, воспользовавшись царившей неразберихой, неожиданно нанес министру Сабурову оскорбление действием. По свидетельству очевидца, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятение; студенты вскакивали на стулья, кричали, размахивали руками; тот, кто в красной рубахе, вспрыгнул на подоконник и оттуда ревел: „долой Сабурова”... Ему в ответ кто-то вопил: „Подлецы, мерзавцы, позор!..”» [Цит. по: 22, с. 69]. В общем, скандал получился, что называется, на славу. Как и следовало ожидать, надзиратели кинулись за зачинщиками, но «солидарные» студенты «оттеснили» их. Таким образом, народовольцы знали, что делали, играя на студенческой солидарности. В то же время вряд ли они ожидали даже в этом эпизоде столь существенного отпора со стороны вменяемой молодежи. По воспоминаниям другого участника событий, после акта «все „благомыслящие” студенты выстроились в два ряда в коридоре, и, когда министр с ректором и профессорами проходили мимо них, они сопровождали его аплодисментами и приветственными криками... Странная была демонстрация, и странно, должно быть, чувствовал себя объект ее – министр народного просвещения» [Там же]. На следующий день обиженные народовольцы опубликовали очередную прокламацию, где обвиняли «начальство» в расколе студенческого движения.

Показательно, что и после этого случая министр и администрация университета пыталась свести репрессии против зачинщиков беспорядков на акте к минимуму. В первом заседании Совета, состоявшемся по горячим следам, беспорядки на акте, длившиеся не менее 20 минут, описываются следующим образом: «8 февраля, после прочтения отчета, принятого с громкими аплодисментами, на хорах актовой залы послышался голос какого-то лица, стремившегося нарушить порядок речью и бросанием листков. Ректор позвонил и обратился к студентам с указанием необходимости заставить замолкнуть пытавшегося нарушить порядок. Студенты выполнили желание ректора и, сколько ни пытался говоривший на хорах, поддерживаемый несколькими голосами, помешать ходу акта, студенты заставили его замолкнуть, и акт был продолжен» [23, с. 23].

Показательно, что в последующем процессе в университетском суде профессора констатировали, что обвинительный приговор в отношении всех участников беспорядков, за исключением Л.М. Когана-Бернштейна, основывается на «самообвинении». Так, одному из главных персонажей скандала – студенту П.П. Подбельскому пришлось настаивать на том, чтобы его привлекли к суду, и доказывать сам факт нанесения «оскорбления действием» министру. О реакции самого А.А. Сабурова на действия юного хулигана мы можем судить по воспоминаниям С.Ф. Платонова, в то время студента историко-филологического факультета, который был свидетелем инцидента и «хорошо заметил, с каким самообладанием и спокойствием Сабуров перенес постигшую его неприятность. Он сидел в кресле и на шум, начавшийся на хорах, повернул голову влево и вверх. В это время последовал удар от быстро промелькнувшего за его спиной справа налево человека низкого роста и с черной бородой.

Направленный в правую щеку, удар пришелся в затылок... Ректор призвал публику к порядку, и акт продолжался» [24, с. 126]. Очевидно, что ни сам министр, ни ректор решительно не хотели придавать инциденту значения.

Не дождавшись привлечения к ответственности, возмущенный Подбельский написал ректору письмо, которое тот вынужден был огласить на заседании правления университета, а затем на университетском суде. В письме, как передает протокол заседания университетского Совета, Подбельский настаивал на том, что «будто бы нанес г. Управляющему Министерством народного просвещения удар по лицу по поводу неисполнения им желаний студентов» [25, с. 31–32]. Интересно, что этот факт вызвал у судей, на глазах которых происходил инцидент, большие сомнения. В ходе прений обсуждалась личность двадцатилетнего П.П. Подбельского, то, что он окончил гимназию с золотой медалью, что он старший сын православного священника, у которого еще семеро детей, что он ранее посещал университет весьма прилежно и до этого дня в беспорядках замечен не был. Показательно, что профессорам во главе с председательствующим юристом Н.С. Таганцевым в голову не пришло обратиться с каким-либо запросом к А.А. Сабурову, зато была опрошена, например, жена одного из судей – профессора А.С. Фаминцына, доценты И.И. Боргман и Н.А. Гезухус, смысл показаний которых сводился к тому, что какой-то молодой человек подбегал к министру и «делал движение рукою сверху вниз», но «нанести удара ни в коем случае не мог», а если и мог, то только задев министра сзади, а никак не по лицу. Интересно, что, по заявлению И.И. Боргмана, студент, который «подбегал к министру», «с трудом прорвался сквозь толпу, которая хотела его задержать». В конце концов суд, констатировав, что «самообвинение г. Подбельского... не подтвердилось в заявленной форме», признал-таки его виновным в беспорядках, а относительно удара констатировал, что он виновен в деянии, предусмотренном статьей 285 Уложения о наказаниях, или покушении на него. Было постановлено: П.П. Подбельского из университета исключить и препроводить копию приговора общему уголовному суду [Там же. С. 32–34]. Университетский же Совет во всем происшедшем видел вину низших чинов инспекции университета [Там же. С. 34].

Казус Подбельского с очевидностью демонстрирует: университетская корпорация прилагала поистине отчаянные усилия, чтобы не замечать того обстоятельства, что университет является центром открытой революционной фронды, признание чего не только помешало бы либеральным мероприятиям министерства, но и противоречило идеалам большинства профессоров, воспринимавших как единую академическую общность профессоров и студентов, что, в свою очередь, исключало возможность «выдачи» членов корпорации властям без «самообвинения», как это было в деле Подбельского.

Корпорация и студенчество после 1 марта 1881 г.

Как известно, точку в либеральной политике Министерства народного просвещения поставил взрыв бомбы, брошенной студентом Технологического института И. Гриневицким 1 марта 1881 г. Он оказался смертельным и для самого студента, и для императора. Не случайно отставка министра А.А. Сабурова оказалась первой в череде отставок «либеральных бюрократов», которые принял Александр III.

Интересно, что за этими событиями не последовало ни немедленного пересмотра устава, ни каких-либо репрессивных мер против высшей школы. Министром народного просвещения был назначен барон А.П. Николаи – сторонник умеренного направления в отношении университетов. Не готова была капитулировать перед властью и высшая школа. Так, сформированная 4 марта 1881 г. в Петербургском университете комиссия по «обсуждению мер для водворения в университете строжайшего порядка» (профессора В.В. Бауер, Н.А. Меншуткин, Ю.Э. Янсон, В.П. Васильев, Н.С. Таганцев, В.Г. Васильевский, А.А. Иностранцев, В.И. Сергеевич, К.Ф. Голстунский) [26, с. 43] пришла к выводу, что основная причина студенческих беспорядков как раз и кроется в тех ненормальных условиях полицейского надзора, в которые поставлена учащаяся молодежь [См. об этом: 21, с. 114–115].

События 1 марта 1881 г. и связанные с ними репрессии, обрушившиеся на нелегальные организации, лишь на время приостановили деятельность «Центрального кружка». Уже весной 1882 г. он возобновил свою деятельность (издание нелегальной литературы, прокламаций,

организация политических демонстраций студенчества). После разгрома кружка полицией в конце 1882 – начале 1883 г. он прекратил свое существование в прежнем виде, но на его «осколках» оставшимися на свободе членами кружка (П. Якубович, А. Гаусман) осенью 1883 г. был создан так называемый Студенческий союз молодежи партия «Народная воля», подхвативший «знамя» революционной борьбы [См.: 27, с. 44–45].

Профессорская коллегия в этих условиях занимала последовательно либеральную позицию. Один из ее видных членов – физиолог И.М. Сеченов вспоминал, что, когда студентов, замешанных в беспорядках, стали лишать права поступления на государственную службу, т. е. лишали «прав за дисциплинарные поступки», «профессорская коллегия не сочла себя вправе молчать»: «По предложению некоторых профессоров была образована комиссия для рассмотрения дела и составления защитительной докладной записки министру, что и было сделано. В Совете нашлось только два человека, не подписавших этой записки. <...> Кончилось, конечно, ничем – министр ответил выговором коллегии и замечанием, что забота о судьбе студентов предоставлена начальству, а не профессорам» [28, с. 161–162].

Этот эпизод, с одной стороны, с достаточной четкостью показывает высокую степень единства университетской корпорации, с другой стороны, характеризует либеральный характер ее политической позиции. Впрочем, некоторые члены корпорации не ограничились выражением коллективной позиции и открыто выступили с демонстрацией неприятия курса нового императора. Так, университет покинул крупнейший русский философ религиозно-либерального направления В.С. Соловьев, перед этим безуспешно призывавший помиловать убийц Александра II.

В таких условиях идеолог будущих контрреформ М.Н. Катков не преминул обрушиться с критикой на университеты как на островки «конституционного режима в самодержавном государстве» [29]. В марте 1882 г. министром народного просвещения был назначен И.Д. Делянов, и давнишние планы новой университетской реформы снова встали на повестке дня. Впрочем, их реализация вряд ли могла решить «университетский вопрос», а скорее только усложнила его, поскольку рядом с оппозиционным студенчеством встали профессорские коллегии, начавшие бескомпромиссную борьбу с властью за возвращение «автономии» [30, 31].

Итак, устав 1863 г. предопределил ту противоречивую роль, которую российские университеты играли в годы «великих реформ». С одной стороны, университеты действительно превращались в «храмы науки» (а их преподаватели – в особое привилегированное «ученое сословие») и становились основным центром подготовки интеллектуальной и политической элиты страны. С другой стороны, попытки полицейского контроля над студентами в «храмах науки» не только не нашли поддержки у «ученого сословия», но и явились контрпродуктивными, способствовали формированию оппозиционных настроений у молодого поколения «образованного класса». Да и сам полицейский контроль в университетах в условиях «автономии» не мог быть эффективным. Профессорские корпорации не были готовы выступать в качестве инструмента правительственного контроля, потому что это противоречило не только их политической позиции, но и видению ими «университетского идеала». Особенно ярко эта ситуация проявилась во время политического кризиса 1870–1880-х гг., что подтолкнуло правительство к поиску выхода сначала в ограничении «контроля» над студенчеством (эпоха М.Т. Лорис-Меликова и А.А. Сабурова), а затем, после очевидного провала этой политики, – в ограничении «автономии» (устав 1884 г.). Последнее решение, однако, также нельзя назвать удачным. Оно побудило российское «ученое сословие», уже привыкшее к своему привилегированному положению, начать борьбу за «автономию» университетов – борьбу, которая станет важной частью программы русского «освободительного движения» на рубеже XIX и XX вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, грант № 5.38.98.2012 («Петербургский университет в истории России XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Университетская** идея в Российской империи XVIII – начала XX века. Антология: учеб. пособие для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011.

2. **Профессорско-преподавательский** корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск, 2012.

3. **Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.** Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.

4. **Сословие** русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013.

5. **История** Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии. URL: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovcev/Bibliogr_2012.pdf (дата обращения: 05.06.2014).

6. **Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В.** Академическая корпорация столичного университета (1884–1917) в фокусе историографии // Клио. 2012. № 7 (67). С. 47–62.

7. **Щетинина Г.И.** Университеты России и устав 1884 г. М., 1976.

8. **Иванов А.Е.** Университетская политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Гос. руководство высш. шк. в дореволюц. России и СССР. М., 1979. С. 148–169.

9. **Он же.** Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX в. // Историограф. и истор. проблемы рус. культуры: сб. статей / отв. ред. Л.Н. Пушкарев. М., 1983. С. 176–177.

10. **Биюшкина Н.И.** Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы рос. права. 2010. № 3. С. 37–43.

11. **Ростовцев Е.А.** Университетская реформа 1884 г. в Санкт-Петербургском университете // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2013. № 2. С. 139–145.

12. **Koblitz A.H.** Science, Women and the Russian Inteligentsia: The Generation of the 1860s // Isia. 1988. Vol. 79, no. 2. P. 208–226.

13. **Brower R.** Daniel Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia. Education and the State in Tsarist Russia by Patrick L. Alston; Tolstoy on Education by Leo Wiener; Russia's Educational Heritage by William H.E. Johnson // History of Education Quarterly. Vol. 10, no. 1 (Spring, 1970). P. 127–136.

14. **Vuchinich A.** Mendeleev's Views on Science and Society // Isis. 1967. Vol. 58, no. 3. P. 342–351.

15. **Ростовцев Е.А.** Украшение и раздражение империи: «великие реформы» и «университетский вопрос» // Родина. 2014. № 4. С. 27–29.

16. **Россия** в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг.: коллективная моногр. / отв. ред. Б.С. Итенберг. М., 1983.

17. **Котов А.** «Пресмыкающийся профессор» против университетской автономии // Гефтер. 24.07.2012. URL: http://gefter.ru/archive/5471#anchor1 (дата обращения: 04.04.2014).

18. **Университетский** вопрос (Извлечение из материалов, собранных отделом Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра Общего Устава российских университетов, при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 года // ЖМНП. 1876. Ч. 187. Отд. IV.

19. **История** Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969.

20. **Волк С.С.** Народная воля. М.; Л., 1966.

21. **Кушков Н.Г.** На акте 8 февраля 1881 года (Из истории студенческих волнений) // Вестн. ЛГУ. 1946. № 3. С. 112–117.

22. **Щетинина Г.И.** Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987.

23. **Журнал** экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 8 февраля 1881 г. // Протоколы заседаний Совета С.-Петерб. (Императорского) ун-та за вторую половину 1880/81 академического года. СПб., 1881. № 24.

24. **Платонов С.Ф.** Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. № 2. С. 104–133.

25. **Журнал** экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 12 февраля 1881 г. // Протоколы заседаний совета С.-Петерб. (Императорского) ун-та за вторую половину 1880/81 академического года. СПб., 1881. № 24.

26. **Журнал** экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 4 марта 1881 г. // Там же.

27. **Жуйкова Р.Г.** Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в. // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Вып. II. Л., 1968. С. 41–51.

28. **Сеченов И.М.** Профессорство в Петербургском университете (1876–1888) // Ленингр. ун-т в воспоминаниях современников. В 3 т. Т. I. Петерб. ун-т. 1819–1895. Л., 1963. С. 161–162.

29. **Московские** ведомости. 1882. 9 августа.

30. **Ростовцев Е.А.** Российские мандарины. Столичная профессура, студенчество и власть в начале XX века // Родина. 2010. Спецвыпуск. Образование в России: вчера, сегодня, завтра. С. 47–52.

31. **Он же.** Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. 2013. № 10. С. 57–64.

E.A. Rostovtsev

ST. PETERSBURG UNIVERSITY IN THE FOCUS OF GOVERNMENT POLICY (1860s – EARLY 1880s)

ROSTOVTSEV Evgeniy A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: rostovtsev@hotbox.ru

This article analyzes the relationship between the government and Russian universities at the turn of the pivotal era of 1870s–1880s. The author examines the main activities in the government policy with regard to the "university issue" through the prism of the events that took place in St. Petersburg University. The article shows that the professorial corporations were not ready to act as a an instrument of government control because not only it contradicted their political position, but also their ideas of the "Ideal of the University". This situation was especially brightly reflected during the crisis at the turn of 1870s–1880s. The capital city university that encouraged the government to look for a way first in limiting "control" over the student body (the era of Ministers of Loris-Melikov and Saburov) and then, after the obvious failure of these policies – to limit the "autonomy" of universities (Regulations 1884).

ST. PETERSBURG UNIVERSITY; HISTORY OF EDUCATION; HISTORY OF HIGH SCHOOL; THE REVOLUTIONARY MOVEMENT; UNIVERSITY STATUTE OF 1884; A.A. SABUROV; P.P. PODBELSKY.

REFERENCES

1. *Universitetskaya ideya v Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX veka. Antologiya* [University idea in the Russian Empire XVIII – early XX centuries]. The Anthology. Moscow, 2011. (In Russ.)

2. *Professorsko-prepodavatelskiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Faculty body of Russian universities. 1884–1917: Studies and documents]. Tomsk, 2012. (In Russ.)

3. Vishlenkova Ye.A., Galiullina R.Kh., Ilina K.A. *Russkiye professora. Universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors. University corporate or professional solidarity]. Moscow, 2012. (In Russ.)

4. *Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [Class of Russian professors. Creators status and meanings]. Moscow, 2013. (In Russ.)

5. [History of St. Petersburg University of XVIII–XXI centuries. Materials for comprehensive bibliography]. Available at: http://history.spbu.ru/userfiles/Rostovcev/Bibliogr_2012.pdf (accessed 05.06.2014).

6. Rostovtsev E.A., Barinov D.A., Krivonozhenko A.F., Sidorchuk I.V. [Academic Corporation Metropolitan University (1884–1917) at the focus of historiography]. *Clio*, 2012, no. 7 (67), pp. 47–62. (In Russ.)

7. Shchetinina G.I. *Universitety Rossii i ustav 1884 g.* [Russian universities and the Statute 1884]. Moscow, 1976. (In Russ.)

8. Ivanov A.Ye. [University policy of the Russian autocracy in the late XIX – early XX century]. *Gosudarstvennoye rukovodstvo vysshey shkoloy v dorevolyutsionnoy Rossii i SSSR* [State coordination of institutes of Higher education in pre-revolutionary Russia and the USSR]. Moscow, 1979. Pp. 148–169. (In Russ.)

9. Ivanov A.Ye. [Administration of institutes of Higher education of Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Istoriograficheskiye i istoricheskiye problemy russkoy kultury* [Historiography and historical problems of Russian culture]. Moscow, 1983. Pp. 176–177. (In Russ.)

10. Biyushkina N.I. [Policy of Alexander III in Education]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava*, 2010, no. 3, pp. 37–43. (In Russ.)

11. Rostovtsev E.A. [University reform in 1884 in St. Petersburg University]. St. Petersburg State Polytechnical Univ. J. Humanities and Social Sciences, 2013, no. 2, pp. 139–145. (In Russ.)

12. Koblitz A.H. Science, Women and the Russian Inteligentsia: The Generation of the 1860s. *Isia*, 1988, vol. 79, no. 2, pp. 208–226.

13. Brower R. Daniel Reformers and Rebels: Education in Tsarist Russia. Education and the State in Tsarist Russia by Patrick L. Alston; Tolstoy on Education by Leo Wiener; Russia's Educational Heritage by William H.E. Johnson. *History of Education Quarterly*, vol. 10, no. 1 (Spring, 1970), pp. 127–136.

14. Vuchinich A. Mendeleev's Views on Science and Society. *Isis*, 1967, vol. 58, no. 3, pp. 342–351.

15. Rostovtsev E.A. [Decoration and irritation of Empire "great reforms" and "university question"]. *Rodina*, 2014, no. 4, pp. 27–29. (In Russ.)

16. Rossiya v revolyutsionnoy situatsii na rubezhe 1870–1880-kh gg. [Russia in a revolutionary situation at the turn of 1870–1880s]. Moscow, 1983. (In Russ.)

17. Kotov A. ["Creepy Professor" against university autonomy]. *Gefter*. 24.07.2012. Available at: http://gefter.ru/archive/5471#anchor1 (accessed 04.04.2014).

18. [University question (Extract from the materials collected by Department of Commission to review the General Statute of Russian universities, while visiting them in September, October and November 1875)]. *ZhMNP*, 1876, pt. 187. IV. (In Russ.)

19. *Istoriya Leningradskogo universiteta. Ocherki. 1819–1969* [History of Leningrad University. Essays. 1819–1969]. Leningrad, 1969. (In Russ.)

20. Volk S.S. *Narodnaya volya* [Popular will]. Moscow, Leningrad, 1966. (In Russ.)

21. Kushkov N.G. [Act on February 8, 1881 (From the history of student unrest)]. *Vestnik LGU*, 1946, no. 3, pp. 112–117. (In Russ.)

22. Shchetinina G.I. *Studenchestvo i revolyutsionnoye dvizheniye v Rossii. Poslednyaya chetvert' XIX v.* [Students and the revolutionary movement in Russia. The last quarter of the XIX century]. Moscow, 1987. (In Russ.)

23. [Minutes of an emergency meeting of the Counsil St. Petersburg University. February 8, 1881]. *Protokoly zasedaniy soveta Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1880–1881 akademicheskogo goda*. St. Petersburg, 1881. No. 24. (In Russ.)

24. Platonov S.F. [Few memories of student years]. *Dela i dni*, 1921, no. 2, pp. 104–133. (In Russ.)

25. [Minutes of an emergency meeting of the Counsil St. Petersburg University. February 12, 1881]. *Protokoly zasedaniy soveta Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1880–1881 akademicheskogo goda*. St. Petersburg, 1881. No. 24. (In Russ.)

26. [Minutes of an emergency meeting of the Counsil St. Petersburg University. March 4, 1881]. *Protokoly zasedaniy soveta Sankt-Peterburgskogo imperatorskogo universiteta za vtoruyu polovinu 1880–1881 akademicheskogo goda*. St. Petersburg, 1881. No. 24. (In Russ.)

27. Zhuykova R.G. [Revolutionary student circles of St. Petersburg University 80s of the XIX century]. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. Leningrad,1968. Vol. II. Pp. 41–51. (In Russ.)

28. Sechenov I.M. [Professorship at the University of St. Petersburg (1876–1888)]. *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. T. I. Peterburgskiy universitet. 1819–1895* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries in three volumes]. In 3 vol. Of vol. 1. Petersburg University. 1819–1895. Leningrad, 1963. Pp. 161–162. (In Russ.)

29. Moskovskiye vedomosti. 1882, August 9. (In Russ.)

30. Rostovtsev E.A. [Russian "mandarins". Metropolitan professors, students and power in the early twentieth century]. *Rodina*, 2010, special iss. [Education in Russia: yesterday, today and tomorrow], pp. 47–52. (In Russ.)

31. Rostovtsev E.A. [Capital University in the focus ministerial policy (1884–1890)]. *Clio*, 2013, no. 10, pp. 57–64. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 623.82(09)

Г.Ю. Афанасьев

ВОДНЫЕ СПАСАТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА): СТАНОВЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

АФАНАСЬЕВ Григорий Юрьевич – *старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; кандидат исторических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: greenia2006@rambler.ru

Рассмотрены предпосылки создания водно-спасательной службы в России. Дан анализ деятельности российских государственных, благотворительных и коммерческих организаций и структур, участвовавших в осуществлении спасательных операций на внутренних и внешних водах страны. Сделано заключение о комплексном зарождении спасательного дела на водах в Российской империи. Выявлены недостатки организационно-системного характера в водно-спасательном деле России в начале XX в.

РОССИЯ; СПАСАТЕЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ; КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ; СУДОХОДСТВО; БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ; СПАСЕНИЕ НА ВОДАХ.

Резкий скачок в экономическом и промышленном развитии пореформенной России имел огромное влияние на интенсификацию морских сообщений и водного транспорта внутри страны. Если в 1868 г. в русские порты прибыло 26 800 судов всех типов, а ушло 26 843 судна, то в 1898 г. – соответственно 87 484 и 87 239 судов. Активность на морских сообщениях с русскими портами только в 1860–1890 гг. выросла в 3,5 раза. Посещаемость крупнейших из них – Одессы и Санкт-Петербурга возросла в 13–14 раз. В связи с необходимостью усиления военно-морского присутствия на Дальнем Востоке резко увеличилось количество заокеанских практических плаваний судов русского военного флота. На внутренних водах империи также происходила активизация судоходства с существенным увеличением пассажироперевозок и грузооборота по рекам страны [35, с. 154, 477, 488; 36: т. XXIII, с. 594; т. IV, с. 321; т. IX, с. 164; 12, с. 99].

Рост численности русских морских и речных судов с 1860-х гг., связанный прежде всего с активным внедрением в практику внешнего и внутреннего судоходства паровых судов, создание судоходных обществ и компаний с привлечением частной инициативы, увеличение интенсивности сообщений и пассажиропотока приводили к резкому увеличению количества несчастных случаев на морских коммуникациях и внутренних водных путях страны. Если в эпоху парусного флота было зафиксировано всего 259 происшествий с русскими военными судами [14, с. IX–X], то, по сведениям Главного гидрографического управления морского ведомства, уже в 1869–1905 гг. в территориальных водах Российской империи на всех морях и океанах произошло 6 207 аварий и крушений судов разных стран [24, с. 26–27]. На внутренних водных путях общее количество крушений и аварий за указанный период времени достигало 15 231 [30: вып. 1, ч. 2, с. 4, табл. 14; вып. 4, с. 3, табл. 15; вып. 12, с. 35, табл. 5; вып. 18, с. 40, табл. 6; вып. 38, с. 62, табл. 7; вып. 70, с. 148, табл. 7; вып. 81, с. 117, табл. 12]. Огромный резонанс в российском обществе вызвали катастрофы русских военных линейных кораблей «Ингерманланд» (1842) и «Лефорт» (1856), а в последующем – броненосца «Русалка» (1893), гражданских речных и морских коммерческих пароходов «Вера» (1886), «Владимир» (1894), «Варягин» (1906), количество жертв в которых измерялось сотнями. В итоге, в об-

щественном мнении в последней трети XIX в. твердо сформировалось понимание безусловной необходимости организации водно-спасательной службы.

Несмотря на то что история возникновения чрезвычайных ситуаций и их ликвидации на водах Российской империи в последнее время не раз становилась объектом изучения и отдельные аспекты спасательной деятельности на водах в прошлом неоднократно упоминались в современных тематических публикациях и монографиях, комплексного исследования зарождения и деятельности водных спасателей в Российской империи пока не существует [1, 2, 20, 34]. Данная статья, таким образом, является первой попыткой системного рассмотрения процесса становления и деятельности первых русских водных спасательных служб.

Изначально в выполнении спасательных функций на воде в масштабах государства были задействованы служащие морских таможен и пограничной стражи. Хотя спасение потерпевших кораблекрушение и входило в обязанности судов морской пограничной стражи, подчиненной Министерству финансов Российской империи, не сложно догадаться, что осуществление подобных мероприятий (экстраординарных по самой своей сути) находилось на периферии их служебной деятельности. Косвенным подтверждением тому служат сведения за 1903 г. по составу общероссийской флотилии пограничной стражи, состоявшей на тот момент из 781 парового, парусного и гребного судна, лишь 3 из которых, находящиеся на Балтике, с 1901 г. имели сугубо спасательное предназначение [7, с. 224]. Содержание всех спасательных плавсредств в 1904 г. обошлось таможенному ведомству в 200 721 руб. – сумму весьма незначительную по масштабам всей деятельности этой общеимперской структуры [27, пар. 6, ст. 7, с. 20]. Оказание помощи при кораблекрушениях вменялось ему в обязанность весь XIX и в начале XX в. С 1870 по 1895 г. в прибрежных водах таможенниками и пограничниками было предупреждено крушение 43 объектов, спасено 1 453 утопающих. В 1899, 1901, 1903, 1905 гг. ими суммарно было спасено 198 человек, в том числе экипажи 3 каботажных судов [5, с. 465–470; 6, с. 463; 7, с. 316; 8, с. 272]. К концу XIX в. ведомство располагало соответствующей для подачи помощи инфраструктурой в виде 281 спасательной станции [15, с. 16]. Учреждение в 1873 г. на Балтике таможенной крейсерской флотилии дало хорошую профилактическую пользу для предотвращения кораблекрушений и аварий судов в районах Моонзундского архипелага и Рижского залива, где «прибрежные земледельцы, пользуясь слабостью береговой охраны, устраивали ложные маяки для извлечения личных выгод при спасении судов, ставших на мель или потерпевших крушение» [32, с. 122].

Государство все же озаботилось созданием службы по спасению на внутренних водах (реках, каналах и озерах). В 1867 г. Высочайшим повелением было объявлено об устройстве речной полиции. Главной ее функцией являлось «наблюдение за прилегающими к городам водами в пожарном и полицейском отношениях», а также «принятие мер к спасению утопающих людей и погибающих судов» [35, т. XXIV, с. 334; 10; 21, с. 2; 22, с. 1]. Служба речной полиции подчинялась губернаторам на местах и далее, по восходящей – министру внутренних дел, но содержалась за счет городских выборных органов управления (городских дум), биржевых и ярмарочных комитетов и учреждалась по их просьбам в зависимости от водной ситуации в определенных регионах (в Санкт-Петербурге – 27 июня 1867 г.; Астрахани – в 1876 г.; Нижнем Новгороде – в 1882 г.; Рыбинске – в 1885 г.). Результаты от введения службы спасения на внутренних водах не замедлили сказаться: уже в 1870 г. петербургская речная полиция спасла из воды 116 человек, а в 1901 г. из 455 утопающих столичные полицейские сохранили жизнь 384 [23].

Подход к мероприятиям по спасению на водах как к самостоятельному делу общегосударственной важности впервые продемонстрировало все же другое ведомство – морское, а именно Гидрографический департамент (с 1885 г. – Главное гидрографическое управление). В его отчете за 1858 г. были определены четыре наиболее опасных с точки зрения предрасположенности к кораблекрушениям места на Балтике (о-ва Гогланд и Даго, Фильзанд, Домеснес) [19], а также поднят вопрос об укомплектовании специальными спасательными лодками балтийских маяков и лоцманских станций, подчиненных Дирекции маяков Гидрографического департамента морского ведомства. Данный вопрос прорабатывался

практически, и к 1863 г. на Балтике были основаны и оснащены за счет морского ведомства четыре спасательные станции (Гогландская, Фильзандская, Церельская, Домеснесская). На станциях имелись спасательные средства, там можно было получить медицинскую помощь. В 1871 г. такая станция появилась в Усть-Нарве [18, с. 67–72]. С 1860 по 1870 г. на Балтийском море сотрудники этих станций спасли 220 человек, а за 1870-е гг. уже всеми спасательными станциями Морского министерства было предупреждено 47 крушений судов и спасен 191 терпящий бедствие. Количество морских спасательных станций постоянно увеличивалось, и к 1898 г. на русском побережье Балтики насчитывалось уже 109 станций при маяках и лоцманских дистанциях (в 1882 г. – 86), на Севере – 16 (18, из них 3 – на побережье Ледовитого океана), на Черном и Азовском морях – 54 (23), на Каспийском – 6. В качестве ориентира: содержание маяков и ведомственных станций обошлось Морскому министерству в 1904 г. в 462 324 руб. [26, с. 58].

Дирекцией маяков Гидрографического департамента морского ведомства для спасательных станций были разработаны детальные инструкции, регламентирующие этапы проведения спасательных операций, однако учений для смотрителей станций не проводилось, о чем свидетельствуют частые случаи гибели при выполнении операций самих же спасателей [28, с. 1–14; 29, с. 27–28, 211]. И все же морское ведомство не могло не заняться делом подготовки квалифицированных кадров морских спасателей по соответствующему профилю. В 1882 г. в Кронштадте была организована водолазная школа под руководством капитана 1-го ранга В.П. Верховного, для практических занятий которой было оборудовано специальное водолазное судно [33, с. 6, 12].

В противоположность России в морских европейских странах стремление помочь бедствующим на воде активно выражалось в участии в этом деле широких общественных сил: первые спасательные общества были созданы в Англии (1825), Бельгии (1838), Дании (1850) на благотворительной основе.

В России похожее общество возникло по инициативе морских энтузиастов (в том числе и высших чиновников Гидрографического департамента морского ведомства), придворной петербургской знати и биржевого купечества балтийских портов. Первое собрание членов Общества подания помощи при кораблекрушениях[1] состоялось 7 марта 1872 г. Интерес к организации подобного общества со стороны придворной знати и морского чиновничества (главой общества был избран вице-адмирал К.Н. Посьет) придал ему соответствующий статус: 21 октября 1872 г. Общество было принято под высочайшее покровительство великой княгини Марии Федоровны, что возвело его в ранг общероссийского благотворительного общества. Инициативу спасения на водах почти сразу активно поддержало православное духовенство [18, с. 76–77; 20, с. 57]. Избранное правление немедленно приступило к созданию окружных и местных руководящих органов Общества (Херсон, Одесса, Николаев, Архангельск, Москва, Саратов) с практической организацией спасательных станций и постов. В 1872–1875 гг. по всей России их было основано до 179, что уже сразу привело к спасению 433 человек [31, с. 84–87]. В опасных районах Моонзундских островов, Белого моря и Мурманского берега Общество организовало (в 1874, 1877–1881 и 1911-м) постоянное патрулирование парусными спасательными ботами, что оказало влияние на снижение аварийности в этих водах [11, с. 34][2]. Одной из заслуг Общества является устройство станции-приюта на Новой Земле для русских промышленников, остающихся на зиму в Заполярье (Мудьюгская станция), а также для пассажиров и членов экипажей судов, потерпевших крушение. Она была основана в 1878 г., а в 1894 г. передана на содержание морского ведомства.

В благотворительную деятельность активно включилось и русское священство. Благодаря помощи церкви и рядовой монастырской братии были открыты спасательные станции и посты при Спасо-Каменном (1875) на Кубенском озере и Соловецком (1874) монастырях. Крупным жертвователем на дело спасения на водах в своем регионе был митрополит Московский Леонтий. Часто священники станови-

[1] В 1880 г. переименовано в *Общество спасения на водах*, в 1892 г. получило право именоваться *Императорским Российским обществом спасения на водах*.

[2] За 25 лет балтийские «спасательные крейсера» предотвратили гибель 666 судов.

лись инициаторами открытия новых округов Общества (например, Саратовский округ был открыт в 1884 г.). Для увеличения средств Обществу с благословения Св. Синода и евангелическо-лютеранских церквей раз в год 9 мая был разрешен кружечный сбор в церквях в пользу дела спасения на водах (с 1873 – эпизодически, с 1892 – ежегодно). Кроме того, колокольный звон в прибрежных церквях стал применяться в качестве сигнала во время бурь и туманов (так называемый «метельный звон»). В регионах к этой гуманной деятельности подключались местные активисты спасательных работ широкого профиля.

К началу XX в. в Императорском Российском обществе спасения на водах насчитывалось около 12 тыс. действительных членов (в основном чиновники), оно вело работу в 79 округах всех губерний империи и распоряжалось 163 морскими и речными лодочными и ракетными станциями и 168 полустанциями. Под надзором Общества находились 88 речных и озерных переправ. В период с 1872 по 1898 г. было спасено 11 014 человек и предотвращено более 930 аварий и катастроф морских и речных судов и плавсредств [20, с. 57].

На рубеже XIX и XX вв. суммарное количество спасательных станций в Российской империи составляло 1/9 часть от их общего числа на планете. По густоте охвата протяженности береговой линии Россия занимала 3-е место в мире (после Швеции и Германии). Русские спасательные станции на Балтике и Черном море в целом были лучше профессионально укомплектованы, нежели станции этих стран. Правда, стоит отметить, что спасательное оборудование для станций в основном закупалось за рубежом [28, с. 1–14; 29, с. 27–28, 211].

В отличие от таможенного, пограничного, полицейского и морского ведомств для Общества спасения на водах водно-спасательное дело являлось профильным. Поэтому на местах оно взяло на себя инициативу координировать действия всех ведомств, так или иначе участвующих в этой деятельности: в окружные правления Общества привлекались начальники приморских бригад Отдельного корпуса пограничной стражи и таможенного ведомства (Общество снабжало их за свой счет спасательными принадлежностями), а на внутренних водных путях – директора речной полиции. В 1894 г. новый устав значительно расширил круг задач Общества: теперь в них входили и профилактические меры *по предупреждению* гибели людей и судов и *устранению* причин, к тому ведущих. Поддержав такую инициативу, в том же году Морское министерство передало Обществу пять своих станций. Под влиянием деятельности русского Общества спасения на водах сходное по назначению и структуре благотворительное общество было создано в 1897 г. в Великом княжестве Финляндском.

Заведовало делами Общества спасения на водах его главное правление, располагавшееся в Санкт-Петербурге (председатель, 2 его товарища и 12 членов). В председатели правления Общества выбирался исключительно адмирал или состоящий в морском ведомстве генерал по Адмиралтейству. Технической частью заведовал главный инспектор Общества, при котором состояли инспектора-помощники. В пределах губернии или области делами заведовали окружные правления Общества (председатель, товарищ и 6–9 членов, избираемые окружным общим собранием на 3 года). В случае устройства нового спасательного учреждения в местности, не вошедшей еще в состав какого-либо округа, создавался внеокружной отдел.

Общество спасения на водах существовало за счет членских взносов, пожертвований, финансовых операций с обретаемым капиталом. Известными постоянными жертвователями на морское спасательное дело были купец А.К. Трапезников, золотопромышленник М.А. Сибиряков, железнодорожный магнат-миллионер С.С. Поляков. Значительные разовые вклады в финансирование Общества делали банкиры барон А.Л. Штиглиц (по своему духовному завещанию) и С.П. Елисеев, министр императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков; вносил деньги на оборудование отдельных спасательных станций князь А.А. Ширинский-Шихматов [11, с. 16–17]. Более чем на 1/3 бюджет Общества пополнялся из государственной казны. За первые 25 лет существования Общества (1871–1896) в его кассу поступило 1 659 299 руб. (в среднем 66 372 руб. в год) [20, с. 14–16].

В водно-спасательном деле в России практически сразу нашли свое место аварийно-спасательные операции как вид предпринимательской коммерческой деятельности (подъем судов из воды, снятие с мелей и т. п.). К сере-

дине 1880-х гг. на Балтийском море насчитывалось около 30 частных российских и финских специально оборудованных спасательных пароходов, ориентированных на работу с судами малого и среднего водоизмещения. За период с 1856 по 1887 г. в территориальных водах империи ими было спасено 199 паровых и парусных судов [16; 25, л. 13–14 об., 17–19]. Сдвигом в аварийно-спасательном деле в русских водах стало основание в 1884 г. Российско-Балтийского спасательного общества «Нептун». Уже в 1885 г. «Нептун» спас на Балтике 22 больших парохода, а всего за период с 1887 по 1908 г. этим обществом было спасено имущества на 22,5 млн руб. [4, л. 5; 9, т. II, № 75, с. 2]. На его счету снятие с мели о. Гогланд броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» (13.11.1899), императорской яхты «Штандарт» (29.08.1907), крупнейшего в русском торговом флоте лайнера-трансатлантика «Россия» (20.11.1910 – 15.07.1911) [13, с. 37; 17]. И все же коммерческий характер подачи помощи данной организацией препятствовал своевременному проведению действий по спасению русских судов. В связи с этим незадолго до начала Первой мировой войны морское ведомство Российской империи попыталось организовать собственные аварийно-спасательные водолазные партии и начало закладку соответствующих этой задаче кораблей [3, с. 28].

Проведенный анализ показал, что в организации водно-спасательного дела в России принципиально неверным было распределение финансовых и материальных ресурсов: они распылялись по четырем-пяти направлениям через четыре организационные структуры, из которых только для одной названная деятельность была профильной.

Своеобразие культуры отношения населения и институтов к положению негосударственных структур в российском обществе приводило к тому, что статус благотворительного учреждения Общества спасения на водах часто препятствовал дальнейшему эффективному развитию его профильной деятельности. Уставы и инструкции по обеспечению безопасности на судах и плавсредствах при авариях и крушениях, добросовестно составляемые и распространяемые Обществом, не воспринимались русскими судоходными компаниями в качестве обязательных к исполнению.

Новейшие технические достижения (радиосвязь, быстроходные дизельные катера, воздушная разведка и др.) не могли быть своевременно и системно внедрены при существующей в России в начале XX в. схеме ведения водно-спасательного дела. В российских условиях это могло оказаться по силам лишь мощной в финансовом отношении и профильно ориентированной правительственной структуре (прообразу современного МЧС) в содружестве с обществами-сателлитами, и одним из них могло стать Императорское Российское общество спасения на водах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Виноградов В.Н.** Сокровища Пандоры: история катастроф и спасательных служб России. СПб., 2006.

2. **Воробьев Ю.Л.** Катастрофы и общество. М., 2000.

3. **Всеподданнейший** отчет по морскому министерству за 1914 г. СПб.: Тип. Морского м-ва, 1915.

4. **Выписка** из отчета Правления общества «Нептун» за 1885 г. // РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3655.

5. **Годовой** отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1899 г. СПб., 1900.

6. **Годовой** отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1901 г. СПб., 1902.

7. **Годовой** отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1903 г. СПб.: Тип. Штаба ОКПС, 1904.

8. **Годовой** отчет по Отдельному корпусу пограничной стражи за 1905 г. СПб., 1906.

9. **Государственная дума.** Созыв III. Сессия III. Приложение к стенографическим отчетам. СПб.: Гос. тип., 1910.

10. **Из истории** столичной речной полиции // Вестн. полиции. 1909. № 16. С. 320–322.

11. **Императорское** российское общество спасания на водах. Двадцатипятилетие общества. 3 июня 1896 года. СПб., 1897.

12. **Истомина Э.Г.** Водный транспорт в России в дореформенный период: историко-географическое исследование. М.: Наука, 1991.

13. **Лапшин Р.В.** Русские трансатлантики: пароходы «новой волны» // Наука и техника. 2010. № 2. С. 36–41.

14. **Летопись** крушений и пожаров судов русского флота. 1713–1853 гг. / сост. А. Соколов. СПб.: Тип. Академии наук, 1855.

15. **Мошков Ф.Л.** Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней: краткий исторический очерк. М.: Граница, 2003.

16. **Мирный** поход на побережья русских морей // Новое Время. 1888. 14 октября.

17. **Николаев В.Н.** Безопасность мореплавания императорских яхт и художник А.П. Боголюбов // Ист.-публ. альм. «Лубянка». URL: http://www.a-lubyanka.ru/page/article/187 (дата обращения: 8.04.2014).

18. **О спасательных** станциях и средствах спасения при кораблекрушениях. СПб., 1872.

19. **Отчет** Гидрографического департамента морского ведомства // Морской сб., 1858. № 52. С. 38–43.

20. **Попович В.А.** Служба спасения на водах в России – вчера, сегодня, завтра. М., 2002.

21. **Правила** об устройстве столичной речной полиции. СПб., 1868.

22. **Правила** речной полиции в г. Нижнем Новгороде. Н. Новгород: Тип. Н. Ройского, 1888.

23. **Сагеев М.И.** Возникновение речной полиции на водах Санкт-Петербурга и в Волжско-Камском бассейне во второй половине XIX века // Молодой ученый. 2011. № 4. Т. 2. С. 56–64.

24. **Сведения** о крушениях судов в морях Российской империи в 1869–1905 гг. Отдельный оттиск из «Записок по гидрографии». 1908. Вып. XXIX // НСБ-РГИА. П. 3. № 2652.

25. **Сведения** о деятельности спасательных пароходов, предоставленные начальниками Рижского и С.-Петербургского таможенных округов в Департамент таможенных сборов Министерства финансов 15 января 1889 г. // РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Отд. 1. Ст. 1. Д. 192.

26. **Смета** доходов, расходов и специальных средств по Морскому министерству на 1904 г. СПб., 1904.

27. **Смета** доходов, расходов и специальных средств по департаменту таможенных сборов Министерства финансов на 1904 г. СПб., 1905.

28. **Список** морских спасательных станций. Сост. к 1 января 1882 г. СПб.: Изд-во ГГУ, 1882.

29. **Список** морских спасательных станций. Сост. к 1 января 1898 г. СПб.: Изд-во ГГУ, 1898.

30. **Сведения** о водных и шоссейных сообщениях // Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1875–1905.

31. **Третий** годовой отчет общества спасения на водах. СПб., 1875.

32. **Чернушевич М.П.** Материалы по истории пограничной стражи. Ч. I. Служба в мирное время. Вып. II. СПб., 1901.

33. **Шидловский Ф.** Исторический очерк развития водолазного дела в русском флоте. СПб., 1896.

34. **Шойгу С.К.** Катастрофы и государство. М.: Энергоатомиздат, 1997.

35. **Шубин И.А.** Волга и волжское судоходство (история, развитие, современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать, 1927.

36. **Энциклопедический** словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1905.

G.Yu. Afanasiev

WATER RESCUERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MID 19th AND EARLY 20th CENTURY: ORIGINS, STRUCTURE, EFFICIENCY

AFANASIEV Grigoriy Yu. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: greenia2006@rambler.ru

The author analyses prehistory of the rescue services on seas and rivers of the Russian Empire, researches the efficiency of the official, charitable, commercial organizations which took part in rescue operations on waters. Understanding of this process shows the complex appearance of types of rescue operations and their specialized structures. By the way, the disadvantages that organizations in this sphere faced in the early 20th century were a serious barrier for their development.

RUSSIA; RESCUE; SHIPWRECK; NAVIGATION; CHARITY; SAFETY ON WATER.

REFERENCES

1. Vinogradov V.N. *Sokrovishcha Pandory: istoriya katastrof i spasatel'nykh sluzhb Rossii* [Treasures of Pandora: the history of catastrophes and rescue services in Russia]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)

2. Vorobiev Y.L. *Katastrofy i obshchestvo* [Catastrophes and the society]. Moscow, 2000. (In Russ.)

3. *Vsepoddanneyshiy otchet po morskomu ministerstvu za 1914 g.* [The All-loyal Report of the Maritime ministry of the year of 1914]. St. Petersburg, Maritime ministry Publ., 1915. (In Russ.)

4. The extract from the report of the "Neptun" assosiation of the year 1885. RGIA. F. 20. Op. 4. D. 3655. (In Russ.)

5. All-year Report of the Separate Border guards Corps of the year of 1899. St. Petersburg, 1900. (In Russ.)

6. All-year Report of the Separate Border guards Corps of the year of 1901. St. Petersburg, 1902. (In Russ.)

7. All-year Report of the Separate Border guards Corps of the year of 1904. St. Petersburg, 1904. (In Russ.)

8. All-year Report of the Separate Border guards Corps of the year of 1905. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)

9. State Duma of Russian Empire. Convocation III. Session III. Appendixes to verbatim reports. St. Petersburg, State Printing, 1910. (In Russ.)

10. [From the history of the St-Petersburg water police]. *Police Herald*, 1909, no. 16, pp. 320–322. (In Russ.)

11. *Imperatorskoye rossiyskoye obshchestvo spasaniya na vodakh. Dvadtsatipyatiletiye obshchestva. 3 iyunya 1896 goda.* [Imperial Community for rescue on waters. The 25-th anniversary of the Community. 3 July 1896]. St. Petersburg, 1897. (In Russ.)

12. Istomina E.G. *Vodnyy transport v Rossii v doreformennyy period* [Water transport in Russia in pre-reform period: the geographical and historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1991. (In Russ.)

13. Lapshin R.V. [Russian transatlantics: steamboats of the "new wave"]. *Science and Technology*, 2010, no. 2, pp. 36–41. (In Russ.)

14. The chronic of the shipwrecks and fires on ships of Russian fleet. 1713–1853. St. Petersburg, Science Academy Publ., 1855. (In Russ.)

15. Moshkov F.L. *Morskaya pogranichnaya okhrana Rossii: ot Petra I do nashikh dney* [Maritime border guard of Russia: from Peter I to our days]. Moscow, Granitsa Publ., 2003. (In Russ.)

16. [Peaceful demarche on coasts of Russian seas]. *New Times*, 1888, October 14. (In Russ.)

17. Nikolayev V.N. [Protected navigation of imperial yachts and an artist A.P. Bogolubov]. Available at: http://www.a-lubyanka.ru/page/article/187 (assessed 8.04.2014).

18. *O spasatel'nykh stantsiyakh i sredstvakh spaseniya pri korablekrusheniyakh* [About the sea rescue stations and the ways of salvation in shipwrecks]. St. Petersburg, 1872. (In Russ.)

19. The report of the hydrographic department of the Maritime ministry. *Maritime report*, 1858, no. 52, pp. 38–43. (In Russ.)

20. Popovich V.A. *Sluzhba spaseniya na vodakh v Rossii – vchera, segodnya, zavtra* [Rescue service on waters in Russia: past, present, future]. Moscow, 2002. (In Russ.)

21. The rules of the capital's water police. St. Petersburg, 1868. (In Russ.)

22. The rules of the water police in Nizhni Novgorod. Nizhni Novgorod, N. Royski Publ., 1888. (In Russ.)

23. Sageyev M.I. [The foundation of the water police in St. Peterburg and on rivers of Volga and Kama at the second part of XIX century]. *Young researcher*, 2011, no. 4, vol. 2, pp. 56–64. (In Russ.)

24. The statistics of the shipwrecks in seas of Russian empire. The extract from the "Notes of hydrography". 1908. Vol. XXIX. NSB-RGIA. P. Z. No. 2652. (In Russ.)

25. The statistics of the activity of rescue steamboats, given by the heads of the customs districts to the Department of Custom Taxes of Ministry of Finance. January the 15th 1889. RGIA. F. 21. Op. 1. Otd. 1. St. 1. D. 192. (In Russ.)

26. Budget of expenditure and special funds of Maritime ministry in 1904. St. Petersburg, 1904. (In Russ.)

27. Budget of expenditure and special funds of the Department of Custom Taxes of Ministry of Finance in 1904. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)

28. The list of the sea rescue stations on the 1-st of January 1882. St. Petersburg, Hydrographic office Publ., 1882. (In Russ.)

29. The list of the sea rescue stations on the 1-st of January 1898. St. Petersburg, Hydrographic office Publ., 1898. (In Russ.)

30. Statistics of water and ground ways. *Statisticheskiy sbornik Ministerstva putey soobshcheniya* [Volume of statistics of the Ministry of ways and communications]. St. Petersburg, Ministerstvo putey soobshcheniya Publ., 1875–1905. (In Russ.)

31. The third all-year report of the Community of rescue on waters. St. Petersburg, 1875. (In Russ.)

32. Chernushevich M.P. *Materialy po istorii pogranichnoy strazhi. Ch. I. Sluzhba v mirnoye vremya* [Notes on history of border guards. Pt 1: service at peaceful times]. Vol. II. St. Petersburg, 1901. (In Russ.)

33. Shidlovskiy F. *Istoricheskiy ocherk razvitiya vodolaznogo dela v russkom flote* [A historical review of diving in Russian navy]. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)

34. Shoigu S.K. *Katastrofy i gosudarstvo* [Catastrophes and the state]. Moscow, Energoatom Publ.,1997. (In Russ.)

35. Shubin I.A. *Volga i volzhskoye sudokhodstvo (istoriya, razvitiye, sovremennoye sostoyaniye sudokhodstva i sudostroyeniya)* [Volga and it's navigation: history, development, actual situation]. Moscow, Transediting Publ., 1927. (In Russ.)

36. Encyclopedia F.A. Brokgauz and I.A. Efron. St. Petersburg, 1905. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

Философские и культурологические исследования

УДК 1(=161.1) (091); 130.2

Е.А. Трофимова, К.С. Пигров

РЕРИХ И ЧЮРЛЁНИС: КОСМИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ МОДЕРНА (*К 140-летию со дня рождения Н.К. Рериха*)

ТРОФИМОВА Елена Александровна – *доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; кандидат философских наук.*

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

e-mail: trele@mail.ru

ПИГРОВ Константин Семенович – *профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; доктор философских наук.*

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: kspigrov@yandex.ru

В статье эпоха Модерна рассмотрена как существенный сдвиг в различных областях культуры: от рационального, дискурсивного к сенсорному, чувственному, материально-телесному. Этот сдвиг проявился как в философии, так и в многообразных социальных практиках, включая и художественные искания (синтез, синестезия, вселенское чувство). На примере соотношения творчества Н.К. Рериха и М.К. Чюрлёниса показано, что интерес к мифу, архаическому, фантастическому влечет за собой изменения в художественном языке, в технике живописи. В русском Модерне космическое видение тесно связано с техническими достижениями и социальными мифами эпохи.

СТИЛЬ МОДЕРН; ЭПОХА МОДЕРНА; СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК; МИФ; АРХАИЧЕСКОЕ; ФАНТАСТИЧЕСКОЕ; КОСМИЗМ; ФУТУРИЗМ.

В сопоставлении имен Рериха и Чюрлёниса есть нечто таинственно влекущее, может быть, даже мистическое. В чем концептуальность этой диады? Сопоставление этих имен, столь эпохальных и значимых как для России, так и для Литвы, трудно назвать принудительным или случайным. В чем глубина интерпретативной силы этого сопоставления двух людей-творцов, каждый из которых шел своей собственной дорогой жизни и творчества и оставил людям незабываемые краски, неразгаданные символы?

Н.К. Рерих и М.К. Чюрлёнис были носителями синтезирующих тенденций своей эпохи – эпохи северного Модерна. Именно Модерн был мощной доминантой культуры Серебряного века рубежа эпох. Стилистика Модерна отозвалась во многих произведениях как Рериха, так и Чюрлёниса. Гении никогда не заимствуют формообразующие штампы эпохи, но творят, глубоко преобразуя стиль эпохи через сокровенные пласты своего творящего духа.

Попробуем выделить некоторую эпоху, весьма существенную для нас, ибо мы сами в ней находимся. Стихии этого периода расцвели в конце XIX – начале XX в., они властвовали над Рерихом и Чюрлёнисом, эти стихии говорили ими, как сегодня, видоизменяясь, они продолжают говорить нами. И поэтому Рерих

и Чюрлёнис глубоко нам близки. Они не были новаторами, они не ставили себе цели как-то «отличиться», но они были новыми, ибо чувствовали тугой ветер времени, они жили этим ветром – ветром обновления и перемен.

Модерн – явление, не понятое в полной мере, загадочное, хотя мы и сжились с ним, привыкли к нему. В метафизическом плане Модерн соотносится с не менее загадочным явлением современности вообще, где упомянутые стихии оказываются подвластными воле людей, даже отдельного человека. Модерн в русском обличье и исполнении породил особый взлет культуры, называемый Серебряным веком.

Модерн, понятый как Новейшее время, предстал как излет и даже декаданс Новоевропейской цивилизации. Ситуация кризиса последней нашла яркое отражение в Модерне, который нес в себе установку мелиоризма, идею прогресса, уверенность в возможности глубокого преобразования, улучшения мира. Но в то же время Модерн, дитя сокрушительных разочарований классической эпохи, исполнен тяжелого сомнения в мелиоризме.

Модерн проводит свое размежевание с эпохой Нового времени в разных сферах культуры по-разному и совсем не синхронно. В философии этот существенный сдвиг был обозначен лет на сто раньше, чем он проявился в политике (консервативные и социалистические революции). В истории философии мы с подобным явлением сталкиваемся неоднократно. Философия чутко улавливает предпосылки сдвигов сознания грядущего.

Известный исследователь А. Хюбшер считает началом размежевания Новейшей философии с Новой тот день, когда А. Шопенгауэр читал в большом зале заседаний Берлинского университета свою пробную лекцию (23 марта 1820 г.). Среди слушателей был весь философский факультет во главе с Г.В.Ф. Гегелем. Тогда Гегелю было 50 лет, Шопенгауэру – 32 года. За лекцией последовал коллоквиум. Гегель, которого Шопенгауэр называл потом «господин невежда», не мог уяснить себе понятия животных функций. Характеристика именно телесности осталась для Гегеля неясной. Шопенгауэр ссылается на «Физиологию» А. Галлера. Гегель не соглашается [17].

Новейшая философия, начавшаяся с Шопенгауэра, в некотором роде оказалась реакцией на своеобразную «сенсорную депривацию» классической немецкой философии, где смысловые пространства подавили пространства чувственные – пространства сенсорные. В Модерне наметился сдвиг от рационального и дискурсивного к сенсорному, чувственному, эмоциональному, интуитивному, иррациональному. Наметился поворот от гегелевского панлогизма в материально-телесное пространство, сдвиг от логоса к эйдосу. В философии и художественных практиках русского космизма большое место уделено всеохватному «вселенскому чувству», «чувствознанию», проблемам «синтеза» и «синестезии».

Энергия «вселенского чувства» позволяла космистам преодолевать многочисленные трудности на их жизненном и творческом пути, она стала импульсом к развертыванию их уникальных дарований, ставя на один уровень с величайшими гуманистами мира. В работах, дневниках, произведениях космистов «вселенское чувство» нашло своеобразное воплощение. Размышление о «вселенском чувстве» уводит нас в сферу глубинного опыта. «Вселенское чувство» понимается нами двояко: как дорефлексивная данность, некий гештальт, и как своеобразное «озарение» творческой личности, получившее эстетически приемлемую артикуляцию в художественной культуре и оказавшее влияние на нравственное становление человека.

«Вселенское чувство» – напоминание о размыкании границ, пределов и преград. «Вселенское чувство» связано с «я-чувством», делающим понятным и общераспространенным антропоцентризм: «...Именно потому, что мы находимся внутри собственного тела и вступаем с ним во временный союз, мы обладаем „я-чувством", переживанием психосоматического единства, абсолютно уникальным и неповторимым, которое позволяет нам порождать вполне определенные образы собственного тела, соотносить их с образами и реальностью других тел и тем самым обращаться к собственному Я и утверждать его центральное положение в мире, варьируя как внешние, так и внутренние экзистенциальные дистанции» [13, с. 13].

«Вселенское чувство» русского космизма – невозможная попытка преодоления экзистенциальной дистанции с миром.

Жизнь и творческая деятельность Н.К. Рериха прошла под знаком «Синтеза» – «священ-

ного», «благословенного», «живого», – именно поиск синтеза стал вдохновляющим началом рериховского творчества. Рерих-мыслитель, культуролог, археолог-исследователь всегда искал мосты, соединяющие старый и новый мир, тонкую линию преемственности и взаимопонимания. Рерих-путешественник, странник был убежден в наличии внутреннего единства человечества и общей колыбели культур. Постичь это тождество можно только с помощью особой способности – «чувствознания», синтезирующей глубину чувства, остроту интеллекта, скорость интуиции, вспышку озарения и размеренный ритм сердца. Это дарованное немногим удивительное воссоединение духа с интеллектом, поименованное в Учении Живой Этики как «зажженный огонь сердца», и составляет глубинный, сокровенный язык Культуры: «За границами зримого создается и особый язык. Непередаваемое чувствознание творится там, где мы соприкасаемся с областью духа. В этой державе мы понимаем друг друга несказуемыми рунами жизни» [15, с. 191]. Именно чувствознание помогло Рериху найти и воспеть в своем творчестве особые, магнетически притягательные места планеты, услышать «струны земли», приблизиться к «сердцу Азии», получить весть из Шамбалы, почувствовать незримое касание крыла Культуры...

Если творчество Н.К. Рериха развивает понимание глубинно-сокровенного смысла явлений жизни и природы, то особенность творчества М.К. Чюрлёниса заключается в живописной обработке элементов зрительного созерцания по принципу, заимствованному из музыки.

По мнению раннего исследователя творчества Чюрлёниса Б.А. Лемана, художник поставил перед живописью совершенно новую задачу: «Он показал нам в своих произведениях возможность музыкального восприятия окружающего, как ритмически красочных образов, гармонизированных в последовательной смене темпов, неизменно разрешаемых в родственную тональность, обусловливаемую основным настроением» [8]. Мир – это музыкальное произведение, где все движется единым общим импульсом жизни и где из самого этого движения создаются формы бытия, подчиненные единому, основному закону гармонии творческого Принципа. Вселенский синопсис Рериха и Чюрлёниса и являет нам возможность уловить Единый креативный ритм Вселенной, как бы подключиться к Универсальному творческому полю мироздания.

Творческие личности эпохи Модерна неоднократно обращали внимание на то, что существуют некие правила (общие для всех? индивидуальные?) соотносимости музыкальных звуков, цвета, вкуса, запаха со словесными, визуальными и пластическими формами выражения чувств и эмоций. И музыка, и слово способны вызвать не только цветовые, но и пространственные образы. Совершенство мысли также соотносится с определенным родом музыкальности. Гармония, ритм, пропорция, мусическое вдохновение глубоко проникают в сердечное чувство, придавая процессу труда и творчества особый привкус.

Не случайно в Модерне многократно поднимается тема синестезии, зачастую связываемая со «вселенским чувством». В. Набоков пишет о своей наделенности «цветным слухом», о цветовом восприятии букв алфавита, о своей «азбучной радуге»: «Исповедь синэстета назовут претенциозной те, кто защищен от таких просачиваний и смешений чувств более плотными перегородками, чем защищен я» [10, с. 27–28].

Со времен архаической мифологии и античной эстетики (эйдосы Платона, «музыка сфер» Пифагора) устойчивой является попытка соотнести человека со Вселенной, микрокосм с макрокосмом. Античная мысль находила в этой соотнесенности гармонию и соразмерность. Глубокое стремление к этому выявилось и в творчестве Н.К. Рериха и М.К. Чюрлёниса. Синестезию можно рассмотреть как своеобразную изоморфность человека и космоса, которая в XX в. отзовется сильным и слабым антропным принципом.

«Вселенское чувство» являет себя не только как синопсис, но и как синестезис. Проблема мультисенсорных переживаний, соотнесенности знаков и корреспондирующих ощущений была типична для эстетики символизма и космизма. Синестезис полагался в качестве предпосылки входа в бескрайний мир духа.

В современной эстетике и философии культуры вокруг понятия синестезии идут большие споры. Сложилась определенная традиция применять этот термин лишь в смысле психического расстройства или мозговой аномалии.

Совершенно очевидно, что эта точка зрения чрезвычайно узка и ограниченна.

Опыт синестезии как опыт смешанного восприятия могли бы засвидетельствовать многие люди. Существует большое количество культурологических и искусствоведческих наблюдений, говорящих о том, что синестезия есть особое состояние творческой личности как в процессе создания произведения, так и в процессе его активного восприятия. Можно предположить, что синестезия есть культурный феномен, особенно присущий культурам «переходного типа», чертами которых обладает и Модерн. Феномен синестезии можно рассматривать как фундаментальный для процесса художественного (научного) творчества и восприятия искусства.

Понятие «синестезия» (от др.-греч. synaisthesis – совместное чувство, одновременное ощущение) – усиленное взаимодействие анализаторов, своеобразный резонанс чувств и эмоций, свидетельствующий о том, что человек всегда был существом целостным и неделимым, как монада. Синестезия является не только способом расширения видения и сознания, но и способом увеличения ассоциативно-смыслового поля культуры, особым художественным и эстетическим приемом.

Живая Этика, воплощенная на полотнах Рериха, явлена миру как этика вселенского синопсиса. Греческое слово «синопсис» означает обозрение. Известно понятие евангельского синопсиса, своеобразного евангелия, в котором представлена связь всех книг. Вселенский синопсис Живой Этики – единство и многообразие Вселенной, явленное в одном взоре. Встречаемся ли мы с синоптическим видением в творчестве М.К. Чюрлёниса? Эмблематичной в отношении этой идеи является работа Чюрлёниса 1909 г. «Прелюд Ангела» (angel prelude). Структурный разбор «Прелюда Ангела» был проведен В. Ландсбергисом: «В „Прелюде ангела” Чюрлёнис усаживает центральную фигуру несколько справа от вертикальной оси композиции, оставляя своему ангелу пространство для созерцания и восприятия» [7]. Спокойно-сосредоточенный, углубленно медитативный, молитвенный взгляд ангела – одна из самых волнующих и метафизических работ Чюрлёниса. Синопсис выступает не только как взор, но и как божественный проект развития Вселенной. В своей диссертации В. Ландсбергис подчеркнул сильно выраженные этические основы мировоззрения Чюрлёниса, глубокие личные познания связи между техникой, эйдетикой и этикой музыкального творчества.

Духовно-нравственный поиск, идущий сквозь кризисы и катарсические перерождения, включает в себя и поиск созвучий...

Идея Живого одухотворенного Космоса является базовой, фундаментальной идеей не только в наследии Рерихов и работах Чюрлёниса, но и в философии космизма в целом. Последняя видит Космос живым, одушевленным организмом. Органика тела и органическая стихийная душа, симпатические узы, силы-стихии, энергии, пробуждающие в нас жизнь, все эти связи-сопряжения наполняют космос трепетным дыханием и живой пульсацией.

Космос Рериха и космос Чюрлёниса – это звучащая, цвето-свето-музыкальная Вселенная, иерархически организованная, пронизанная симпатическими связями, таинственным и непостижимым взаимопроникновением судеб и миров. Но в отдельные моменты жизни это понимание непосредственно визуализируется, мысль оформляется в звучащий цветовой сгусток, выплескивающийся на холст. По мнению В. Ландсбергиса, андерсеновская любовь к цветку, ребенку, к деревцу и ветке с весною набухающими почками соприкасалась в его душе с давнишней грезой о Женщине, с ощущением беспредельности Вселенной и вечности бытия» [Там же. С. 37].

Существенна внутренняя связь Модерна с романтизмом, выступавшим в оппозиции к классике. В классической культуре реальностью, достойной философского осмысления, являлось прежде всего зрелое, деятельное, осознанное, суверенное.

Теперь же в качестве достойного исследовательского внимания бытия выступает несовременное (архаическое), незрелое (детское), бессознательное, восприимчивое (женское) начало, созерцательное, несуверенное [1, с. 149].

Модерн выплескивается, как кажется, прямо из сердца (безумные сердца против бессердечных умов). Он маргинален, содержит в себе подчеркнутое смеховое начало. Возрастает «спрос на игру» [6, с. 16], причем в этой игре Модерн сохраняет глубокий трагизм (как Чюрлёнис) или торжественную серьезность (как Рерих).

Рерих был озабочен поиском «могучих, сверхчеловеческих, влекуще манящих загадок бытия», тайной жизни и смерти в природе и истории: архаическое интересует Рериха как то, что составляет основу и задание актуальной реализации человека как культурно-природного существа. Русский поэт М. Волошин был одним из первых кто почувствовал устремленность Рериха через историческое к архаическому [5]. Ситуация рефлексии на архаику задает поиск нетрадиционных форм ее постижения: самоуглубление, выявление потаенного, интерес к сновидениям, архетипам, общеродовой памяти человечества, экстатическим состояниям, творческим «озарениям», древним символам, знамениям.

Модерн – это не только стиль искусства, дискурс культуры, но и определенная констелляция различных практик «эпохи людей».

В архитектуре, в изобразительных искусствах вообще Модерн, «ар нуво», «югендстиль» предстает как возникший из эклектизма. Он несет на себе Каинову печать «дурного вкуса», которую видят в нем и сегодня. Романтический подтекст поворота ар нуво связан с бидермейером. Обратим внимание, что в стилистике бидермейера (акцентируется бедность, незащищенность, безумие) выстраиваются биографии некоторых деятелей Модерна, например М.К. Чюрлёниса. Биографическое становится важной составной частью, точнее, текстом культуры [2].

Черты Модерна конституируются вокруг романтической ностальгии по первозданной природе, по прошлому, по несовременному, не-городскому, экзотике. И Чюрлёнис, и Рерих обнаруживают здесь сходные черты. И здесь мы подходим к самому существенному в Модерне.

Сдвиг к материально-телесному, к эмоциональному, к бессознательному, к архаическому, к детскому предстает как сознательное возвращение к мифу. Причем это означает отход от традиционной религиозности. Великая религиозная культура, которая развела небо и землю, небесное и земное, была подвергнута новому испытанию.

Мир горний и мир дольний, разведенные в религии, снова соединяются в новом повороте к мифу. Возвращение к мифу может принимать как атеистические, естественно-научные, богоборческие формы, так и формы поисков новой религиозности («богоискательства»). Поэтому-то против Рериха так ополчаются некоторые деятели Русской православной церкви («сатанизм для интеллигенции»), что в нем видят нежелание покорно следовать в русле религии отцов и дедов.

Ф. Ницше восклицает: «Gott ist tot», – и открывает дорогу мифу. Вкус к мифологии, детству и к архаике влекут за собой изменение в тенденциях художественного языка. Средства живописи, которые используются в Модерне, часто самые простые, примитивные. Этот минимализм обнаруживается и в определенном, зачастую показательном пренебрежении художественной техникой. Именно здесь развивается искусство примитива (А. Руссо, Н. Пиросмани, М. Примаченко), особое внимание уделяется детскому рисунку. И Чюрлёнис, и Рерих как будто намеренно не придают значения самой живописной технике.

Размышляя о кризисе искусства, а точнее, о разрушительности синтетических стремлений в искусстве, Н.А. Бердяев писал о Чюрлёнисе: «Он значителен и интересен по своим исканиям. Но живопись Чурляниса не адекватна его видениям, она есть несовершенный перевод их на чуждый язык. Он красочно беспомощен, живописно недостаточно одарен и историю живописи не обогащает новыми формами» [3, с. 5].

Часто говорят о «бедности» Чюрлёниса, который использовал картон и краски такого плохого качества. По-видимому, дело не только в этом. Сравните, с одной стороны, технику Рериха и технику Чюрлёниса, а с другой – технику А. Иванова в «Явлении Христа народу» или технику Г. Семирадского, пытавшегося остаться классиком в эпоху Модерна.

Вот так же техника живописи перестала быть «важной». При этом наиболее существенную роль начинает играть цвет как средство «обобщающей символической характеристики» [16, с. 24].

С минимализмом связывается и фантастика. Фантастическое обусловливает минималистское, ибо оно требует только намека. Фантастика также имеет романтические корни. Строится новая поэтика – такая художественная реальность, которая имеет минимум связей с объективной действительностью. Создается самодостаточный мир, снимающий обязательства по отношению к наличному обществу и его истории.

В частности, интерес и вкус к фантастике очевиден у А. Грина, А. Белого, у Чюрлёниса, у Рериха, а позднее у писателя И. Ефремова, также вышедшего из Модерна.

Вкус к космическому гигантизму ярко обнаруживается в известном триптихе Чюрлёниса «Рекс». Статуя поначалу кажется очень маленькой по отношению к Океану, но она оказывается непомерно огромной по отношению к размерам человека. Не случайно этот триптих вызвал реакцию знаменитого эвриста, создателя ТРИЗа Г.С. Альтшуллера. Этот прием часто используют последователи художника.

Минималистские средства парадоксальным образом делают убедительным космический гигантизм.

Итогом развития классической эпохи Новоевропейской цивилизации было значительное увеличение народонаселения. Эпоха Модерна должна была ответить на этот вызов, создавая новые технические средства коммуникации, по существу формируя новое общество.

На базе новых средств массовой коммуникации (СМК) происходило формирование массового общества, «восстание масс» [12]. Уже в 60-х гг. XIX в. были сделаны существенные изобретения в области СМК. Речь идет не только о телеграфе (П.Л. Шиллинг, 1832) и телефоне (А.Г. Белл, 1876). В 1867 г. Мариони изобрел многоцилиндровый пресс, позволявший печатать 20 тыс. газетных экземпляров в час. Подобные же процессы происходят и в России: появляется большое количество газет, художественные направления группируются вокруг многочисленных художественных журналов. В связи с этим идет глубокая переоценка соотношений интимного и публичного. В этих условиях выпускает свой журнал «Искусство и художественная промышленность» и Н.К. Рерих. Важнейшими журналами для самоопределения символизма и переоценки отношений русского и западного искусства стали «Весы», «Аполлон», «Мир искусства», «Золотое Руно» и др. Ведется глубокое переосмысление деления творцов Модерна на «декораторов» и «поэтов», постепенно приходит понимание Модерна не только как материального декоративного стиля. Существенной становится связь стиля Модерн с духовными исканиями эпохи.

Для нового уровня СМК характерно формирование журналистики как особого типа духовной жизни. «Четвертая власть» становится реальной силой, может быть, более значительной, чем классические три власти. Роль журналистики понял еще Наполеон, который ввел жесткие цензурные ограничения, пытаясь урегулировать стихию «срочной словесности». Ведь именно ей мы обязаны «классическими» буржуазными революциями.

Но самая существенная форма СМК – это сама индустриальная техника во всей своей кажущейся утилитарной полезности. Массовое производство, производство массы товаров и производство для массы народа, дешевые товары («ужины со скидкой»), массовое, доступное всем жилье, массовый автомобиль («форд», «фольксваген»), массовая одежда, фабрики-кухни. Это и есть «восстание масс» в экономике. Не отдельные дворцы, в то время как народ живет в лачугах: массы теперь помещаются в типовых жилищах. Жилище бедных и жилище богатых принципиально сближаются. «Вавилонские бумажные ткани, египетское полотно мало чем уступали нынешним товарам. Но эти произведения были доступны лишь немногим» [11, с. 91]. Теперь же такого рода изделия стали доступны практически всем.

Таким образом, эпоха Модерна – это эпоха восставших масс, что называют также «возрастанием роли народных масс в истории».

И возникает вопрос: как овладеть этим страшным миллионоголовым чудовищем – массой? По существу, это и есть основной вопрос современной политики.

Есть два пути, которые не альтернативны, а комплементарны.

Путь первый. Апелляция к будущему – авангард. Путь футуризма (термин Тойнби). Выражением футуризма становится фантастика, о которой мы уже говорили.

Провозвестником эпохи Модерна в политике был Наполеон. Кроме осознания мощной роли печати и соответственно цензуры, он впервые стал расстреливать народные демонстрации из пушек и положил начало войнам с участием массовых армий. Мировая война – прекрасное средство для управления большими массами.

Формируется социалистическое движение именно как явление массового общества. Оно немыслимо без СМК. М.А. Бакунин и В.И. Ленин видят в общерусской газете тот рычаг, с помощью которого они перевернут Рос-

сию (и их надежды оправдались!). Национал-социализм (хотя в нем более отчетливо, чем в социализме, присутствует архаизм) использует и футуристические, прежде всего технические, средства. Нацизм делает ставку на кинохронику и радиотрансляцию, на массовое искусство, столь же понятное народу, как социалистический реализм или современный американский кинематограф.

Футуризм широко использует технику как социальный институт, как способ организации больших масс. Техника, вообще говоря, не экономит труд и удовлетворяет только те потребности, которые сама же и порождает. Но она необходима для эффективной организации больших масс людей. Техника предстает как техническая политика в ее нацистском, большевистском или современном американском вариантах.

Показательная фигура здесь – С.П. Королёв, законный наследник русского космизма, наследник не только К.Э. Циолковского, но и Рериха с Чюрлёнисом, так же как Вернер фон Браун – духовный наследник А. Бёклина. Совсем не случайно, когда СССР в 1960-х гг. так рвался в космос, Чюрлёнис и Рерих стали чрезвычайно «модными». И современные «Звездные войны» Дж. Лукаса – может, и не прямые, но наследники Циолковского.

Кинопостановки эквивалентны реальным полетам на Луну. Не случайно, что образ Стратегической Оборонной Инициативы (СОИ – Strategic Defense Initiative) был порожден именно «Звездными войнами» Лукаса. Важно общее футуристическое умонастроение!

К технике примыкают естествознание XX в. и современное образование. Естествознание вместе с техническими науками разрастается, становится важнейшим социальным институтом, приобретает решающее политическое значение. Стилистика неклассического естествознания – это так называемая «революция в физике»: вхождение статистического миросозерцания, теория относительности, квантовая теория. Особенно необходимо отметить один аспект научной революции в естествознании, связанный со статистическим изучением массовых процессов. Л. Больцман и Дж.У. Гиббс – бóльшие революционеры в физике, чем А. Эйнштейн, остававшийся во многом на классических позициях. «Почти безраздельно господствовавшая с конца XVII до конца XIX века ньютоновская физика описывала Вселенную, где всё происходит точно в соответствии с законами; она описывала компактную, прочно устроенную Вселенную, где всё будущее строго зависит от всего прошедшего... Теперь эта точка зрения не является более господствующей в физике, и ее преодолению более всего способствовали Людвиг Больцман в Германии и Дж. Виллард Гиббс в Соединенных Штатах. ...Именно Больцман и Гиббс ввели статистику в физику гораздо более радикальным образом, и отныне статистический подход приобрел важное значение не только для систем большой сложности, но даже для таких простых систем, как индивидуальная частица в силовом поле» [4, с. 23–24].

Физика всегда была «иносказанием» социологии и антропологии. Включение статистических методов в физике означало параллельное их включение и в исследование спонтанных всплесков массовых обществ и мятущейся изломанной индивидуальности декаданса.

Военное искусство новейшего времени коренится в образовании и промышленности, эти сражения, которые начинаются в студенческих аудиториях, в конструкторских бюро и в научно-исследовательских институтах. Именно к эпохе Модерна относится тезис: что бы ученые ни делали, у них всё равно получится оружие.

Причем к веяниям Модерна, оказывается, наиболее чувствительны те культуры, у которых опыт классического периода плохо усвоен. В частности, это Россия. Парадоксальный приоритет России в ракетно-ядерных и космических программах при общей национальной нищете имеет метафизический смысл. Еще на рубеже XIX и XX вв. в России процент патологических изобретений (вроде вечного двигателя) был выше, чем в Западной Европе и в Америке. В первые годы советской власти (до нэпа) процент патологических изобретений претерпел пик и составлял около пятой части всех подаваемых заявок [14]. Вообще, пик изобретательства приходится на социальные кризисы. Так, наибольшее количество заявок на патенты в США было подано в эпоху «великой депрессии».

Метафизический смысл имеет и неистовый, иррациональный порыв народа к высшему образованию, культивировавшийся в советское время. Этот порыв сохранился в России и се-

годня. Можно предположить, что кафкианский всплеск высшего образования в постсоветскую эпоху обречен. Цивилизуясь, мы парадоксальным образом охладеем к футуризму высшего образования, постепенно усваивая классические установки.

В главном стилистика Модерна в науке выразилась так: вера в Бога была потеснена верой в науку. Эти фаусты конца XIX – начала XX в. чувствовали себя магами, способными вызывать потусторонние силы, например ядерные.

Существенный момент в стилистике новейшего естествознания – связанное с социалистическим движением формирование так называемой «народной науки», падение престижа классического образования. Роль дилетантов и самоучек чрезвычайно возросла. Сформировалось противостояние культу профессионала, характерному для протестантской этики [9]. В качестве примеров можно указать на К.Э. Циолковского, И.В. Мичурина, Т.Д. Лысенко и даже, пусть не покажется кощунственным это сопоставление, на «арийскую физику» в фашистской Германии.

Военное искусство эпохи Модерна – это искусство массовых войн и комплементарных к массовым войнам разведывательной деятельности и терроризма.

Миф о том, что Рерих выполнял миссию разведчика (при том, что это не так), показателен именно в качестве мифа, что не менее важно, чем реальность.

Эпоха восстания масс – это не только массовые войны, но и революции, причем более деструктивные, если сравнивать их с «классическими» буржуазными революциями во Франции, в Англии и Нидерландах. Конец XIX в., вся эпоха Модерна исполнены ожидания и предчувствия нового страшного социального переворота. Социальная теория Модерна возникает в качестве реакции на те классические схемы, которые были выработаны отцами-основателями Новоевропейского социального мышления (Ш.Л. Монтескьё, Д. Дидро, Ф.М.А. Вольтер). Точнее – в качестве реакции на радикальную неудачу их воплощения в жизнь Французской революцией. «Политические перевороты не создали народа, а лишь порвали цепи, сковывавшие уже проснувшиеся народы, и вот тогда появились на сцену народные массы» [11, с. 45]. Народные массы требуют вождя, и в этом плане рериховское «Напутствие вождю» (1933) – вещь показательная, она указывает на некие реалии политики вождизма. Идея вождизма связана с романтическим культом гения. Вождь амбивалентен, он может быть источником бесконечного добра и источником бесконечного зла. Ленин, Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун – вот образцы вождей. По Алданову, именно Ленин, один человек, безвозвратно погубил Россию.

Это было о первом – техническом, военном, политическом – пути овладения массами.

Путь второй. Это архаизм (по Тойнби), апелляция по преимуществу к прошлому, к традиции, к культуре. Это вкус к истории, так сказать, историческое искусство, история как искусство и искусство как история. Здесь космическое видение дополняется этнической и национальной озабоченностью, связью с природой («кровь и почва»). Это мистика эзотеризма. Это теософия.

Речь также идет о создании массового искусства. Показательные фигуры здесь – С.П. Дягилев и С.М. Эйзенштейн.

Существенной для понимания стиля эпохи является тяга к Средневековью, национальное возрождение через поиски своих этнических, доцивилизационных корней либо в имперском, либо в этнически обособленном варианте. Вспоминаются не только Рерих и Чюрлёнис, но и В. Васнецов, а в германском искусстве – А. Бёклин. Деятели культуры играют в опасные игры с новейшим национализмом.

Имперский вариант «национального возрождения» связывается с установкой на интернациональность. Она, нося зачастую эстетику экзотического, по существу, выражает имперскую глобализацию. Такого рода «имперский» интерес к Востоку можно, на первый взгляд, увидеть и у Рериха.

Эпоха Модерна перевела классическое национальное государство в иное качество. На первое место, в противоположность этатистским принципам Нового времени, стал выдвигаться вопрос происхождения, «крови», тесно связанный с «почвой». В Эрмитаже можно увидеть картину Ф. Эрлера (1868–1940) «Северная мать» (1906), неплохо иллюстрирующее новую установку национализма. Парадоксальным образом такая переориентация национализма связана с успехами естествознания, науки, в частности антропологии. Классический при-

мер национального государства нового типа – Третий рейх в Германии. Если для Германии XIX в. еврейский вопрос – это вопрос конфессии и вопрос гражданства, то для Германии 1933–1945 гг. это вопрос происхождения, крови, биологии.

Рерих и Чюрлёнис являют собой два варианта развития нового национализма. Национализм Рериха – имперского типа, он ориентируется на универсальное государство как машину. С технократами вроде С.П. Королёва во главе. Национализм Чюрлёниса скорее тяготеет к центробежным тенденциям этнического обособления. Думается, не случайно, что именно Чюрлёнисом профессионально занимался В. Ландсбергис, борец за новейшее отделение Литвы от России.

Космическое видение Модерна коррелируется с основными социальными мифами эпохи. В них Вселенная предстает как противоборство стихий. Грани стихий представляют собой возможности, где одна стихия переходит в другую. Возможности эти реализуются только через единичное, индивидуальное. Это индивидуальное может быть поразительным образом закреплено в нашем инобытии, в том, что имеет содержание наше, т. е. субъективное, а форму природную, т. е. объективную. Мы на грани стихий, на границе, на поворотном пункте, и благодаря технике, при всей своей слабости и малости по сравнению с космосом, мы в состоянии управлять им. Кто это – «мы»? Мы – это человечество, грань жизни и костной материи. Мы – это наша эпоха, современность – решающая эпоха в жизни человечества, открытый миру фронт человечности. Мы – это наша страна, Россия или Литва, или какие-то особые области в сакральной географии, Шамбала например. Если мы справимся со своими общенациональными задачами, с задачами своего духовного призвания, то и человечество будет спасено.

Мы – это вождь, гениальный художник, боец на этом фронте, принимающий на себя всю тяжесть и ответственность решений. (Как А.Н. Скрябин мнил себя ответственным за судьбы мира, как В. Хлебников назначил себя Председателем земного шара.)

От великого человека зависят судьбы бытия. Каждый из таких гениев – это космическая проба, вселенская возможность.

В мире еще ничто не предрешено, и каждая ошибка непоправима. Абсолютного будущего нет. Под ногами бездна, неверный шаг может быть последним. Как мы поступим, такова и будет Вселенная: либо она низвергнется в хаос, либо будет двигаться по пути восхождения к космосу, к точке Омега, в терминах П.Т. де Шардена.

Мы – канатоходцы Вселенной. Зона риска существенно расширяет свои границы, и Вселенная Рериха и Чюрлёниса нас об этом предупреждает. Головокружительная беспредельность, открываемая нашему взору, в том числе и духовному, – отличительная черта Рериха и Чюрлёниса. Держава Рериха в своих самых высоких сопоставлениях сравнима с новым духовным континентом, Христофором Колумбом которого, по мнению Р. Роллана, был Чюрлёнис.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Автономова Н.С.** В поисках новой рациональности // Вопросы философии. 1981. № 3.

2. **Артамошкина Л.Е.** Биография поколения: олицетворение истории. СПб.: Изд-во СПбФО, 2012. 208 с.

3. **Бердяев Н.А.** Кризис искусства. М.: СП Интерпринт, 1990. 48 с.

4. **Винер Н.** Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностран. лит., 1958.

5. **Волошин М.** Архаизм в русской живописи (Рерих, Богаевский и Бакст) // Аполлон. 1909. № 1. С. 49–51.

6. **Гальцева Р.** Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.

7. **Ландсбергис В.** Творчество Чюрлёниса (соната весны). Л.: Музыка, 1975. 280 с.

8. **Леман Б.А.** Чурлянис. Пг.: Изд-во Бутковской, 1916.

9. **Модестов А.П.** Замечательные работники науки и техники. М.: АССНАТ, 1927.

10. **Набоков В.** Другие берега. СПб.: Азбука, 2012.

11. **Норден Д.** Итоги XIX века. СПб., 1898.

12. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. 1930 / пер. с исп. Е. Нелединского. Нью-Йорк, 1930.

13. **Подорога В.** Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995.

14. **Преображенский С.А.** Вопросы патологии творчества в области изобретений техники // Психология, неврология и психиатрия. М.; Пг., 1923. Т. III. С. 144–154.

15. **Рерих Н.К.** Держава Света. Нью-Йорк, 1931.

16. **Стернин Г.Ю.** Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М.: Искусство, 1988.

17. **Хюбшер А.** Мыслители нашего времени. М., 1962.

E.A. Trofimova, K.S. Pigrov

ROERICH AND CHURLENIS: COSMIC VISION AND SOCIAL MYTHOLOGY OF MODERN (*For the 140th anniversary from the birthday N.K. Roerich*)

TROFIMOVA Elena A. – *St. Petersburg State University of Economics.*
Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia
e-mail: trele@mail.ru

PIGROV Konstantin S. – *St. Petersburg State University.*
Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: kspigrov@yandex.ru

In the article the Modern era is considered as a significant shift in the various fields of culture: from rational discourse to sensual, material and corporal. This shift manifested itself both in philosophy and diverse social practices, including artistic quest (synthesis, synesthesia, universal sense). The article refers to the creative work of N.K. Roerich and M.K. Ciurlionis. The authors of the article show that interest in the myth, archaic, fantastic entails changes in the artistic language and painting technique. In Russian Modern cosmic vision is closely linked to technical achievements and social myths.

STYLE AND THE MODERN ERA; THE SILVER AGE; THE MYTH; ARCHAIC; FANTASTIC; COSMISM; FUTURISM.

REFERENCES

1. Avtonomova N.S. [Looking for a new rationality]. *Voprosy filosofii*, 1981, no. 3. (In Russ.)

2. Artamoshkina L.Ye. *Biografiya pokoleniya: olitsetvoreniye istorii* [Biography generation: the personification of history]. St. Petersburg: SPbFO Publ., 2012. 208 p. (In Russ.)

3. Berdyayev N.A. *Krizis iskusstva* [The crisis of art]. Moscow, Interprint Publ., 1990. 48 p. (In Russ.)

4. Viner N. *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow, Foreign Literature Publishing House, 1958. (In Russ.)

5. Voloshin M. [Archaisms in Russian painting (Roerich, Bogaevsky and Bakst)]. *Apollon*, 1909, no. 1, pp. 49–51. (In Russ.)

6. Galtseva R. [West European philosophy of culture between myth and game]. *Samosoznaniye yevropeyskoy kultury XX veka* [Consciousness of the European culture of the XX century]. Moscow, 1991. (In Russ.)

7. Landsbergis V. *Tvorchestvo Chyurlenisa (sonata vesny)* [Creativity of Churlionis (sonata of spring)]. Leningrad, Muzyka Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)

8. Leman B.A. Churlyanis. Petrograd, Butkovskaya Publ., 1916. (In Russ.)

9. Modestov A.P. *Zamechatelnyye rabotniki nauki i tekhniki* [Wonderful people working in science and technology]. Moscow, ASSNAT Publ., 1927. (In Russ.)

10. Nabokov V. *Drugiye berega* [Other shores]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. (In Russ.)

11. Norden D. *Itogi XIX veka* [Results of the XIX century]. St. Petersburg, 1898. (In Russ.)

12. Ortega-i-Gasset X. *Vosstaniye mass. 1930* [Revolt of the Masses. 1930]. New York, 1930. (In Russ.)

13. Podoroga V. *Fenomenologiya tela. Vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu* [Phenomenology of the body. Introduction to philosophical anthropology]. Moscow, 1995. (In Russ.)

14. Preobrazhenskiy S.A. [Problems of pathology of creativity in the field of inventions technology]. *Psikhologiya, nevrologiya i psikhiatriya* [Psychology, neurology and psychiatry]. Moscow, Petrograd, 1923. Vol. III. Pp. 144–154. (In Russ.)

15. Rerikh N.K. *Derzhava Sveta* [Realm of Light]. New York, 1931. (In Russ.)

16. Sternin G.Yu. *Khudozhestvennaya zhizn' Rossii 1900–1910-kh godov* [Artistic life of Russia 1900–1910's]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. (In Russ.)

17. Khyubsher A. *Mysliteli nashego vremeni* [Thinkers of our time]. Moscow, 1962. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 1:001

М.Л. Лезгина, В.Г. Иванов

ИСТОКИ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОПОНИМАНИЯ

ЛЕЗГИНА Марина Львона – *профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; доктор философских наук.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: lezgina@mail.ru

ИВАНОВ Вячеслав Григорьевич – *профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; доктор философских наук.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: lezgina@mail.ru

Миропонимание – это определенная сторона мировоззрения, которая не имеет универсальной формы выражения. Оно выступает как обобщенный образ объективной реальности в ее противостоянии человеку. Возникая на донаучной стадии как мироощущение, оно с развитием науки конкретизируется, углубляется, обращается в концептуально оформленное и научно обоснованное миропонимание.

МИРОПОНИМАНИЕ; МИРООЩУЩЕНИЕ; МИРОВОЗЗРЕНИЕ; МАТЕРИЯ; СУБСТРАТ; ФОРМЫ ДВИЖЕНИЯ; ДЕТЕРМИНИЗМ; ИСТОРИЗМ; РАЗВИТИЕ.

Научное миропонимание в его исходной форме строится на базе формирующегося представления о материальном единстве мира. Еще на стадии ранней античности у народов, освоивших металлургию, возникают (первоначально в мифологической форме) представления о фазовых состояниях вещества – твердом, жидком, газообразном (земля, вода, воздух, к которым прибавляется также огонь), об их взаимопереходах и взаимопревращениях. Освобождаясь от олицетворения этих «стихий», античная мысль получает возможность сосредоточиться на самом факте взаимных переходов одних фазовых состояний вещества в другие, превращениях минералов в металлы, чистых металлов в сплавы, изменениях физических и химических свойств веществ при их нагревании или охлаждении.

При этом всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания, составной частью эмпирического опыта, подвергаемого спекулятивному исследованию. Свобода спекулятивной мысли имела свои ограничения. С одной стороны, ими выступали политические, юридические, религиозные, моральные нормы, с другой – требования логической последовательности и непротиворечивости рассуждений. Последнее активизировало и дисциплинировало мышление, но в то же время создавалась иллюзия независимости теории от практики.

Рассматривая на спекулятивном уровне проблему фазовых переходов вещества, античные мыслители обходят стороной вопрос о механизме подобных превращений, но зато после долгих споров о том, какая из «стихий» является базисной, умозрительным путем обнаруживают в этом явлении проблему мировоззренческого масштаба: круговорот взаимопереходов такого рода предполагает, что в них сохраняется некое содержание, сменяющее форму. Идея апейрона, а затем и материи выступает как обозначение сохраняющегося в изменчивом. Следующие шаги отсюда вели, во-первых, к признанию активности формы по отношению к содержанию, во-вторых, к субстратному истолкованию материи, состоящей из атомов, амер, семян, неделимых, других конечных элементов, и к переносу на субстрат свойств вечности и неизменности, обеспечивающих сохранение содержания во

всех изменениях. Отношение «человек – природа» рассматривалось в аспекте соучастия человека в субстратном единстве мира (линия Демокрита – душа состоит из атомов, линия Платона – душа есть чистая активная форма). Сложности, возникавшие при этом для спекулятивной мысли, были четко сформулированы Аристотелем: «Если душа состоит из элементов или является одним из них, то как могут быть присущи душе разные свойства, например образованность или необразованность, память или забывчивость? Почему мы не обнаруживаем тогда у нее телесных свойств?» [1, с. 429–430]. В конечном счете проблема человека в системе материального мира античной наукой так и не была решена.

Сложнее обстояло дело с детерминизмом. Известно, что научная мысль всегда развивается либо преодолевая какие-то традиции, либо им следуя. Исходным пунктом для античной научной мысли в выработке учения о всеобщей обусловленности было преодоление узких горизонтов донаучного официального мировоззрения, представленного в мифологических формах «жреческой науки». Понятие необходимости в ней было мистифицировано, выступая в представлениях либо рока (предустановленность конкретного события без предопределения путей, ведущих к нему), либо фатума (полная подчиненность всех без исключения событий капризной воле божества). Первейшей задачей научной мысли было отмежеваться от этих ненаучных представлений. Такая задача становится традицией, опережающей выработку новых, приемлемых для науки взглядов на «необходимость», «случайность» и всю совокупность соответствующих категорий.

Обыденное сознание, восходящее до высот полисной гражданственности, опыт ремесленника и формирующаяся наука были теми тремя китами, на которые опирался процесс очищения познающей мысли от примитивных воззрений. Рабовладельческая идеология, узость ремесленного опыта и слабое развитие науки – естественные препятствия его развития. Роковое значение, в частности, имела относительная неразвитость количественных методов исследования и абстрактного мышления. Уравнения, основной математический аппарат науки того времени, должны были проявить себя, так сказать, физически, в форме реальных равновесий в природе и в ремесленной технике для того, чтобы быть зафиксированными в виде максим науки. Если в наши дни эвристика эмпирического исследования заключается в нахождении зависимостей через измерения, их обработку и систематизацию, то во времена античности она состояла в прямом обнаружении зависимостей через наблюдение с последующим их обоснованием путем рассуждений, а не математической обработки измерений. Такой простейшей формой зависимости, которая обнаруживалась непосредственно в явлениях, была область статики. Именно статические зависимости в силу господства в технике простых машин (рычаг, ворот, наклонная плоскость и пр.) и отсутствия (в условиях рабского труда) нужды в более сложных агрегатах порождали потребность в формировании научных представлений о них, т. е. в становлении статики как раздела античной науки.

В отличие от этого динамика аналогичного развития не получила. Дело в том, что если в статических состояниях равновесия наблюдаются непосредственно, то в области динамических процессов такой наглядности нет. Тем не менее существовала устойчивая традиция распространения приема, успешно применявшегося в статике, и на эту область. Но при этом методика исследования приобретала натурфилософский характер: общая зависимость, из которой с логической последовательностью может быть выведен естественный порядок явлений, подыскивается умозрительно, исходя из фактов повседневных наблюдений, восходя сразу, без всяких опосредующих шагов, к заключениям космологического масштаба. Такой методикой исследования динамических закономерностей, начиная с Гераклита и до перипатетиков, был принцип компенсации, т. е. динамического квазиравновесного баланса движений. Перевод его на язык физики сил открывал путь к количественному исследованию, но эта возможность оставалась неиспользованной, так как требовалась еще выработка понятия изолированной системы. Атомизм, принимавший пустоту, был способен прийти к этому понятию, но он по своему существу разрушал принцип компенсации, который выступал основой математизации науки. Кроме того, античный атомизм при объяснении природы был склонен больше к «химизму», чем к «механизму», т. е. оставался

весьма далек от представления о балансе сил. Аристотель же, подойдя вплотную к силовой физике, не принял понятие изолированной системы, которое уже вызревало в этой области знания. Тем самым он отстаивал своеобразный реализм здравого смысла, запрещающий абстрагироваться от конкретных условий.

В качестве другого эквивалента понятию равновесия, применимому к области динамики, фигурировала гармония, или упорядоченная устойчивая согласованность движения (в отличие от хаотического, неустойчивого баланса компенсации). Однако, за исключением отработанных до автоматизма ритмических движений ремесленника в простейших трудовых операциях, этот вид зависимости был наблюдаем только в поэзии и музыке, а его принятие вело к мистике чисел, абстрагированных от всех физических сил. Поэтому распространение на мир понятия гармонии встречало скептическое отношение со стороны серьезных ученых (Аристотель, например, оценивал утверждение, согласно которому движение светил рождает гармонию, как изящное и поэтичное, но абсурдное).

Таким образом, античная натурфилософия была еще далека от центральной идеи детерминизма – однозначной связи состояний изолированной системы во времени. Даже концепция Демокрита, обычно обвиняемого в механицизме, отличалась на сей счет большей степенью неповторимости, предполагая бесконечное количество возможностей, осуществимых лишь в бесконечности. При отсутствии в миропонимании представлений о каких-либо законах сохранения такая концепция исключала не только понятие однозначной связи состояний, но и само понятие состояния. Выработка представления об однозначной обусловленности будущего прошлыми состояниями могла стать возможной лишь на основе понятия изолированной системы и разработки методов описания ее динамики.

Можно было бы предположить, что детерминизм в античности хотя и не разрабатывается как концепция, но неявно, в неадекватной форме, тем не менее, признается. Однако факты не подтверждают этого. В отличие от периода формирования учения о детерминизме в Новое время, когда главное внимание исследователей было обращено на обоснование строгой необходимости, доходившей до нивелирования случайности, основной пафос античной мысли имеет прямо противоположную направленность. Ученые древности стремились доказать, «что начала и причины у случайно сущего не такие, как у сущего самого по себе... иначе все существовало бы необходимым образом» [2, с. 287]. Доказывая это, они готовы были пойти даже на непоследовательность, нарушающую принцип единства мира в учении об обусловленности, изобретая особые виды причин случайного в форме «вихрей», «вражды», «клинамена» или «неопределенных причин». В целом данный период можно охарактеризовать с точки зрения его вклада в научное миропонимание как период первоначального формирования представлений о всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности и рассматривать его как необходимый этап, который подготавливал выработку понятия детерминизма, но в рамках которого еще не был найден адекватный термин.

Еще более далеки были античные мыслители от принятия принципа развития как конституирующего элемента миропонимания. С их точки зрения, вся природа замкнута в единый бесконечный круговорот. В пределах того, что допускает концепция круговорота, они не были чужды историзма, доходя до признания становления миров, самозарождения жизни, возникновения человека и общества. Но при этом идея круговорота выступала в качестве своеобразного понимания «мирового процесса как суммы превращений на основе и в рамках одного и того же материального начала, которое... не старится (Анаксимандр) и, объемля всю совокупность круговых процессов, само есть недвижимый круг (Эмпедокл). Из этих представлений органично вытекала убежденность античных материалистов в обязательности периодического возврата с течением времени (по подсчетам, например, стоиков, через каждые 10 800 лет) всех природных явлений к исходному состоянию» [3, с. 13]. Дискуссионным оставался вопрос, насколько точным повторением миров предшествующих является мир возникающий? Тем самым историзм ограничивался идеей круговорота, который в той или иной степени сужался до пределов круговорота внутри «мира». Так, у атомистов обитаемые миры конструируются умозрительно. Это не планеты и не звезды, не Луна, поскольку последние не рассматриваются как самостоятельные миры, а принадлежат

земному миру. Под другими мирами атомисты подразумевают существование невидимых образований, которые находятся за твердым хитоном неба. В то время как противостоящие атомизму концепции вообще утверждают вечность и неизменность «надлунного» мира.

Утверждение концепции круговорота элиминирует прежде всего «стрелу времени», т. е. направленность изменений в мире, имеющую материальное содержание и эмпирические в своей основе критерии. «Невозможно, – писал Аристотель, – чтобы в течение бесконечного времени происходило конечное движение, которое не было бы всегда одним и тем же или частью одного и того же повторяющегося движения» [1, с. 194]. Более того, это положение Аристотеля выступает сильнейшим доводом, неопровержимым в рамках умозрительно-спекулятивного способа рассуждений, против идеи бесконечного космоса как генетически связанной с «подлунным» миром породившей его основы.

Допущение круговорота не исключает, конечно, возможности развития (восхождения от низшего к высшему) как внутреннего содержания циклического движения по кругу. Но как раз в общественной истории, т. е. в той самой области, в которой прогресс прежде всего и мог быть обнаружен, он не допускался. На протяжении всей античности «золотой век» обращен не в будущее, а в прошлое. При этом реализация социального идеала обосновывалась не поступательными законами истории, а рассматривалась лишь как волюнтаристический акт мудрого законодателя.

Следующий скачок в развитии научного миропонимания происходит лишь в середине XVII – первой половине XVIII в. Предвестником его еще в XVI в. выступил Н. Коперник. Обстоятельства, при которых совершался этот научный подвиг великого астронома, демонстрируют всю сложность развития науки в условиях отсутствия как сложившейся научной картины мира, так и миропонимания, отвечающего потребностям науки.

Опубликованная в 1543 г. книга Коперника «О вращении небесных сфер» определила характер научной революции XVI в. и сыграла решающую роль в радикальном пересмотре философских представлений о мире. Опыт коперниканской революции в астрономии поучителен в том смысле, что он демонстрирует случай появления новой революционной теории в рамках старого миропонимания. Лишь впоследствии выявляется ее несовместимость с существующими теориями природы и всем пониманием мира в целом (принятым в науке общим представлением о мироздании).

Условия для качественного скачка в миропонимании сложились к середине XVII в. Во-первых, к этому времени изменяется статус науки и ученого в обществе. Если наука рабовладельческого общества еще не была атрибутом этого общества (последнее могло бы вполне обойтись и без нее), то в XVII в. наука, хотя и далекая еще от превращения в непосредственную производительную силу, тем не менее, входит в тесное соприкосновение с производством, обогащает его, а звание ученого становится престижным, обеспечивающим известные привилегии. Помимо этого, развитие производства и географическое освоение Земли не только доставили огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования, а печатный станок создал условия для широкого ознакомления читающего населения с достижениями науки.

Во-вторых, к середине XVII в. возникает первая общенаучная картина мира – машинно-механистическая. Постепенно складывается представление о мире как о машине, и все споры мировоззренческого порядка ведутся лишь вокруг вопроса, нуждается ли «мировая машина» в творце или часовщике и достаточно ли она совершенна? Так, по мнению Лейбница, признание машины мира несовершенной равносильно объявлению бога «плохим часовщиком» [4, с. 495], тогда как Д. Юм доказывает объективную «неточность в работе всех начал и принципов великого механизма природы... не приспособленных настолько точно друг к другу, чтобы оставаться именно в тех пределах, которые ограничивают их полезность» [5, с. 543].

В-третьих, философия во все большей степени отходит от теологии и смыкается с естествознанием, выступая в качестве предельно общего теоретического (как «натурфилософия») и мировоззренческого (как «первая философия») обеспечения потребностей позитивных наук. Соответственно этому, порывая со статусом «служанки богословия», в качестве которой она

имела единственную функцию – логическую, функцию обеспечения надежных средств аргументации в теологических диспутах, – философия приобретает теперь дополнительные функции: онтологическую и гносеологическую. Тем самым она получает и средства, и возможности для разработки научного миропонимания, которое становится общим достоянием просвещенных людей и критерием их просвещенности.

Важнейшим достижением философии на этом этапе является выработка учения о детерминизме, а затем и принципа детерминизма, этой основы цельного, охватывающего и теорию, и практику научного мировоззрения.

Что нового вносило в содержание научного миропонимания учение о детерминизме? Два процесса называются связанными, если изменениям одного из них соответствуют изменения другого в силу опосредующего их третьего процесса (взаимодействия). Каков характер действия этого опосредующего процесса, в определение связи не входит. Категория причинности, в свою очередь, обозначает связь всякого изменения (следствия) с тем, что породило или вызвало его. Иначе говоря, причина есть то активное начало, которое произвело исследуемое изменение при определенных условиях. Таким образом, дополнением к причинности выступает обусловленность. Под обусловленностью понимается определяющая роль множества обстоятельств (условий) по отношению к явлениям, или, что то же, зависимость всякого явления от условий, в которых оно возникает либо существует. В этом смысле категория обусловленности охватывает как возникновение изменения (следствие), так и его отсутствие (устойчивость). В силу этого рассматриваемая категория не характеризует временного отношения между условием и обусловленным – нечто может и сопутствовать явлению, и предшествовать, и составлять определенные преграды или, наоборот, благоприятствующие обстоятельства для реализации каких-то его возможностей в будущем. Категория обусловленности не утверждает и степени влияния одного на другое.

Концепция детерминизма не сводится к содержанию перечисленных категорий, она предполагает нечто большее [6, с. 347–354]. Исходная для данного учения категория детерминации обозначала те факторы (условия и причины), которые ограничивают степень свободы системы, спектр ее возможностей, допуская в конечном счете реализацию какой-то одной из всех, препятствуя переходу в действительность других. Эта категория предполагала спонтанность детерминируемого процесса: детерминанты направляют, но не вызывают и не порождают его; они и процесс взаимно независимы по происхождению и находятся лишь во *внешней* связи. Детерминизм же как учение утверждает, что, во-первых, все изменения в мире детерминированы материальными условиями и, во-вторых, что детерминированность имеет временной характер: прошлое детерминирует будущее.

Таков *общемировоззренческий* смысл детерминизма. Но он при своем возникновении выражал прежде всего не столько эту сторону дела, сколько то, что детерминизм одновременно выступал определенным критерием, идеалом и нормой научности, что базировалось уже на обобщении опыта научного познания законов природы и сформировавшейся естественно-научной картине мира.

Признание мира машиной, и притом единой, всеохватывающей, в силу чего понятия «машина мира» и «Вселенная» становятся синонимами, позволяет распространить понятие «состояние» на весь универсум как целое, а его эволюцию представить как связь состояний. Поскольку объект такой экстраполяции – вселенная, которая охватывает все процессы в природе, для него не существует ничего внешнего, условия и причина сливаются. В общем виде принцип детерминизма определяется как такая связь, при которой всякое состояние вселенной есть следствие ее предыдущего состояния и причина последующего. В XIX в. это общее определение детерминизма вселенной экстраполируется на любой изолированный или квазиизолированный процесс, и детерминизм в методологическом аспекте отождествляется с однозначной связью состояний. Научным признается описание, в той или иной мере приближающееся к этому.

Новое миропонимание, основанное на детерминизме, как мы видим, принимает принцип материального единства мира, дополняя его выводы и следствия положениями, которые с ним согласуются, хотя непосредственно из него и не вытекают. Развитие же принципа детерминизма приводит к тому, что само единст-

во, мыслившееся некогда как единство вечного и неизменного субстрата мира, переосмысливается: оно во всевозрастающей мере начинает усматриваться в единстве законов природы, в предположении, что все природные процессы могут быть описаны единой формулой.

В качестве такой формулы выступает линейное дифференциальное уравнение движения. Начиная с Ньютона (который пытался вывести ее, исходя из *сил притяжения*) в течение всего XVIII в. и большей части XIX столетия (оно добавило сюда догадку о *силах отталкивания*) продолжается последовательный поиск этой формулы. Предполагалось, что изменения, которые образуют ход природы, суть лишь модификации положения в пространстве. Материя мыслилась как бесконечно сложная, но тем не менее редуцируемая к движению материальных точек и в этом смысле имеющая единую сущность. Всякое же движение рассматривалось как изменение расстояния между двумя точками. В таком случае задача физических наук состояла в сведе́нии всех явлений природы к качественно неизменным силам притяжения и отталкивания, интенсивность которых связана с расстояниями между центрами действия.

Итак, принцип единства мира на этом этапе переосмысливается как утверждение о качественной неизменности природы. В то же время, начиная с Джордано Бруно, пробивается идея бесконечности вселенной как собрания миров различной степени сложности. Но в таком случае неизбежным становится принятие концепции круговорота, ибо вечно повторяющаяся последовательная смена миров в бесконечном времени является только логическим дополнением к одновременному сосуществованию бесчисленных миров в бесконечном пространстве. Отсюда мировой процесс как бы распадается на две взаимообусловленные составляющие: во-первых, круговорот неорганической материи, имеющей в явном виде механический характер (образование туманностей, звезд, галактик, их распад и возвращение вещества в исходное состояние), и, во-вторых, образование и распад структур высшего порядка (магнетизм, электричество, химизм, организм). Исследование этих двух кругов неравноценно по сложности. По словам И. Канта, «легче понять образование всех небесных тел и причину их движений, короче говоря, происхождение всего современного устройства мироздания, чем точно выяснить на основании механики возникновение одной только былинки или гусеницы» [7, с. 94].

Тем не менее именно в рамках теории круговорота берет начало исторический подход, т. е. изучение происхождения и становления сущего. И эта открывшаяся возможность немедленно начинает реализоваться. В области астрономии возникают гипотезы Канта, Лапласа, Гершеля, в геологии – Лайеля, в биологии – Вольфа, Ламарка, в общественной сфере набирает силу идея социального прогресса, Шеллинг выдвигает обобщающую идею порождения из подчиненной законам механики материальной первоосновы организованных систем возрастающей сложности.

И хотя идея развития уже «стучится в дверь», философская мысль все же оказывается не в состоянии выйти за пределы концепции круговорота. Речь может идти, как думал Кант, лишь о воссоздании, о возрождении, а не о порождении нового, ибо в этом и состоит проявление «божественного всемогущества». Даже проницательный и глубокий ум Гегеля останавливается перед этой проблемой. Признавая историю у общества и познания, Гегель отказывает в ней природе, в которой, по его мнению, «творение... каждый раз производит себя заново» [8, с. 368], в вечном круговороте. Более того, явно полемизируя с Шеллингом, он доходит до попытки теоретически обосновать принципиальность отказа от исторического рассмотрения природы, заявляя, что проблема происхождения вообще не представляет интереса для *разума*, что у процесса нет иного содержания, кроме его продукта. Иначе говоря, Гегеля интересует лишь логический вывод, а не онтологический процесс, который за ним стоит.

Таким образом, на пути дальнейшего развития научного миропонимания возникает кажущееся неразрешимым противоречие – все новые неопровержимые факты, поступающие в распоряжение науки, буквально навязывают ей историзм, но он, воплощаясь в отдельные гипотезы отдельных наук, не в силах еще преодолеть своеобразное общее представление о природе, центром которого является постулат о ее абсолютной неизменности. Для преодоления этого препятствия наука остро нуждается в помощи философии (отсюда увлечение естествоиспыта-

телей той эпохи Шеллингом). Но философия, поднявшаяся в идеях Гегеля до диалектики и принципа развития, пасует перед традиционным миропониманием.

Научный подвиг по его низложению совершают Маркс и Энгельс, которые принимают за основу своей философии материалистически понятую диалектику и принцип развития, распространенный на природу. Несколько позже непоследовательно и робко принцип развития проникает по большей части в западную философию, влача там довольно жалкое существование. Принцип историзма, поддержанный философией, восторжествовал в геологии и получил новый мощный стимул в теории эволюции видов Дарвина. Идеи становления и развития овладевают умами и производят переворот во всем миропонимании эпохи.

Но исходной формой, в которой понятие развития входит в миропонимание эпохи, становится плоский эволюционизм, который, как представлялось, наилучшим образом согласуется с принципом детерминизма. Для плоского эволюционизма характерно, что он не отказывается от идеи круговорота, а лишь утверждает, что «круги» не точно повторяют друг друга и движение происходит в постепенно изменяющихся условиях. Таково, например, было истолкование видообразования в биологии: в силу внутривидовой борьбы в каждом поколении наивыгоднейшее положение занимают особи с наибольшими индивидуальными различиями. Смена поколений увеличивает и наращивает эти различия. Так как каждое индивидуальное изменение имеет под собой какие-то конкретные причины, требования строжайшего детерминизма представляются не нарушенными.

Плоский эволюционизм, таким образом, не отрицает качественных изменений, он лишь отказывается признать тот факт, что количественные изменения не переходят, строго говоря, в качественные, а подготавливают их, подводят к ним, ввергают систему в процесс качественного преобразования. Отсюда и качественные изменения на уровне явлений предполагаются редуцируемыми к количественным на уровне единой мировой сущности – первоматерии. Мировой процесс при этом как бы раздваивается – круговорот переходов от низшей степени организации материи к высшей и обратно, дополняется необратимостью «спирали», образованной последовательностью сменяющих друг друга постепенно изменяющихся циклов. Допущение их бесконечной процессии, в том числе и в прошлом, оказывается в странном несоответствии с ограниченностью результатов многократного «конструирования», притом, что такие результаты достигаются за конечное умопостигаемое время.

Если подойти к делу чисто умозрительно, то выход из такого несоответствия мог состоять либо в допущении сверхциклов, при которых необратимая составляющая развития каким-то образом периодически возвращает природу к ее исходному состоянию, либо в признании возможности таких сочетаний распадных и конструирующих процессов, при которых развитие лишь компенсирует деградацию, и мы имеем дело, так сказать, с «фениксом природы, который лишь затем сжигает себя, чтобы вновь возродиться юным из своего пепла» [7, с. 97].

Но научное познание готовило новый сюрприз – было открыто второе начало термодинамики. Согласно ему возрастание энтропии с неизбежностью ведет к перераспределению с течением времени всех высокоупорядоченных форм движения в неупорядоченное тепловое – с переходом последнего в специфическое для тепловой формы движения состояние термодинамического равновесия. Подобная необратимость выглядела особенно роковой в рамках представления о вселенной как единой всеохватывающей «машине», обладающей всеми свойствами изолированной системы (для которой, собственно, и было сформулировано второе начало термодинамики).

Выход из данной ситуации мог состоять прежде всего в отказе от экстраполяции понятия изолированной системы на вселенную. Но это привело бы к признанию, что наша Вселенная – лишь частный эпизод истории материального мира, нечто локальное в пространстве и времени. А это, в свою очередь, потребовало бы переосмысления так называемого «принципа Коперника», согласно которому наша часть окружающего мира не уникальна, а типична для мира в целом. Данный принцип, на основе которого осуществлялось распространение полученных на Земле научных знаний на выводы о всей вселенной, снимал геоцентризм в одном отношении (Земля – избранная привилегированная часть мира), утверждая его в другом (вся

вселенная в ее бесконечности ограничена условиями и подобием Земли и ее окружения).

Допустимо было бы также попытаться «спасти» концепцию плоского эволюционизма в рамках концепции круговорота, предположив, что существуют какие-то еще необнаруженные процессы, в результате которых рассеянная в мировом пространстве теплота аккумулируется (нечто аналогичное «демону» Максвелла) и тем самым энергетически компенсируется рост энтропии. Но такая версия неизбежно предполагает, что рассеянная теплота способна превратиться в другую форму движения, в которой она может снова сосредоточиться и начать активно функционировать. Допущение же наряду с механической формой движения, считавшейся основной в мироздании, другой, не менее фундаментальной формы требовало кардинальной ревизии сложившихся представлений о единстве мира и структуре детерминизма.

Третьим путем снятия рассматриваемой трудности могло стать признание того, что в мире, находящемся в состоянии термодинамического равновесия, наша часть Вселенной не более чем локальная флуктуация, а «тепловая смерть» есть естественное состояние материального мира. Но в таком случае сам факт случайности флуктуации не только в количественном, но и в качественном отношении ставил бы под сомнение «принцип Коперника» в том смысле, в каком он истолковывался, и требовалась изрядная доля консервативности мышления, чтобы ожидать от всякой новой флуктуации лишь простого повторения прежних.

Таким образом, идея растекающегося в спираль круговорота, лежащая в основе плоского эволюционизма, терпела сокрушительный крах при любых способах решения возникшей мировоззренчески важной проблемы.

Действительный выход в конце концов состоял в революционном пересмотре существующего миропонимания на качественно новом уровне [9, с. 223–247].

Во-первых, переосмысливается категория материи: если раньше она сводилась к понятию субстрата, то теперь становится обозначением субстанции во всем богатстве присущих ей атрибутов и модусов.

Во-вторых, старое понимание единства мира снимается новым: единство мира состоит лишь в его материальности. Отсюда отпадают все ограничения, связанные с абсолютизацией тех или иных «элементов мира» или «вечных» законов природы, лежавших в основе концепции качественно однородного и неизменного в своей сущности мира, доступного лишь круговороту. В противовес этому утверждаются безграничное разнообразие и неисчерпаемость уровней и форм организации материи как в онтологическом, так и в гносеологическом смысле. В свою очередь, категория движения получает новое – более точное – истолкование: она служит для обозначения всего многообразия способов существования материи. Идея первичного движения, прадвижения (его исходной формы), отвергается.

В-третьих, идеи уровней организации, принципиального многообразия, неисчерпаемости распространяются на понимание детерминизма. Обусловленность будущих состояний прошлыми получает полное свое выражение, приобретает новую меру содержательности в концепции, согласно которой природа не просто *существует*, а находится в процессе *становления* и *исчезновения*. В то время как «вечные законы природы» превращаются в такие законы, которые имеют исторически конечные формы в их качественно-бесконечной процессии изменений.

В-четвертых, концепция историзма распространяется, таким образом, на всю объективную реальность. Малые и большие круговороты и спиралевидность не отвергаются, но рассматриваются уже лишь как способы реализации истории, не исчерпывающие ее содержания, ибо каждая конечная форма существования материи одинаково преходяща, ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения.

В-пятых, понятие развития, которое Гегель распространял исключительно на мысль, получает иной смысл и воспроизводит сущность и направленность процессов в циклах «спирали», получающей свое адекватное выражение уже не в круговороте, а в отрицании отрицания.

И, наконец, это новое миропонимание преодолевает гиперболизированное противопоставление природы и общества, доходящее до труднопреодолимого разрыва между ними в картине мира. Теперь также и вся природа растворилась в истории, а жизнь общества объясняется как одна из исторических форм движе-

ния материи. Миропонимание в целом обретает подлинно научный характер.

Итак, мы видим, что становление научного миропонимания является одновременно и историческим *итогом* развития общества, и *процессом*. Двумя мощнейшими движущими силами этого процесса всегда были успехи познания (с появлением науки – научного познания) и общественная практика с ее социальными запросами, потребностями и целями. При этом становление научного миропонимания шло под определенным воздействием социально-экономических укладов, исторических форм культуры, традиций и иных, кроме науки, форм общественного сознания. Однако такое влияние скорее составило аранжировку данного процесса, тормозило или ускоряло его, нежели воздействовало на его сущность.

Освоение научного миропонимания может быть успешным лишь в той степени, в какой оно «овладевает массами», становится стилем мышления эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Сочинения. В 4 т. Т. 3. М., 1981.
2. **Там же.** Т. 1. М., 1978.
3. **Молевич Е.Ф.** Круговорот и необратимость в мировом движении. Саратов, 1976.
4. **Лейбниц Г.В.** Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1982.
5. **Юм Д.** Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1965.
6. **Иванов В.Г., Лезгина М.Л., Лезгина Д.В.** Революция и преемственность в науке. М., 2007.
7. **Кант И.** Сочинения докритического периода // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 3. М., 1971.
8. **Гегель Г.В.Ф.** Философия природы. М., 1975.
9. **Стрельченко В.И.** Очерки истории и философии науки. СПб., 2012.

M.L. Lezgina, V.G. Ivanov

THE ORIGINS AND WAYS TO BUILD SCIENTIFIC WORLD OUTLOOK

LEZGINA Marina L. – *Herzen State Pedagogical University of Russia*.
Nab. Moyka, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: lezgina@mail.ru

IVANOV Vyacheslav G. – *Herzen State Pedagogical University of Russia*.
Nab. Moyka, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: lezgina@mail.ru

World comprehension as a certain aspect of the conception of the world does not have its own universal form. It is the generalized image of objective reality as opposed to humanity. Arising before the scientific age as a perception of the world it concretizes, obtains a more profound meaning and turns into conceptually built and scientifically based world outlook.

WORLD COMPREHENSION; WORLD SENSATION; CONCEPTION OF THE WORLD; MATTER; SUBSTANCE; THE FORMS OF MOWEMENT; DETERMINISM; HISTORISM; DEVELOPMENT.

REFERENCES

1. Aristotel. Works. In 4 vol. Of vol. 3. Moscow, 1981. (In Russ.)

2. Aristotel. Works. In 4 vol. Of vol. 1. Moscow, 1978. (In Russ.)

3. Molevich Ye.F. *Krugovorot i neobratimost' v mirovom dvizhenii* [Circle-reverse motion and nonadverse effect in the world motion]. Saratov, 1976. (In Russ.)

4. Leybnits G.V. Works. In 4 vol. Of vol. 1. Moscow, 1982. (In Russ.)

5. Yum D. Works. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, 1965. (In Russ.)

6. Ivanov V.G., Lezgina M.L., Lezgina D.V. *Revolyutsiya i preyemstvennost' v nauke* [Revolution and succession in science]. Moscow, 2007. (In Russ.)

7. Kant I. Sochineniya dokriticheskogo perioda [Works of before-critical age]. *Anthology of world philosophy*. In 4 vol. Of vol. 3. Moscow, 1971. (In Russ.)

8. Hegel G.W.F. *Filosofiya prirody* [The philosophy of nature]. Moscow, 1975. (In Russ.)

9. Strelchenko V.I. *Ocherki istorii i filosofii nauki* [Esseys of the history and the philosophy of science]. St. Petersburg, 2012. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 165:378

О.Д. Маслобоева

ОРГАНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ КАК ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

МАСЛОБОЕВА Ольга Дмитриевна – *доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; кандидат филологических наук.*

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

e-mail: masloboeva.o@inbox.ru

Стержень культурной идентичности заключается в национальном самосознании, которое формируется в процессе приобщения к отечественной философской культуре как определенная система ценностей и идеалов. Истина в системе общечеловеческих ценностей и идеалов играет ключевую роль в процессе самоопределения личности. В статье впервые раскрывается отечественная концепция истины, выработанная неформальным сообществом российских органицистов и космистов и соответствующая вызовам современной эпохи с ее насущной потребностью в мировоззренческой переориентации от созерцательного (механистического) к деятельностно-диалектическому (органическому) мировоззрению.

РОССИЙСКИЙ ОРГАНИЦИЗМ И КОСМИЗМ; ОРГАНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ; ОТЕЧЕСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ; СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ТИПЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ.

Образовательное пространство человека, понимаемое в его сущности, представляет собой процесс *формирования образа личностной индивидуальности*. При этом необходимо различать образовательное пространство в широком смысле, которое включает в себя все формы социализации и культуру в ее целостном содержании, и в узком, подразумевающем институционализированные формы получения общеобразовательных и специализированных профессиональных знаний. Прежде всего, именно широкий контекст образования подразумевает наличие образцов как идеала для формирования личности в конкретно-исторических условиях. Идея, как известно, в переводе с древнегреческого означает «первообраз». В идеале школа, вуз призваны не ограничиваться узкоспециализированными задачами (передать определенную сумму знаний и т. п.), а прививать систему ценностей и идеалов, без которых личностная индивидуальность состояться не может. При этом необходимым условием данного процесса выступает привитие культурной идентичности, поскольку общечеловеческая система ценностей преломляется сквозь призму национального менталитета.

Цель данной статьи – раскрыть специфику отечественного понимания такой ценности, как истина, ибо она синергетически объединяет общечеловеческие ценности, центрируя всё их конкретное содержание. Образование в узком его понимании, давно ставшее непрерывным, опираясь на широкий культурный контекст, несет колоссальную ответственность за выработку ориентации человека в системе координат «истина – заблуждение» и привитие иммунитета на ложь, извращающую правду.

Следует сразу подчеркнуть, что в русском языке «истина» и «правда» принципиально дифференцированы, раскрываясь каждая в своей системе координат. Исследователь в теоретической деятельности, как и любой человек в своих жизненных поисках, имеет право на заблуждение; в то же время знание правды подразумевает недопустимость подмены ее ложью, выступая своего рода нравственным табу. Как утверждал Василий Шукшин, «народ знает правду», связывая тем самым правду

с народной мудростью, основанной на многовековом повседневном опыте и природной смекалке. В английском языке, обладающем статусом международного средства коммуникации, «истина» и «правда» не дифференцированы и обозначаются одним и тем же понятием – «truth», в то же время «заблуждение» и «ложь» различаются: соответственно «error» и «lie». Данный феномен востребует от филологов и специалистов в области философии языка внимания и углубления в эту проблему. Но, так или иначе, уровень смысловой рефлексии в отечественной и западной ментальности по поводу такой жизненно значимой и центрирующей внутренний духовный мир ценности, каковой выступает истина, принципиально различен.

Отечественная концепция истины сложилась как результат единства актуализации специфики российского менталитета и освоения потенциала мировой философской мысли в контексте евразийского синтеза, также обусловленного особенностями нашей национальной духовности, эволюционирующей в пространственно-временных координатах российской истории. Специфика отечественного миропонимания наиболее глубоко отрефлексирована представителями российского органицизма и космизма. Органицизм – это философское направление в русской культуре XIX–XX вв., исследующее любой феномен единого природно-социального организма как «органическое целое», т. е., говоря современным языком, как самоорганизующуюся систему, выступающую в роли «субстанциального деятеля». Органицизм берет начало с трактата А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» и формирует внутреннее единство полярных направлений русской философии XIX в.: западников и славянофилов, революционных демократов и почвенников. Основные представители органицизма – Д.М. Велланский, А.И. Галич, А.А. Григорьев, А.С. Хомяков, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, В.Ф. Одоевский, В.С. Соловьёв и др. Органицизм обусловливает рождение космизма как выражение русского духа, вызревавшего на протяжении всей эволюции отечественной культуры, которая характеризуется относительной, в сравнении с «дряхлыми» Востоком и Западом, исторической молодостью.

Космизм, будучи в своем содержании особым смыслообразующим контекстом русского мира, Вселенной русской души, выступает философским направлением со своим предметом и методом. Предмет: космическая функция человека, который из следствия саморазвития субстанции превращается в причину ее дальнейшего саморазвития. Метод заключается в философско-антропологическом проекте, разработанном в своем теоретико-мировоззренческом содержании представителями российского органицизма, исследование текстов которых позволяет выделить систему основополагающих принципов: всеобщности жизни, целостности, естественности, деятельностного подхода к единому природно-социальному организму, гармонии и антиномичности в познании и практическом освоении мира. Уникальность русского космизма как современного философского направления в отличие от всех западных «модных» направлений, таких как экзистенциализм, позитивизм, персонализм, феноменология, герменевтика и т. п., в том, что стратегия жизнедеятельности в сложившейся исторической ситуации разрабатывается со всех возможных мировоззренческих позиций: научной, религиозно-философской и художественно-эстетической. Основные представители научной ветви русского космизма: Н.Ф. Федоров, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, Н.Г. Холодный, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.; религиозно-философской ветви: Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др.; художественно-эстетической ветви: В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин, Ф.М. Достоевский, П.А. Флоренский, А.Л. Чижевский, А. Белый, композитор А. Скрябин, В.Я. Брюсов, В.В. Хлебников, Н.А. Клюев, П.Н. Филонов, Н.А. Заболоцкий, М.М. Пришвин, А.П. Платонов и др.

Разрабатывая стратегию выхода из современной апокалипсической ситуации с учетом специфики отечественного менталитета, российские органицисты и космисты [См.: 1] уделяли пристальное внимание проблеме истины, охватывающей предметное поле данного философского направления во всей его содержательной полноте. Результаты проводимого отечественными мыслителями исследования адекватно обозначаются как органическая концепция

истины, в формирование которой по-своему внесли вклад все представители обозначенного философского направления. Однако особенно углубленно на проблеме истины сосредоточился Павел Александрович Флоренский, системно отразив общий контекст идейного богатства творчества отечественных мыслителей.

Целостное мировоззрение, развиваемое П.А. Флоренским, по его самооценке, «строится контрапунктически, из некоторого числа тем миропонимания, тесно сплоченных особою диалектикою, но не поддается краткому систематическому изложению. Построение его – характера органического, а не логического, и отдельные формулировки не могут обособляться от конкретного материала» [Цит. по: 2, с. 5–6]. За таким целостным мировоззрением закрепится наименование «органического», что отчетливо выразил практически одновременно с П.А. Флоренским другой деятель Серебряного века – Н.О. Лосский, обозначив в качестве «главных противоположностей, разделяющих представителей различных философских учений о мире», «неорганическое (механистическое)» и «органическое миропонимание» [3, с. 339, 340], которое Лосским также рассматривается как перспектива «построения гармоничного цельного мировоззрения» [Там же. С. 339].

В контексте зрелого единства органицизма и космизма П.А. Флоренский, разрабатывая многогранность своей концепции, включающей учение о пневматосфере и органопроекции, проблему соотношения культуры и цивилизации, философию языка, науки и искусства, выделяет концепцию истины как центральный аспект. В этом проявляется глубочайшая философская интуиция мыслителя, поскольку проблема истины действительно центрирует все поле философской рефлексии с точки зрения ее (философии) гражданской и исторической ответственности. Именно Флоренский внес основной вклад в становление органической теории истины в учении космизма. Основанием данной теории прежде всего выступает идеал целостного знания, вынашиваемый в отечественной культуре издревле как смысловое содержание общинности и соборности русского духа. Отечественные мыслители раскрывают соборность как духовный организм, т. е. такую органическую систему, где каждый элемент существует для целого, а целое существует для каждого элемента. Через соборность вызревает софийность русской культуры как ее смыслообразующий символ, выраженный в широком диапазоне: от глубинных состояний русской духовности до объективации в произведениях архитектуры. В философском аспекте софийность разворачивается как поиск не абстрактно теоретической, а живой мудрости, истины, красоты, блага, что предполагает интуитивно-эмоциональное постижение действительности и «особую эмоционально-акцентированную гносеологию сердца». П.А. Флоренский подчеркивал софийность истины как существенную характеристику российской ментальности: «Истина, как существо живое по преимуществу, – таково понятие о ней у русского народа. Не трудно, конечно, подметить, что именно такое понимание истины и образует своеобразную и самобытную характеристику русской философии» [4, с. 17]. Именно софийность обусловила практическую направленность и гражданственность отечественной философии.

Живая истина трактуется в российском органицизме и космизме как органическое, т. е. саморазвивающееся целое. Н.Н. Страхов, характеризуя гегелевскую философию, пишет, что движение его мысли, жизнь его логики «есть диалектика и представляет собою органическое развитие», «бесчисленными корнями» врастающее в действительность [5, с. 122, 123]. Адекватность содержания истины познаваемой реальности – этот исконный атрибут истины раскрывается отечественными мыслителями как единый органический процесс саморазвития мира и мысли о нем. П.А. Флоренский в работе «У водоразделов мысли» в разделе «Диалектика» обосновывает, что необходимо «сделать Жизнь своим методом», и это «значит оживить мысль» [6, с. 128]. Именно Флоренский четко теоретически увязал диалектику и антиномичность истины. Не случайно в упомянутой уже работе «У водоразделов мысли» вслед за разделом «Диалектика» разворачивается раздел «Антиномия языка».

Антиномичность истины, многоаспектно исследованная П.А. Флоренским, предстает как вершина органического понимания истины, т. е. как наиболее глубокое и актуальное в современных условиях глобализации человеческой деятельности владение истиной. Сознательный поиск истины является прежде всего

функцией философии и науки. Флоренский, анализируя диалектику как антиномичность языка, показывает, что философия и наука, будучи противоположностями «в пределе» их устремлений, находятся в единстве взаимопроникновения: «Наука, жесткая и непреклонная по замыслу своему, на деле, в историческом своем раскрытии, имеет текучесть и мягкость. Философия же, подвижно-стремительная и гибкая... не чужда жесткой и догматической хватки. Есть и нечто диалектическое в науке, хотя она не диалектична по своему уклону, как есть нечто систематическое в философии, вопреки ее вражде духу системы. Философия и наука глубоко различны по направлению своей **воли**, но в своих осуществлениях они разнятся лишь мерою явленности каждого из обоих направлений» [6, с. 154]. Прогностическая интуиция П.А. Флоренского по поводу исторического раскрытия науки вполне оправдалась. Если механическая картина мира была не диалектична в принципе (все существует неизменно и изолированно), релятивистская – уже включает в себя диалектику относительного и абсолютного. Однако механистическая парадигма во многом самодавлеет и на этапе неклассической науки, в результате принцип относительности абсолютизируется применительно к истине таким образом, что «у каждого своя истина», т. е. плюралистическая установка девальвирует в современной культуре саму идею истины. А между тем осуществляемый с рубежа 1960–1970-х гг. переход к постнеклассической научной картине мира глобального эволюционизма способствует полноценной диалектизации науки.

Антиномичность истины заложена в определенном отношении в самой этимологии понятия «истина», исследуемой в целостном пространстве человеческого языка: древнееврейское *эмет* имеет религиозный (сакральный) смысл, а латинское *veritas* – юридический (светский), древнегреческое *алетейя* – гносеологический, русское *истина* (от галагола «есть») – онтологический.

Истина как «органическое целое» есть «гнездо» антиномий. «Если Истина есть, – пишет П.А. Флоренский, – то она – реальная разумность и разумная реальность; она есть конечная бесконечность и бесконечная конечность, или, – выражусь математически, – актуальная бесконечность, – бесконечное, мыслимое как целокупное Единство, как единый, в себе законченный Субъект» [4, с. 43]. Потенциальная постижимость Истины как бесконечности актуализируется человеком в познании истины, поскольку он – причастник вечности, что специально в эпоху Ренессанса было отрефлексировано Н. Кузанским, на которого также ссылается Флоренский [Там же. С. 156–157]. Только человеческий разум, или интеллект, способен постигать мир целостно в единстве его противоположностей. В формуле «Истина есть интуиция-дискурсия» П.А. Флоренский раскрывает эту способность разума по-своему: «*Дискурсивная интуиция* должна содержать в себе синтезированный бесконечный ряд своих обоснований; *интуитивная же дискурсия* должна синтезировать весь свой беспредельный ряд обоснований в конечность, в единство, в единицу. *Дискурсивная интуиция* есть интуиция дифференцированная до бесконечности; *интуитивная же дискурсия* есть дискурсия интегрированная до единства» [Там же. С. 43]. Получается, что истина есть интуиция, которая доказуема, т. е. дискурсивна. В этой мысли П.А. Флоренского содержится важнейший аспект органической теории истины: антиномичное единство рационального и иррационального.

Однако стержневой аспект рассматриваемой теории заключается в стремлении органицистов и космистов преодолеть разрыв между субъектом и объектом, что связано с природой языка, содержащего «антиномию объективности и субъективности слова».

Благодаря атрибутивным свойствам человека, связывающим его с вечностью, он как субъект познания преодолевает пропасть предельной противоположности между собой и объектом познания. Исследуя антиномичность субъект-объектных отношений, космисты опираются на единство рационального и иррационального в процессе познания. Так, Н.А. Бердяев писал, что философия не объясняет, каким образом разум может проникнуть в действительность, как во что-то чуждое и инородное, постигнуть ее и ассимилировать в себе: «Это – чудо из чудес, величайшая тайна, над которой билась философская мысль с древнейших времен» [7, с. 295]. Бердяев раскрывал эту тайну таким образом, что субъект и объект являются сторонами чего-то единого, существующего до разделения на субъект и объект. В концепции

Бердяева это изначальное единство есть некая первоначальная духовная стихия, которую он воспринимает как мистику. Истина, по Бердяеву, это состояние субъекта, где для него нет ничего чуждого, «внеположенного». Н.О. Лосский то же самое единство субъекта и объекта раскрывает по-своему: «Знание есть не копия, не символ, не явление действительности в познающем субъекте, а сама действительность, сама жизнь» [8, с. 327]. Для П.А. Флоренского связь субъекта и объекта – это «транссубъективная реальность бытия», которая непосредственно открывается знанию как подлинная расширенность субъекта и соединение его энергии с энергией познаваемой реальности. Таким образом, целостность истины – это единство субъекта и объекта, взаимодействующих как энергетически сообщающиеся сосуды.

Еще один важный аспект антиномичности истины заключается в диалектике естественного, порожденного культурой, и искусственного, сконструированного цивилизацией, что исследуется П.А. Флоренским в его теории органопроекции. Напряженное противоречие между естественным и искусственным разворачивается в процессе деятельности социального субъекта, которая, в свою очередь, организуется в полярных координатах необходимости и случайности.

Итак, истина как органическое целое есть антиномичное единство субъекта и объекта, рационального и иррационального, естественного и искусственного, необходимости и случайности и т. п. Поэтому П.А. Флоренский неоднократно утверждает, что «истина есть антиномия» [4, с. 148, 152]. Раскрывая истоки антиномичности мышления, связанные с диалектикой, в античной и ренессансной культуре, Флоренский подчеркивает, что «самое слово „антиномия", как философский термин, – происхождения весьма позднего, а именно появляется не ранее Канта, да и то – только в „Критике чистого разума", т. е. в 1871 году. До того же времени это был юридический и, отчасти, богословский термин» [Там же. С. 153]. Именно Канту принадлежит разработка антиномичности как принципа бытия и мышления, выступающего методологическим фундаментом перехода от классической философии и науки к современной. Историческая потребность, обусловившая данный переход, связана с радикальным изменением места человека в мире в результате промышленной революции рубежа XVIII и XIX вв. и начавшейся глобализации человеческой деятельности. Антиномия, по Канту, это два противоположных суждения об одном и том же, каждое из которых доказывается как в равной степени истинное или как в равной степени ложное. Система кантовских антиномий содержательно обеспечивает смену механистической парадигмы на диалектическую. По итогам промышленного переворота актуальным становится деятельностный тип мировоззрения, который на основе диалектики необходимости и случайности актуализирует свободу выбора социального субъекта, а значит, и его ответственность. Историческая потребность перехода от созерцательного типа мировоззрения к деятельностному [9, с. 240] отрефлексирована в учении российского органицизма и космизма, и конкретно в органической теории истины, вершиной которой является учение П.А. Флоренского об антиномичности истины. То, что в контексте созерцательного типа мировоззрения осознается как внутренняя противоречивость всего существующего, в контексте деятельностного – оборачивается антиномией, ответственность за разрешение которой берет сам действующий субъект.

Следует подчеркнуть, что одновременно с Кантом и независимо от него основоположник российского органицизма А.Н. Радищев разработал антиномичность как принцип бытия и мышления, но не абстрактно теоретически и даже не используя сам термин «антиномия», а как животрепещущую проблему судьбы человеческой души. Во второй книге своего трактата «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев, используя имеющиеся на конец XVIII в. философско-научные знания о человеке, доказывает, что душа человека смертна; в третей книге на основе той же совокупности знаний доказывает, что она бессмертна. В заключительном разделе трактата российский просветитель обосновывает, что только от самого человека в процессе его жизнедеятельности зависит, как он разрешает эту антиномию и на что обрекает свою душу: на вечную жизнь или на вечную смерть. Выразительным аккордом звучит эта идея в заключительных строках трактата, подчеркивающих важность осознания человеком необходимости принятия всей меры ответст-

венности за результаты своей деятельности: «Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь... что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устраниться или нарушить невозможно; зло, тобою соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта» [10, с. 554]. Приняв концептуальную эстафету в соборном сотворчестве отечественных мыслителей, П.А. Флоренский в зрелом единстве органицизма – космизма полноценно отрефлексировал имплицитно представленную в трактате А.Н. Радищева антиномичность истины в контексте деятельностного типа мировоззрения.

В целом в русском космизме раскрывается глобальная антиномия современной исторической ситуации: это апокалипсическая альтернатива между самоуничтожением или самовозрождением человечества на качественно новом уровне. Социальный субъект обладает в равной степени антропологическими способностями и технологическими возможностями для реализации обеих противоположных исторических тенденций. Космическая функция человека заключается в разрешении апокалипсической альтернативы – антиномии. В концепции Всеединства, заложенной Н.Ф. Федоровым и разрабатываемой П.А. Флоренским в сотворчестве с В.С. Соловьёвым, Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком, обосновываются необходимое и достаточное условия созидательного разрешения обозначенной исторической альтернативы. Необходимое условие самовозрождения человечества на качественно новом уровне заключается, говоря современным языком, в синергии всех элементов духовной культуры: философии, науки, религии, искусства, морали и политико-правового сознания, что в контексте концепции Всеединства выражено как органическое единство Блага, Истины, Красоты и Справедливости. Достаточное условие, в свою очередь, заключается в осознании единства человеческого рода.

Глубинный смысл данных условий также основан на антиномичности. Осознанное единство человеческого рода достижимо как результат разрешения глобальной антиномии западной и восточной ментальности. Истина, по утверждению П.А. Флоренского, есть «целокупное Единство, как единый, в себе законченный Субъект» [4, с. 43]. Синергия элементов духовной культуры содержит паутину антиномий, складывающихся из искомого единства противоположностей науки и философии, науки и религии, науки и искусства, философии и религии, морали и политико-правового сознания и т. п. «Истина, Добро и Красота, – пишет П.А. Флоренский, – эта метафизическая триада – есть не три разные начала, а одно. Это – одна и та же духовная жизнь, но под разными углами рассматриваемая».

Не случайно российские органицисты в XIX в. исследовали практически все элементы духовной культуры как органическое целое, а русский космизм, обладая концептуальным единством, разработан в трех ветвях, охватывающих все возможные мировоззренческие позиции в процессе разрешения апокалипсической альтернативы. Тот факт, что П.А. Флоренский воплотил в своем творчестве единство трех ветвей русского космизма, свидетельствует об универсальности его понимания антиномичности истины; причем им самим это было осознанно, поскольку, по мысли Флоренского, человек проникается Духом Истины, «когда сознание подымается над «двойною гранью пространства и времени» и входит в вечность... воспринятое и усвоенное тварью, знание Истины ниспадает во время и в пространство, – во время многообразия личного и в пространство многообразия общественного» [Там же. С. 143]. Таким образом происходит объективация Духа Истины в жизнедеятельности человека, и он становится способным реализовывать постигнутые им истины. По учению Флоренского, человек существует настолько, насколько он обладает истиной: «Существование истины есть лишь иное выражение самого факта существование твари, как таковой, т. е. как лежащей личным многообразием во времени и общественным в пространстве. Наличность истины равна наличности твари» [Там же].

Актуальность овладения антиномичностью истины в XX в. проявилась в том, что по-своему эта проблема исследовалась в противоположных по своей сути философских направлениях: в русском космизме, который ищет безусловные смыслы человеческого существования, и в позитивизме, который в принципе отказывается

от каких бы то ни было смыслов в выявляемых причинно-следственных связях. Выработанный К. Поппером принцип фальсификации, в соответствии с которым истинным считается только опровержимое научное положение (истинна та теория, которая столь же успешно опровержима, сколь успешно она была доказана), выражает ту же антиномичность, но, можно сказать, обходными путями. В то же время П.А. Флоренский выражает данный критерий истины более «экономно», что собственно соответствует принципу «экономии мышления» самого позитивизма: «*истина есть суждение само-противоречивое*» или «истина есть *антиномия* и не может не быть таковою» [4, с. 147]. Большая степень отрефлексированности принципа антиномичности в российском органицизме – космизме объясняется тем, что данное философское направление является продуктивным преемником закономерных теоретических тенденций мировой и отечественной философской мысли. В то время как позитивизм изначально отказался от концептуальной преемственности с философским наследием предыдущих эпох: точная конкретная наука сама себе философия.

В своих текстах П.А. Флоренский блестяще демонстрирует содержательно критическое отношение к идеям предшественников. Творчески переработав в новых исторических условиях антиномичность Канта, российский мыслитель воспринял и оборотную сторону данного принципа, а именно агностицизм, который не редко и в современных трактовках искажается в своем содержании: чаще всего его путают со скептицизмом, от которого решительно отмежевывался Флоренский в своем учении об истине. Агностицизм – это учение о **принципиальной** непознаваемости мира, т. е. о том, что сущность объективной реальности как «вещь в себе», по Канту, в принципе непознаваема. Немецкий классик, по сути дела, обратил внимание на тривиальную по современным меркам истину: нельзя познать объект, не взаимодействуя с ним. В контексте классической науки, когда до промышленного переворота мощность воздействия человека на мир была ничтожно мала, допустимой являлась такая погрешность, как отсутствие учета влияния познающего субъекта на познаваемый объект. Соответственно после промышленного переворота такая степень погрешности стала недопустима. В результате принципиальная непознаваемость оборачивается принципиальной познаваемостью: мир в принципе познаваем как объективно-субъективная реальность, т. е. как результат воздействия субъекта на познаваемый объект в соответствии с уровнем развития социальной практики.

Таким образом, от того, какова мотивация субъекта, какими ценностями и идеалами он руководствуется, зависят содержание реализуемой истины и, следовательно, направленность изменения этого мира. Так, например, современная наука трактует природу света как квантово-волновую, т. е. одновременно прерывистое и непрерывное существование материи. В контексте созерцательного типа мировоззрения это означает внутреннюю противоречивость природы света, но в контексте деятельностного – это означает, что социальный субъект способен, как джина из бутылки, технологически вызывать к жизни одну из противоположных сторон природы света, исходя из своих социальных целей и задач. Лазерные технологии объективируют волновые свойства света. При этом лазер может быть использован продуктивно в промышленности или в медицинских целях, а может – аналогично гиперболоиду инженера Гарина. Сущность деятельностного типа мировоззрения здесь налицо: это необходимость осознания всей меры ответственности человека за свой выбор и реализацию освоенных истин.

Бездуховность в понимании истины как платформа позитивизма приводит к современному конструктивизму, основанному на том, что истинной является та теория, технологическое воплощение которой дает желательный для субъекта результат. Конструктивизм не диалектически разрешает антиномичность истины в координатах «естественное» – «искусственное», когда абсолютизирует последнее: в результате социальный субъект утрачивает ощущение реальности сопротивления окружающей его действительности. Преимущество искусственного в том, что оно способно во временном, преходящем и ограниченном бытии схватить саму вечность и бесконечность. Но когда искусственное абсолютизируется и претендует на подмену вечности и бесконечности временностью и ограниченностью, социальный субъект начинает творить противоестественное, и это путь биороботизации и самоуничтожения человечества.

Антиномичность и агностицизм истины в органической теории космизма осваиваются в целостном духовном контексте жизнедеятельности человека: «Я не знаю, есть ли Истина, или нет ее. Но я всем нутром ощущаю, что **не могу** без нее. И я знаю, что если она есть, то она – всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье» [4, с. 67]. Если в конструктивистской парадигме истина заточена исключительно на комфортно технологическое существование, то в органицизме и космизме Истина – это синергия Блага – Красоты – Святости – Справедливости. Истина – это сама жизнь: «Мы совершаем *открытия* именно тогда, когда руководимся реальной синтетической необходимостью, что значит *следовать* за потоком реальной жизни самой природы, развертывающей все новые и новые формы бытия. Мало того, мы *понимаем* открытую нами действительность именно потому, что реальное присутствие ее в процессе знания дает нам возможность следовать за реальным потоком ее жизни» [8, с. 329].

В контексте органицизма – космизма обосновывается недопустимость в процессе жизнедеятельности человека односторонней абсолютизации научной истины, религиозного фанатизма, эстетизма, морализаторства, правового формализма, политиканства, смысловой индифферентности – всё это ведет к бездуховности, убивает жизнь, а значит, и самого человека. Истина как «перводвигатель всякого разумения» [4, с. 143] призвана обеспечить поиск органической целостности всех сторон реальности и всех движений человеческого духа. Это идеал жизни, который достижим благодаря деятельности человека, вносящего – посредством осознания антиномичности бытия и процесса познания – целесообразность в мироустройство.

Пути достижения данного идеала жизни раскрываются П.А. Флоренским в его учении о Всеединстве, органопроекции, пневматосфере, представляющим собой единый софийный замысел. Сущность органопроекции заключается в идее проецирования активной целесообразности организма в механизм природы посредством технического творчества, выступающего способом самопознания человека. Идея проективной функции органопроекции вырастает у Флоренского в гипотезу существования пневматосферы – круговорота духа, имеющего вещественное носительство индивидуальной прожитой жизни и также предназначенного для эволюции самопознания. Философия Всеединства у Флоренского носит богословский характер, представляя собой апофеоз личного восхождения от космологии к богословию, от изменчивого, противоречивого бытия к неизменному вневременному, т. е. к постижению Истины. Актуализация софийного замысла призвана формировать Богочеловечество как соборное существо, способное управлять собственной природой, целесообразно проецируемой в окружающий мир. В результате постижение Истины оборачивается обретением Свободы в космическом масштабе: «В конечном счете через посредство Софии Космос открывается Флоренскому в единстве и цельности как „многоединое существо”» [11, с. 109].

Таким образом, истина, которая, по учению Флоренского, есть антиномия, предстает как творчество, свобода, духовная жизнь и подвиг, высшая форма памяти и воплощение причастности человека к вечности и бесконечности: «Истина... есть вселенское... будучи здесь и теперь, она должна быть символом Вечности» [4, с. 145].

Сосредоточившись на разработке антиномичности истины, П.А. Флоренский способствует мировоззренческой переориентации социального субъекта в новых исторических условиях становления постиндустриального общества и техногенной цивилизации, а именно переходу от механистического и созерцательного в своей сути к органическому, диалектически деятельностному типу мировоззрения. Эта мировоззренческая переориентация – детище соборного творчества органицистов и космистов, в симфонии которого творчество П.А. Флоренского – незаменимый голос, всеми нитями и движениями своего духа связанный с исконными ценностями отечественной ментальности и идеями мыслителей – родственных душ. Говоря словами Н.О. Лосского, П.А. Флоренский в сотворчестве с мыслителями первой трети XIX в. – представителями русского Серебряного века – вносил «порядок и гармонию в груды завещанных» им «великих богатств», работая на «построение гармоничного цельного мировоззрения» [3, с. 339], центрированного органической концепцией истины, понимаемой как живое и жизнеспособное, действенное знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Маслобоева О.Д.** Российский органицизм и космизм XIX – начало XX в.: эволюция и актуальность. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2007. 292 с.

2. **Половинкин С.М.** П.А. Флоренский: Логос против Хаоса. М.: Знание, 1983. 63 с.

3. **Лосский Н.О.** Мир как органическое целое // Избр. М.: Правда, 1991. С. 337–480.

4. **Флоренский П.А.** Столп и утверждение истины // Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 839 с.

5. **Страхов Н.Н.** Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.

6. **Флоренский П.А.** У водоразделов мысли // Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 446 с.

7. **Бердяев Н.А.** Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1907. 437 с.

8. **Лосский Н.О.** Обоснование интуитивизма // Избр. М.: Правда, 1991. С. 219–334.

9. **Маслобоева О.Д.** Глобальный тип мировоззрения // Глобалистика: междунар. междисципл. энцикл. словарь / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006.

10. **Радищев А.Н.** О человеке, его смертности и бессмертии // Соч. М.: Худож. лит., 1988. С. 428–554.

11. **Демин В.Н., Селезнев В.П.** К звездам быстрее света. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. М., 1993. 428 с.

O.D. Masloboeva

ORGANIC CONCEPT OF TRUTH AS THE BASIS OF CULTURAL IDENTITY

MASLOBOEVA Olga D. – *St. Petersburg State University of Economics.*
Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia
e-mail: masloboeva.o@inbox.ru

The core of cultural identity consists in national consciousness which is built in the course of familiarizing with domestic philosophical culture as a certain system of values and ideals. The truth in the system of universal values and ideals plays a key role in the process of self-identity. The article reveals for the first time the national concept of truth, produced by an informal community of Russian organicists and cosmists. This concept corresponds to the calls of the modern era with its vital need to reorient the world outlook from contemplative (mechanistic) one to actively dialectical (organic) one.

RUSSIAN ORGANICISM AND COSMISM; ORGANIC CONCEPT OF TRUTH; NATIONAL (DOMESTIC) SELF-CONSCIOUSNESS (IDENTITY); CONTEMPLATIVE AND ACTIVE TYPES OF WORLD OUTLOOK.

REFERENCES

1. Masloboyeva O.D. *Rossiyskiy organitsizm i kosmizm XIX – nachalo XX v.: evolyutsiya i aktual'nost'* [Russian organicism and cosmism of the XIX – beginning XX centuries: the evolution and actuality]. Moscow, APK and PPRO Publ., 2007. 292 p. (In Russ.)

2. Polovinkin S.M. *P.A. Florenskiy: Logos protiv Khaosa* [P.A. Florensky: Logos against Chaos]. Moscow, Znanie Publ., 1983. 63 p. (In Russ.)

3. Losskiy N.O. Mir kak organicheskoe tseloe [The world as an organic whole]. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Pravda Publ., 1991. Pp. 337–480. (In Russ.)

4. Florenskiy P.A. Stolp i utverzhdenie istiny [The pillar and ground of the truth]. *Sochineniya* [Works]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1990, 839 p. (In Russ.)

5. Strakhov N.N. [Organic categories]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2009, no. 5, pp. 116–124. (In Russ.)

6. Florenskiy P.A. U vodorazdelov mysli [The watersheds of thought]. *Sochineniya* [Works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1990, 446 p. (In Russ.)

7. Berdyayev N.A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, social'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis. Experiments philosophical, social and literary]. St. Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1907. 437 p. (In Russ.)

8. Losskiy N.O. Obosnovanie intuitivizma [The rationale of intuitionism]. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Pravda Publ., 1991. Pp. 219–334. (In Russ.)

9. Masloboyeva O.D. Global'nyy tip mirovozzreniya [Global type world outlook]. *Globalistika* [Global studies: international multidisciplinary encyclopedia]. Moscow, St. Petersburg, New York, 2006. (In Russ.)

10. Radishchev A.N. O cheloveke, ego smertnosti i bessmertii [About the man, his death and immortality]. *Sochineniya* [The compositions]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1988. Pp. 428–554. (In Russ.)

11. Demin V.N., Seleznev V.P. *K zvezdam bystree sveta. Russkiy kosmizm vchera, segodnya, zavtra* [To the stars faster than light. Russian cosmism yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 1993. 428 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 1+801

В.А. Москвитин

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ

МОСКВИТИН Василий Александрович – *доцент, Санкт-Петербургский академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН; кандидат философских наук.*
Россия, 195220, Санкт-Петербург, ул. Хлопина, 8, к. 3
e-mail: vasplusmos@yandex.ru

Языковое общение подразумевает возможность согласия собеседников относительно определенных утверждений, а значит, возможность удостоверения истинности высказываний. Отношение высказывания к выражаемому им положению дел в аспекте его возможной истинности может быть только изобразительным. В строгом смысле слова не может быть никаких независимых стимульных значений, с которыми сообразовывались бы элементы предложения (изображения). Положения дел и события нашего мира являются коррелятами наших изображений и лишь с их помощью выделяются в мире как смысловые единства. То же касается и элементной соотнесенности отдельных знаков. Стимульно неидентифицируемыми языковые выражения делает не принадлежность их к какому-то определенному языку, а сам изобразительный принцип языка, способ соотнесенности языка с артикулируемыми в нем сегментами опыта. Интерпретация изобразительного отношения не нуждается ни в посредничестве «логической формы», ни в установлении непосредственного структурного подобия между предложениями и описываемыми ими положениями дел.

СТИМУЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ; ИЗОБРАЖЕНИЕ; ИСТИННОСТЬ; СООТВЕТСТВИЕ; ПРЕДЛОЖЕНИЕ; ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ.

Вопрос о возможности истины для феномена языка не является дополнительным, навязанным философией и логикой. Язык как средство общения трудно представить существующим безотносительно возможности удостоверения истинности высказывания. Тот факт, что мы понимаем фантастические рассказы и сказки, вовсе не противоречит необходимости удостоверения истины. Само языковое общение подразумевает возможность удостоверения в том, что его участники мыслят под содержанием тех или иных высказываний одно и то же.

Каким образом речь может быть соотнесена с тем, о чем она, чтобы мы могли бы соглашаться с ней, удостоверяя ее истинность, или опровергать ее, – это существенный вопрос для понимания того, как соотносится высказывание со своим значением вообще. Первый внятный ответ на этот вопрос дает Аристотель в своем знаменитом определении истины как связывания в суждении связанного самого по себе и разъединения разъединенного самого по себе. Аристотелевским ответом в понимание языка вводится идея параллельного соответствия, в котором части выражения соотнесены с целым таким образом, что в этом соотнесении отражено то, как соединены части положений дел в действительности. Это соответствие здесь будет пониматься как *изобразительное*, поскольку если что-то делает изображение изображением чего-то, то это именно такое соответствие. Если исключить изобразительность из понимания языка, вопрос об истинности речи остается без всякой опоры, поскольку собрать истинное высказывание из выражений или указаний, обеспечив ему референцию к некоторому положению дел, не прибегая при этом явно или неявно к модели изображения, – задача, на наш взгляд, внутренне противоречивая.

Мир представляется в человеческой речи таким образом, что каждое осмысленное предложение является изображением положения

дел, ситуации или события[1]. При этом для того, чтобы предложение оказалось изображением положения дел, нет необходимости предполагать, как это делал Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате», некое посредствующее звено, например *логическую форму* [2]. Достаточно, чтобы в качестве изображения оно было узнано и могло бы служить предметом для согласия или несогласия собеседников. При этом, естественно, иным будет и смысл самих «положений дел», и смысл понятия «истинность»; иным будет и соотношение элементов речи и их означаемых.

Соотнесенность единичных знаков и их значений (элементная соотнесенность) не является первичной, поскольку она опосредована соотнесенностью со значениями знаков комплексных[2]. Внутри комплексных выражений (в данном случае предложений) она формируется тогда, когда одни и те же языковые элементы оказываются частями различных предложений. Они получают при этом смысл, отличный от индивидуальной соотнесенности с каким бы то ни было *стимульным значением* (значением, которое может быть установлено в рамках некоторой практики и непосредственного соотнесения знака с обозначаемым им сегментом опыта [3, с. 50–77]). В положениях дел, которые изображаются при помощи таких содержащих тождественные элементы предложений, вычленяются подобные друг другу сегменты опыта, будь то непосредственно определимые цвета, признаки, предметы, их части или что-то иное, и эти сегменты опыта в силу своей соотнесенности с различными по своему содержанию изображениями получают расширительное толкование.

Так, слово «быстрый», если оно входит в изображение ситуации быстрого принятия решения, будет отличным от стимульно-удостоверенного предиката «быстрый», относящегося к движению, и может появиться в новых изображениях, например как предикат ума. Соответственно понятие «быстрый» как часть изображений, метонимически перемещаясь от контекста к контексту, с одной стороны, обогащается возможными смыслами (при том, что всякий раз оно означает, тем не менее, что-то определенное), а с другой – становится более абстрактным. То же касается, например, другого предиката ума, понятия «слабый», которое так же метонимически от изображения к изображению расширило свое значение и не может удерживаться в рамках стимульного значения ситуативного выражения. Несмотря на то что слово обретает в полном смысле свое значение лишь в предложении, будучи частью множества предложений, относящихся к различным контекстам, оно в качестве изобразительного элемента не безразлично к этому своему «универсальному» определению через контекстуальное множество.

Все сущности, признаки и качества как части положений дел и ситуаций организуются в классы и обретают узнаваемость постольку, поскольку в комплексных изображениях положений дел и ситуаций, в которых они появляются, для них резервируются постоянные именования. Тождество именований в различных комплексных выражениях сообщает такое тождество «сущностям», определяющим классы сходных предметов, признаков или свойств, какое было бы немыслимым в ситуации размытости соотнесения различными индивидами единичных знаков с их стимульными значениями. Происходит собирание смысла слова как изобразительного элемента, неинтерпретируемого в режиме стимульного соотнесения, поскольку смысл комплексных выражений может касаться не только действительных, но и мыслимых, и воображаемых ситуаций, содержание которых в значительной мере автономизируется по отношению к стимульным значениям.

[1] Семантические нюансы, отличающие событие от ситуации, факта, положения дел и других «непредметных объектов» [См., например: 1, с. 101–188], в контексте данной статьи не важны. Поэтому здесь за неимением термина, их адекватным образом объединяющего, будет использоваться их перечисление, причем будет подразумеваться, что это перечисление охватывает всё, о чем могут быть высказывания.

[2] В определенном смысле, конечно, можно говорить о первичной смысловой соотнесенности индивидуальных знаков и о значениях, которые неизменно присутствуют в любой культуре, однако здесь речь должна идти скорее об относительном и всегда аспектном единообразии подлежащей изображению и обозначению практики жизни, а не о единообразии «семантических примитивов» [См.: 4, с. 27–41]. Последнее может быть удобно с методологической точки зрения для лингвистики, но малопонятно с точки зрения онтологии, если не прибегать к концепции врожденных идей.

Более того, постоянные именования в изображениях могут получать и те элементы, которые не обладают никаким стимульным значением и не соответствуют никакому непосредственно идентифицируемому сегменту опыта. Многие значения можно считать всецело функциями изображений[3]. К ним, разумеется, относятся и значения понятий, с помощью которых человек осмысливает свое существование, таких как «судьба», «счастье», «совесть» и т. д., и многие традиционные метафизические сущности, такие как «логос», «гармония», «бытие», «сущность», «дух», «материя», «форма» и пр., которые очевидно являются стимульно неинтерпретируемыми значениями. Изобразительный исток вовсе не унижает природу таких понятий. Речь не идет также и о том, чтобы отказывать им вовсе в феноменальной данности[4]. Просто они находятся по ту сторону стимульного удостоверения (когда два человека непосредственно эмпирическим путем могут прийти к согласию относительно стимульного значения выражения) и по эту сторону свободного изобразительного движения. Без такого движения не могли бы кристаллизоваться и те значения, для которых нетрудно предположить и описать стимульную интерпретацию.

Языковое изображение ситуаций, положений дел и событий является конститутивным для самих этих ситуаций, положений дел и событий, а также для их элементов, в том числе тех, которые могли показаться стимульно удостоверяемыми значениями. То есть сегменты опыта, которые мы мыслим как ситуации и пр., сами по себе – по ту сторону возможности их изображения – феноменально даны быть не могут.

Несмотря на то что в обычной практике использования языка мы часто подразумеваем возможность стимульной интерпретации для наших высказываний о мире, с семантической точки зрения мы не можем полагать такую интерпретацию *значением* этих высказываний. В строгом смысле слова не может быть никаких независимых стимульных значений, с которыми могли бы сообразовываться элементы изображения. Стимульные значения возникают лишь как части ситуаций, коррелятивных изображениям и вне изображений для языка немыслимы.

Если сопоставить это утверждение с известным положением философии науки, согласно которому в основании любого эмпирического опыта и эксперимента лежит теория, наличие которой исключает получение чистых опытных данных, то оно будет означать, что «изобразительная» логика языка всегда является такой теорией, которая делает невозможным сопоставление языковому выражению безразличного к логике языка стимульного значения, как бы широко и контекстуально полно мы его ни мыслили.

Положения дел, ситуации и события нашего мира являются коррелятами наших изображений и лишь с их помощью они выделяются в мире как смысловые единства. Стимульно неидентифицируемыми с точки зрения их значения языковые выражения делает, однако, не принадлежность их к какому-то определенному языку как конкретной теории мира (эта мысль в той или иной форме высказывалась Э. Кассирером, Э. Сепиром, Б. Уорфом, Л. Ельмслевым и др.), а сам *изобразительный принцип* языка, способ соотнесенности языка с артикулируемыми в нем сегментами опыта. Специфика же того или иного естественного языка есть лишь дополнительное свидетельство невозможности стимульной интерпретации.

Модель языка с изобразительной точки зрения неудобна. Непосредственно в предложениях языка невозможно найти никакого соотношения частей, подобного соотношению

[3] Э. Кассирер предполагал конститутивной «символическую» функцию, но трактовал ее предельно широко, считая диалектическим моментом конфликта, стоящего в основании становления духовной формы. Тем самым символическое измерение погружается в несвойственную ему диалектику: «Необходимо искоренить последнюю видимость какого-либо опосредованного или непосредственного тождества действительности и символа, напряжение между ними должно быть доведено до последнего предела – и это для того, чтобы именно в этом напряжении можно было увидеть специфическую функцию символического выражения и содержание каждой отдельной символической формы» [5, с. 119].

[4] Здесь стоит вспомнить примечательную полемику Р. Декарта и Т. Гоббса относительно природы идей Бога, души, субстанции и др., которые Гоббс считал выводимыми из опыта и рассуждения, а Декарт – данными непосредственно [6, с. 140–148].

частей в изображаемом положении дел[5]. Здесь имеет место существенная асимметрия. Самый поверхностный анализ вынуждает отказаться от всякого требования подобия соотношения частей в законченном языковом выражении и в соответствующем ему целостном положении дел (несмотря на то, что лингвист или логик может обнаруживать следы структурных подобий). Удобство языка состоит не в удобстве непосредственной изобразительности, а лишь в универсальности. Поэтому конвертировать предложения в ситуации и положения дел в нашем воображении – чрезвычайно трудоемкая задача.

Если где-то и стоит предполагать необходимость *интуиции* для усвоения языка, то это не предваряющее представление о его структуре и об основании для выбора адекватной грамматики, как полагал Н. Хомский[6] [8, с. 28, 34, 37; 9], а врожденное понимание условной изобразительной «логики», позволяющей человеку конвертировать языковые выражения в представления о положениях дел и ситуациях, и обратное кодирование положений и ситуаций, мыслимых нами, в языковые выражения. Речь идет о формальном семантическом принципе соотнесения, который здесь именуется изобразительным принципом: мы соотносим не определенный синтаксис с ситуациями и объектами, а синтаксис речи с синтаксисом ситуаций и входящих в них объектов, которые параллельны, но не симметричны. При этом синтаксис ситуаций не является их «собственным» синтаксисом, принадлежащим самим феноменам, самим вещам и т. д., независимо от их символического отображения. В языке задается и то, и другое; язык, по сути, и есть это соотношение синтаксисов.

В упомянутом выше языковом конвертировании мы имеем дело с системной условностью, которую невозможно описать через условное подобие отражаемым событиям, каким обладают некоторые повествовательные живописные «тексты», такие как древнеегипетская стенопись или православная житийная икона. Оно отлично и от метафорически-изобразительного кодирования, которому свойственна бóльшая условность, чем у живописных текстов, например от притч и поэтических иносказаний, а также от технически-символических изображений, таких как военно-картографические изображения событий. В последних двух случаях может не быть подобия элементов (как в живописных текстах), но остается структурное подобие, касающееся соотношения частей внутри целостностей изображения и изображаемого[7]. Конечно, порой такое подобие встречается и в языке, когда мы, например, имеем дело со смысловым порядком в построении фразы, но оно вовсе не необходимо, а поэтому не может служить ключом к решению проблемы.

Языковое изображение ситуаций отличается от упомянутых типов живописного изображения тем, что за правилами своего прочтения оно будет отсылать к системе, предназначенной для изображения событий *любого* типа, а значит, к системе, неадаптированной ни под один сколь бы то ни было широкий контекст. Что это значит для заявленной проблемы? Очевидно, что совсем не подчеркивание заслуг Ф. де Соссюра, представившего язык в качестве системы, и не констатацию универсальности языкового кода, о чем сказано уже не мало. Речь идет о самой общей форме семантической соотнесенности системы, не приспособленной ни под один контекст, ни под один класс контекстов. Грамматические правила языка, а точнее *формы его изобразительной условности*, универсальны для любых изображений, касаются ли они целостных событий или их частей, внешних или внутренних феноменов, возвышенных состояний или сухих отчетов. С их помощью изображается и то, что наглядно, и то, что событийно, и то, что дано лишь в рефлексии. Они условны настолько, что всякая контекстная адекватность в них потеряна (если когда-то она была, то язык подходил для

[5] Э. Кассирер трактует изобразительность языка гораздо более широко. Под рубрикой «изобразительности» у него проходят подражание (мимический аспект) и «аналогия формы». Высвобождение из изобразительного плена осуществляется на «символическом» уровне, на котором дух, прорываясь к многозначности знака, совершает «решающий шаг от конкретной функции „означивания" к общей и общепринятой функции значения» [7, с. 115–126].

[6] В этой связи примечателен также спор Н. Хомского и У.В.О. Куайна об интуиции [10, 11].

[7] Здесь приводятся только те типы изображений, которые способны описывать ситуации и положения дел, а не просто изменения каких-либо факторов, как это свойственно графикам, диаграммам или формулам.

выражения какого-то одного класса феноменов лучше, чем для другого), с изобразительной точки зрения они не удобны ни для одного класса феноменов, ни для одного региона бытия.

Э. Бенвенист проводил разграничительную линию между языком и другими знаковыми системами на основании разделения «семиотического» и «семантического» означивания. Он полагал последнее специфическим свойством языка, первое же свойственно и другим знаковым системам. *Семантическое* означивание связывается им с речью и с построением новых выражений, нуждающихся в *понимании*, в то время как для *семиотического* означивания достаточно *распознавания*, установления ассоциации между означающим и означаемым [12, с. 87–89]. В семантическом означивании, таким образом, выражается творческий аспект языкового общения. Однако живописное повествование также может обладать своей изобразительной грамматикой. В рамках иных, неязыковых, изобразительных систем (например, иконописи или древней фресковой живописи) мы способны создавать новые изобразительные единства, означающие новые события, понимаемые исходя из знания основных элементов и правил их композиции. Можно было бы предположить, что означенные таким образом новые события лишь через язык способны получать свою интерпретацию, однако живопись может осуществлять такое означивание вполне самостоятельно[8]. Так, предложенное Бенвенистом основание для различения знаковых систем не кажется удовлетворительным.

Разница между языком и другими знаковыми системами заключается, пожалуй, в характере изобразительности. Для овладения языком необходимо принять в качестве изобразительной систему, в которой нет ни элементного, ни структурного подобия, в которой условность правил соединения элементов в осмысленные единства (фразы или предложения) непосредственно изобразительно практически не мотивирована, во всяком случае, в обычной языковой практике. Непосредственная же изобразительность, которую К. Бюлер именует еще живописанием, по меткому его выражению, существует в некоторых жанрах скорее вопреки, чем благодаря природе языка [14, с. 185].

Итак, правила построения предложений безотносительны к способам сборки ситуаций, положений дел и событий. Принять эти правила – сложнейшая задача: научиться структурно соотносить в себе не соотнесенное, а именно способы упорядочивания слов в эмоционально аффективные единства (фразы, предложения) со способами упорядоченности не вполне подчас определенных сегментов опыта в ситуации и положения дел, на том лишь основании, что такое сопоставление (которое ребенку только еще предстоит понять и раскрыть) осуществляется в речи и поведении окружающих, – не то же самое, что научиться соотносить единичные знаки с единичными вещами или фактами. Здесь мало привычки и связи по ассоциации. Положение дел, сопоставленное в языке предложению как интонационной акустической целостности, чаще всего как целостное чувственное событие нам не дано. Оно нуждается в вычленении факторов, которые окажутся значимыми, из целостности феномена, где все пребывает слитно и не дифференцированно.

Можно, конечно, предположить, что в основе усвоения языка лежит как раз обозначенная в связи с описанием дрейфа значений в начале статьи индукция, в результате которой из сопоставления различных предложений и обозначаемых ими ситуаций проявляется (вполне в духе Дж.Ст. Милля и Б. Рассела [15, с. 76]) элементная соотнесенность[9]. Однако если даже эта индукция имеет место, чтобы подобная система соотнесения заработала, чтобы мы смогли избирательно соотносить части предложений с объектами, вычленяя сходные элементы разных предложений и обозначаемых ими ситуаций, нам необходимо понимание того, что ситуации не отражаются в предложениях зеркально, что все отношения в предложениях в сопоставлении с отношениями внутри ситуаций существенно смещены, причем правила такого смещения находятся в недоступной для говорящего зоне. Разумеется, такое по-

[8] Несмотря на то что на иконе, например, всегда есть надпись, гласящая, какие святые и какие события на ней изображены, она рассчитана на творческое понимание человеком, вовсе не знающим грамоты [См.: 13, с. 225]. То есть вполне допустимо говорить о грамматике иконы, по которой строится изображение, например нового житийного цикла.

[9] Такой способ усвоения языка представлен уже у Бл. Августина [16, 15].

нимание со стороны носителя языка не должно быть эксплицитным, оно просто является, можно сказать, молчаливым принятием принципа, согласно которому связь между обозначаемым и обозначением является изобразительной, поскольку выражена через сопоставление в них их частей, т. е. является связью двух синтаксических единств, при том что не существует никакого отдельного от языка правила, по которому эта связь могла бы стать понятной.

Языковое изображение всегда аспектно, оно не касается полноты содержания изображаемых событий. Тем не менее всегда подразумевается неопределенная глубина проникновения в конкретную определенность содержания. Все, чего не хватает в единичном предложении, которое, не будучи оживлено собственной фантазией слушателя, может конвертироваться в его сознании в предельно бедный в сравнении с исходным (тем, что послужил основой кодирования в сознании говорящего) образ, можно восполнить, если в том возникнет необходимость и простого понимания голого смысла будет недостаточно, новыми изображениями, относящимися к *аспектам* исходного образа. Можно попытаться в рассказе, наконец, исчерпать всю мыслимую глубину образа.

Принять такую изобразительную систему, как язык, можно лишь как прозрачный слой, в котором мотивированность относится лишь к прагматической составляющей (то, зачем или с какой целью, на каком основании, с высоты какого статуса и пр. производится высказывание). Сам же слой выражения не имеет сколь бы то ни было значимой плотности, сразу перенося нас к представлению. Эта «непродуктивность» слоя выражения, о которой говорил Э. Гуссерль [17, с. 268–271], основана как раз на невозможности непосредственного структурного сопоставления положений дел и их языковых изображений. Понять правила построения фразы или предложения как правила такого изображения – значит допустить, что события и положения дел говорят на твоем языке, допустить, что *в себе* они уже изображены так, как могу это сделать я или кто-то другой, кого я могу понять и с кем могу согласиться, удостоверив тем самым правильность его понимания самих положений дел и событий.

Возможность истины, подразумеваемая в высказываниях о действительности, основана именно на этом предположении, т. е. что положения дел и события, которые мы представляем в комплексных языковых выражениях, заключают в себе возможность их правильного связывания в изобразительные единства и правильного разъединения. Соединяя в предложениях языка, как говорил Аристотель, в действительности соединенное и разъединяя в действительности разъединенное, мы при этом сопоставляем не высказывание и некоторое положение вещей самих по себе или некоторый феномен, как он существует безотносительно к нашему языковому опыту, а *значение изображения*, даваемого нам в высказывании, и *значение* объективного положения вещей; последнее значение и есть *положение дел*, *ситуация* или *событие* как изобразительно артикулированный в себе сегмент действительности или нашего опыта.

Все это касается не только объективно удостоверяемых положений дел, которые таковы и для меня, и для тех, кто вместе со мной способен их засвидетельствовать, но также и моих отношений к предметам и событиям, моих внутренних состояний. Поэтому мир бесконечным образом актуально изобразительно артикулирован во всех своих аспектах; я могу эти соотношения увидеть и подтвердить или, не разглядев, ошибиться и отвергнуть. Это предположение интенционально принадлежит самому языковому опыту, который, будучи коммуникативным, взаимно удостоверяем. Даже если этот опыт субъективен в рамках аффективных отношений (любви, ненависти, желания, осуждения и т. д.) и моих внутренних состояний (тоски, радости и пр.), то он удостоверяем на уровне доверия, основанного на очевидности для каждого возможной связи таких субъективных отношений (с их предметами и между собой) и состояний. То есть такой опыт удостоверяется как не подлежащий ошибке или путанице. Возможность неудачи в изображении в нормальном языковом общении не подразумевается. Ошибка здесь не является неудачей в изображении, а относится к неправильному видению, неправильному представлению положения вещей, причем вовсе не потому, что неудача в изображении невозможна, а потому, что в нормальной ситуации общения она не учитывается. Ее относят к издержкам процесса коммуникации – плохому знанию языка, невменяемости или злонамеренности собеседника, к пунктуационной путанице или случайной двусмысленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений. М.: Наука, 1988.

2. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Гносис, 1994.

3. **Куайн У.В.О.** Слово и объект. М.: Канон+, 2000.

4. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.

5. **Кассирер Э.** Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

6. **Декарт Р.** Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.

7. **Кассирер Э.** Философия символических форм. В 3 т. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

8. **Хомский Н.** Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

9. **Фицджеральд Г.** Linguistic Intuitions // British Society for the Philosophy of Science. Oxford, Oxford Univ. Press, 2009.

10. **Quine W.V.O.** Quine's empirical assumptions // Synthese. Vol. 19. No. 1/2. Dordrecht, Holland, 1969.

11. **Idem.** Methodological reflections on current linguistic theory // Ibidem. Vol. 21. No. 3/4. Dordrecht, Holland, 1970.

12. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М.: URSS, 2002.

13. **Успенский Б.А.** Семиотика иконы // Семиотика искусства. М.: Языки славянской культуры, 2005.

14. **Бюлер К.** Теория языка. М.: Прогресс, 2001.

15. **Рассел Б.** Человеческое познание. Его сфера и границы. Киев; М.: Ника-центр, 2001.

16. **Августин Бл.** Исповедь. Кн. 1, VIII. М.: Эксмо, 2006.

17. **Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллект. кн., 1999.

V.A. Moskvitin

DESCRIPTIVE NATURE OF THE LANGUAGE AND THE PROBLEM OF TRUTH

MOSKVITIN Vasiliy A. – *St. Petersburg Academic University of the Russian Academy of Sciences.*
Ul. Khlopina, 8/3, St. Petersburg, 195220, Russia
e-mail: vasplusmos@yandex.ru

Language communication suggests a possibility to agree on certain statements between interlocutors and so an ability to ascertain verity of the statement. Concerning possible truth value reference of the statement to the expressed situation may only be descriptive (figurative). Stimulus interpretation of language statements and their elements cannot be regarded as satisfactory. Situations and events of our world correlate to our pictures and only owing to the possibility of figuring such pictures these situations stand out the world as meaningful unities. Interpretation of descriptive (figurative) correlation has no need neither in mediation of the "logical form", nor in any structural similarity between sentences and situations they describe.

THE STIMULUS VALUE; IMAGE; THE TRUTH; COMPLIANCE; STATEMENT; SITUATION.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of Linguistic Meanings]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)

2. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus Logico-Philosophicus]. *Works*. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Gnosis Publ., 1994. (In Russ.)

3. Quine W.V.O. *Slovo i obyekt* [Word and Object]. Moscow, Kanon+ Publ, 2000. (In Russ.)

4. Wierzbickaya A. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic Universals and Primes]. Moscow, Yazyki Slavyanskih Kultur Publ., 2011. (In Russ.)

5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. (In Russ.)

6. Descartes R. Works. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1994. (In Russ).

7. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. (In Russ.)

8. Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Moscow, Moskovsky Univ. Publ., 1972. (In Russ.)

9. Fitzgerald G. Linguistic Intuitions. *British Society for the Philosophy of Science*. Oxford Univ. Press, 2009.

10. Quine W.V.O. Quine's empirical assumptions. *Synthese*. Vol. 19, no. 1/2. Dordrecht, Holland, 1969.

11. Quine W.V.O. Methodological reflections on current linguistic theory. *Synthese*. Vol. 21, no. 3/4. Dordrecht, Holland, 1970.

12. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2002. (In Russ.)

13. Uspenskiy B.A. Semiotika ikony [Semiotics of Icon]. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005. (In Russ.)

14. Buhler K. *Teoriya yazyka* [Language Theory]. Moscow, Progress Publ., 2001. (In Russ.)

15. Russell B. *Chelovecheskoye poznaniye. Yego sfera i granitsy* [Human Knowledge: It's Scope and Limits]. Kiew, Moscow, Nika-Centr Publ., 2001. (In Russ.)

16. Augustin St. *Ispoved'* [Confessiones]. Book 1, VIII. Moscow, Eksmo Publ., 2006. (In Russ.)

17. Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, Dom intellectual'noy knigi Publ., 1999. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

УДК 116

Е.В. Куракина

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

КУРАКИНА Елена Вячеславовна – *доцент, Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова; кандидат философских наук.*

Россия, 190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., 1

e-mail: kurakina_elena@list.ru

Проведен анализ переходных состояний в открытых сложноорганизованных системах, одной из которых является общество. Авторская позиция заключается в том, что переходные состояния воспроизводятся в трех органических составляющих, а именно со стороны субстанциальных закономерностей, в аспекте каузальных закономерностей и кондициональных детерминаций общества. Переходные состояния сложноорганизованных систем – объективный процесс, характеризующийся противоречивым взаимодействием предыдущей и новой стадий эволюции, что закономерно вызывает неопределенность в векторе развития этих систем.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД; ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО; СЛОЖНООРГАНИЗОВАННАЯ СИСТЕМА; САМООРГАНИЗАЦИЯ; ЭВОЛЮЦИЯ.

С точки зрения ряда исследователей, в частности Ю.И. Ефимова, «переходный период – этап развития, когда существенные признаки нового качества еще не обнаружили себя со стороны противоречия как противоположность к старому качеству. Именно переходное состояние дает начало процессу раскрытия потенциального специфического содержания эволюционно-исторических предпосылок, составивших природную основу возникновения общественно-исторических закономерностей развития» [1, с. 243]. Методологическая основа теории переходных периодов общества в основном разработана в естественных науках, таких как физика, химия и, в особенности, биология. Открытия, которые были сделаны в этих науках, раскрывают детерминацию переходных состояний сложноорганизованных систем. Они могут быть использованы для анализа переходных состояний в современном социуме. Целью данной статьи является выявление прогностических функций концепций переходного периода.

Любая сложноорганизованная открытая, т. е. постоянно взаимодействующая с окружающей средой, система в результате данного взаимодействия на некотором этапе своего функционирования приобретает новые, ранее отсутствовавшие у нее характеристики и качества. С течением времени под влиянием новых качеств старые вытесняются и реорганизуются. Происходят переход и становление системы на новом, более сложном уровне развития.

Общество представляет собой открытую систему, и его развитие зависит от многих внутренних и внешних факторов. Все системные процессы, которые происходят в обществе, подчиняются законам эволюции сложного. Следовательно, как система, общество может переключаться между разными типами поведения, реагируя на внешние изменения, может деградировать или же, наоборот, гибко приспосабливаться к различным существующим возможностям. На данном этапе значительную роль в развитии системы начинает играть случайность, именно она находится в основе дальнейшего выбора. При наличии разных вариантов возможных состояний какое-то будет для системы оптимальным. Это состояние зависит, как правило, от внутренних процессов. После прохождения точки бифуркации система начинает функционировать на новом качественном уровне.

Дальнейшая эволюция системы обусловлена совершённым выбором, теперь система будет стремиться к самоорганизации на новом витке своего развития. По мнению И. Пригожина, «под самоорганизацией следует понимать такое существование динамических систем, которое сопровождается восхождением на более высокие уровни упорядоченности, или материальной организации» [2, с. 82]. При этом на уровень другого качества переходят не все компоненты системы, а только соответствующие новым условиям ее существования. Так происходит своеобразный естественный отбор более высокоорганизованных элементов, которые в дальнейшем будут либо усовершенствованы, либо элиминированы.

Новая система, возникнувшая на основе старой, вначале начинает приобретать лишь некоторые собственные системные качества, в дальнейшем эти качества укрепляются и расширяются, привлекая в систему новые связи и компоненты. С точки зрения В. Костюка, «новая система создает, формирует и новые, теперь уже свои, компоненты, которых ей недостает для осуществления собственных функций, достижения собственных целей. В развитии систем имеет место, таким образом, историческая преемственность. Система с присущими ей внутренними взаимосвязями и функциями формирует попавшие в ее орбиту феномены по собственному образу и подобию» [3, с. 191].

Теперь сама система генерирует собственное поведение. Необходимо учитывать важность момента начала функционирования системы на новом этапе своего развития. Если в какое-то время в систему ввести новый вид деятельности, в перспективе он может успешно развиваться. В случае удачно выбранного места для начала деятельности схожие попытки, осуществляемые вблизи, окажутся безуспешными. При попытке внедрения этого вида деятельности в другой временной интервал результат, напротив, может быть отрицательным.

Таким образом, данные процессы демонстрируют видимую опасность краткосрочного планирования в социальном познании, которое основано на переносе прошлого опыта, без учета изменений, происходящих в окружающей среде. Подобные статистические методы, не учитывающие происходящие изменения, могут привести общество к застою и в дальнейшем к катастрофе [4]. Можно сделать вывод, что основным источником, благодаря которому общество способно существовать долгое время, а также обновляться и развиваться, являются его адаптивные возможности. И в переходный период проходят проверку на устойчивость и получают возможность для совершенствования именно они.

По мнению Н.Н. Моисеева, «процесс перестройки (бифуркации) происходит в обществе не мгновенно, как в механических системах. И в выборе путей развития, в формировании судеб отдельных социальных организаций и народов и всего общества в целом огромную роль играют случайности. Рождаются нейтральные ситуации, демонстрирующие принципиальную неоднозначность решения тех задач, которые ставит Природа, и отбор происходит с нарушением всякой логики» [Там же. С. 36].

Как уже отмечалось выше, переходя на новый этап своего развития, общество как система выбирает один из вариантов, находящийся вблизи совершаемого выбора, но не обязательно этот выбор будет лучшим вариантом для дальнейшего развития общества, он происходит под влиянием в основном внутренних системных процессов. Эволюционируют и усложняются и сама система отбора, и его правила. Таким образом, переходные состояния сложноорганизованных систем представляют собой объективный процесс, который характеризуется противоречивым взаимодействием предыдущей и новой стадий эволюции, следствием чего является неопределенность в векторе развития этих систем.

Новый этап эволюции общества связан с включением в нее человека с его разумом, который вносит и новый элемент непредсказуемости – свободу выбора. Н.Н. Моисеев считает, что с включением в механизм эволюции человеческого разума можно будет предвидеть отдельные фрагменты будущего развития, его тенденции, оценить некоторые следствия отбора или предсказать возможные сценарии развития и тем самым повлиять на характер отбора. Следовательно, «включение разума позволяет усовершенствовать структуру обратных связей и выбирать из имеющихся возможностей лучшую, наиболее перспективную для дальнейшего развития в целом, сохраняя при этом основную особенность (эволюции сложного) –

замену менее совершенных элементов более совершенными. Эволюция в перспективе останется непредсказуемой в принципе» [4, с. 132]. В настоящее время наука синергетика (изучающая развитие сложных систем) занимается вопросом о возможном расчете точек бифуркации и, следовательно, определенного варианта выбора, который сделает система. Исследования в этой области интенсивны и в определенной мере эвристичны.

Элементы непрерывно объединяются в системы на всех уровнях – в неживой и живой природе, в обществе. Основой мирового движения является непрерывная перестройка организации систем и их объединение в новые структуры. Это универсальный процесс. Следовательно, непротиворечива гипотеза о том, что в основе возникновения новых форм материи лежат законы, настолько же фундаментальные, как законы сохранения вещества и энергии. Систематическое изучение данных законов является одним из важных направлений не только в естественных, но и в общественных и философских науках [4]. Для процессов общественных систем природы их анализ особенно актуален, поскольку философия призвана исследовать многообразные проблемы, прежде всего смысл человеческого существования в этом мире.

Среди возможных форм организации системы корпоративного сообщества, т. е. согласованного с системой взаимодействия, наблюдаются лишь те, которым соответствует минимум рассеивания энергии. Этот принцип носит чисто эмпирический характер, так как более высокий уровень рассеивания энергии требует более высокой закачки энергии извне. Срок жизни таких систем значительно меньше. Принцип диссипации (рассеивания энергии) для неживой материи имеет весьма важные аналоги в теории конфликтов. Принцип устойчивости компромисса может рассматриваться в качестве далеко идущих обобщений принципа минимума диссипации. Резонансное воздействие порождает такие организационные структуры, которые действительно соответствуют принципу минимума диссипации и являются долгоживущими [5].

Следуя законам эволюции, пройдя стадию зарождения и развития, система войдет в зрелое состояние и в дальнейшем в стадию нисходящего развития и отмирания в результате появления нового, вытесняющего и замещающего старое. В теории Л.Н. Гумилева прохождение этих стадий этносом описано, например, с помощью лозунгов момента: рождение этноса – «Надо исправить мир, ибо он плох»; подъем – «Будь тем, кем ты должен быть»; вершина – «Будь самим собой»; надлом – «Только не так, как было»; переход в инерционную фазу – «Дайте же жить, гады!»; обскурация – «Да когда же это кончится!»; падение может продолжаться – императив – «А ведь не все еще погибло!»; мемориальная – «Вспомним, как было прекрасно»; вырождение – «А нам ничего не надо». Здесь прекрасно раскрыты все этапы эволюции общества: стадия зарождения, развития, становления и гибели [6, с. 198].

Таким образом, переходные состояния возникают в обществе циклически. При этом возникновение новых общественных связей и отношений происходит вместе с отмиранием старых. Старые элементы в процессе своего исчезновения замещаются новыми.

В переходном обществе стадии зарождения и становления и отмирания старого существуют параллельно, одновременно протекающие в их рамках процессы взаимообусловлены и имеют сильную причинно-следственную связь, им присущи специфические черты (отсутствие целостности, полноты свойств и признаков, неустойчивость и др.). Все это дает возможность понять переходное общество как общество, находящееся в особом состоянии между двумя ступенями развития, между их стадиями зрелости [7]. Исходя из этого, попробуем выявить основные черты переходного общества.

Во-первых, главными, определяющими чертами переходного общества являются его неравновесность, неустойчивость, неравномерность протекающих в нем социальных процессов. В зрелом обществе происходящие изменения естественны и обусловлены целями существующей системы, они способствуют приведению ее в устойчивое состояние, выполняя, таким образом, важную регулятивную функцию. Переходному обществу, наоборот, присущи изменения трансформационного характера. Они носят, как правило, необратимый характер, усиливают неустойчивость старой социальной системы, расшатывают ее основы, открывают простор для развития новых, прогрессивных элементов

отношений и связей. Подобное состояние переходного общества объективно обусловливает неравномерность протекания самих изменений, асинхронность социальных процессов, их стремительный, неопределенный, а значит, непредсказуемый характер.

Во-вторых, преходящий (временный) характер переходного общества. Переходное состояние в развитии любого общества рано или поздно заканчивается вступлением его в зрелую стадию, когда новые социальные отношения уже утверждены. Длительность переходной эпохи для каждого конкретного общества индивидуальна и подчинена действию множества факторов: политических, социокультурных, социально-экономических, нравственных, национальных и т. д.

В-третьих, вероятность, альтернативность, многовариантность развития. В теории английского социолога А. Тойнби прохождение обществом точек бифуркации определяется через так называемый «вызов истории», который бросает обществу окружающая его меняющаяся действительность. В зависимости от адаптивных возможностей данного конкретного общества, его способности к изменению, приобретению новых качеств, открытости и внутренней устойчивости оно выживает в новых условиях, при этом трансформируясь и развиваясь, или же погибает и поглощается культурой другого более сильного и гибкого общества (народа, цивилизации) [8].

В-четвертых, это трансформативная динамичность. Происходящие в переходном обществе изменения – это, как правило, быстро протекающие процессы. То, что в зрелом обществе занимает достаточно долгое время, в обществе переходном может совершиться очень быстро. Когда такие сверхсжатые процессы затрагивают систему основных социальных отношений, норм, ролей, многие социальные слои и группы населения не могут так же быстро и адекватно осознать перемены, принять новую систему ценностей. В результате возникает некое специфическое состояние социальной нестабильности, которое может принимать различные масштабы и глубину [7]. Чем скорее общество преодолеет его, тем быстрее восстановится социальное равновесие.

В-пятых, отсутствие целостности, полноты свойств и признаков социальных форм отношений переходного общества, их смешанность и противоречивость. Переходному состоянию общества свойственно параллельное сосуществование как старых, уходящих, так и замещающих их новых социальных отношений, которое происходит в условиях постоянной борьбы, столкновений и противоречий. Особенный характер противоречий заключается в том, что их решение ведет не к простому снятию проблем развития, которые существуют в данном обществе и мешают эффективному функционированию существующих традиционных форм и социальных отношений, а к их замене новыми, прогрессивными видами, представляющими уже совершенно иные модели общественной системы. Переходная эпоха несет в себе, как правило, изменения революционного характера, если они связаны со сменой экономических и социально- политических систем.

В-шестых, это прогрессивные тенденции и необратимость изменений переходного общества. Переходное состояние связано, как правило, с позитивными трансформациями, с восходящим развитием, в целом необратимым по своему характеру. Даже в случае возвращения к старой системе невозможен точный повтор ее прежнего состояния.

Наконец, в-седьмых, это историчность, особость переходного общества. Эти качества обусловлены спецификой исторической эпохи, во временных рамках которой протекают переходные процессы и с которой связаны различия в начальных и конечных состояниях переходного общества, в содержании социальных противоречий и т. д., а также спецификой конкретно-исторических условий страны, переживающей переходный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ефимов Ю.И., Мозелов А.П., Стрельченко В.И.** Современный дарвинизм и диалектика познания жизни. Л.: Наука, 1985. 302 с.

2. **Николис Г., Пригожин И.** Познание сложного / пер. с англ. В.Ф. Пастушенко; авт. предисл. Г.Г. Малинецкий. 3-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 342 с.

3. **Костюк В.Н.** Изменяющиеся системы. М.: Наука, 1993. 352 с.

4. **Моисеев Н.Н.** Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 204 с.

5. **Пригожин И., Стейнгерс И.** Время, хаос, квант / пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. В.И. Аршинова. Изд. 6-е. М.: КомКнига, 2005. 229 с.

6. **Гумилёв Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2012. 558 с.

7. **Сидоров С.А.** Социальный контроль и личность в переходном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. 96 с.

8. **Тойнби А.Дж.** Постижение истории [пер. с англ.]. М.: Айрис-Пресс, 2012. 640 с.

E.V. Kurakina

PREDICTIVE FUNCTION OF TRANSITION PERIOD CONCEPT IN PHILOSOPHY AND SCIENCE

KURAKINA Elena V. – *Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D.F. Ustinov.*
1st Krasnoarmeyskaya ul., 1, St. Petersburg, 190005, Russia
e-mail: kurakina_elena@list.ru

The article provides an analysis of the transition states in an open complex structural system, one of which is society. The author's position is that the transition states are reproduced in three organic constituents, namely, by substantial laws in terms of causal laws, and finally, a conditional determinations society. A transition state of complex systems is an objective process, characterized by contradictory interaction determinants of previous and a new emerging stage of their evolution, which naturally causes uncertainty in the vector of development of these systems.

TRANSITION; TRANSITIONAL SOCIETY; COMPLEX STRUCTURAL SYSTEM; SELF-ORGANIZATION; EVOLUTION.

REFERENCES

1. Yefimov Yu.I., Moselov A.P., Strelchenko V.I. *Sovremennyy darvinizm i dialektika poznaniya zhizni* [Modern darwinism and the dialectics of knowledge of life]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 302 p. (In Russ.)

2. Nikolis G., Prigozhin I. *Poznaniye slozhnogo* [Exploring Complexity]. Moscow, LKI Publ., 2008. 342 p. (In Russ.)

3. Kostyuk V.N. *Izmenyayushchiyesya sistemy* [Changing the system]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 352 p. (In Russ.)

4. Moiseyev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of a civilization. The path of reason]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 204 p. (In Russ.)

5. Prigozhin I., Steyngers I. *Vremya, khaos, kvant* [Time, chaos, quantum]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 229 p. (In Russ.)

6. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth]. Moscow, Ayris-press Publ., 2012. 558 p. (In Russ.)

7. Sidorov S.A. *Sotsial'nyy kontrol' i lichnost' v perekhodnom obshchestve. Avtoref. kand. dis.* [Social control and personality in a transitional society. Abstr. cand. diss.]. St. Petersburg, 1996. 96 p. (In Russ.)

8. Toynbi A.Dzh. *Postizheniye istorii* [Study of History]. Moscow, Ayris-Press Publ., 2012. 640 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 81-119

К.И. Кийченко

ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

КИЙЧЕНКО Кирилл Игоревич – *научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.*

Россия, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские Горы, 1

e-mail: philos@inbox.ru

В настоящей статье гуманитаристика рассматривается как сфера синтеза повседневного жизненного опыта и теоретического освоения действительности. По мнению автора, гуманитаристика выполняет роль «переводчика» описаний реальности с языка повседневности на язык конкретных дисциплин. Поэтому основное внимание в тексте уделяется анализу ключевых положений современной лингвофилософии и постановке вопроса о бытийственном статусе языка в рамках гипотезы лингвистической относительности.

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ; ГУМАНИТАРИСТИКА; ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ; ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ; Л. ВИТГЕНШТЕЙН; Б. ГАСПАРОВ.

Гуманитаристика может быть описана как сфера синтеза повседневного жизненного опыта и теоретического освоения действительности. Она как бы прокидывает мостик между двумя полюсами нашего постижения мира: практическим (деятельностным) и теоретическим (рациональным). Этот мостик состоит из специализированных социальных и гуманитарных дисциплин. Гуманитаристика же выполняет роль «переводчика» описаний реальности с языка повседневности на язык конкретных дисциплин. Данная позиция позволяет выявить специфическую методологию гуманитаристики, возвращающую фокус сознания познающего на специфические проблемы повседневной жизни человека. Акцент смещается не к исследованию всеобщих закономерностей, но к исследованию частного, особенного, уникального. Данные установки могут способствовать реабилитации статуса повседневности, возрождению исследовательского (теоретического) интереса к повседневности. Эту методологию можно условно назвать «антиредукционистской», ибо это методология исследования единичного, индивидуального в противовес установкам на универсализм, осуществляющим редукцию сложного мира неклассифицируемых феноменов к голой схеме; бесконечно разнообразного мира – к модели мира. Соответственно постулируется и новый тип рациональности, особый тип суждения о человеке, его индивидуальности, культурной специфике социальных и общественных групп, о взаимоотношениях человека с природной средой. Важнейшее теоретическое положение заключается в том, что, осуществляя подобный методологический сдвиг, мы начинаем рассматривать людей и человеческую деятельность как динамичные бытийственные явления, не детерминированные никакими устойчивыми законами и каузальными связями. Гуманитаристика ставит вопрос о специфике исследования «человека свободного», осуществляя реабилитацию ценностного (в противовес разумно-прагматическому) измерения нашего отношения к действительности, и образует комплекс представлений о ценностно-рациональной деятельности человека, «заброшенного» в мир.

Гуманитарные и социальные науки не только описывают и объясняют реальность на языке теории субъекта, сколько конструируют возможные миры, создают и пересоздают социальную реальность через конструирование моделей мира (например, в «семантике возможных

миров»). Гуманитаристика как бы достраивает к привычному нам фундаменту материального мира «этажи смысла». Особый акцент мы обязаны сделать на исследовании специфики языка гуманитаристики, так как принципиально важным является понимание ее как коммуникативной сферы всех отраслей и типов научного и вненаучного знания. Посредником в этой коммуникации является язык.

В истории философии XX век прочно ассоциируется с так называемым «языковым поворотом». Акцент в значительном количестве философских исследований и концепций смещается в сторону изучения языка не просто как инструментария, обслуживающего философию и человеческую деятельность в целом, но как самостоятельной, ни к чему не сводимой реальности: «философия все больше внимания стала уделять языковым проблемам, рассматривая язык во всем многообразии его жизни, а не только как математизированно-логическую конструкцию» [1, с. 224]. Причем «языковой поворот» как культурный феномен коснулся не только философов, но во многом имел и другой источник, иной дисциплинарный центр: в первой половине XX века идет бурное развитие лингвистики, наращивается ее терминологический и методологический аппарат, накапливается обширнейший эмпирический материал. Начинается как бы встречное движение лингвистики и философии. Это сближение наиболее отчетливо проявило себя в творчестве Э. Кассирера, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Л. Витгенштейна и др. Так рождается специфическая область философских исследований – философия языка или, в современных терминах, лингвофилософия; «при этом взаимное отталкивание классической метафизики и лингвистической философии в XX веке приводит к образованию своего рода пустого пространства в вопрошании о языке. Философия языка все более оформляется в школу со своим категориальным и методологическим аппаратом, который становится чуждым для ортодоксальной метафизики. Точно также и наследие философской классики остается для лингвофилософии скорее предметом критики – здесь создается явный разрыв в традиции» [2, с. 125].

Ключевым достижением лингвофилософии стала постановка вопроса о бытийственном статусе языка, постановка в широчайшем диапазоне: от знаменитого максималистского хайдеггеровского «язык – это дом бытия» до бибихинского специфического: «язык философии это не предмет и не тема исследования, это то, в чем мы хотим расслышать наш родной язык, заглушенный наружным шумом» [3, с. 11]. В различных лингвистических подходах предметами исследования выступают специфические характеристики языка, которые становятся доминантными: у Ф. де Соссюра – системность, у И.А. Бодуэна де Куртенэ – структурность и иерархичность, у Г. Пауля – типологичность, у Н. Хомского язык предстает как трансформационно-порождающая грамматика. Все эти достижения лингвистов, разумеется, не могли не повлиять на развитие современной философской мысли, которая и раньше не оставляла данную проблематику в стороне, однако ее разработка не была в числе приоритетов большинства философов.

Наверно, оправданным будет сказать, что наибольший вклад в разработку языковых вопросов в рамках классической философии внесли труды Д. Вико, Г. Лейбница, В. Гумбольдта. В них отчетливо видно, что философия стремится к универсальному языку (стремление, унаследованное от метафизики). Достижения философии стали мировоззренческими установками для лингвистов, однако в разработке конкретных вопросов языкознания они все дальше и дальше уходили от классического философского наследия. Само рождение лингвофилософии привело к разрыву с традицией. Лингвистика индивидуализирует язык, делая невозможным универсальное истинное, всем понятное высказывание. В целом этот поворот предопределил и развитие гуманитаристики, ее движение по пути индивидуализирующего, уникального и специфического знания.

Указанный разрыв с классикой привел к появлению двух параллельных традиций (стратегий) вопрошания о языке. Первую из них можно назвать «онтологической» (реалистической), восходящей еще к средневековой традиции, вторую – «логико-конструктивистской» (номиналистической). Разработка онтологической стратегии в первую очередь связана с именем М. Хайдеггера (язык как дом бытия).

Номиналистическая стратегия прежде всего реализовывалась в философствовании Л. Витгенштейна («вся философия – это кри-

тика речи» [4, с. 88]) и У. Куайна. Сходные идеи развивал неокантианец Э. Кассирер, чьи труды многими исследователями считаются предвестниками семиотического подхода: «Кассирер обнаружил фундаментальную символичность языковых форм, связав язык с основополагающей способностью человека к символизации, наряду с наукой, мифом, искусством. Этот „кантианский" ответ на проблему языка и символа во многом ознаменовал возможности трансцендентального решения поставленной проблемы» [1, с. 230]. В целом реализация номиналистической стратегии (например, в рамках аналитической философии) приводит к фокусировке исследовательского внимания на структурно-грамматических аспектах языка. Наилучшим примером является трансформационно-порождающая грамматика Н. Хомского, искавшего пути для чисто количественного описания языка с задействованием аппарата математической и формальной логики.

Некоторые важнейшие положения номиналистического подхода можно вычленить, опираясь на «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна.

1. Речь должна состоять только из не противоречащих законам логики высказываний. Законы логики фундаментальны и универсальны, и язык подчинен им. «Представить в речи нечто „противоречащее Логике" так же маловероятно, как представить в геометрии посредством ее координат фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты точки, которой не существует» [4, с. 56].

2. Нарушение универсальных законов логического мышления приводит к тому, что «с легкостью возникает основательная путаница, которой наполнена вся философия» [Там же. С. 75]. Источник этой «путаницы» заключен в неразграниченности в языке знаков и символов, и, «чтобы избежать этих заблуждений, мы должны использовать некий знаковый язык, который исключал бы применение одинаковых Знаков по отношению к Разным Символам и не применял бы одинаково Знаки, обозначающие по-разному. Этот знаковый язык подчиняется логической грамматике – логическому синтаксису» [Там же].

3. Необходимость пользоваться особым знаковым языком подразумевает, что «в логическом синтаксисе Значения Знаков не должны играть никакой роли; он должен предполагать лишь описания выражений, без всякого упоминания о Значении» [Там же. С. 77]. Следовательно, по мысли Витгенштейна, в логическом синтаксисе имеет место лишь синтаксическая семантика, а семантика прагматическая места не имеет.

4. Данное понимание логического синтаксиса определяет постулат о принципиальной переводимости языков путем строгих дефиниций. «Дефиниции – это правила перевода с одного языка на другой. Каждая корректная знаковая система должна быть переводима в любую другую в соответствии с этими правилами: и это и есть то, что все они имеют общим» [Там же. С. 82]. Следовательно, уникальная, непереводимая знаковая система, не соответствующая «логической форме», не имеет смысла.

5. Отсюда вытекает специфическое понимание функций философии: она обязана указывать нам на правильное и неправильное употребление языка. Философия «должна устанавливать границу мыслимому и тем самым немыслимому. <...> Все, что вообще может быть помыслено, может быть помыслено ясно. Все, что возможно высказать, возможно высказать ясно» [Там же. С. 106].

Последний тезис особенно важен для понимания «Логико-философского трактата»: предложение всегда либо истинно, либо ложно – третьего не дано. В. Руднев свидетельствует: «Витгенштейн не видит причин для того, чтобы в том, что касается взаимоотношений между языком и Миром, оставались какие-то неясности. Это не значит, что обо всем можно говорить ясно. Правило другое: если об этом абсолютно точно невозможно сказать ясно, значит, это из той области, о которой вообще нельзя сказать никак. То есть либо надо искать пути для ясности, либо оставить попытки передать при помощи семиотических средств то, что при помощи этих средств принципиально непередаваемо» [Цит. по: 5, с. 106].

Наибольшее значение разработка данных положений имела для оформления к 30-м годам XX века «стандартной концепции науки» в рамках позитивистской философии, где впервые были четко обозначены требования к языку научной теории. Максимально заформализованные требования к научному языку в рамках концепции стандартной науки (в первом ее ва-

рианте) могут быть выражены в следующих тезисах [6, с. 12–68]:

1) язык научной теории строится на базе исчисления предикатов первого порядка с равенством;

2) стандартной частью этого языка являются логические символы, а внелогические символы подразделяются на три группы: а) словарь логических постоянных, б) словарь наблюдений, в) теоретический словарь;

3) словарь наблюдений описывает непосредственно наблюдаемые объекты и их свойства;

4) существует набор теоретических постулатов, не использующих словарь языка наблюдений;

5) терминам теоретического словаря дается экспликация в терминах словаря наблюдения с помощью правил соответствия [См.: 7, с. 13].

Таким образом, мы видим, что язык науки полностью отмежевывается от языка этики, языка философии, обыденного языка, так как не допускает никаких ценностных и неверифицируемых суждений. Концепция стандартной науки концентрируется на разработке максимально формализованного языка наблюдений и узкоспецифического языка теории. В целом эти изыскания определили поиски ценностно-нейтральной науки и подходящего языка описаний.

Такие поиски во многом опираются на наработки структуралистов. Например, Р. Якобсон выделял несколько функций языка:

1) эмотивную (функция выражения чувств и воли говорящего);

2) конативную (модальную) – вокативно-императивную;

3) референтную (функция обозначения предметов внешнего по отношению к сознанию мира);

4) метаязыковую (обеспечивает возможность говорить о языке с помощью языка);

5) фатическую (функция установления контакта);

6) поэтическую [См.: 8, с. 353–357].

По Р. Якобсону, поиски языка науки как раз и являются поисками метаязыка, т. е. языка описания «второго порядка», другими словами, языка, на котором возможно описание языка-объекта.

Именно поиски метаязыка гуманитарных наук обнажили сложность его формализации. В естественных науках и математике метаязык качественно отличается, так как состоит из формальных символов, кванторов, операторов и т. п. А в гуманитаристике в качестве метаязыка выступает все тот же естественный язык, различение языка-объекта и языка «второго порядка» становится на практике неразрешимой задачей, решение которой потребовало бы построения системы настолько строгой и сложной, что она вряд ли могла бы выступать операциональной. Поэтому многие лингвисты и философы по мере развития и совершенствования своих систем вынуждены были отказаться от «жестких» моделей языка в пользу более «мягких».

Например, в предшествующих рассуждениях мы отталкивались от взглядов Л. Витгенштейна, изложенных в «Логико-философском трактате». Однако справедливости ради необходимо оговориться, что ближе к концу жизни, в «Философских исследованиях», позиция Витгенштейна по ряду вопросов претерпела значительные трансформации. Прежде всего, он уходит от чрезвычайно узкого понимания языка, свойственного «Логико-философскому трактату». Во-первых, Витгенштейн приходит к заключению, что «основная масса предложений языка несводима к изъявительному наклонению, а стало быть, в принципе не может быть подвергнута верификации» [9, с. 29]. Во-вторых, доказывает нечто совсем не свойственное его ранним представлениям о языке. Витгенштейн развивает мысль о том, что язык – это социальное явление, хотя попрежнему опровергает возможность существования «индивидуального языка». Однако даже несмотря на существенную трансформацию взглядов в поздний период творчества, в своих лингвофилософских исследованиях Витгенштейн все-таки не выходил за рамки номиналистической стратегии.

Качественно отличается реализация «онтологической» стратегии вопрошания о языке. Ей как раз, наоборот, свойственна попытка прорваться к тем пластам бытия, о которых нельзя ничего сказать с требуемой Витгенштейном степенью ясности и достоверности. М. Хайдеггер не стремился к исследованию структурно-грамматических аспектов, для него исключительно важно определение «качественных», «бытийственных» характеристик языка. Для него язык – живая, подвижная стихия, воплощенная в актах говорения. Онтологически

язык – процесс (речь), а не только и не столько результат. Хайдеггер пишет: «В конце концов философское исследование должно однажды решиться спросить, какой способ бытия вообще присущ языку. Есть ли он внутримирно подручное средство или имеет бытийный образ присутствия либо ни то, ни другое? Какого рода бытие языка, если он может быть „мертвым"? <...> Случайно ли, что значения ближайшим образом и большей частью «мирны», размечены значимостью мира, да даже часто по преимуществу «пространственны», или это „эмпирическое обстоятельство" экзистенциально-онтологически необходимо, и почему? Философскому исследованию придется отказаться от „философии языка", чтобы спрашивать о „самих вещах", и оно должно привести себя в состояние концептуально проясненной проблематики» [10, с. 193–194]. Из данного фрагмента видно, что Хайдеггеру претит Аристотелева мысль о языке как «орудии мысли» – «орудие предполагает изготовленность, завершенность, а язык по своей сути незавершен и открыт» [1, с. 231].

Переместив вопрос о языке в онтологическую плоскость, М. Хайдеггер во многом предопределил основной вектор развития философско-лингвистических поисков в XX веке. Так или иначе, наше вопрошание о языке в конечном счете стало сводиться к вопрошанию о его бытийственном (онтологическом) статусе, что нашло отражение в «гипотезе лингвистической относительности», семиотике, лингвистике языкового существования и теории речевой деятельности.

На основе двух обозначенных подходов могут быть сформулированы крайние, предельные оппозиции в подходах к осмыслению проблем языка.

Первая позиция описывает язык как универсальную знаковую систему, ясную и понятную для любого конкретного языка. Любой конкретный язык рассматривается только как частное воплощение универсального (всеобщего) языка. Язык в данном случае является сферой чистого смысла, существующей в «метаязыковом пространстве как единое и неделимое целое для всех разновидностей этнических языков» [Там же. С. 239].

Вторая позиция стремится к лингвистическому солипсизму и описывает язык как конкретно этническое явление. Отсюда вытекает постулат о принципиальной непереводимости языков. Меняя знаковую систему, мы трансформируем сферу смыслов: одни оказываются привнесенными (не существующими в исходном языке), другие – утраченными (не существующими в языке, на который выполняется перевод).

Однако постулирование «закрытости» языка вовсе не означает отсутствие возможности существования всеобщего знания. Например, философского. С. Аверинцев предельно точно выразил квинтэссенцию разбираемого нами принципа в виде тезиса и антитезиса:

«*Тезис*. Все дело философии сводится к всестороннему эксплицированию импликаций, заложенных в языке данной культуры (причем слово „язык" нужно понимать в буквальном „лингвистическом" смысле, но также и во всех расширительных „семиотических" смыслах – как язык форм культуры). Чем более адекватно мыслитель подходит к символике своего языка, чем более помогает ей развертывать собственные потенции, тем выше его ранг как мыслителя, тем органичней его мышление. Поэтому всякий подлинно философский текст принципиально закрыт для перевода.

Антитезис. Все существенное в истории философии как таковой (в отличие от истории интеллектуального быта) происходит в принципе по ту сторону различий в языке и культурных формах. Критерием для отличения собственно-философского от философского в несобственном смысле должна служить как раз свобода от языковых внушений. Поэтому всякий подлинно философский текст безразличен к языковым и культурным реалиям и принципиально открыт для любого перевода» [11, с. 374].

Схожую позицию выразил современник С. Аверинцева Э. Бенвенист: «Мы мыслим мир таким, каким нам оформил его сначала наш язык. Различия в философии и духовной жизни состоят в неосознаваемой зависимости от классификации, которую осуществляет наш язык» [12, с. 36]. Таким образом, мы видим: у многих исследователей акцент смещается в сторону убежденности в том, что множество языков порождают множество миров, т. е. в сторону онтологического релятивизма [См., например: 13, с. 185–212], подлинными основоположниками которого можно считать американских линг-

вистов Э. Сепира и Б.Л. Уорфа – создателей «гипотезы лингвистической относительности».

Основные положения гипотезы лингвистической относительности разрабатывались в 20–40-х годах XX века (речь идет о работах Э. Сепира «Язык. Введение в изучение речи» (1921), «Грамматист и его язык» (1924), «Статус лингвистики как науки» (1929) и Б.Л. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку», «Наука и языкознание» (обе – 1930-е; впервые опубликованы в 1956 году). В основе данной концепции лежит утверждение о том, что «не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а наоборот, наш язык всякий раз по-новому членит реальность. Реальность опосредована языком» [9, с. 99], т. е. язык и его структура определяют мышление и способ познания действительности. Язык разных наций, народов определяет свою, индивидуальную картину мира, понятную внутри языковой реальности народа. Кстати, такая постановка вопроса восходит к работам известного немецкого философа и языковеда XVIII–XIX веков В. фон Гумбольдта, для которого вопрос о единстве общечеловеческого языка и сосуществовании множества отдельных этнических языков являлся крайне теоретически значимым [См.: 14, с. 16–84].

Действительно, гипотеза лингвистической относительности во многих своих положениях отталкивается от теоретических построений Гумбольдта. Например, в одной из своих работ Гумбольдт писал: «Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений» [15, с. 319].

Э. Сепир спустя столетие развивает эту мысль: «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же „реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. <...> Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [16, с. 131].

Таким образом, можно вычленить основные постулаты концепции Э. Сепира.

1. Являясь субстратом мышления, язык одновременно внеположен сознанию и представляет собой самостоятельную символическую реальность. Язык образует собой сферу смыслов (семиосферу) конкретной языковой группы (этноса или социума).

2. Язык внерационален и интуитивен по сути. Он складывается на основе традиций многих поколений, а не является логическим конструктом. Данный принцип амбивалентен: с одной стороны, язык этноса или социальной группы есть не что иное, как продукт культуры, с другой стороны, сама культура и присущий ей набор ценностей и смыслов кодифицируется языком.

3. Любой естественный язык всего лишь «отражает привычки» социальной группы или этноса, следовательно, не может являться средством выражения абсолютных истин. Язык социален и локален, не может рассматриваться как универсальная знаковая система, принимаемая и используемая человечеством.

4. Каждый конкретный язык творит уникальную картину мира. Более того, делит мир на миры, а не интегрирует его, пронизывая универсальными смыслами. Носитель языка, благодаря структуре и семантическим особенностям последнего, воспринимает определенное отношение к миру, видит мир таким, каким диктует ему язык, принимает картину мира, сформированную родным языком.

Этот последний постулат обусловливает то, как Сепир усматривает взаимосвязь между языком и образом мышления. Эту связь он видит в совокупности психологии и языка. Вещи внешнего мира, которые видит человек, им же и называются, а специфика поименования вещей мира формирует специфику культуры, ее смысловой и ценностный стержень. Важным для понимания гипотезы лингвистической относительности является тот факт, что язык определенного народа хранит в себе систему ценностей, формирует способность людей иметь сходную форму мышления и поведения, вос-

принимать мир в соответствии с ценностями и опытом, накопленными предшествующими поколениями. Это значит, что язык не только и не просто инструмент суждения о мире, он – память. Причем память коллективно-историческая, а не личностно-индивидуальная.

Значительный вклад в разработку и конкретизацию вышеозначенных положений внес ученик Сепира Б.Л. Уорф. Будучи блестящим грамматистом, Уорф пытался отыскать ту детерминанту в структуре языка, через интерпретацию которой возможно его толкование. По мысли Уорфа, каркас языка – это грамматика. Грамматика организует язык, посредством языка мы упорядочиваем явления внешней по отношению к нашему сознанию действительности. Языковая стихия – не хаос и разгул свободы, как может некоторым показаться, но внутренне логичная система. Ее ключевая особенность в том, что она конвенциальна, язык – это молчаливая договоренность социальной группы о смысле и содержании понятий. Это делает возможным понимание людей друг другом. В свою очередь, грамматические структуры определяют правила построения высказывания. Высказывание, построенное по этим правилам, может быть понято и расшифровано. В одной из своих главных работ – «Наука и языкознание» Уорф пишет: «Грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей – это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка... <...> Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [17, с. 209].

Разумеется, описываемая Уорфом конвенция внерациональна и не осознается участниками языковой группы, она присуща им априори: «...соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее мы – участники этого соглашения» [Там же].

Принципиально важно отметить, что конвенциальная трактовка моделей языка в концепции Уорфа приводит к специфическому пониманию свободы человеческого мышлении, а если говорить шире, к пониманию свободы в принципе: «... никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными» [Там же. С. 210]. Данное замечание принципиально, так как на самом деле речь идет не только об описании «природы», но о невозможности непредвзятого отношения к «другому», тем более к тому, кто является «чужим» по отношению к данной культуре и языковой группе. Язык членит, маркирует и окрашивает не только мир природных явлений, но и мир социальный, а также каждую крупицу нашей повседневной жизни, все ее практики. Мир тотально опосредован языком. Мышление и суждение о мире без языка невозможны, ибо даже чувства в процессе внутреннего говорения (речи) человек трансформирует в монологическое высказывание.

Таким образом, гипотеза лингвистической относительности рассматривает язык как феномен культуры отдельного языкового коллектива, который определенным образом концептуализирует действительность. Однако необходимо признать, что, сыграв огромную роль в культуре XX века, гипотеза лингвистической относительности в силу непроработанности ряда положений не получила должного признания в академической лингвистике, зато куда более значительным оказалось ее влияние на смежные отрасли знания: аналитическую философию, междисциплинарные культурологические исследования и т. п.

Сама по себе представляя частный случай онтологического подхода к вопрошанию о статусе языка, гипотеза Сепира – Уорфа тем не менее задала сразу несколько векторов для дальнейшего развития лингвофилософских исследований. Речь идет в первую очередь о семиотике и лингвистике языкового существования. В рамках первой максимально заострилась проблематика расшифровки смысла высказывания и возможности межъязыковой коммуникации, в рамках второй – проблематика исследования говорения как особого вида деятельности (речевой деятельности).

Обозначенные выше концепции, в том числе гипотеза лингвистической относительности, выявили существенные недостатки и упрощения в представлениях о языке как о неизменной логической структуре. Лингвистика языкового существования, восходящая к трудам Б. Гаспарова, в первую очередь разрабатывалась как попытка преодоления установок структурализма. Основное положение лингвистики языкового существования заключено в установке на исследование языка как некоей подвижной стихии, которую невозможно зафиксировать и описать в четких логических структурах. Следовательно, был необходим поиск новых способов изучения языка, новый способ вопрошания о языке. Развивая (как и Сепир с Уорфом) некую преемственность по отношению к теории В. фон Гумбольдта, Гаспаров формулирует основные задачи исследования языка. Он стремится развивать «такой подход к языку, при котором на первый план в качестве первичного объекта изучения выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний» [18, с. 5]. Главное при данном подходе – понимание языка как особой среды, в которой мы существуем: «Язык окружает наше бытие как сплошная Среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта Среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, в нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности» [Там же].

Важнейшее отличие выдвигаемой Гаспаровым теории от взглядов структуралистов состоит еще и во взгляде на природу высказывания. Структуралисты полагали, что языковой фундамент составляют грамматические правила, правила эти усваиваются человеком во время овладения навыками говорения и в дальнейшем высказывания порождаются им в соответствии с этими усвоенными ранее правилами. Гаспаров такую точку зрения на порождение высказывания называет «репродуктивной» и противопоставляет ей свою, которую называет «операционной». Сущность операционной модели порождения высказывания в том, что мы не апеллируем всякий раз к правилам, а пользуемся готовыми речевыми блоками, словосочетаниями, цитатами и т. п. Таким образом, у Гаспарова практически упраздняется важнейшее для структуралистов (Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсона) разграничение языка и речи и возникает новое явление – речевая деятельность, в которой существование языка неотделимо от высказывания. Более того, «основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение с ним, признается не языковая рефлексия, но языковая память» [Там же. С. 117], и далее: «вся наша языковая деятельность – и создаваемая, и воспринимаемая нами речь – пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [Там же. С. 119].

Речевая деятельность – это сращение, «сшивание» (в терминах Гаспарова) нескольких коммуникативных фрагментов. «Коммуникативный фрагмент» – специфическое понятие лингвистики языкового существования, трансуровневая языковая единица: «Коммуникативные фрагменты – это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. Коммуникативный фрагмент – это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [Там же. С. 118].

Однако само по себе наличие в нашей памяти бесчисленного множества коммуникативных фрагментов еще не означает автоматического порождения целостного с точки зрения смысла высказывания. Чтобы речь говорящего обрела целостность и ясность, коммуникативные фрагменты должны быть каким-либо образом соединены: «Задача говорящих состоит в том, чтобы „подогнать” друг к другу эти готовые куски (*коммуникативные фрагменты. – К. К.*) таким образом, чтобы получившееся целое производило такое же ощущение правильности и осмысленности, как и составившие его готовые компоненты; то есть чтобы это целое, хотя и созданное впервые, достаточно убедительно возникало из сращений знакомого и понятного языкового материала и в силу этого достаточно ясно „узнавалось” бы в качестве целостного об-

разования. <...> Техника слияния известных говорящему фрагментов позволяет производить бесчисленные импровизированные действия над конкретным языковым материалом, не прибегая к абстрактным правилам построения и при этом добиваясь приемлемых результатов» [18, с. 167–168].

Таким образом, для лингвистики языкового существования становится важным введение еще одного понятия – «коммуникативный шов». «В условиях языкового существования важнейшим приемом создания более обширных речевых образований служит не соединение, но сращение, или „сшивание", исходных компонентов языкового материала. Мы будем называть то место в высказывании, по которому проходит такое сращение, речевым швом. Речевому шву принадлежит критически важная роль в превращении готовых, отложившихся в памяти кусков речи в новое целое, впервые создаваемое в данный момент, в данной ситуации речевой деятельности. Успех каждого речевого акта во многом определяется тем, насколько удачно подобраны составляющие коммуникативные фрагменты и найдены приемы наложения швов, приводящие к их срастанию» [Там же. С. 169].

Сама возможность «сшивания» коммуникативных фрагментов в единое целое обеспечивается их особыми свойствами: «„Рыхлость" границ фрагмента, способность его пластично изменять очертания создает предпосылку для тех срастаний и растворений, которые происходят с ним в высказывании» [Там же].

Представляется, что Б. Гаспаров ближе многих лингвистов подошел к пониманию (именно к пониманию, а не объяснению!) механизмов порождения речи. Думается, что лингвистика языкового существования – очень перспективное направление в лингвофилософии и многие ее установки могут успешно развиваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Григорьев А.А.** Между философией и лингвистикой: локус концепта // Постижение культуры. Вып. 11. М., 2001.

2. **Руденко Д.И., Прокопенко В.В.** Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

3. **Бибихин В.В.** Язык философии. М., 2002.

4. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат // Избр. работы. М., 2005.

5. **Он же.** Избранные работы. М., 2005.

6. **Suppe F.** The search for philosophic understanding of scientific theories. Urbana, 1974.

7. **Огурцов А.П.** Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? М., 2008.

8. **Jakobson R.** Linguistics and poetics. N. Y., 1960.

9. **Руднев В.** Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001.

10. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М., 2003.

11. **Аверинцев С.С.** Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское иск-во. Зарубежные связи. М., 1975.

12. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М., 1974.

13. **Quine W.V.O.** Ontological Relativity // The J. of Philosophy. 1968. Vol. LXV, no. 7.

14. **Humboldt W.** Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1963.

15. **Гумбольдт В.** О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избр. тр. по языкознанию. М., 1984.

16. **Сепир Э.** Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М., 2003.

17. **Уорф Б.Л.** Наука и языкознание // Там же.

18. **Гаспаров Б.М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

K.I. Kiychenko

HEURISTIC VALUE OF THE HYPOTHESIS OF LINGUISTIC RELATIVITY IN MODERN HUMANITIES

KIYCHENKO Kirill I. – *Lomonosov Moscow State University.*
GSP-1, ul. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia
e-mail: philos@inbox.ru

Human sciences are presented as a synergy of daily real life experience and a theoretical approach to exploring the reality. The author states that the role of human sciences is to "translate" the description of reality from layman terms into the language of the appropriate discipline. Thus, the primary focus is on the analysis of the very fundamentals of the modern lingual philosophy and on the problem of the language existential status in terms of the hypothesis of linguistic relativity.

HYPOTHESIS OF LINGUISTIC RELATIVITY; HUMAN SCIENCES; RATIONAL TYPES; PHILOSOPHY OF LANGUAGE; L. WITTGENSTEIN; B. GASPAROV.

REFERENCES

1. Grigoryev A.A. [Between philosophy and linguistics: locus concept]. *Postizheniye kultury* [Comprehension of culture]. Vol. 11. Moscow, 2001. (In Russ.)

2. Rudenko D.I., Prokopenko V.V. [Philosophy of language: the path to the new episteme]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late XX century]. Moscow, 1995. (In Russ.)

3. Bibikhin V.V. *Yazyk filosofii* [The language of philosophy]. Moscow, 2002. (In Russ.)

4. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Logical-philosophical treatise]. *Selected works*. Moscow, 2005. (In Russ.)

5. Wittgenstein L. Selected works. Moscow, 2005. (In Russ.)

6. Suppe F. The search for philosophic understanding of scientific theories. Urbana, 1974.

7. Ogurtsov A.P. Strastnyye spory o tsennostno-neytralnoy nauke [Passionate debate about the value-neutral science]. *Lacy K. Svobodna li nauka ot tsennostey?* [Free science from the values?]. Moscow, 2008. (In Russ.)

8. Jakobson R. Linguistics and poetics. New York, 1960.

9. Rudnev V. *Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury XX veka* [Encyclopedic dictionary of twentieth-century culture]. Moscow, 2001. (In Russ.)

10. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Being and time]. Moscow, 2003. (In Russ.)

11. Averintsev S.S. Predvaritelnyye zametki k izucheniyu srednevekovoy estetiki [Preliminary notes to the study of medieval aesthetics]. *Drevnerusskoye iskusstvo. Zarubezhnyye svyazi* [Medieval Russian art. Foreign relations.]. Moscow, 1975. (In Russ.)

12. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 1974. (In Russ.)

13. Quine W.V.O. Ontological Relativity. *The J. of Philosophy*, 1968, vol. LXV, no. 7.

14. Humboldt W. Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1963.

15. Humboldt W. O sravnitelnom izuchenii yazykov primenitelno k razlichnym epokham ikh razvitiya. [About the comparative study of languages in relation to different periods of their development]. *Selected works*. Moscow, 1984. (In Russ.)

16. Sapir E. Status lingvistiki kak nauki [The status of linguistics as a science]. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as the image of the world]. Moscow, 2003. (In Russ.)

17. Whorf B.L. Nauka i yazykoznaniye [Science and linguistics]. *Yazyki kak obraz mira* [Languages as the image of the world]. Moscow, 2003. (In Russ.)

18. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics language of existence]. Moscow, 1996. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 781.1

И.Б. Горбунова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МУЗЫКЕ И КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕЛЬ ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ГОРБУНОВА Ирина Борисовна – *профессор, главный научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; доктор педагогических наук.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: gorbunova@herzen.spb.ru

В статье рассмотрено применение музыкально-компьютерных технологий в формировании комплексной модели семантического пространства музыки. Анализируются механизмы формирования виртуальной реальности, посвященные отдельным составляющим такого пространства. Отмечается необходимость развития самих музыкально-компьютерных технологий в условиях преобразования форм накопления и методов передачи знаний о музыке, музыкальных науках в эпоху развития цифровых технологий с целью объединения существующих подходов в новое органическое единство.

МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ; ЦИФРОВЫЕ ИСКУССТВА; СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МУЗЫКИ; ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

Музыка является одной из граней постижения духовной содержательности мира, его красоты, находящей отражение в звучании. *Звучание музыки* воспринимается человеком как *особое информационное пространство*. Как функционируют информационные технологии в звуковом (и – шире – семантическом) пространстве музыки – этот вопрос стал предметом внимания музыкантов различных специальностей в связи с формированием новых творческих перспектив деятельности музыканта.

Познание тайн звукообразования, звукотворчества, богатства тембрового и акустического воздействия музыки становится осязаемым для истинного музыканта, обогащает его творческое воображение, дает стимул к художественному новаторству. На рубеже XX и XXI веков возникло новое направление в музыкальном творчестве и музыкальной педагогике, обусловленное быстрым развитием электронных музыкальных инструментов (от простейших синтезаторов до мощных музыкальных компьютеров) – *музыкально-компьютерные технологии* (МКТ) [1]. В современном электронном музыкальном инструментарии наиболее полно и совершенно воплотились веками накопленные *информационные технологии в музыке* и искусстве музицирования. Без знания технологических аспектов представлений о музыке, о музыкальном инструментарии (в том числе музыкально-компьютерном) невозможна грамотная интерпретация музыкальных произведений исполнителем. Выдающийся пианист XX века И. Гофман писал: «Когда учащийся-пианист вполне овладеет материальной стороной, т. е. техникой, перед ним открывается безграничный простор – широкое поле художественной интерпретации. Здесь работа имеет преимущественно аналитический характер и требует, чтобы ум, дух и чувство, подкрепленные знаниями и эстетическим чутьем, образовали счастливый союз, позволяющий достигнуть ценных и достойных результатов» [2, с. 31–32]. В связи с развитием МКТ как одной из важнейших сфер профессиональной деятельности современного музыканта стала очевидной необходимость формирования адекватного представления о комплексной модели семантического пространства музыки, что составляет важный элемент подготовки современных музыкантов различных специальностей.

Комплексная модель семантического пространства музыки объединяет разные уровни музыкальной семантики, включая различные

аспекты музыкальной логики и психологические закономерности музыки, в том числе различные формы музыкальных синестезий. Эта модель опирается на комплексный анализ музыкальных произведений, являющийся одной из характерных тенденций в развитии музыкознания начиная с первой половины XX века, а также обусловлена использованием математических методов исследования в музыкознании [3, 4]. Предложенная в 2000 году коллективом авторов (М. Заливадный, М. Игнатьев, Н. Решетникова)[1], она возникла как обобщение ряда результатов, полученных ранее в том же направлении другими исследователями (Э. Курт, Б. Яворский, Ч. Осгуд, А. Моль, Я. Ксенакис, Б. Галеев и др.). В практике музыкознания одной из важнейших сфер применения комплексной модели семантического пространства музыки может служить *комплексный анализ музыкальных произведений*, включая достаточно сложную по содержанию и структуре проблематику восприятия и эстетической оценки музыки и изучение способов существования музыкальных композиций в связи с особенностями их исполнительской интерпретации. Термин «комплексный анализ музыкальных произведений» принадлежит выдающемуся советскому музыковеду В. Цуккерману, ученику Б. Яворского. Это понятие он развивал в дальнейшем совместно с Л. Мазелем. Отметим также, что теория и практика комплексного анализа музыкальных произведений (включая и сам принцип комплексного подхода к рассмотрению фундаментальных закономерностей музыки [3]) – одно из характерных направлений в развитии музыкознания начиная с первой половины XX века.

Логические закономерности строения музыкальных произведений стали предметом целенаправленного изучения музыкантов с первой половины XIX века (в теоретических работах этого времени обнаруживаются элементы теории множеств). Фундаментальные идеи, составившие теоретическую основу данных исследований, представлены рядом значительных работ[2], среди которых особое место занимает книга Я. Ксенакиса «Формализованная музыка» (подробный анализ рассматриваемого аспекта см. в [5]). Ранее близкая к понятию информации («субъективно воспринимаемого разнообразия») характеристика «приятности» созвучий выдвигалась в книге Л. Эйлера «Опыт новой теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии» [6], при этом автором рассматривались различные аспекты данной характеристики, в частности результаты объединения созвучий в тональности и переходы одних тональностей к другим (подробнее см. в [7]).

Результаты использования математических методов в музыкознании в первой половине XX века получили дальнейший импульс благодаря развитию теории *нечетких множеств*. В середине XX века музыкознанием и смежными науками предложен ряд перспективных идей, содержащих широкие возможности для изучения *факторов неопределенности в системе музыкального мышления*. В начале 1950-х годов музыкант-теоретик (и ученый-акустик) Н. Гарбузов предложил *теорию зонной природы музыкального слуха*, охватывающую все основные свойства звука. В это же время группой американских композиторов (Дж. Кейдж, Э. Браун, Д. Тюдор и др.) были введены *факторы неопределенности*

[1] См., например: *Заливадный М.С., Игнатьев М.Б., Решетникова Н.Н.* Комплексная модель семантического пространства музыки // VII Междунар. науч.-метод. конф. «Высокие технологии образования и науки». СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2000. С. 57–58; *Заливадный М.С., Соловьева Н.А.* Виртуальные миры на основе графических моделей музыки // Соврем. музыкальное образование-2003: материалы междунар. науч.-практ. конф. (9–11 октября 2003 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 254–258; *Заливадный М.С., Бурштын Л.Н., Будейкина Т.Б.* Декартово произведение множеств и композиция функций: взаимодействие в музыкальном пространстве // Научная сессия ГУАП. Ч. I. Техн. науки. СПб.: Изд-во СПбГУАП, 2007. С. 101–102.

[2] См., например: *Marx A.B.* Die Lehre von der musikalischen Komposition. Bd. 1–4. Berlin, 1837–1847; *Riemann H.* Grundriss der Kompositionslehre. Leipzig, 1897; *Лосев А.Ф.* Музыка как предмет логики (1927); *Эйзенштейн С.М.* Вертикальный монтаж // Избр. произв. В 6 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964; *Зарипов Р.Х.* Кибернетика и музыка. М.: Наука, 1971; *Xenakis I.* Musiques formelles // La Revue musicale. No. 253/254. P., 1963; *Idem.* Formalized Music. Thought and Mathematics in Music. Stuyvesant and Hillsdale, N. Y.: Pendragon Press, 1992.

в логическую структуру музыки, в дальнейшем интерполированные в технике письма алеаторической и сонористической музыки, получившей широкое распространение во всем мире[3]. Творческие опыты по реализации этих предложений способствовали выявлению элементов *логической неопределенности*, присутствующих в само́й музыкальной традиции, например партии ударных инструментов с неопределенной высотой звука, мелизматика, артикуляция, традиционная система динамических оттенков (подробно рассмотрено в исследованиях М. Заливадного, а также в работах [4, 8, 9]).

К 50-м годам XX века относятся исследования закономерностей слухо-зрительных синестезий и формирование *метода «семантического дифференциала»* Ч. Осгуда и его соавторов [10]. Этот метод является важным шагом на пути изучения музыкальных синестезий благодаря их группировке на основе ступенчатых шкал различий, допуская элемент неопределенности в структуре самих шкал, что позволяет говорить о *зонной природе музыкальных синестезий*. Такой подход придавал *шкалам синестетических значений элементов музыки* сходство с существующими в музыкальной теории шкалами различий самих этих элементов (простой пример – *высотный звукоряд*), также допускающими различные степени точности и соответственно колебания в расстояниях между отдельными элементами (например, *шкала интервалов* в работе С. Танеева «Подвижной контрапункт строгого письма» [11]). Оригинальный вариант методики изучения *синестетических закономерностей музыки* на этой основе (с разомкнутой внутренней структурой шкал и качественным различием самих элементов синестетических соответствий) был предложен Б. Галеевым применительно к изучению *слухо-зрительных синестезий*. Данные методы и подходы составили предпосылки к применению аппарата *нечетких* и *«грубых» множеств*[4], а также *теории вероятностей* и *математической статистики* в музыкально-научных исследованиях. Э. Курт и Дж. Шиллингер исследовали более сложные формы, выявляя *закономерности пространственно-слуховых синестезий в мелодическом движении* и обозначая отдельные звуки мелодии как точки, выражающие моменты смены направлений движения («*границы отдельных фаз*», «*высшие точки линейных кривых*») [12, 13]. Шиллингер указывает также на зависимость характера линий во входящих в музыкальные синестезии зрительных представлениях от артикуляции звуков (кривая линия – legato, ломаная линия – non legato, точечная структура – staccato) (подробнее данный аспект рассматриваемой проблемы проанализирован в [4]).

Рассмотренные теоретические идеи и обобщения представляют также основы исследований различных составляющих системы музыкального мышления, включая ее синестетическую область. Данный аспект важен при моделировании синестезий как частного случая виртуальных реальностей средствами информационных технологий и тем самым – использования возможностей музыки в качестве источника таких реальностей [14]. Идея непосредственного включения зрительного ряда в музыку с помощью компьютерных средств приобретает существенное значение не только для синтетических форм художественной деятельности с участием музыки, но и для само́го музыкального искусства [15]. Отметим, что все эти закономерности частично уже находят выражение в творчестве отдельных композиторов (например, система *UPIC* Я. Ксенакиса, «*поющий шамаиль*» Б. Галеева и В. Скороходова [16]), а также в современных МКТ, определяющих программное и аппаратное обеспечение профессиональной деятельности музыкантов (*программы-секвенсоры*, *аудиоредакторы*, *звукотембральное программирование*, *электронные музыкальные инструменты* и др.) [17–19].

Разработка отдельных композиционных закономерностей, а также их совокупности спо-

[3] См., например: *Денисов Э.В.* Стабильные и мобильные элементы музыкальной формы и их взаимодействие // Соврем. музыка и проблемы эволюции композиторской техники. М.: Сов. композитор, 1986. С. 112–136; *Когоутек Ц.* Техника композиции в музыке XX века. М.: Музыка, 1976; *Nordvall T.* Krzysztof Penderecki – studium notacji i instrumentacji // Res facta 2. Kraków: PWM, 1968. S. 79–112.

[4] См., например: *Заде Л.А.* Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1977; Soft Computing. Third International Workshop on Rough Sets and Soft Computing. San Diego, CA (USA), 1995.

собствует раскрытию понятия гармонии. Так как функцией гармонии является скрепление, связь некоторого числа элементов с целью синергетического согласования их друг с другом для выполнения общей задачи, то при обучении студентов музыке с использованием информационных технологий, в соединении компьютера и искусства, большое значение приобретает раздел математики – *теория групп*. В известном труде по теории групп А. Шубникова и В. Копцика, посвященном вопросам использования принципов и методов симметрии в различных областях искусства, отмечается: «Понятие *симметрии* входит в искусствознание через понятие структуры. Искусство, как образная форма познания и моделирования мира, должно отображать и действительно отражает его структурную сторону. Структурность – достаточно общий закон, форма существования и движения материи, и этому закону подчинены также продукты научного и художественного творчества. Хорошо известно, что произведения искусства – художественной литературы, поэзии, музыки, живописи, архитектуры и т. д. – обладают *сложной художественной структурой*, представляют органическое переплетение и взаимопроникновение различных подструктур отдельных компонент художественной выразительности» [20, с. 296–297].

Мы живем в эпоху утверждения эры цифровой цивилизации, а вместе с тем – смены возможностей и средств обучения искусству, музыкальному искусству в частности. В художественной сфере произошли кардинальные перемены, возникли новые творческие направления: «*цифровые искусства*», «*distant reading*», «*digital reading*» (термин Ф. Моретти), «*музыкально-компьютерные технологии*», «*медиамузыка*» (термин А. Чернышова), «*медиаобразование*» и др., требующие совместных исследований гуманитариев и специалистов в области цифровых технологий.

С развитием МКТ в современном музыкальном искусстве и образовании значимое место занимают технологические аспекты представлений о музыкальном творчестве и музыкальном инструментарии (в том числе музыкально-компьютерном); без знания этих аспектов невозможна грамотная интерпретация музыкальных произведений исполнителем. Существование музыкальных инструментов, их звучание, воплощенное в музыкальных звуках, иллюстрирует основополагающие идеи, связанные с изучением *комплексной модели семантического пространства музыки*. Внимание музыкантов привлекает изучение физических характеристик музыкальных звуков, способов их записи и воспроизведения, объяснение психоакустических особенностей слухового восприятия звука человеком, основные принципы компьютерной генерации музыкального звука и др.

Многое в этом направлении уже основательно наработано отечественными учеными. Коснемся, в частности, вопроса о необходимости изучения основ *музыкальной акустики*, которая сегодня, при активном внедрении современных информационных технологий и МКТ, получила действенное и качественно новое развитие, определила многое в процессе развития музыкальной науки в целом. Уже подготовлены курсы учебных дисциплин, направленные на формирование представлений современного музыканта о музыкальной акустике, о МКТ и в целом об *информационных технологиях в музыке* [См., например: 8, 17, 21–23].

В этой связи особое значение приобретают труды Ю. Рагса, который работал в различных областях науки о музыке, проводя исследования в области музыкальной психологии (включая проблематику музыкальных синестезий), проблем музыкальной эстетики, раскрывая особенности взаимодействия композиторского и исполнительского творчества, утверждая роль и место новых информационных технологий в музыке и музыкальном образовании, разрабатывая концептуальные основы курса «*Музыкальная информатика*», оценивая роль электронной и компьютерной музыки в современном музыкально-художественном пространстве и др.[5] Глубоко и содержательно занимаясь музыкальной акустикой и определяя ее место в современном музыкальном образовании, Рагс

[5] См., например: *Назайкинский Е., Рагс Ю.* Восприятие музыкальных тембров и значение отдаленных гармоник звука // Применение акустических методов исследования в музыкознании. М.: Музыка, 1964. С. 79–100; *Они же.* О художественных возможностях синтеза музыки и света (на материале «Прометея» А. Скрябина) // Музыкальное искусство и наука. Вып. 1. М.: Музыка, 1970. С. 166–190.

в то же время проявлял обеспокоенность по поводу разобщенности в организации музыковедческих знаний. Он на протяжении многих лет обращался к этой теме, пытаясь найти инструмент, с помощью которого можно было бы осуществить процесс объединения разрозненных областей музыкальных исследований: «Мы исходили из того, что единая по своей сущности система музыкального искусства должна и в научном знании обрести единство. С этой целью был рассмотрен один из вариантов модели – модели *целостной* системы изучения музыкального искусства» [23, с. 140]. Недостающий компонент, инструмент музыканта-исследователя и творца, с помощью которого оказалось возможным объединить в одно целое всю «*многослойную музыкальную культуру*» (термин З. Лиссы [24]), – это, по мнению Рагса, *музыкальная акустика*, непосредственно изучающая материал «*гомогенной посредующей системы*» музыки (термин Д. Лукача [25, с. 352]) и тем самым призванная обеспечить необходимый уровень обобщения.

Знания особенностей тембрового и акустического воздействия музыки обогащает творческое воображение истинного музыканта, тонкая вязь музыкальной ткани становится более осязаемой для него, дает стимул к художественному новаторству. «Всю свою жизнь музыкант проводит в мире звуков, в кругу образов, ими порождаемых. Он мыслит звуками, творит искусство – прекрасное, гармоничное», – пишет Рагс [26, с. 10]. Ученик Н. Гарбузова, он понимает, что «знания об акустике нужны каждому педагогу-музыканту, каждому студенту» [Там же. С. 11]. Его заботит судьба акустики как науки, тот факт, что сегодня «акустика *как наука* оторвана от подлинной творческой жизни музыканта» [Там же. С. 12].

В своих научных трудах, статьях, учебных пособиях он широко освещает и обсуждает технологические аспекты современных представлений о музыке, о музыкальном инструментарии (в том числе музыкально-компьютерном), поясняет, что сегодня без знания этих аспектов невозможна грамотная интерпретация музыкальных произведений исполнителем. «Музыканты постоянно приобретают необходимые для практической деятельности акустические знания. Но обычно они у них несистематичны», – замечает Рагс. Музыкальная акустика «должна быть понятной каждому музыканту» [Там же. С. 11].

Говоря о будущем акустики, которое «в новом качестве уже началось, а именно в электронной и компьютерной музыке, синтезаторах, звукорежиссерской деятельности, в учебных занятиях по музыкальной информатике», Рагс рассматривает музыкально-образовательный процесс как сложную систему, устанавливающую связь различных подходов к формированию адекватного образовательного потенциала музыкантов в области информационных технологий в контексте происходящих изменений и реформирования системы образования в целом, позволяющих объединить возможности традиционных, классических методов в подготовке музыканта и возможности МКТ [Там же. С. 13]. Обсуждая роль МКТ в современном музыкально-образовательном пространстве и творчестве, ученый отмечает, что «сейчас – с изобретением звукозаписи, звукового кино, радио, телевидения, с развитием деятельности звукорежиссеров, а также тех, кто занимается компьютерной музыкой, – музыкальная акустика становится всё более и более значительной научно-исследовательской дисциплиной. На ее основе возможно управлять сложным процессом сочинения музыкального произведения, его воспроизведения, редактирования звучания» [Там же. С. 245].

В использовании МКТ таятся большие возможности для сочинения, исполнения, исследования музыки и музыкального образования и воспитания; этого процесса не следует опасаться, а, напротив, нужно поддерживать и принимать в нем активное участие. На часто звучащий вопрос: «Для чего нужно заменять одаренных музыкантов „машинами”, отводить живое искусство на какой-то последний план и тем самым понижать эстетическую ценность музыкального искусства?» Рагс отвечал: «Но в таком плане задачу никто не ставит. Известно, что компьютерное и электронное звучание заполняет уже сейчас рекламу, клипы, телевизионные и радиопередачи, кинофильмы и т. п. Их качество нас далеко не всегда удовлетворяет. Поэтому возникает необходимость готовить в этой сфере настоящих профессионалов, которые могли бы действительно поднять художественный уровень искусства. И учебные заведения должны не отходить от дела, а, по возможности, руководить им» [27, с. 202].

Призывая к объединению музыковедческих теорий, знаний о музыке, Рагс говорит и о необходимости объединения самих музыкантов: «Объединить по интересам музыкантов, работающих в общеобразовательных школах и в специальных музыкальных учебных заведениях по всем специальностям и на всех ступенях обучения (в ДМШ, училище или колледже, вузе)» и «использовать богатые возможности новых информационных технологий и в деле методического развития системы музыкального образования» [28, с. 65, 67]. Ю. Рагс указывает на необходимость взаимопонимания между представителями различных направлений музыкально-научных исследований, призывает «к более гармоничным отношениям между ними: одно не может существовать без другого, и искусственно созданные преграды между музыкой и акустикой, возникшие в учебных заведениях, окажутся ненужными. В реальной действительности этих преград не существует» [26, с. 83]. Он подчеркивает особый смысл и роль *музыкальной акустики* в *обобщении* направлений музыковедческих исследований: «Проблема метода акустики на разных периодах ее развития, значение музыкальной акустики для разных сфер научного познания музыки и множество других вопросов – эти проблемы составляют содержание будущих исследований, которые, *мы верим* (выделено мною. – *И. Г.*), *будут проводиться совместно музыкантами*, в том числе и педагогами, *и акустиками*» [Там же. С. 244–245]. Так, например, проводятся педагогические исследования, направленные на выявление путей и методик формирования информационной компетентности современного музыканта в современном музыкально-образовательном пространстве с использованием «метода акустики», на основе возможностей музыкальной звукорежиссуры и современных МКТ [29].

Акустическое пространство залов для музыкальных представлений часто выполняло определенную фильтрующую функцию в музыкальной культуре, корректируя характер музыкальных произведений, исключая элементы, неприемлемые с позиции эстетической слуховой оценки. Исследования в области пространственной обработки художественных фонограмм, проводимые такими мастерами отечественной звукорежиссуры, как Б. Меерзон, П. Кондрашин и др., описание функционального проявления звукового образа пространства в культуре (Б. Блессер, Л. Зальтер и др.) внесли весомый вклад в исследования *звукового образа пространства* как феномена музыкального искусства.

Стремительное развитие художественно-технического инструментария музыкальной звукорежиссуры, в частности технологий создания трехмерного звука, и необходимость разработки методов его эффективного использования в процессе создания звуковых составляющих комплексного художественного образа – *комплексной модели семантического пространства музыки* – являются органической частью формирования пространственных свойств «*звуковой картины*» (термин В.Г. Динова) пространства. Акустические процессы часто оказывают определяющее влияние на различные аспекты творческой деятельности музыканта, композитора, звукорежиссера (к ним можно отнести различные модели и схемы микрофонного приема звукового материала и размещения музыкантов в процессе звукозаписи, способы организации и обработки звукового материала в создании конечной версии звуковой картины и др.). Качественная сторона этих процессов характеризуется, как правило, субъективными описаниями воспроизведения результата, когда музыканты или слушатели отмечают, каким образом пространство концертного зала влияет на звучание музыкальных инструментов, ансамблей, оркестров и т. п.

Исследование связи слуховой оценки пространства с его объективными свойствами, осуществление успешного в эстетическом отношении предиктивного контроля акустических качеств пространства и классификация факторов, отвечающих за формирование слуховых ощущений слушателя от прослушивания музыкального материала в различных акустических условиях, являются новым этапом на пути развития искусства музыкальной звукорежиссуры, важным шагом к последовательному формированию элементов комплексной модели семантического пространства музыки, отражающему современное состояние развития МКТ, поскольку позволяют понять глубинные принципы формирования звукового образа пространства, удовлетворяющего высоким эстетическим оценкам, и могут служить ориентиром в творческой деятельности современного музыканта

и звукорежиссера в процессе создания музыкальных композиций.

Отмечая значительный прогресс в процессе развития МКТ для создания звукового образа пространства, возможности управления пространственными характеристиками помещения, формирующими слуховой образ пространства, как в развитии пространственных систем звукопередачи – от моно, стерео, матричной и бинауральной стереофонии к системам типа Ambiophonics, Wave Field Synthesis и др., – так и в процессе создания и совершенствования систем искусственной реверберации – от аналоговых реверберaторов к цифровым системам и применению процессов аурализации в создании виртуальных звуковых пространств, А. Рустамов показал, что коррелируя субъективные оценки трехмерных синтезированных образов пространств, созданных с применением *технологии аурализации* (критерии: *жизненность*, *ширина источника*, *окружение звуком*, *ясность*, *теплота звучания* и др.), с их объективными акустическими параметрами, можно наблюдать те же тенденции, что и для оценки акустических качеств реальных пространств. Это означает, что, манипулируя объективными коррелятами этих параметров оценки, музыкальный звукорежиссер может предиктивно воздействовать на ключевые (в эстетическом отношении) качества синтезированного методом аурализации звукового образа пространства [30].

В эпоху развития МКТ, которые используются повсеместно – в творчестве, науке о музыке, музыкальной педагогике, – А. Чернышов обобщил практический, исторический и теоретический опыт музыкального творчества в СМИ. Обозначив проблематику современных электронных медиа, ученый разработал новое направление в искусствоведении – *медиамузыка*, или *медиамузыкальные технологии*, которые затронули как сугубо информационные формы и жанры средств массовой информации, так и художественные жанры, определяя тем самым новую историческую эпоху, связанную с развитием *цифровых искусств* [31]. Медиамузыкальные технологии затрагивают исследования в области музыкальной семантики, музыкальной психологии, музыкальной медицины. Современные МКТ и другие прикладные исследования, иллюстрирующие широкий спектр новых музыкально-теоретических направлений в науке о музыке, расширяют спектр научных проблем, определяемых комплексной моделью семантического пространства музыки, объединяющей разные уровни музыкальной семантики.

В учебных пособиях [8, 9, 17, 21, 22] рассматриваются различные аспекты и элементы формирования *комплексной модели семантического пространства музыки* и формы взаимодействия музыки, математики и информатики в их историческом развитии (включая современный этап), содержатся рекомендации к построению учебного курса, посвященного применению информационных технологий в музыке и МКТ в музыкальной науке и практической музыкальной композиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Горбунова И.Б.** Феномен музыкально-компьютерных технологий как новая образовательная творческая среда // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2004. № 4 (9). С. 123–138.

2. **Гофман И.** Фортепианная игра. Ответы на вопросы о фортепианной игре / пер. с англ. Г.А. Павловой. М.: Музгиз, 1961. 224 с.

3. **Швейцер А.** Иоганн Себастьян Бах. М.: Классика-XXI, 2011. 816 с.

4. **Горбунова И.Б., Заливадный М.С.** О математических методах в исследовании музыки и подготовке музыкантов // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 1 (12). С. 272–276.

5. **Они же.** Опыт математического представления музыкально-логических закономерностей в книге Я. Ксенакиса «Формализованная музыка» // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 135–139.

6. **Эйлер Л.** Опыт новой теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии / пер. с лат. Н.А. Алмазовой. СПб.: Нестор-История, 2007. 273 с.

7. **Горбунова И.Б., Заливадный М.С.** Музыкально-теоретические воззрения Леонарда Эйлера: актуальное значение и перспективы // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. № 4, т. 2. С. 164–172.

8. **Они же.** Информационные технологии в музыке: учеб. пособие. Т. 4. Музыка, математика, информатика. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 180 с.

9. **Горбунова И.Б., Заливадный М.С., Кибиткина Э.В.** Основы музыкального программирования: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 195 с.

10. **Osgood Ch., Suci J., Tannenbaum P.** The Measurement of Meaning. Urbana, Illinois: Illinois University Press, 1957. 350 p.

11. **Танеев С.И.** Подвижной контрапункт строгого письма. М.: Музгиз, 1959. 383 с.

12. **Курт Э.** Основы линеарного контрапункта / пер. с нем. З.В. Эвальд. М.: Музгиз, 1931. 304 с.

13. **Schillinger J.** The Schillinger System of Musical Composition. Vol. 1–2. N. Y.: Carl Fischer, 1946. 1640 с.

14. **Заливадный М.С.** Применение закономерностей слухо-зрительных синестезий в композиции и анализе музыки // Синестезия: содружество чувств и синтез искусств: материалы междунар. науч.-практ. конф. 2008. Казань: Изд-во КГТУ, 2008. С. 156–159.

15. **Ульянич В.С.** Компьютерная музыка и освоение новой художественно-выразительной среды в музыкальном искусстве: автореф. дис. ... канд. иск. М., 1997. 24 с.

16. **Галеев Б.М., Скороходов В.А.** Из рисунка – в мелодию // «Синестезия: содружество чувств и синтез искусств»: материалы междунар. науч.-практ. конф. 2008. Казань: Изд-во КГТУ, 2008. С. 236–241.

17. **Горбунова И.Б.** Информационные технологии в музыке: учеб. пособие. Т. 3. Музыкальный компьютер. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 412 с.

18. **Горбунова И.Б., Кибиткина Э.В.** Музыкальное программирование: вопросы подготовки специалистов // Искусство и образование. 2010. № 5 (67). С. 104–111.

19. **Горбунова И.Б., Романенко М.Ю., Чибирёв С.В.** Моделирование процесса музыкального творчества с использованием музыкально-компьютерных технологий // Вестн. Ирк. гос. техн. ун-та. 2013. № 4 (75). С. 16–24.

20. **Шубников А.В., Копцик В.А.** Симметрия в науке и искусстве. М.; Ижевск: Изд-во Ин-та компьютерных исслед., 2004. 560 с.

21. **Горбунова И.Б.** Информационные технологии в музыке: учеб. пособие. Т. 1. Архитектоника музыкального звука. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 175 с.

22. **Она же.** Информационные технологии в музыке: учеб. пособие. Т. 2. Музыкальные синтезаторы. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. 205 с.

23. **Рагс Ю.Н.** Уровни и содержание музыковедческих измерений // Эстетика: информац. подход. Проблемы информац. культуры. Вып. 5 / ред. Ю. Зубов, В. Петров. М.: Смысл, 1997. С. 124–141.

24. **Lissa Z.** O wielowarstwowości kultury muzycznej // Muzyka. 1959. No. 1. S. 3–22.

25. **Лукач Д.** Своеобразие эстетического. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 467 с.

26. **Рагс Ю.Н.** Акустические знания в системе музыкального образования: очерки. Рязань: Литера М, 2010. 336 с.

27. **Он же.** Перспективы развития курса информатики в музыкальных образовательных учреждениях // Соврем. муз. образование-2003: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 200–203.

28. **Он же.** О сайте «Трибуна музыканта-педагога» // Соврем. муз. образование-2004: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 64–67.

29. **Горбунова И.Б., Романенко Л.Ю., Родионов П.Д.** Музыкально-компьютерные технологии в формировании информационной компетентности современного музыканта // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2013. № 1 (167). С. 39–48.

30. **Рустамов А.Р.** Звуковой образ пространства в структуре языка звукорежиссуры: дис. ... канд. иск. СПб., 2013. 195 с.

31. **Чернышов А.В.** Медиамузыка: основы теории, практика и история: дис. ... д-ра иск. М., 2014. 358 с.

I.B. Gorbunova

INFORMATION TECHNOLOGY IN MUSIC AND INTEGRATIVE MODEL OF ITS SEMANTIC SPACE

GORBUNOVA Irina B. – *Herzen State Pedagogical University of Russia*.
Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: gorbunova@herzen.spb.ru

The article discusses the application of music computer technology (MCT) when forming an integrative model for semantic space music. The author analyzes the mechanisms of forming virtual reality, focusing on specific components of that space. The need to develop MCT so as to transform the forms and methods for accumulating and transmitting knowledge about music and musicology is emphasized in the context of the general task to unify various approaches to the problem into an organic whole.

MUSIC COMPUTER TECHNOLOGIES; DIGITAL ART; MUSIC SEMANTIC SPACE; VIRTUAL REALITY.

REFERENCES

1. Gorbunova I.B. [Phenomenon of Musical Computer Technologies as a new educational creative medium]. *IZVESTIA: Herzen Univ. J. of Humanities and Sciences,* 2004, no. 4 (9), pp. 123–138. (In Russ.)

2. Hofmann J. *Fortepiannaya igra. Otvety na voprosy o fortepiannoy igre* [Piano Playing. Piano Questions answered by Josef Hofmann]. Moscow, Muzgiz Publ., 1961. 224 p. (In Russ.)

3. Schweitzer A. Johann Sebastian Bach. Moscow, Klassica-XXI Publ., 2011. 816 p. (In Russ.)

4. Gorbunova I.B., Zalivadnyy M.S. [On Mathematical Methods in Music Theory and Musical Education]. *Music Scholarship. Russian J. of Academic Research in Music*, 2013, no. 1 (12), pp. 272–276. (In Russ.)

5. Gorbunova I.B., Zalivadnyy M.S. [Formalized music by Iannis Xenakis as an attempt of mathematical representation of the logical regularities in music]. *TERRA HUMANA: Society. Environment. Development*. Research and Theoretical Magazine, 2012, no. 4 (25), pp. 135–139. (In Russ.)

6. Euler L. *Opyt novoy teorii muzyki, yasno izlozhennoy v sootvetstvii s neprelozhnymi printsipami garmonii* [An Attempt of New Theory of Music, Clearly Exposed in Correspondence with Inevitable Principles of Harmony]. St. Petersburg, Nestor-Historia Publ., 2007. 273 p. (In Russ.)

7. Gorbunova I.B., Zalivadnyy M.S. [Leonhard Euler's theoretical views on music: actual meaning and some perspectives]. *Vestnik* of *the Leningrad State Univ. named after A.S. Pushkin,* 2012, no. 4, vol. 2, pp. 164–172. (In Russ.)

8. Gorbunova I.B., Zalivadnyy M.S. *Informatsionnye tekhnologii v muzyke. T. 4. Muzyka, matematika, informatika* [Information technologies in music. Vol. 4. Music, mathematics, computer science. Textbook]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., 2013. 180 p. (In Russ.)

9. Gorbunova I.B., Zalivadnyy M.S., Kibitkina E.V. *Osnovy muzykal'nogo programmirovaniya* [Programming in music. Textbook]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., 2012. 195 p. (In Russ.)

10. Osgood Ch., Suci J., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. Urbana, Illinois; Illinois University Press, 1957. 350 p.

11. Taneyev S.I. *Podvizhnoy kontrapunkt strogogo pis'ma* [Convertible Counterpoint in the Strict Style]. Moscow, Muzgiz Publ., 1961. 383 p. (in Russ.)

12. Kurth E. *Osnovy linearnogo kontrapunkta* [Principles of Linear Counterpoint]. Moscow, Muzgiz Publ., 1961. 304 p. (In Russ.)

13. Schillinger J. *The Schillinger System of Musical Composition.* Vol. 1–2. New York, Carl Fischer, 1946. 1640 p.

14. Zalivadnyy M.S. [Experiments on applying the regularities of sight-and-hearing synaesthaesias in composing and analyzing music]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Sinesteziya: sodruzhestvo chuvstv i sintez iskusstv"* ["Synaesthesia: the unity of senses and the synthesis of arts". Materials of the Int. Research and Practical Conference]. Kazan, Kazan State Technical Univ. Publ., 2008. Pp. 156–159. (In Russ.)

15. Ulianich V.S. *Kompyuternaya muzyka i osvoieniye novoy khudozhestvenno-vyrazitel'noy sredy v muzykal'nom iskusstve.* Avtoref. kand. dis. [Computer music and the exploration of a new medium of artistic expression in the art of music. Abstr. cand. diss.]. Moscow, 1997. 24 p. (In Russ.)

16. Galeyev B.M., Scorochodov V.A. [From drawing into melody]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Sinesteziya: sodruzhestvo chuvstv i sintez iskusstv"* ["Synaesthesia: the unity of senses and the synthesis of arts". Materials of the Int. Research and Practical Conference]. Kazan, Kazan State Technical Univ. Publ., 2008. P. 236–241. (In Russ.)

17. Gorbunova I.B. *Informatsionnye tekhnologii v muzyke. T. 3. Muzykal'nyy kompyuter* [Information technologies in music. Vol. 3. Music computer. Textbook]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., 2011. 412 p. (In Russ.)

18. Gorbunova I.B., Kibitkina E.V. [Musical programming: problems formation of specialists]. *Art and Education*, 2010, no. 5 (67), pp. 104–111. (In Russ.)

19. Gorbunova I.B., Romanenko M.Yu., Chibiryov S.V. [Modeling of Musical Composition Process with Using Music Computer Technologies]. *Vestnik of Irkutsk State Technical Univ.*, 2013, no. 4 (75), pp. 16–24. (In Russ.)

20. Shubnikov A.V., Koptsik V.A. *Simmetriya v nauke i iskusstve* [Symmetry in science and art]. Moscow, Izhevsk, Institut Computernyh Issledovaniy Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)

21. Gorbunova I.B. *Informatsionnye tekhnologii v muzyke. T. 1. Arkhitektonika muzykal'nogo zvuka* [Information technologies in music. Vol. 1. Architectonics of musical sound. Textbook]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., 2009. 175 p. (In Russ.)

22. Gorbunova I.B. *Informatsionnye tekhnologii v muzyke. T. 2. Muzykal'nye sintezatory* [Information technologies in music. Vol. 2. Music synthesizers. Textbook]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., 2010. 215 p. (In Russ.)

23. Rags Yu. [The levels and contents of dimensions in musicology]. *Estetika: informatsionnyy podkhod. Problemy informatsionnoy kul'tury* [Aesthetics: An information approach. Problems of Information Culture]. Iss. 5. Moscow, Smysl Publ., 1997. P. 124–141. (In Russ.)

24. Lissa Z. [On Multi-Layer Structure of Music Culture]. *Music*, 1959, no. 1, pp. 3–22. (In Polish)

25. Lukach D. *Svoeobrazie esteticheskogo* [Originality of aesthetic principles]. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1986. 467 p. (In Russ.)

26. Rags Yu. *Acusticheskie znaniya v sisteme muzicalnogo obrazovaniya: ocherki* [Acaustical Knowelegies in the System of Music Education: Esseys]. Riazan, Litera M Publ., 2010. 336 p. (In Russ.)

27. Rags Yu. [Perspectives of developing computer science course in educational institutions of music]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Sovremennoe musical'noe obrazovanie-2003"* ["Contemporary music education-2003". Materials of the Int. Research and Practical Conference]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical Univ. of Russia Publ., 2003. P. 200–203. (In Russ.)

28. Rags Yu. [On the site: "Tribune for Teacher of Music"]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Sovremennoe musicalnoe obrazovanie-2004"* ["Contemporary music education-2004". Materials of the Int. Research and Practical Conference]. Vol. 1. St. Petersburg, IPC SPGUTD Publ., 2004. P. 64–67. (In Russ.)

29. Gorbunova I.B., Romanenko M.Yu., Rodionov P.D. [Music computer technologies in the forming of contemporary musician's competence in informatics]. *St. Petersburg State Polytechnical Univ. J. Humanities and Social Sciences*, 2013, no. 1 (167), pp. 39–46. (In Russ.)

30. Rustamov A. *Zvukovoy obraz prostranstva v structure khudozhestvennogo yazyka rezhissury.* Kand. dis. [Sound image of space in the structure of sound design artistic language. Cand. diss.]. St. Petersburg, 2013. 195 p. (In Russ.)

31. Chernyshov A.V. *Mediamuzyka: istoriya, teoriya, praktika. Dokt. dis.* [Media music: history, theory, practice. Doct. diss.]. Moscow, 2014. 358 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 1/316.77

А.В. Денисков

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

ДЕНИСКОВ Антон Владимирович – *соискатель, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: deniskov_anton@mail.ru

Рассмотрены особенности взаимодействия социальных субъектов в сетевом обществе. В качестве исходного феномена выступает цифровое неравенство в доступе к информации (познавательный разрыв) как явление современного социума. Анализируется его многогранный характер. Обозначены факторы, обусловливающие появление цифрового неравенства, виды дигитального разрыва и возможные способы его преодоления. Выделена специфика познавательного барьера в техногенном мире. Делается вывод, что уменьшение масштабов цифрового разрыва в постиндустриальном социуме связано с идеей проектирования системы социальных взаимодействий.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ; ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО; ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ; ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО; ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

В постиндустриальную эпоху общество рассматривается как социум, где знание становится главным ресурсом, движущей силой социального и экономического развития. Перспективы формирования глобального социума в западноевропейской и американской литературе связываются с цифровой культурой интерактивного общества (М. Кастельс, Ю. Хабермас) и в существенной мере определяются интенсивным развитием сетевых технологий [4, 5]. В докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (1995) утверждается, что безграничный доступ к информации имеет определяющее значение для улучшения качества жизни людей, укрепления социальных связей. Поскольку, по мнению ряда разработчиков концепции общества знания (Г. Бехманн, П. Дракер и др.), все сферы жизнедеятельности ориентированы на достижения в области информационных и коммуникативных технологий [1, 2], анализ формирования системы взаимодействий в техногенных средах становится все более актуальным.

Важно отметить отсутствие барьеров на пути к источникам знаний как важнейшую черту современного социума. Тем более значимым представляется анализ причин возникновения цифрового неравенства и способов его преодоления в контексте эволюции информационного общества. Теоретическую базу для такого исследования дает установка социального конструктивизма, который представляет информационное общество как глобальный экономико-политический, антропосоциальный и технологический проект, где доминирующую роль играет проектирование системы взаимодействий с помощью сетевых компьютерных телекоммуникационных технологий [6].

Цифровое неравенство, или познавательный разрыв, – одна из особенностей взаимодействия социальных субъектов в информационную эру. Исследователи также обозначают это явление современной действительности как неравный доступ к знаниям, технологический дисбаланс, телекоммуникационную асимметрию, цифровой барьер, дигитальное препятствие, электронно-информационное неравенство.

Термин «познавательный разрыв» указывает на многогранную проблему, характерную для любой страны. Не является исключением и Россия. В основе феномена цифрового разрыва

лежит неравномерность в уровне возможностей доступа к информации. Цифровой разрыв существует как между членами общества, относящимися к различным социальным слоям, так и между целыми регионами внутри страны.

Основными факторами, влияющими на цифровое неравенство и усиливающими последствия познавательного разрыва, являются инфраструктурный, материальный и образовательный.

Ограниченный доступ к сетевой инфраструктуре, недостаточная оснащенность оборудованием объясняют различие в технологическом развитии, например, центральных зон России и районов Крайнего Севера, городов и сельской местности, равнинных и горных территорий, промышленно развитых и депрессивных регионов. В ряде районов страны Интернет, видимо, будет еще долгое время оставаться предметом недоступной роскоши (на обочине глобализации останутся, например, населенные пункты, расположенные в таежных краях).

Материальный фактор заключается в проблеме платежеспособности населения. Дорого стоит не только сама оргтехника – компьютеры и другое, но также предоставление Интернет-услуг.

Существует и образовательный фактор. Доступ к инфраструктуре и отсутствие материальных проблем не смогут решить проблему познавательного разрыва, так как его уровень зависит и от когнитивной подготовленности населения. Ознакомление с информационными средствами требует значительных интеллектуальных ресурсов. Бесполезно тянуть оптоволоконную линию, если подключение к Сети не будет сопровождаться развитием познавательных способностей потребителей. Чтобы технологический потенциал был востребован и адекватно функционировал, требуется еще и наличие когнитивных вызовов. Этим, в частности, объясняется ситуация, при которой познавательный разрыв довольно резко проявляется в рамках какого-либо одного общества.

В то время как факторы первой и второй группы поддаются количественной оценке (затраты населения на компьютерное оборудование и устройства доступа; инвестиции телекоммуникационных компаний в развитие Сети; средства, выделяемые государством на развитие интернет-сервисов, а также на покупку компьютерного оборудования в государственных учреждениях, и др.), воздействие образовательного фактора сложно оценить из-за неразработанности методов оценки.

Исследователи, изучающие проблемы неравенства населения в доступе к новым технологиям и получению информации, выделяют несколько видов познавательных разрывов, которые дополняют друг друга и переплетаются между собой. Эти виды цифрового неравенства вызваны неодинаковыми материальными условиями жизни людей, разницей в возрасте и поле, культурными, образовательными и языковыми различиями и напрямую связаны с данными по безработице. Последнее обстоятельство объясняется тем, что оснащенное компьютером рабочее место безусловно предполагает наличие навыков владения современной оргтехникой. Неработающая часть населения имеет ограниченный доступ к новым технологиям.

Возрастное неравенство проявляется в том, что молодая часть населения, не имеющая когнитивных барьеров и легко осваивающая технологические инновации, часто сталкивается с материальными проблемами: ограничение в доступе к информации связано с экономическими трудностями. Для групп, состоящих из людей пожилого возраста и имеющих, как правило, более устойчивое финансовое положение, существенным препятствием на пути доступа к новым технологиям становится отсутствие навыков владения элементами техносферы.

Интересно, что познавательный разрыв среди мужчин и женщин, столь очевидный для большей части территории планеты, в меньшей степени характерен для России, где женщины составляют значительно большую часть пользователей Интернета, чем мужчины.

Всё сказанное подтверждают результаты ряда исследований о распространении Интернета в России. Так, по данным, опубликованным ВЦИОМ, Сеть требуется пользователям преимущественно для работы (58 % ответов). Аналитики подсчитали, что повседневное применение компьютерных технологий дает 10 % роста производительности труда на предприятиях малого и среднего бизнеса: «компьютеризированный» работник производит больше добавленной стоимости в год.

Одно из самых востребованных занятий в Сети – расширение кругозора и получение но-

востей (49 и 48 % соответственно). По данным исследователей, с 2006 по 2010 год удвоилось количество пользователей Сети, читающих книги. За последними новостями чаще других заходят в Интернет студенты (52 %) и специалисты (26 %). Среди пользователей около трети опрошенных – мужчины (30 %), россияне моложе 25 лет (36 %), с высшим образованием (39 %), жители Москвы (49 %) или больших городов с населением более 500 тыс. человек (52 %) [3].

Результаты регулярного мониторинга, который ведут в России специалисты аналитических центров, показывают, что за последние пять лет в потреблении информации произошли значительные изменения. Социологический опрос центра Юрия Левады за 2013 год показал, что поиск информации остается основной целью выхода граждан в Сеть: 71 % опрошенных пользователей Интернета используют его для того, чтобы найти нужные данные. Значительно больше людей стало следить по Интернету за последними новостями и анализом событий в стране и за рубежом. Так, число россиян, которые интересуются новостями в Сети, возросло до 42 % (в 2011 году этот показатель составлял 37 %) [Там же].

Мотивы пользования Интернетом различаются в зависимости от принадлежности россиян к той или иной социально-демографической группе. Данные социологической службы подтвердили, что учащаяся молодежь – самый активный пользователь Интернета. По многим позициям опроса эта группа является лидирующей. Учащиеся и студенты чаще других пользуются Интернетом (92 % опрошенных) для поиска нужной информации или просматривают новости (52 %).

В целом социально-демографический портрет пользователя Интернета в России, выходящего в Сеть не реже чем раз в месяц, выглядит так: это житель Москвы или Санкт-Петербурга (68 %), либо Уральского или Центрального округов (48 и 45 %), в возрасте 18–24 лет (70 %), с высоким уровнем образования (57 %) и материального обеспечения (51 %). В домах у 93 % россиян есть разнообразные технические цифровые устройства, 81 % из которых – мобильный телефон (для сравнения: в аналогичном опросе 2002 года указывалось, что техническими устройствами пользовались 64 % россиян). Однако лишь 46 % россиян имеют дома компьютер, 38 % подключены к Интернету, но нужно добавить, что за последние 10 лет эти показатели значительно возросли [Там же].

Неравенство в уровне возможностей доступа к знаниям, таким образом, продолжает оставаться актуальной проблемой для современного социума. На других стадиях развития общества неравенство в доступе к знаниям тоже существовало. В древности владение информацией было привилегией только высших каст. Распространение массового знания – сначала в устной, потом в рукописной и печатной форме – вывело социум на новую ступень общественного развития.

В информационную эпоху познавательный разрыв имеет свою специфику. Особенностью информационного общества становится резкое изменение его масштаба, технологические препятствия приобретают теперь гигантские размеры. Если представить, что существует возможность в количественном выражении определить цифровой разрыв между самым неинформированным членом общества и самым информированным, то, по нашим представлениям, в других социумах он составил бы считанные десятки единиц информации, в современном мире – в огромное число раз больше. Некоторые эксперты считают, что со временем познавательный разрыв будет только увеличиваться. Население, живущее в регионах с плохо развитой сетевой инфраструктурой, имеет недостаточный доступ к Интернету, в то же время в крупных городах страны число «подключенных» стремительно увеличивается. В частности, этому способствует интенсивное распространение мобильного Интернета, которое привело к появлению новой ментальности «всегда на связи». Согласно исследованию «Wave», с 2011 по 2013 год количество пользователей социальных сетей, использующих для доступа в Сеть смартфоны, в России выросло на 120 %, а использующих планшеты – на 230 % [Там же].

Еще одной особенностью познавательного разрыва в техногенном социуме является так называемый «технологический прыжок», который подразумевает мгновенное преодоление нескольких этапов развития путем внедрения инновационных открытий и предоставления людям возможности пользоваться новым огромным потенциалом. Так, в России начала XXI века население тысяч населенных пунк-

тов, не оснащенных проводной телефонией, но подключенных к сотовой связи, получило мгновенный доступ к новейшим информационно-коммуникативным технологиям.

Сокращение цифрового разрыва является приоритетной задачей для каждого общества, так как любой человек имеет право на безграничный доступ к информации и знаниям. В условиях, когда на передний план выходит задача эффективного функционирования институтов гражданского общества, идея проектирования социальных взаимодействий выглядит как наиболее адекватная современным реалиям. Человек теперь должен конструировать по-новому окружающий его мир, который стремительно превращается в инновационный проект. Находясь внутри этого проекта, человек должен переиначивать свои взаимодействия с миром. Особенностью информационного периода развития общества становится переход к проектированию самого человеческого бытия.

Решение проблемы цифрового дисбаланса напрямую входит в сферу деятельности государства. Примером служит разработанная правительством России Стратегия развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года [3]. В числе факторов, ограничивающих развитие информационных технологий в России, в этом документе названо слабое использование возможностей государственно-частного партнерства в области обучения и исследований. Подчеркивается необходимость актуализации профессиональных и образовательных стандартов в сфере информационных технологий. Для повышения качества подготовки специалистов отрасли информационных технологий предлагается привести образовательные программы бакалавров и магистров ведущих российских университетов в соответствие с требованиями новых профессиональных и образовательных стандартов. Особое внимание в «Стратегии» уделено ускоренному внедрению в образовательный процесс новаций (электронное обучение, широкое использование массовых открытых онлайн-курсов, виртуальные обучающие среды). В частности, необходимо развитие дистанционного образования и расширение использования онлайн-курсов в области образования в информационных технологиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бехманн Г.** Современное общество. Общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. 248 с.

2. **Дракер П.** Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 67–100.

3. **Интернет** в России: состояние, тенденции и перспективы развития // Отраслевой доклад Агентства по печати и массовым коммуникациям. URL: http://www.fapmc.ru (дата обращения: 01.10.2014).

4. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

5. **Хабермас Ю.** Демократия, разум, нравственность. М.: Наука, 1992. 176 с.

6. **Шипунова О.Д., Денисков А.В.** Humanitarian Principle of Interaction Creation in Technogenic Environments // World Applied Sciences J. 2014. No. 31 (8). P. 1461–1463. URL: http://idosi.org/wasj/wasj31%288%292014.htm.

A.V. Deniskov

COGNITIVE GAP AS A FEATURE OF MODERN INFORMATION SOCIETY

DENISKOV Anton V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: deniskov_anton@mail.ru

The article examines the features of the interaction of social actors in the information society. An initial phenomenon is considered to be a phenomenon of modern society as the digital divide in access to information (cognitive gap). Its multifaceted nature is analyzed as well as, the factors that contribute to the emergence of the digital divide, types of digital divide, possible ways to overcome it and specific cognitive barriers of the anthropogenic world. It is concluded that the decrease in the extent of the digital divide in the postindustrial society is connected with the idea of designing a system of social interactions.

COGNITIVE GAP; INFORMATION SOCIETY; INTERACTION DESIGN; INFORMATION TECHNOLOGY; DIGITAL DIVIDE.

REFERENCES

1. Bekhman G. *Sovremennoye obshchestvo. Obshchestvo riska, informatsionnoye obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern society as risk society]. Moscow, Logos Publ., 2010. 248 p. (In Russ.)

2. Drucker P. [Post Capitalist Society]. *New Postindustrial Wave in West. Anthology.* Moscow, Academia Publ., 1999. Pp. 67–100. (In Russ.)

3. [Internet in Russia: Status, Trends and Prospects of Development]. *Agency of Press and Mass Communications Sector Report.* Available at: http://www.fapmc.ru (accessed 01.10.2014).

4. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)

5. Habermas J. *Demokratiya, razum, nravstvennost'* [Democracy, Reason, Morality]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 176 p. (In Russ.)

6. Shipunova O.D., Deniskov A.V. [Humanitarian Princyple of Interaction Creation in Technogenic Environments]. *World Applied Sciences J.*, 2014, no. 31 (8), pp. 1461–1463. Available at: http://idosi.org/wasj/wasj-31%288%292014.htm.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 1(075.8)

А.Л. Рудакова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДОКТРИНЫ КОНЦА ИСТОРИИ ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ

РУДАКОВА Алена Леонидовна – *аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: zmeika_helen@mail.ru

В статье анализируется популярная сегодня в западной социальной философии доктрина конца истории американского ученого Ф. Фукуямы, вскрываются ее теоретические истоки и идеологические предпосылки. Предпринятая Фукуямой попытка теоретически ограничить современное развитие всемирной истории схемой западной либеральной демократии как окончательной формой правления рассматривается автором как необоснованная и утопическая, отражающая политические интересы ведущих стран Запада.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; МЕТОДОЛОГИЯ; СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ; КОНЕЦ ИСТОРИИ; ЗАПАДНАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ; Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ; А. КОЖЕВ.

Современная эпоха, переживаемая человечеством, по многим основаниям может рассматриваться как эпоха переломная. Нарастающие кризисные явления захватывают сегодня важнейшие виды общественной деятельности по всему земному шару, серьезно затрудняя функционирование мирового социального организма. По существу, на рубеже XX и XXI вв. человечество столкнулось с самой острой проблемой – проблемой выживания.

В этих условиях, разумеется, резко возрастает потребность в глубоком осмыслении сложившейся ситуации и эффективном разрешении накопившихся проблем. Здесь перед исследователями встают значительные трудности, связанные с гетерогенностью современного человечества, многообразием природно-географических, социально-культурных, экономических, политических условий и обстоятельств, в которых живут и действуют люди разных национальностей в различных регионах нашей планеты. В этом сложнейшем переплетении многообразных потребностей и интересов миллиардов живущих и действующих людей очень непросто обозначить возможные пути регионального и мирового развития, а тем более выделить его определяющие тенденции. Поскольку эти проблемы имеют глобальный характер, то и поиск наиболее эффективных решений, по-видимому, прежде всего связан с философским дискурсом. И действительно, философское сообщество в лице своих талантливых представителей, проживающих в разных странах, предложило мировой общественности ряд заслуживающих внимания исследований, анализирующих новейшие мировые социально-экономические и политические тенденции и намечающих возможные пути выхода из кризиса.

На Западе авторами наиболее популярных и обсуждаемых философско-исторических работ стали С. Хантингтон [14] и Ф. Фукуяма [12, 13].

В этой связи нельзя, правда, не отметить что оценки и рекомендации, предлагаемые западными социальными философами, как правило, базируются на таких идеологических и философских принципах, которые не разделяются философами, принадлежащими к иным, не западным, культурно-идеологическим традициям. Здесь можно отметить ведущих социальных мыслителей современной России, Китая, представителей исламской культуры и др.

В своих философско-исторических исследованиях западные ученые, как правило,

исходят из европо- и американоцентристской установок, в соответствии с которыми ведущей тенденцией мирового социально-экономического и политического развития объявляется либеральная западная демократия, которая со временем якобы и восторжествует во всем мире.

В стремлении навязать эту точку зрения остальному миру западные политики, социологи и политтехнологи всемерно учитывают то обстоятельство, что на рубеже XX и XXI вв. в жизни человечества произошли важные технологические изменения, преобразившие социальную реальность. В повседневную жизнедеятельность людей активно вошли новейшие информационные технологии. И сегодня знания и информация становятся не менее существенными основаниями современного общества, чем труд и средства производства. «Наряду с отчуждением труда, отчуждением человека от природы и человека, возникает информационное отчуждение. Окружающий мир современного человека – это мир, созданный информационным продуктом – овеществленной информацией» [9, с. 5].

В этих новых условиях значительно возрастают возможности манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, т. е. идеями, образами, символами, составляющими основу знания и информации.

Западные философы прикладывают большие усилия для того, чтобы доказать универсальный, общецивилизационный характер ценностей «западной либеральной демократии», полагая, что формирование ценностей социального рыночного хозяйства, правового государства и демократии составляет ведущую тенденцию мирового социально-исторического развития. С этой точки зрения те национальные культурные ценности, которые не коррелируют с ценностями «западной либеральной демократии», представляют лишь досадную помеху универсальному историческому развитию.

Наиболее рельефно указанную точку зрения выразил американский ученый Френсис Фукуяма. В 1989 г. Фукуяма, возглавлявший тогда отдел политического планирования Госдепартамента США, опубликовал статью под интригующим названием «Конец истории?» [См.: 12], которая оперативно была переведена на многие иностранные языки и вызвала самые широкие отклики.

Стремясь аргументированно ответить своим многочисленным оппонентам, максимально прояснить смысл и уточнить нюансы своей концепции, Ф. Фукуяма в 1994 г. публикует монографическое исследование на затронутую тему под несколько видоизмененным названием «Конец истории и последний человек» (на русский язык переведено в 2002 г.) [См.: 13]. Это исследование, так же как и исходная статья, стало чрезвычайно популярным, вызвало новую волну комментариев, и с тех пор ряд принципиальных идей американского философа вошли в число актуальных тем современной западной социальной философии, политологии и футурологии.

При оценке концепции американского философа необходимо прежде всего выяснить, какой же смысл он вкладывает в содержание своего тезиса «конец истории», а также чем объяснить несомненную популярность указанных произведений [11].

Отвечая на поставленные вопросы, в первую очередь следует отметить, что указанные работы американского ученого оказались очень актуальными: конец века, а тем более тысячелетия, традиционно является временем подведения итогов мировой истории и определения ее перспектив. Причем по многим основаниям современная эпоха может рассматриваться как эпоха переломная. «Тезис „конца истории" подразумевает, что все или некоторые формы общественной жизни и индивидуального человеческого существования достигли своей совершенной и непревосходимой формы. Ход событий может теперь заключаться лишь в том, чтобы наполнять эти формы акцидентальным многообразием жизни» [10, с. 51].

Поэтому размышления о том, «созданы ли в ходе предшествующей истории такие идеи, идеалы и принципы, которые имеют общецивилизационную, универсальную и непреходящую значимость» [3, с. 149], представляются существенно важными для философии истории. Фукуяма утвердительно отвечает на этот вопрос. Он обозначает систему таких идей, идеалов и принципов терминами «западная либеральная демократия» и «современный западный либерализм».

Мыслительная фигура «конца истории», а точнее, «конца времен», вообще говоря, появляется в мировой культуре с завидной регулярно-

стью и во множестве вариантов, отличить которые друг от друга возможно лишь при условии точного выяснения того содержания, которое каждый раз вкладывается в это понятие.

Другое дело, что формулирование и попытка глубокого философского осмысления понятия «конец истории» в контексте развитой философской системы были впервые осуществлены сравнительно недавно, в начале XIX в., великим немецким мыслителем Г.В.Ф. Гегелем в его знаменитой работе «Феноменология духа». Переосмыслив идеи Гегеля и других видных философов и ученых того времени, К. Маркс разработал материалистическое понимание истории, которое исходит из предпосылки, что процесс исторического развития человечества прежде всего и главным образом определяется влиянием взаимодействующих друг с другом социально-экономических (производственных) отношений и так называемых производительных сил, включающих в себя субъективные (человек) и вещественные (техника) элементы, осуществляющие общественное производство, т. е. «обмен веществ» между обществом и природой. Опирающееся, таким образом, на взаимодействие материальных сил, историческое развитие имеет необходимый и целенаправленный характер и завершится формированием коммунистической общественно-экономической формации, в которой будут разрешены наиболее острые социальные противоречия.

«И Гегель, и Маркс верили, – резюмирует Фукуяма, – что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали „конец истории": для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество. Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты. Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [13, с. 9].

Приведенные суждения Фукуямы не могут не вызвать удивления. Они ясно свидетельствуют о том, что по крайней мере во время написания указанных работ американский философ был недостаточно хорошо знаком с творчеством Маркса. Основоположник марксизма никогда не утверждал, что победа коммунизма обозначит конец человеческой истории. Напротив, он неоднократно подчеркивал, что коммунистическое общество – это начало подлинной истории людей, в то время как вся предшествовавшая этому обществу социальная эволюция может рассматриваться лишь как предыстория. «Буржуазные производственные отношения, – отмечал в этой связи К. Маркс в своей известной работе „К критике политической экономии. Предисловие", – являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [7, с. 536–537]. Для Маркса коммунизм, т. е. подлинная, истинная человеческая история, – это бесконечно развивающийся процесс.

По всей видимости, рассуждая о социальной теории Маркса, Фукуяма некритически воспринял мнения некоторых своих предшественников, приписавших Марксу идею конца истории [8, с. 264].

Кто действительно воспринял идеи Гегеля о конце истории, так это его русско-французский комментатор А. Кожев, развивавший указанные идеи в XX в.

В своих размышлениях о «конце истории» Фукуяма прежде всего опирается на идеи Гегеля и Кожева. Нельзя, впрочем, не отметить, что обращение американского социального философа к этой теме в значительной степени было вызвано и даже вдохновлено теми событиями в конце XX в. в Восточной Европе, которые он называет «крушением коммунизма».

Можно согласиться с одним из критиков в том, что «рисуемая Фукуямой картина есть не что иное, как атеистическая эсхатология, вульгаризированный христианский финализм» [6, с. 49]. Фукуямовская философия истории в отличие от христианской начисто лишена транцендентного плана. Всё, что происходит, происходит по эту сторону существования. Подобная «подстановка» на первых порах помогла американскому философу привлечь внимание многих читателей. Однако привлекательность сочинений Фукуямы в глазах читателей довольно быстро померкла: мало-мальски критиче-

ский взгляд давал возможность за высокопарными универсалистскими разглагольствованиями философа разглядеть достаточно навязчивое восхваление западных (в основном американских) социально-экономических и политических порядков и институтов. Этому «отрезвлению», разумеется, помогло и развитие новейшей истории человечества, которое совершенно «не вписывалось» в финалистские схемы Фукуямы и по существу отрицало его философско-историческую доктрину.

По мере углубления в анализируемую концепцию становится все более и более очевидно, что перед нами – вульгаризированный вариант спекулятивной философии истории гегелевского типа. По Гегелю, развитие человеческой истории осуществляется в результате последовательного разрешения постоянно возобновляющегося противоречия господства и рабства, в результате чего возникшее рабское сознание постепенно преобразуется в сознание свободного гражданина всеобщего государства [1]. При этом философия истории Гегеля остается схематической и спекулятивной. Спекулятивная философия истории озабочена лишь тем, чтобы «подогнать» исторические события под умозрительные схемы, «наполнить» их соответствующим историческим содержанием. При этом выбор событий, символизирующих «конец истории», достаточно субъективен и во многом зависит от личных установок и предпочтений того или иного философа. Для Гегеля это были события Великой французской революции и военно-политическая деятельность Наполеона. После победы Наполеона над немцами под Йеной в октябре 1806 г. находившийся в этом городе Гегель взволнованно сообщал своему корреспонденту Нитхаммеру: «Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним» [2, с. 255].

Гегелю показалось, что он явился свидетелем события исключительной важности: Йенской битвой завершается мировая история, история становления мирового духа. Теоретическое осмысление этих интуиций было им осуществлено в вышедшей в свет в 1807 г. «Феноменологии духа» [1].

Если следовать логике Гегеля, история «заканчивается» в результате утверждения идей французской революции, завершившей эпоху национальных дифференциаций и провозгласившей наступление нового «сверхнационального» мирового порядка.

Что касается Кожева, то он предложил свой, соответствующий реалиям XX в. вариант универсалистской концепции, вариант технократического тоталитаризма. В 1930-х гг. он связывал свои ожидания «конца истории» с Советской Россией и деятельностью Сталина, а после окончания Второй мировой войны – с Америкой и Генри Фордом. Но после посещения Японии в 1959 г. Кожев радикально поменял свои взгляды на этот счет. Познакомившись с особенностями японской цивилизации, он высказал предположение, что эта цивилизация, сложившаяся на путях, прямо противоположных американскому пути, т. е. в отсутствие гражданских и внешних войн и искусственной изоляции страны, может обозначить контуры нового, не похожего на американский, универсального «конца истории». В этих условиях, как полагал Кожев, в Японии сложилась особая, формализованная система ценностей, полностью лишенных какого-либо «человеческого», в смысле «исторического», содержания. Яркими примерами таких ценностей он считает чайную церемонию, искусство составления букетов цветов (икебана), театр НО. Иными словами, «недавно начавшееся взаимодействие Японии и западного мира в конце концов приведет не к ре-варваризации японцев, а к японизации западных людей (включая русских)» [12].

Ф. Фукуяма по существу продолжает следовать субъективистской методологии своих европейских предшественников, акцентируя внимание теперь уже на «универсализации западной либеральной демократии как окончательной форме правления» и видя в этой тенденции «конец истории как таковой» [5, с. 541].

При этом обращает на себя внимание крайняя неопределенность, размытость предлагаемых Фукуямой показателей демократичности того или иного общества или государства. Как и большинство его американских коллег, Фукуяма исходит из предположения, что в современном обществе важнейшим критерием демократичности какого-либо государства является его подвластность (на худой конец – лояльность)

Соединенным Штатам Америки. В данном случае (как, впрочем, и во многих других) отчетливо просматриваются философские ориентации Фукуямы, его зависимость от влиятельных в американском научном сообществе принципов прагматизма.

«Постисторический мир, – продолжает Фукуяма, – это мир, в котором стремление к комфортному самосохранению победило желание рисковать жизнью в битве за престиж и в котором борьбу за господство сменило всеобщее и рациональное признание» [13, с. 427].

Трудно сказать, что превалирует в приведенных рассуждениях американского философа – утопизм или откровенное лицемерие. Потребность в признании, на которой он по существу строит всю свою социально-философскую концепцию, не является ни единственной, ни основной потребностью человека, и она не может привести к либерализму [4].

Очевидно, что способ мышления, прокламирующий очередной «конец истории», совершенно расходится с реалиями общественно-политической жизни человечества в XIX–XXI вв. Не сбылись прогнозы Гегеля. Не оправдались теоретические поиски Кожева. Оказались неадекватными и новейшие универсалистские схемы Фукуямы. Как образно заметил один из его критиков, «идеал всемирного гражданства разбился о национализмы, а образ планетарного технократа поблек и стерся в ходе конфронтаций с разного рода фундаментализмами» [6, с. 50].

Поэтому и рассуждения Фукуямы о наступающем всемирном торжестве «западной либеральной демократии» и в этом смысле «конце истории» оказались несостоятельными. Как ни старался американский философ теоретически «закрыть» историю, сделать это ему не удалось. История человечества «не поддалась» ухищрениям американского философа. Она по-прежнему открыта и не завершена. Более того, ведущие тенденции мирового социально-исторического развития конца XX – начала XXI в. дают основания предполагать, что человечество вступило на путь труднейших испытаний и потрясений, которые и определят контуры грядущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гегель Г.В.Ф.** Феноменология духа // Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 4. М.: Изд-во социал.-экон. лит. (Соцэкгиз), 1959. 488 с.

2. **Гегель** – Нитхаммеру. Йена, понедельник, 13 октября, в день, когда Йена была занята французами и император Наполеон въехал в ее стены // Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973.

3. **Замошкин Ю.А.** «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. 1990. № 3.

4. **Ильин А.Н.** Возможен ли конец истории по Ф. Фукуяме? URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Ilyin_End-of-History-Fukuyama/.

5. **Кожев А.** Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.

6. **Малахов В.С.** Еще раз о конце истории // Вопросы философии. 1994. № 7–8.

7. **Маркс К.** К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1979.

8. **Мизес Л. фон.** Теория и история / пер. с англ. А.Г. Грязнова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

9. **Поппер К.** Открытое общество и его враги / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.

10. **Пую Ю.В.** Философия манипулирования. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.

11. **Фридрих К.** О функциях одной мыслительной фигуры // Вопросы философии. 1994. № 7–8.

12. **Фукуяма Ф.** Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3.

13. **Он же.** Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 588 с.

14. **Хангтингтон С.** Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.

A.L. Rudakova

THEORETICAL ORIGINS AND IDEOLOGICAL BACKGROUND OF THE DOCTRINE OF THE END OF HISTORY OF FRANCIS FUKUYAMA

RUDAKOVA Alyona L. – *The Herzen State Pedagogical University of Russia.*
Nab. Moiki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: zmeika_helen@mail.ru

The article analyzes the end of the doctrine, which is popular today in the western world, of the social philosophy of history of the American scholar Francis Fukuyama, opened its theoretical origins and ideological premises. The attempt of Fukuyama to theoretically limit the modern development of the world history scheme of the western liberal democracy as the final form of government is considered in the article as unfounded, utopian and reflecting the political interests of the leading countries of the West.

HISTORY PHILOSOPHY; METHODOLOGY; SOCIAL KNOWLEDGE; HISTORY END; WESTERN LIBERAL DEMOCRACY; G.W.F. HEGEL; A. KOZHEV.

REFERENCES

1. Hegel G.W.F. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of spirit]. *Complete works*. In 14 vol. Of vol. 4. Moscow, Socio-economic literature Publ., 1959. 488 p. (In Russ.)

2. Gegel – Nitkhammeru. Yena, ponedelnik, 13 oktyabrya, v den', kogda Yena byla zanyata frantsuzami i imperator Napoleon vyekhal v yeye steny [Hegel – Niethammer. Jena, Monday, October 13, the day when the yen was occupied by the French Emperor Napoleon entered its walls]. *Works of different years*. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1973. (In Russ.)

3. Zamoshkin Yu.A. ["The End of History": ideologism and realism]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3. (In Russ.)

4. Il'in A.N. *Vozmozhen li konets istorii po F. Fukuyame?* [Is it possible to the end of history by Fukuyama?]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Ilyin_End-of-History-Fukuyama/.

5. Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 792 p. (In Russ.)

6. Malakhov V.S. [Esche just about the end of history]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 7–8. (In Russ.)

7. Marx K. K kritike politicheskoy ekonomii. Predisloviye [Critique of Political Economy. Preface]. *Marx K., Engels F. Selected works*. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, Political Literature Publ., 1979. (In Russ.)

8. Mizes L. fon. *Teoriya i istoriya* [Theory and History]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2001. 264 p. (In Russ.)

9. Popper K. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Feniks Publ., International Foundation "Cultural Initiative", 1992. (In Russ.)

10. Puiu Yu.V. *Filosofiya manipulirovaniya* [Philosophy manipulation]. St. Petersburg, Politekhnicheskiy univ. Publ., 2009. (In Russ.)

11. Fridrih K. [On the functions of a mental shape]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 7–8.

12. Fukuyama F. [The End of History]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3.

13. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2004. 588 p. (In Russ.)

14. Huntington S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 130.31

В.П. Горюнов

ФИЛОСОФИЯ ДУХА: СОЦИАЛЬНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ГОРЮНОВ Валерий Павлович – *профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; доктор философских наук*.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: goryunov42@mail.ru

Анализируется содержание понятия духа с позиций рационального рассмотрения, отрицающего бессубъектное существование духа во всех его формах. Дух представляется как проявление общественного и индивидуального сознания. Показано техносоциальное основание человеческого способа существования живого, порождающее духовность как нормативность и переживание человеческой жизни в их социальном и экзистенциальном выражении. Анализируется соотношение науки и религии в их служении человеку в качестве духовных регуляторов его жизнедеятельности.

ДУХ; ДУХОВНОСТЬ; СОЗНАНИЕ; ТЕХНОСОЦИАЛЬНАЯ ФОРМУЛА ОБЩЕСТВА; БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ; НОРМАТИВНОСТЬ; НАУКА; РЕЛИГИЯ.

Проблема понимания духа и духовности всегда составляла предмет активного обсуждения и мировоззренческого разделения людей, будучи представленной во всех формах общественного сознания. Современность характеризуется усилением поляризации позиций в этом вопросе и увеличением вовлеченности в нее представителей разных групп и слоев общества, выражающих своими взглядами на эту проблему свое место и свою позицию в социуме. В принципе, можно обозначить два альтернативных подхода в понимании духа: как субъектное и бессубъектное сознание в индивидуально-человеческом понимании субъективности. Вопрос о бессубъектном бытии духа в его религиозно-мистическом истолковании мы вообще оставляем в стороне. Обзор существующих в настоящее время компромиссных (научных и околонаучных) точек зрения по поводу возможности проявления каких-либо форм бессубъектного сознания представлен в статье А.А. Крушанова [1]. В данной статье рассмотрение духа ограничивается исключительно его принадлежностью живому человеческому сознанию.

Люди отличаются от животных наличием свободной воли, а ее силой и способом распоряжения они отличаются друг от друга. Воля есть духовное основание человеческой активности, движущая сила целесообразной жизнедеятельности, и ее можно обозначить как силу духа. Дух сам является силой, обеспечивающей единство человеческого действия независимо от того, осуществляется ли оно непосредственно коллективно или опосредованно.

Дух живет только в человеке и умирает вместе с ним, он множится в людях, передаваясь от одних к другим. Но это не аналог вируса, самостоятельно существующего на человеческом субстрате, дух есть свет, образующий картину мира в человеке, но, опять же, не свет сам по себе, как он существует в оптической камере в виде изображения находящихся перед ней предметов, а смысл, заключенный в этом изображении. Именно он обусловливает все многообразие форм поведения человека в реальном мире, воплощая в себе его свободу воли, энергию жизненной активности, задает сам способ его самоутверждения.

Животное вписано в окружающую природу и в своем существовании полностью подчинено ее законам. Оно двигается в своем жизненном пространстве в соответствии с устройством собственного тела и особенностями психической структуры, его поведение непроизвольно,

будучи подчиненным инстинкту самосохранения. Овцы не восстают против засилия волков, мыши не воюют с кошкой, карась прячется от щуки. В природе есть только движение вещей, но нет воли и смысла.

Первобытный человек, как и животное, не выделяет себя из окружающей среды, он вписан в нее и действует в полном соответствии с ее законами. Но первобытный человек ощущает себя в качественно иной среде, явленной ему в одухотворенном виде, полной определенных значений и смыслов, соответствие которой выражается не в организмической заданности психофизических реакций в его поведении, а в непреодолимой коррекции его намерений и действий этими значениями и смыслами, исходящими от вещей. Первобытный человек живет в мире опредмеченных духов, или, что то же самое, – в мире одухотворенных вещей.

Цивилизованный человек дематериализует дух, отделяет его от предметов природы и наделяет самостоятельным существованием. В религиозной модели бытия дух (Бог) оказывается главным элементом объективной реальности и определяющим фактором человеческой духовности. В атеистической модели местом пребывания духа является человеческая голова, будь то в рамках материализма или субъективного идеализма, с той лишь разницей, что с позиций материализма дух объективен по отношению к отдельным индивидам, будучи резонансно настроенным в сознании других индивидов и являясь коллективной волей, духовной силой коллективного действия, а с позиций субъективного идеализма дух ограничивается пределами индивидуальной свободой воли.

Особое место в ряду концептуальных моделей духа занимает его экзистенциалистское понимание, наиболее ярко представленное русским философом Н.А. Бердяевым, для которого, это можно без преувеличения сказать, данная тема была наиболее волнующей. Здесь примечательно то, что экзистенциалистское видение духа вообще и бердяевское в особенности отрицает его объективное существование и одновременно отрицает связь с объективной реальностью, которой принадлежит сам человек как его носитель, но при этом выводит за рамки человеческой субъективности.

Для иллюстрации такой позиции приведем цитату из работы Н.А. Бердяева: «Мир склоняется к отрицанию реальности духа. Он не сомневается лишь в реальности видимых вещей, принуждающих себя признать. Но дух не есть видимая вещь, он совсем не есть вещь среди вещей. ...Противники реальности духа говорят, что дух есть лишь субъективное душевное состояние людей. ...Поэтому защитники духа хотят доказать, что явления духа объективны, а не субъективны. Спиритуалистическая онтология утверждает, что подлинное бытие, сущность бытия есть дух, и дух есть бытие, объективное бытие. Дух не только не есть объективная реальность, но не есть бытие как рациональная категория. Духа нигде нет, как реального предмета, и никогда нет. Философия духа должна быть не философией бытия, не онтологией, а философией существования. Дух есть реальность не только иная, чем реальность природного духа, чем реальность объектов, но есть реальность совсем в другом смысле... Дух раскрывается в субъекте, а не в объекте... Субъект же есть творение Божье, и потому ему дано первородное существование. ...Поэтому, хотя дух лишь в субъекте, а не в объекте, но он совсем не субъективен. ...Трехчленное понимание человека как существа духовного, душевного и телесного имеет вечный смысл. ...Но это совсем не означает, что в человеке есть как бы духовная природа наряду с природой душевной и телесной, это значит, что душа и тело человека могут вступить в иной, высший порядок духовного существования... Человек есть духовное существо, в нем есть духовная энергия, но у него нет объективной духовной природы, духовной субстанции, в противоположность душевной и телесной. Дух дает смысл действительности, а не есть другая действительность. Дух есть как бы дуновение Божье, проникающее в существо человека и сообщающее ему высшее достоинство, высшее качество его существования, внутреннюю независимость и единство. ...Совсем не верно, что мир творится субъектом, мир творится Богом, но Бог творит не объекты, не вещи, а живые, творческие субъекты. Субъект не творит мир, но он призван к творчеству в мире. Субъект творит весь мир, но этот субъект не человек, это есть трансцендентальное сознание, сознание вообще, сверхличный субъект, абсолютный дух» [2, с. 364–368].

Таким образом, источником духа в человеке, по Н.А. Бердяеву, является Бог, через чело-

века выполняющий свою творческую функцию. Если обойтись в данном случае без мистификации духа, то рационально объяснить его природу невозможно, не впадая в солипсизм со всеми его парадоксами.

Дух сосредоточивается, концентрируется на каком-либо предметном носителе, имеет некое предметное выражение. Сюда можно отнести: дух борьбы, войны, победы, свободы, величия, господства, любви и ненависти, индивидуализма и коллективизма (здесь предметом духа являются общественные отношения); дух силы и мощи, выражение которых представлено средствами регулирования отношений, например военной техникой; дух накопительства и наживы, опредмечиваемый в деньгах; национальный дух и множество других форм человеческой духовности. При отсутствии материальных условий утверждения духа появляется дух уныния, страха, подчинения, смирения. В целом общим содержанием и сущностью человеческой духовности следует признать общественную природу человека, т. е. предметом и сферой действия духа в конечном счете является общественное отношение. Следовательно, понять природу духа мы можем только лишь на основе понимания природы данного отношения. Изложение закона общественной жизни как совокупности отношений, соответствующее сложившейся в настоящее время социальной реальности, представлено нами в научном издании «Философия. Теория социальной относительности» [3].

Совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнительском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, «преодолеть» данную техносоциальную формулу. Общество не в состоянии догнать само себя в непрекращающейся гонке необходимых и производимых ресурсов жизни. То есть, с одной стороны, имеется реально живущее и производящее население, а с другой – масса производимых им ресурсов жизни, недостаточная для выживания всего этого населения.

Материальное производство принципиально не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее выживание данного населения, необходимая масса которого увеличивается с опережением. Физический смысл техносоциальной формулы общества состоит в том, что обществу как совокупности людей требуется бóльшее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна бóльшая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует бóльшей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, т. е. полного проживания жизни всеми членами совокупного населения.

Как естественная органическая жизнь не выходит за рамки существования природы и является одной из форм природного бытия, так и человек представляет собой специфический способ существования живого, главные особенности которого состоят, во-первых, в предметно-орудийной деятельности, т. е. в производстве на основе техники, во-вторых, в особой организации совместной жизни на базе фундаментального социального отношения «цель – средство». Впрочем, использование техники само по себе не создает человеческого способа жизни, а является лишь его необходимой предпосылкой. Поэтому не имеют достаточных оснований популярные рассуждения о разумности некоторых животных и об их способности к целенаправленному созданию и систематическому использованию орудий труда (именно технических средств, а не просто случайно попавших в поле внимания предметов). Создание и использование техники оказывается возможным лишь при условии превращения одного человека в средство существования другого человека, только за счет этого компенсируется отставание получаемой в процессе производства массы ресурсов жизни от массы ресурсов, затрачиваемых на производство. И наоборот, пре-

вратить одного человека в средство существования другого человека можно только с помощью техники. В этом синтезе человека и техники в виде говорящего орудия их взаимодополняемость симметрична – здесь можно равнозначно говорить о присоединении человека к орудию или орудия к человеку.

Именно орудийное функционирование одного человека в руках другого явилось конечным результатом материально-деятельностной эволюции, высшим выражением технического первобытного гения. Как жизнь животного сводится к поиску пищи, так и жизнь человека сводится к производству средств существования. Однако человек в отличие от животного осуществил внутривидовое раздвоение на цель и средство и основал на этом раздвоении систему общества.

Следовательно, стержневую основу так называемого технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку. А поскольку «оба» человека – разумные существа, то это стремление превратить другого в свое средство сугубо взаимно. Борьба за выживание неотвратимо втягивает всех и каждого, избежать ее, уклониться от нее не может никто. Каждый человек в той или иной форме делает (осознанно или неосознанно) свой выбор в безраздельной принадлежности к «мы» и, следовательно, ставит себя в бескомпромиссное противостояние по отношению к «они». Либо мы их, либо они нас – другого не дано. Люди с сильной верой и сильной волей (волей духа прежде всего, ибо ее физиологическое выражение только сопутствующий материал) легко и свободно делают свой выбор. Люди слабые либо не могут сделать окончательного, разового выбора, поскольку не обладают устойчивой верой, либо по слабости духа (воли) всегда подчиняются, меняются, предают, а потому они всегда страдают. Осознание действия техносоциальной формулы выводит борьбу за существование за рамки ценностных суждений, она не может быть справедливой или несправедливой, гуманной или антигуманной – борьба за выживание характеризуется только степенью результативности.

Никогда не прекращающаяся борьба за выживание, порождаемая и воспроизводимая всеобщим непреодолимым дефицитом ресурсов жизни, насквозь пронизывает общество в виде перепадов уровней жизни от богатства до нищеты и в совокупности образует постоянную напряженность общества, определенное социальное давление. Это понятие методологически работает как в аспекте существования индивида, подверженного давлению со стороны социальной среды, аналогичному давлению какой-либо материально-предметной среды (например, воды, газа, магнитного поля), но с тем отличием, что от социальной среды невозможно изолироваться (гарантированно защитить карман, квартиру, зарплату, информацию, жизнь, свободу, честь и т. д.), т. е. от социального давления нигде нельзя укрыться; так и в аспекте существования общности, уровень социального давления в которой характеризует ее состояние, степень устойчивости (социальное здоровье). Повышенное социальное давление говорит о состоянии общественного кризиса.

Учитывая, что социальное давление субъектно по источнику и адресной направленности (одни люди оказывают давление на других людей, а не просто люди давят друг на друга), социальное давление может быть обозначено как насилие, имеющее сквозной, всеобщий характер. Данное понятие обычно рассматривается в рамках ценностного сознания и имеет негативное значение. Соответственно из тезиса о всепроникающем характере социального давления следует тезис о неотвратимости насилия, драматизирующей человеческую жизнь, которая характеризуется непрекращающимся состоянием напряженного ожидания насилия и готовности к определенному действию. У одних людей это выражается в страхе и желании спрятаться, у других, напротив, в агрессивности и стремлении опередить в насилии. Возможно, здесь заложены исходные психологические различия социального поведения, естественный природный материал формирования социальной структуры общества.

Таким образом, человек включен в сферу бескомпромиссной борьбы за место в системе отношений господства и подчинения. Отдельно взятый индивид лишь опосредованно является субъектом отношения «цель – средство» и, будучи членом той или иной общности, ориентирован на позитивную нормативность жизнедеятельности (например, христианские заповеди), в той или иной форме свойственной

каждой исторической общности. В пределах своей общности жизнь человека извне задается справедливостью, а изнутри – совестью. Вне общности, в сфере межобщностного взаимодействия борьба за место в системе отношений господства и подчинения имеет непосредственный характер, является абсолютной. Союзы и объединения здесь сугубо относительны, а нормативность исключительно однонаправлена: в отношениях между общностями закон и справедливость отсутствуют.

В конечном счете социальная дифференциация выражается в дискриминации как узаконенном неравенстве по самым разным признакам – расовым, национальным, религиозным, имущественным и пр. Бедными и богатыми не рождаются изначально, подобно брюнетам и блондинам, ими становятся в процессе борьбы за выживание, происходящей без объективно заданных правил и беспристрастного судейского надзора. В собирательном виде социальная дифференциация – это разное право на жизнь вообще.

Человеческий разум направлен на познание природы (чтобы человек мог делать технику, добывать средства жизни и просто понять тот мир, в котором он живет) и общества (чтобы встраиваться в него). Одновременно человек хочет понять самого себя: свое происхождение, предназначение, свою судьбу, смысл и цели собственного существования, данное устройство общества и отношение к другим людям, проблему долга вообще. Это указывает на двойственность человеческого познания: с одной стороны, решаются практические, утилитарные задачи по обеспечению выживания; с другой – самопознание, рефлексия. Вторая сторона сознания возвышает человека, его дух и вызывает наивысшее напряжение. Однако она сугубо вторична, производна и утилитарна в подчиненности первой стороне. В конечном счете от разума требуется только поиск средств выживания. В этом состоит драматизм человеческого существования. Человек хочет найти оправдание своей жизни, которая реально сводится к борьбе за выживание, человек как бы стыдится сам себя и оправдывается сам перед собой, что находит свое выражение в творчестве выдающихся гуманистов. XIX век представлен в литературе разоблачением естественности человека, показом его дурной природы, слабости, подлости и прочего, XX век характеризуется стремлением к разоблачению человека социального, функционального, к разоблачению самой общественной жизни (начальника, чиновника, мужа, жены и прочих социальных ролей). Но человека бессмысленно разоблачать или жалеть, его можно только объяснить.

Человеку приписывают преодоление стремления к выживанию, доминирование духовности в его жизнедеятельности. Однако человек, наоборот, стремится к сверхвыживанияю, т. е. преодолению естественных пределов жизни. Вся духовность человека направлена на выживание. Здесь есть выход в трансцендентное, бесконечность, но это побочный продукт. Всякого рода идеи о вечном и бесконечном производятся для реального потребления, в конечном счете – на продажу. Направленность мысли на вечность и бесконечность предполагает мучительное напряжение, всегда связанное с конкретным существованием. От скуки и безделья в бесконечность не выходят.

Что бы люди ни приписывали самим себе из области высокой духовности, будь то особый смысл, особые цели, особое назначение их присутствия в этом мире, они никогда не перестанут быть просто живыми организмами, научившимися преобразовывать природу и создавать новые ресурсы жизни, но не имеющими возможности вырваться из природной необходимости, вынужденными бороться друг с другом за выживание и переживающими состояние бескомпромиссной борьбы в виде особой духовности со всеми ее смыслообразующими атрибутами.

Природное существование, будучи естественным процессом, не требует ни рационального осмысления, ни эмоционального переживания и не подлежит оценке. Социальное бытие все это требует по той простой причине, что человеческая жизнь оказывается возможной только за счет другой человеческой жизни. То есть необходимо объяснение и оправдание человеческой жизни, ее обоснование. Однако рациональное сознание здесь оказывается бессильным, на первый план в объяснении человеческого бытия выступает ложное сознание, или, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, идеология [4]. Ложное сознание – это не просто мифологическое, иллюзорное заблуждение, это нормальное сознание, а иного не может быть в принципе.

Из непреодолимости действия техносоциальной формулы общества вытекает человеческий способ жизни вообще, в развитой форме представленный производственно-технической деятельностью, собственностью, семьей, государством и духовной жизнью в виде научного познания, политического и правового регулирования, а также комплекса идеологической нормативности – морали, искусства, религии, задающих систему ценностей в качестве базовых ориентиров человеческой жизни. Беспредельность процесса естествознания поддерживается ненасыщаемым поиском предметной полезности, политика и право диктуются практической целесообразностью, идеологическая нормативность направлена на формулирование цели и смысла человеческой жизни, определение ее истинности и справедливости в контексте бескомпромиссной борьбы людей друг с другом за собственное выживание.

В рамках понимания сознания в качестве главного отличительного признака человека именно в идеологической нормативности больше всего проявляется собственно человеческий способ существования живого. Если естествознание в своей субъективности нейтрально, а политика и право сугубо прагматичны, то идеология изначально предвзята, будучи безусловным оправданием существования одной жизни за счет другой. Литература и искусство во всех своих проявлениях конструируют вымышленное бытие и толкают человека на поведение в реальном мире, заимствованное из мира вымышленного. Дело не в том, что бытие человека легче придумать, чем объяснить, и соответственно придуманность непрестанно обновляется и становится все более изощренной, а в том, что объяснение само по себе никому не нужно, потому что оно бессмысленно, безразмерно, – человек не может в нем действовать в силу отсутствия опорных точек, направляющих ориентиров. Вместе с тем идеологическое придумывание мира не означает его произвольное измышление, порождающее ненастоящий, иллюзорный мир, а представляет собой определенное объяснение, создающее ложный, но настоящий мир, ориентирующий на получение настоящего результата – выживания, рациональное обоснование которого вне идеологии невозможно. На уровне индивидуальной деятельности единство ложности и подлинности мира разведено: человек дела, активный гражданин подлинного мира – слуга стереотипа, а человек идеи, патриот ложного мира – пленник мифа.

Жизнедеятельность индивидов имеет общественный характер, более того, индивидуальное бытие растворяется в общественном, несмотря на то что в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, – сам индивид есть порождение этой совместности, вне которой индивидуальное бытие вообще лишается каких-либо оснований. Следовательно, индивидуальное самосознание также принадлежит общественному, и определение смысла и цели индивидуального бытия целиком вписывается в параметры идеологии. Активность индивидуальной жизни – настроенность людей на труд, терпение, лишения, подвиги, жертвенность, радость, горе и т. д. – обусловлена внутренним миром человека, скроенным по меркам общественной модели бытия, и необходимо подкрепляется особой ритуальностью как формой внешнего выражения согласия индивидов с этой общественной моделью и одновременно символом их приобщения к ней. Человеческая жизнь измеряется координатами двух главных социальных структур – отечества и семьи, принадлежность к которым определяет высшую нормативность человеческой жизни – веру и любовь, только они задают смысл и цель жизни, т. е. то, ради чего и как надо жить. Животное не знает жизни и смерти, не переживает собственной смертности, а человек переживает и радость жизни, и страх смерти, но только в рамках ложного сознания, задающего нормативность жизни.

Наиболее простое объяснение идейного стремления человека всей своей духовной активностью преодолеть собственную телесность лежит в религиозно-мистической области, где оно доводится до крайности призыва к прямому умерщвлению плоти во имя необходимости спасения души. Несмотря на несостоятельность мистификации о бессмертии души, здесь, по крайней мере, очевидна мотивация провозглашения господства идеального над материальным в человеческой жизни, понятны призывы к умеренности, воздержанности и т. п. Более того, всеобщим, конечным выражением веры, не ограничиваемой во всем ее предметном многообразии ни религиозными, ни свет-

скими рамками, является вера в смысл человеческой жизни. Именно она, а в конечном счете только она, поддерживает активную напряженность человеческой деятельности и оправдывает все издержки бескомпромиссной борьбы за существование. Утрата веры означает отказ человека от этой борьбы, следовательно, без веры нет самой человеческой жизни. Многообразие религиозных и светских форм веры отражает всего лишь многообразие исторических форм существования и борьбы за него. Практика показала, что религиозная вера является наиболее универсальной и устойчивой формой обоснования общественной нормативности, целевой и смысловой заданности человеческой жизни (социальная сущность религии в контексте техносоциальной формулы общества рассмотрена нами в статье [5]). Вера есть связывающее людей воедино жертвоприношение, в котором они разделяются на тех, кто приносит в жертву других, и тех, кто приносит в жертву себя.

Модель преодоления человеком своей телесности, а более широко – внешней необходимости, диктуемой материальной предметностью бытия, означает обретение человеком свободы, воплощенной в свободе духа. Вопрос о свободе духа по отношению к материи в контексте техносоциальной формулы можно рассматривать с трех основных позиций.

1. *Фантастический*. Путь обретения свободы через науку и технику, т. е. путь освобождения от действия техносоциальной формулы, путь подчинения природы с помощью самой природы. В этом случае изначально нет направленности, нет цели действия, кроме самого факта выхода человека в сферу надприродного существования, которое необходимо дополняется духовностью в качестве некоего оправдания выхода в данную сферу сверхприродного бытия. Но все это оказалось утопией, столь же неосуществимой, как и построение вечного двигателя.

2. *Мистический*. Вообще абсолютный отказ от попыток преодоления техносоциальной формулы, но не как отступление, а как обретение независимости от греховно-суетной материальности вообще с ориентацией на вечное спасение души.

3. *Реалистический*. Осознание объективной непреодолимости действия «формулы» как всеобщего техносоциального закона общественной жизни, определяющего отношение «цель – средство» в качестве фундаментального, системообразующего социального отношения. Основу духовности в таком случае составляет не что иное, как переживание этого отношения и средство борьбы по его поводу: с одной стороны, оправдание насилия, с другой – смирение перед ним.

Иисус Христос подарил людям великую мечту – рай на небе как вознаграждение за богоугодную, добродетельную жизнь на земле. Эта мечта имеет всеобщий универсальный характер, потому что всеобщим универсальным является действие техносоциальной формулы общества. Столь же универсальна вытекающая из нее мораль, основное содержание которой фокусируется в смирении (непротивлении), более значимом принципе отношений между людьми в условиях действия данной формулы по сравнению с бескомпромиссной борьбой за существование. Маркс подарил людям другую мечту – рай на земле, требующий для своего осуществления прохождение именно через такую борьбу на уничтожение. То и другое дает противоположный результат – разделение людей на цель и средство по отношению друг к другу. Соответственно обе мечты служат для кого-то орудием подчинения других, а для кого-то призывом к собственной жертвенности.

Лишение людей неким дьявольским искушением этих мифологических иллюзий обессмысливает их жизнь, неотвратимо ведет к краху. В одном случае оно представлено познанием и верой в себя (атеистическое искушение), в другом – стремлением к тотальному подчинению и господству над миром (антикоммунистическое искушение, противопоставляющее коммунистическому интернационализму фашистский национал-социализм). Данные европейские модели религиозного и атеистического коммунизма стали всемирными образцами утопического сознания, варьирующими в различных формах во всех частях современного мира. Все современные проблемы глобализации и вообще будущей истории так или иначе будут крутиться вокруг этих моделей, поскольку они являются единственно возможными альтернативными иллюзиями придания человеческому существованию цели и смысла в рамках действия техносоциальной формулы общества.

В лице человека дух приводит материю в движение. Речь не идет о спиритизме. Но толь-

ко собственный дух может заставить человека удерживаться за пределами ограничений естественно-природного равновесия, стремиться к избыточному существованию [См.: 6]. Человеческая жизнь, как особый способ существования живого, с ее опорой на интеллект, есть безрезультатный бунт против природы. В этом плане человеческая жизнь бессмысленна. В рамках теологического рассмотрения она представляет собой вызов Богу, и в той мере, в какой одна состоявшаяся человеческая жизнь имеет своим источником другую, превращенную в средство и потому несостоявшуюся человеческую жизнь, она не только бессмысленна, но и греховна, а с точки зрения абстрактного гуманизма преступна. Субъективность задает мотив и оправдание греха и преступления, интеллект является орудием их совершения, он бессилен в их оправдании и определении смысла. В обществе нет ни земного, ни небесного Высшего суда, в обществе вообще нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, наделенных интеллектом и экзистирующих (переживающих) по поводу борьбы за существование с себе подобными.

Однако, несмотря на то что человеческая жизнь бессмысленна, греховна и преступна, она прекрасна, что является ее главным и единственным оправданием. Человек не может насытиться жизнью, он может устать от борьбы за нее – в состоянии болезни, старости, трудового и другого физического изнурения, он может потерять надежду на достижение целей или разувериться в них, утратить смысл борьбы за жизнь. Но если не искать этот смысл изначально и иметь возможность не напрягаться в борьбе за нее, то можно жить бесконечно и никогда не устать от жизни, как не устает стоящее на одном и том же месте дерево. Но это будет не человеческая жизнь, потому что в ней не будет духовности, которая возникает именно на почве борьбы за жизнь. А поскольку это борьба людей друг с другом, постольку духовность так или иначе сводится к поиску ее смысла и оправдания, но в этом поиске нет опорных точек ориентации и потому не может быть положительного результата.

Поиск универсального закона бытия означает стремление к всеобщей гармонии, к достижению полной согласованности его элементов. Этот поиск мирового порядка есть поиск выхода из перманентного кризиса, выражающегося в несогласованности, разорванности бытия человека. Однако перспектив для нахождения единого закона природы, а тем более общественного (социального) и индивидуального (экзистенциального) не просматривается. Точки отсчета и ориентиры человеческого бытия не определяются, отсутствует понятный, рационально формулируемый общественный закон. Казалось бы, его открытие все расставит на должные места и люди смогут обустроить свою жизнь в соответствии с этим законом. Но вся история человеческой мысли свидетельствует лишь о неминуемости крушения любых идеальных моделей бытия.

Действие техносоциальной формулы обусловливает деятельность только по необходимости, что-то всегда надо неотложно осуществить, а конечным стремлением, даже неосознанным, является преодоление действия этой формулы. Но поскольку она непреодолима в принципе, то соответственно невозможно определить цель, которая выходила бы за пределы необходимости. То, что необходимо, – понятно, но то, что хотелось бы, а тем более что должно быть, поддается определению только в рамках мифологии. Но в этом и состоит трудность поиска смысла жизни, который, следовательно, оказывается ограниченным самим фактом ее сохранения. Жизнь человека в контексте техносоциальной формулы как бы подтверждает миф о наказании человека Богом за грехопадение в виде обреченности на земной труд именно как наказание в силу его безрезультатности, т. е. на Сизифов труд. Никто не знает, как надо жить, но не потому, что истина скрыта, а потому, что такой истины нет. Правила жизни складываются в борьбе за нее. Следовательно, надо не только жить по правилам, но и бороться за эти правила, продвигать их, т. е. продвигать себя.

Духовная напряженность и результативность размышлений по вопросу о сущности человеческой жизни не зависит от возраста, над этим вопросом одинаково бились юноша Лермонтов и старик Толстой, результат был один и тот же – сплошное сомнение, в равной мере толкающее к Богу и конфликту с ним. Загадка человеческого бытия неразрешима, потому что ее не существует. От простых жизнеописаний мифологического характера в древности осуществляется переход к нравоучительной

смысложизненной трактовке человека в рамках средневековой библейской нормативности, затем следует этап героизации и романтизации человеческой жизни в эпоху Нового времени, сменяющийся периодом развенчивания и обличения человека, изображения его порочной натуры, поиска путей социальной гармонии. Двадцатый век завершается растерянностью и страхом человека перед самим собой, признанием его неспособности добиться гармонизации собственной жизни и возможности понимания самого себя; человек уже не заслуживает ни восхищения, ни преклонения, ни проклятья, он достоин скорее жалости и сочувствия. Люди больше не могут сказать ничего нового ни друг другу, ни себе самим. В искусстве и средствах массовой коммуникации началась гонка необыкновенных ситуаций, способных хоть как-то, на какое-то время привлечь к себе внимание. Сюжеты детектива, ужаса, мистики, пророчества, психической аномалии, технической и социальной фантастики соперничают в изображении чего-нибудь такого, чего еще никто не придумал. Объективная социальная реальность остается необъясненной и все больше подменяется виртуальной.

Осознание техносоциальной формулы общества позволяет человеку сформулировать три главные заповеди своей жизни, соизмеримые с объективностью его бытия: понять, что он хочет; узнать, что для этого надо, и ничего не бояться. Не бояться в конечном счете смерти, поскольку любой страх так или иначе сводим к страху смерти. Здесь речь не идет о безразличии к жизни, а имеется в виду, что в соревновании за нее на первом месте должно быть стремление победить, а на втором – не погибнуть, независимо от того, какой конкретный смысл вкладывается в понятие победы и гибели. Те, для кого гарантия жизни на первом месте, никогда не побеждают и чаще гибнут, на войне в том числе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Крушанов А.А.** Нуждается ли наука в идее духа? // Вестн. Рос. филос. об-ва. 2014. № 3 (71). С. 62–69.

2. **Бердяев Н.А.** Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.

3. **Горюнов В.П.** Философия. Теория социальной относительности. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 404 с.

4. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология // Соч. Изд. 2-е. В 50 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.

5. **Горюнов В.П.** Наука и религия: единство и борьба противоположностей // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2011. № 1 (118). С. 243–253.

6. **Он же.** Избыточное существование как фундаментальная характеристика техногенной цивилизации // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. Социология. Т. 23 (62), № 2. Симферополь, 2010. С. 135–141.

V.P. Goryunov

PHILOSOPHY OF SPIRIT: SOCIO-EXISTENTIAL STUDY

GORYUNOV Valeriy P. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: goryunov42@mail.ru

The essence of the concept of spirit in terms of rational consideration, which denies the existence of subjectless spirit in all its forms, is analyzed. Spirit appears as demonstration of social and individual consciousness. The technosocial base of the human way of being alive is shown. It generates spirituality as

standardization and experience of human life in their social and existential terms. Relationship between science and religion in their devotion to man as spiritual controls of his life is analyzed.

SPIRIT; SPIRITUALITY; CONSCIOUSNESS; TECHNOSOCIAL FORMULA OF SOCIETY; STRUGGLE FOR EXISTENCE; STANDARDIZATION; SCIENCE; RELIGION.

REFERENCES

1. Krushanov A.A. Nuzhdayetsya li nauka v ideye dukha? *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*, 2014, no. 3 (71), pp. 62–69. (In Russ.)

2. Berdyayev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha. Moscow, Respublika Publ., 1994. 480 p. (In Russ.)

3. Goryunov V.P. Filosofiya. Teoriya sotsial'noy otnositel'nosti. St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publ., 2014. 404 p. (In Russ.)

4. Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya. *Works*. In 50 vol. Of vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. (In Russ.)

5. Goryunov V.P. Nauka i religiya: yedinstvo i bor'ba protivopolozhnostey. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2011, no. 1 (118), pp. 243–253. (In Russ.)

6. Goryunov V.P. Izbytochnoye sushchestvovaniye kak fundamentalnaya kharakteristika tekhnogennoy tsivilizatsii. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya*. Vol. 23 (62), no. 2. Simferopol', 2010. Pp. 135–141. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 378.02:37.016

Д.В. Моглан

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО КАК ОДНА ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

МОГЛАН Диана Васильевна – *аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: di_2008@mail.ru

Статья посвящена вопросам использования образовательного сетевого сообщества в обучении с целью активизации учебно-познавательной деятельности студентов. Раскрыто понятие сетевого сообщества, даны его характеристики. Автор обосновывает образовательные возможности сетевого сообщества в активизации учебно-познавательной деятельности студентов, исходя из их социального и диалогового взаимодействия в сети Интернет. Выявляется специфика реализации совместной деятельности в интернет-пространстве, определяются подходы к организации взаимодействия преподавателя и студентов в сетевом сообществе. Рассмотрены педагогические особенности и преимущества предлагаемого подхода к организации образовательного процесса. Приведены результаты экспериментальной проверки его положений, подтверждающие эффективность использования сетевого сообщества в образовательном процессе.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО; ОБУЧЕНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ; УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИНТЕРНЕТЕ; ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗНАНИЙ В КОЛЛЕКТИВЕ.

В настоящее время Интернет широко используется в образовательной сфере. Особое внимание к Сети обусловлено возможностями доступа к информации и организации сетевого взаимодействия субъектов образовательной деятельности в условиях глобальной информационно-коммуникационной среды. Кроме того, сеть Интернет рассматривается не только как сеть компьютеров, представленная информацией и сервисами, но и как глобальная социокультурная среда, в которой присутствуют индивидуальные пользователи и сетевые сообщества. В частности, социальная сторона сети Интернет и определяет вектор ее современного развития, позволяет выявить мотивационную основу деятельности людей, служит ориентиром в построении современных социальных сетевых сервисов и технологий работы с информацией в Глобальной сети.

По мнению М.В. Моисеевой, особенность современных сетевых технологий состоит в том, что они создают основу не только для организации доступа к информации и удаленного общения, но и служат для возникновения образовательных сетевых сообществ [1].

Р. Хамман, анализируя связь между сообществом и сетевым взаимодействием посредством компьютерных сетей, указывает на то,

что сущность сообщества определяют социальное взаимодействие, среда и общие связи. Под сетевым сообществом в контексте социальной проблематики он понимает группу людей, которые участвуют в социальном взаимодействии и каких-либо общих связях между собой в одном пространственно-временном промежутке [2].

А.М. Сапов полагает, что «сообщество является неким собранием людей, находящихся во взаимодействии и связанных между собой общими целями и интересами в пространстве в течение определенного времени». Причем, говоря о сетевых сообществах, он отмечает, что «взаимодействия и интеракции в группе людей происходят в киберпространстве» [3, с. 20]. Отличительная особенность сетевых сообществ, по мнению А.М. Сапова, состоит в том, что использование интернет-коммуникаций в процессе совместной деятельности людей помогает реализовать ее регулирование путем прямого информационного обмена и взаимодействия между всеми участниками сообщества [3].

Г. Рейнгольд для обозначения нового типа сообщества применил понятие «виртуальное сообщество» и определил его как социальное объединение, которое появляется в сети, когда некоторая группа людей достаточно долгое время поддерживает открытое обсуждение своих взглядов, интересов для того, чтобы сформировать сеть личных отношений в виртуальном пространстве [4].

Дж. Лазар и Дж. Прис определили сетевое сообщество как группу пользователей, которые поддерживают общение при помощи систем интернет-коммуникаций на основе общих интересов, ресурсов и разделяемых целей [5]. Позже Дж. Прис и Д. Мэлони-Кришмар дополнили данное определение следующими пятью характеристиками [6]:

- у членов сообщества есть общие цели или интересы, общая деятельность или потребность, которая составляет главную причину их принадлежности сообществу;
- члены сообщества вступают в активное и неоднократное участие, для которого характерны напряженные взаимодействия, сильные эмоциональные связи и общая совместная деятельность;
- доступ к общим ресурсам сообщества организован по правилам, определяющим условия доступа его членов к ресурсам;
- в сетевом сообществе присутствуют коллективный обмен информацией между его членами и взаимная поддержка;
- совместная деятельность сетевого сообщества происходит на основе общедоступных социальных соглашений, языка и поведения.

Таким образом, сетевое сообщество основано не на личных взаимоотношениях ее членов, а на постоянном обмене информацией средствами цифровых технологий. Подобные сообщества появляются через сетевое взаимодействие людей в Интернете на базе их общих целей и интересов. При этом все общее, что присутствует в сетевых сообществах, образует контекст общения, общие правила и нормы поведения. Кроме того, согласно А.Н. Сергееву, сетевые сообщества формируют структурную единицу социальной общности Интернета, а их существование носит деятельностный характер, что обусловлено развитием информационной базы Интернета и интенсивными процессами обмена информацией в социальной среде [7].

Отмеченные аспекты учитываются при использовании сети Интернет в образовании, где все больше внимания уделяется не только проблемам размещения учебной информации и технологиям дистанционного обучения, но и созданию сетевых сообществ преподавателей и учащихся, в структуре которых реализуется образовательный процесс.

Попробуем обосновать образовательные возможности сетевого сообщества как формы организации обучения, которая позволяет: создать условия, помогающие обучающимся решить актуальные проблемы; обеспечить поощрение и учет личностной устремленности обучающихся к выполнению различных видов учебной деятельности; повысить учебно-познавательную активность обучающихся; выявить, отследить и решить проблемы, возникающие в ходе учебной деятельности в сети Интернет.

Опираясь на приведенные определения и характеристики сетевого сообщества, под образовательным сетевым сообществом мы понимаем учебную группу, которая, как правило, создана высшими образовательными учреждениями и в которой субъекты образовательного процесса поддерживают общение и ведут средствами цифровых технологий активную совместную учебную деятельность по реализа-

ции педагогических целей, обозначенных преподавателем.

Анализ научных работ (Е.Д. Патаракина, М.В. Плахтий, М.В. Моисеева, А.Н. Сергеева, С. Сойферт и др.) по исследованию образовательных возможностей сетевых сообществ показал, что их использование в обучении помогает решению следующих дидактических задач:

- способствует личностному развитию обучающихся;
- стимулирует мотивацию учебно-познавательной деятельности и повышает ответственность за коллективную учебную работу;
- расширяет перечень способов контроля учебной деятельности обучающихся;
- обогащает опыт коллективного обучения;
- приводит к объединению личного и учебного опыта обучающихся в социальном контексте;
- придает практико-профессиональную ориентированность образовательному процессу;
- содействует совместному приобретению новых знаний.

Развитие личности обучающегося в процессе учебной деятельности в сетевом сообществе происходит через его социализацию в сети Интернет. Социальная деятельность составляет основную человеческую потребность, и именно через эту деятельность формируется и развивается человечество [8]. Главный принцип существования некоторого образовательного сетевого сообщества состоит в учете значимости общего усилия, талантов и компетенций каждой личности и придании значения процессу образования, интегрирующему социальные аспекты.

В соответствии с культурно-исторической теорией развития высших психических функций, предложенной Л.С. Выготским, интериоризация знаний происходит через преобразование внешней предметной деятельности в структуру внутреннего плана сознания. Согласно положениям данной теории, «строение индивидуального сознания выступает прежде как явление, порождаемое социальным общением, социальными отношениями» [9, с. 8]. Процесс приобретения знаний по своей природе является дискурсивным процессом, который опирается на взаимодействие и общение людей. Таким образом, в ходе получения новой информации и в процессе ее преобразования в знания обучающимся необходимо предоставить реальную возможность опубликовать свои идеи по решению учебных задач, сформулированных преподавателем, а также собственные оценочные суждения относительно решений своих коллег. Сочетание дискуссий относительно решения учебных задач с личными мотивами, потребностями, интересами обучающихся способствует активизации постановки вопросов. С.Л. Рубинштейн отмечал эффективную и значимую роль постановки обучающимися вопросов: «Сформулировать, в чем вопрос, – значит уже подняться до известного понимания, а понять задачу или проблему – значит если не разрешить ее, то, по крайней мере, найти путь, т. е. метод, для ее разрешения» [10, с. 397].

Т.Н. Носкова указывает на то, что при сетевом взаимодействии в процессе коммуникации происходит отражение не личности субъекта, а его деятельности [11]. Посредством такой деятельности субъектов сетевой образовательной среды поставленные учебные задачи решаются через обмен информационными ресурсами, содержащими некоторые результаты учебной деятельности (решения задач; алгоритмы или фрагменты выполненных операций по разрешению проблемных ситуаций; ответы на вопросы, которые приводят к решению поставленных задач, и др.). Такая деятельность стала возможной благодаря интенсивному обмену результатами и действиями между субъектами Сети, обеспечению удаленного доступа к электронным продуктам деятельности, сетевой организации совместных групповых действий субъектов, сетевому обсуждению достигнутых результатов.

В совместной сетевой деятельности членов образовательного сообщества крайне важным является то, что социальное взаимодействие в сети Интернет сосредоточено на идеях его членов, которые готовы разделить свои идеи с другими.

Канадские ученые М. Скардамалия и К. Берейтер в своих исследованиях [12, 13] подчеркивают, что при приобретении знаний в учебной среде, опосредствованной компьютером, особую значимость имеет совместная деятельность по продвижению и развитию предмета познания. Прогрессивность совместной деятельности основывается на динамичной экспертизе идей и выдвижении конструктивных аргументов, продвигающих ее участников в понимании и

решении проблем. М. Скардамалия и К. Берейтер определяют процесс приобретения знаний как коллективное производство и непрерывное совершенствование идей, имеющих ценность для сообщества, с помощью средств, которые повышают капитал знаний сообщества путем индивидуальных вкладов ее членов.

Таким образом, создание и поддержка образовательного сетевого сообщества в учебном процессе, на наш взгляд, обеспечивают гибкую и открытую образовательную среду для практического построения знаний, в которой обучающиеся делятся информацией, излагают новые идеи, расширяют свою точку зрения, обмениваются своим опытом обучения, обсуждают мнения друг с другом в ходе дискурса, совместно постигают содержание изучаемой предметной области и разрешают проблемные задачи в данной области.

Создание и функционирование самостоятельного образовательного сетевого сообщества рассматривается нами на основе студенческой группы, открытой к сетевому взаимодействию с другими субъектами интернет-пространства. Рассматриваемый подход к формированию образовательного сетевого сообщества, который базируется на характеристиках студенческой группы, позволяет обеспечить его эффективное функционирование. Студенты группы знакомы друг с другом, находятся в непосредственном общении между собой, проводят вместе большое количество времени, объединены общими интересами и эмоциональными связями, что создает предпосылки для комфортной обстановки в образовательном сетевом сообществе, не требующей адаптации его членов к каким-либо изменениям.

Студенческая группа как социально-структурная единица современного общества характеризуется общей целью деятельности, психологической и поведенческой общностью ее членов, сформированной системой межличностных отношений, присутствием чувства принадлежности к образовательному сообществу [14].

Следовательно, сетевое взаимодействие членов образовательного сетевого сообщества одновременно является социальным (наличие связей взаимодействующих субъектов друг с другом; формирование сообществ, объединенных общими интересами, и др.), психологическим (влияние на психологическую сферу взаимодействующих субъектов, возникновение взаимопонимания, сотрудничества, соучастия, сопереживания и др.) и педагогическим (целенаправленная ориентация на выполнение педагогических целей).

В результате анализа деятельности образовательных сетевых сообществ, действующих в сети Интернет, нами была определена совокупность действий преподавателя и членов сетевого сообщества, которая состоит в следующем:

- выявление значимых причин совместной деятельности членов сетевого сообщества в интернет-пространстве;
- установка членов сетевого сообщества на высказывание собственных мнений, позиций и восприятие иных точек зрения;
- построение нескольких вариантов развития диалогового взаимодействия (и на этапе проектирования сетевого сообщества, и в процессе общения ее членов);
- описание учебного задания в виде системы проблемных задач и вопросов;
- определение способов взаимодействия членов сетевого сообщества совместно с преподавателем;
- самостоятельное проектирование преподавателем на начальном этапе результатов взаимодействия членов сетевого сообщества.

В целях проверки указанных положений и образовательных возможностей сетевого сообщества, а также фактического осуществления интернет-поддержки образовательного процесса с помощью сетевого сообщества, реализуемого в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, нами был проведен педагогический эксперимент в ходе обучения дисциплине «Информационные технологии» бакалавров педагогического образования (профиль «Информатика» и «Математика»). В исследовании приняли участие студенты 1-го курса (48 человек). В проведенном эксперименте для обеспечения доступа студентов к информационным ресурсам дисциплины и обмена информацией между студентами и преподавателем необходимо было наличие специальных сетевых инструментов (форумы, блоги, социальные сети, электронная почта и др.). С помощью этих инструментов стало возможным создание образовательного сетевого сообщества. Для формирования такого сообщества нами была использована технология асинхрон-

ных форумов, которая позволила обеспечить совместную сетевую деятельность студентов и преподавателя по решению учебных задач, совместное обсуждение возникающих проблем, обмен информацией и ресурсами по учебной дисциплине.

Организация деятельности образовательного сетевого сообщества была реализована согласно пятиступенчатой модели компьютерно-опосредованной коммуникации в сети Интернет Дж. Сэлмона (рис. 1), с помощью которой образовательное сетевое сообщество прогрессирует в развитии и приобретает различные информационно-коммуникационные навыки и умения путем прохождения пяти ключевых этапов [15].

Модель Дж. Сэлмона помогает организовать деятельность по управлению обменом информацией в сети Интернет и на последнем этапе влечет за собой саморегулируемые ответные реакции со стороны студентов при взаимном сотрудничестве. В образовательном сетевом сообществе роль онлайн-модератора выполняет преподаватель.

На первом этапе – «доступ и мотивация» – преподаватель приветствует студентов и предлагает им техническую помощь, поддержку в онлайн-доступе к сетевому сообществу. По достижении некоторого уровня уверенности в работе с коммуникационным онлайн-ресурсом преподаватель и студенты приступают к обмену сообщениями.

Знакомство членов образовательного сетевого сообщества друг с другом, наличие сопереживания и ощущения принадлежности к «дискуссионной группе» являются приоритетными на следующем этапе – «онлайн-социализация». В ходе данного этапа преподаватель содействует созданию у студентов чувства принадлежности к образовательному сетевому сообществу. Кро-

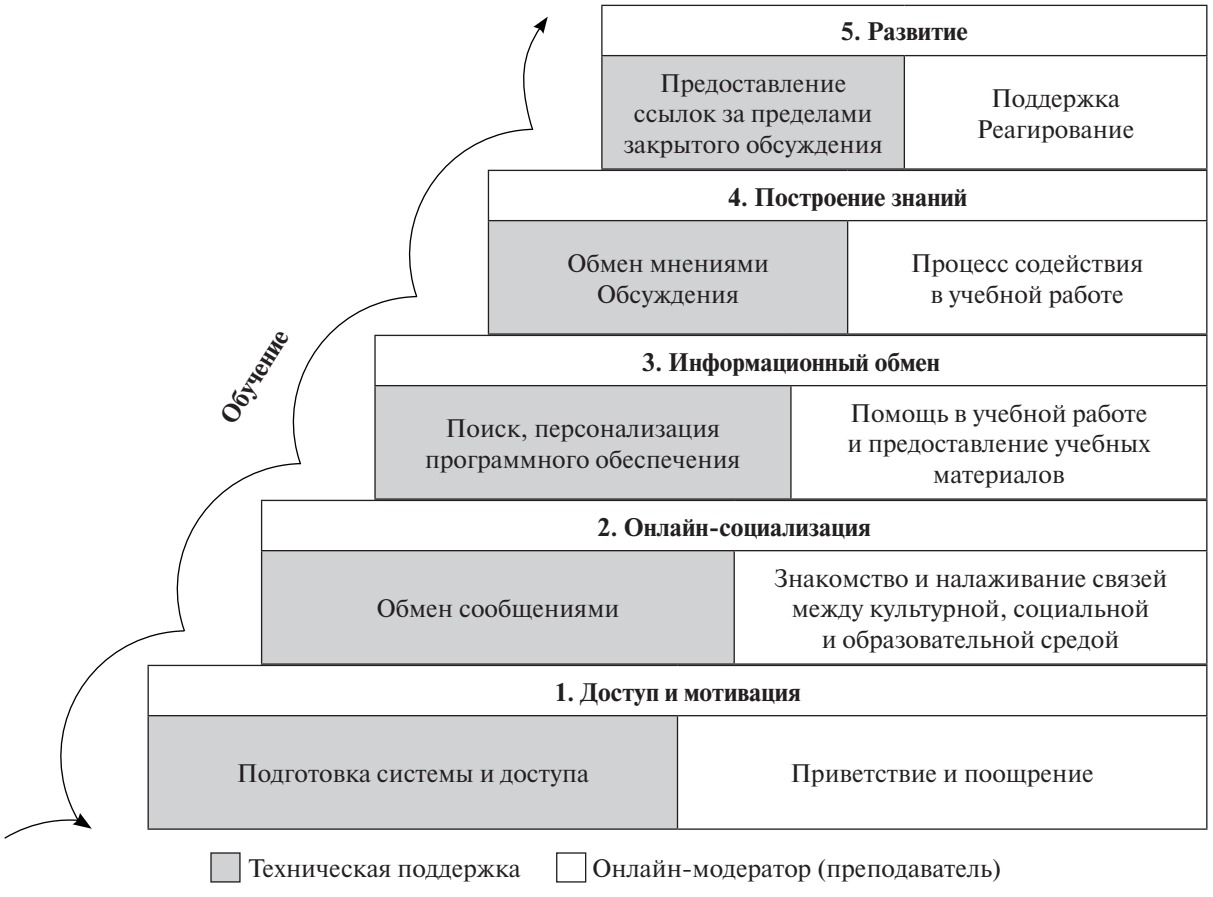


Рис. 1. Пятиступенчатая модель компьютерно-опосредованной коммуникации

ме того, преподаватель конструирует такие ситуации, при которых у каждого члена сетевого сообщества возникает чувство уважения к себе и к высказываниям других членов.

На третьем этапе – «информационный обмен» – делается акцент на обучении, которое принимает конкретную форму, соответствующую дидактическим целям. Роль преподавателя состоит в даче указаний по дальнейшей учебной деятельности студентов в образовательном сетевом сообществе и в обеспечении доступа к необходимым учебным ресурсам, непосредственно относящимся к содержанию обучения. Сообщения преподавателя способствуют фокусированию внимания студентов на конкретной учебной задаче или проблеме, помогают понять смысл и содержание наиболее сложных тем.

Для организации и координации совместной деятельности студентов в интернет-пространстве преподаватель использует, например, словесные указания по работе в сетевой среде, текстовые инструкции со скриншотами экрана или учебное видео с пояснениями. Преподаватель должен обдумать создание педагогической ситуации и реализовать ее с помощью информационно-коммуникационных технологий.

На четвертом этапе – «построение знания» – основным становятся коллективное обсуждение и организация сотруднической деятельности в выполнении учебного проекта или в решении некоторой задачи, что возможно при успешной групповой онлайн-коммуникации. Преподаватель формулирует вопросы, контролирует вводимую информацию, смысл обсуждения, обобщает данные, полученные на определенный момент времени. Основной целью данного этапа является обмен учебным содержанием между членами образовательного сетевого сообщества и поиск общего решения путем коллективного обсуждения и критических высказываний.

На конечном этапе – «развитие» – преподаватель и студенты оценивают достигнутые результаты и анализируют совместную учебную деятельность. На данном этапе ключевой составляющей личностного и интеллектуального развития участников является рефлексия и принятие на себя ответственности за индивидуальное достижение в выполнении задания.

Для сбора данных исследования использовались анкетирование, наблюдение и описание учебной деятельности студентов в ходе сетевого взаимодействия в рамках созданного образовательного сетевого сообщества. Проведенный анализ показал, что информационно-коммуникативная деятельность образовательного сетевого сообщества предоставляет возможность организовать взаимодействие субъектов образовательного процесса, ориентированное на их включение в процессы познания исследуемых явлений, объектов, процессов и взаимосвязей между их структурными компонентами. Кроме того, полученные данные показали, что происходит изменение уровня учебно-познавательной активности студентов. В своей работе мы опирались на классификацию Т.И. Шамовой [16], согласно которой выделяются следующие уровни познавательной активности:

- воспроизводящий (характеризуется стремлением понять, запомнить и воспроизвести полученные знания, овладеть способами их применения по образцу);
- интерпретирующий (характеризуется стремлением выяснить смысл изучаемого содержания, познать связи между процессами и явлениями, применить полученные знания и освоенные способы деятельности в измененных условиях, отталкиваясь от привычных образцов);
- творческий (предусматривает готовность к теоретическому осмыслению сущности явлений и их взаимосвязей, самостоятельному поиску новых способов решения возникающих проблем).

В контрольной группе ($n = 23$) использовались традиционные методы обучения: репродуктивный, объяснительно-иллюстративный, информационно-рецептивный. Учебная деятельность студентов преимущественно проходила по плану или образцу, предложенным преподавателем, характеризовалась неполной включенностью студентов в учебный процесс, слабым интересом к решению учебных задач или к участию в учебных ситуациях. Выполненная оценка учебно-познавательной активности контрольной группы позволила выявить доминирование воспроизводящего уровня учебно-познавательной активности (61 % студентов) (рис. 2).

В экспериментальной группе ($n = 25$) было создано образовательное сетевое сообщество для интернет-поддержки образовательного

процесса. Наряду с традиционными методами использовался метод информационного ресурса: его основная идея состоит в закреплении и расширении теоретических знаний путем ориентации студента в огромном количестве самой разнообразной информации, которая ему необходима и удовлетворяет его познавательные потребности. Учебная деятельность студентов экспериментальной группы в образовательном сетевом сообществе включала совместную деятельность от выявления проблемы, провоцирующей когнитивный диссонанс, до применения новых знаний, полученных путем коллективного дискурса, критических высказываний и объединения идей для решения исходной проблемы.

Результаты оценки учебно-познавательной активности экспериментальной группы в ходе учебного процесса с использованием образовательного сетевого сообщества показали, что значительно уменьшилось количество студентов с воспроизводящим уровнем учебно-познавательной активности (20 %) и увеличилось число обучающихся с интерпретирующим и творческим уровнями (соответственно 52 и 28 %) (рис. 3).

Процесс сетевого взаимодействия определяется высоким уровнем заинтересованности обучающихся в данной деятельности, социальной включенностью в нее студентов, их стремлением изложить, обосновать и доказать свою точку зрения по возникшей проблеме другим членам дискурса.

Таким образом, в результате организации и использования образовательного сетевого сообщества стимулируется познавательный интерес студентов, повышается мотивация обучения, возрастает эффективность самостоятельной работы, развивается умение участвовать в работе группы за счет дифференциации процесса обучения, рационального сочетания коллективной и индивидуальной форм работы в обучении.

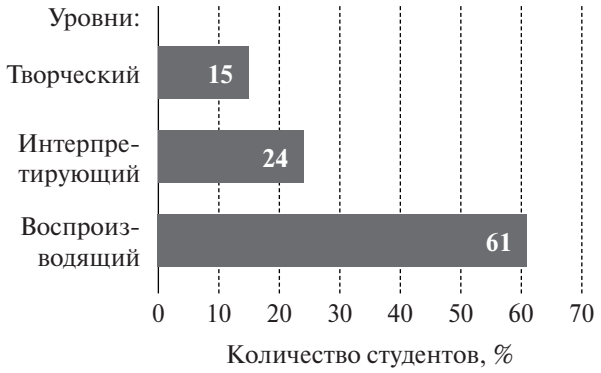


Рис. 2. Уровень учебно-познавательной активности контрольной группы

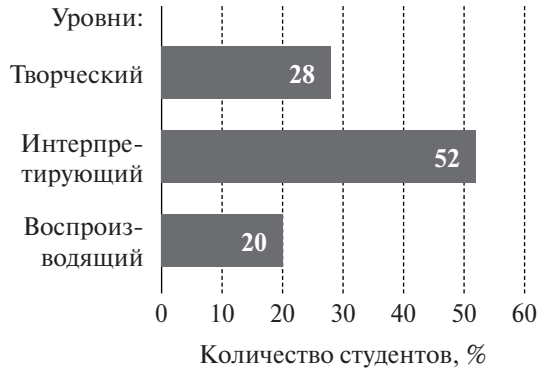


Рис. 3. Уровень учебно-познавательной активности экспериментальной группы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Моисеева М.В., Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Нежурина М.И.** Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна / под ред. М.В. Моисеевой. М.: Камерон, 2004. 216 с.

2. **Hamman R.B.** Computer networks linking network communities: a study of the effects of computer network use upon pre-existing communities. 1999. URL: http://cybersoc.blogs.com/mphil.html (дата обращения: 24.08.2014).

3. **Сапов А.М.** Влияние интернет-коммуникаций на процесс формирования сообщества российских трейдеров (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2004. 156 с.

4. **Rheingold H.** A slice of life in my virtual community // Global networks: computers and international communication. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 57–80.

5. **Lazar J., Preece J.** Social considerations in online communities: usability, sociability, and success factors. 2002. URL: http://www.itu.dk/~khhp/speciale/videnskabelige%20artikler/Preece_2002%20DRAFT%20Social%20Consideration%20in%20online%20communities.pdf (дата обращения: 24.08.2014).

6. **Preece J., Maloney-Krichmar D.** Online communities: focusing on sociability and usability. 2003. URL: http://www.ee.oulu.fi/~vassilis/courses/socialweb10F/reading_material/1/Preece03-OnlineCommunities-HandbookChapt.pdf (дата обращения: 24.08.2014).

7. **Сергеев А.Н.** Подготовка будущих учителей информатики к профессиональной деятельности в сетевых сообществах Интернета: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2010. 359 с.

8. **Orellana I.** L'émergence de la communauté d'apprentissage ou l'acte de recréer des relations dialogique set dialectiques de transformation du rapport au milieu de vie // Éducation et environnement. Un croisement de savoirs. 2005. P. 67–84. URL: http://www.refere.uqam.ca/pdf/articles/2005_orellana_isabel_01.pdf (дата обращения: 24.08.2014).

9. **Выготский Л.С.** Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 201 с.

10. **Рубинштейн С.Л.** Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.

11. **Носкова Т.Н.** Сетевая образовательная коммуникация: моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. 178 с.

12. **Scardamalia M., Bereiter C.** Computer support for knowledge-building communities // J. of the Learning Sciences. 1994. No. 3 (3). P. 265–283. URL: http://hrast.pef.uni-lj.si/~joze/podiplomci/prs/clanki03/CSILE_Scardamaila.htm (дата обращения: 24.08.2014).

13. **Iidem.** Knowledge building: theory, pedagogy and technology // Cambridge Handbook of the Learning Sciences. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 97–118.

14. **Плахтий М.В.** Социально-психологические особенности организации обучения в интернет-сообществах // Информатика и образование. 2007. № 8. С. 39–42.

15. **Salmon G.** A model for CMC in education and training // E-moderating. The key to teaching and learning online. L.: Kogan Page, 2000. P. 24–51.

16. **Шамова Т.И.** Активизация учения школьников. М.: Педагогика, 1982. 200 с.

D.V. Moglan

EDUCATIONAL NETWORK COMMUNITY AS ONE OF EFFECTIVE FORMS TO BOOST EDUCATIONAL AND COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS

MOGLAN Diana V. – *Herzen State Pedagogical University of Russia*.
Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: di_2008@mail.ru

This article is dedicated to the ways of using an educational networking community for learning aimed at activating educational and cognitive activity of students. The author reveals the concept of a networking community and its characteristics, and proves educational possibilities of a networking community in enhancing educational and cognitive activity of trainees, based on their social and dialogic interaction on the Internet. The author also defines specifics of organizing the collaboration activity and approaches to the organization of teacher – trainee interaction on the Internet. The article studies pedagogical features and advantages of the proposed approach to organizing the educational process. The shown results of experimental verification of its provisions confirm the efficiency of using a networking community in educational process.

EDUCATIONAL NETWORK COMMUNITY; TRAINING ON THE INTERNET; EDUCATIONAL AND COGNITIVE ACTIVITY; SOCIAL INTERACTION ON THE INTERNET; ACQUISITION OF KNOWLEDGE IN COLLECTIVE.

REFERENCES

1. Moiseyeva M.V., Polat Ye.S., Bukharkina M.Yu., Nezhurina M.I. *Internet-obucheniye: tekhnologii pedagogicheskogo dizayna* [Internet training: technologies of pedagogical design]. Moscow, Kameron Publ., 2004. 216 p. (In Russ.)

2. Hamman R.B. Computer networks linking network communities: a study of the effects of computer network use upon pre-existing communities. 1999. Available at: http://cybersoc.blogs.com/mphil.html (accessed 24.08.2014).

3. Sapov A.M. *Vliyaniye internet-kommunikatsiy na protsess formirovaniya soobshchestva rossiyskikh treyderov (sotsiologicheskiy analiz)* [Influence of Internet communications on process of formation of community of the Russian traders (the sociological analysis). Doct. diss.]. Novocherkassk, 2004. 156 p. (In Russ.)

4. Rheingold H. A slice of life in my virtual community. L.M. Harasim (Ed.). *Global networks: computers and international communication*. Cambridge, MA, MIT Press, 1993. Pp. 57–80.

5. Lazar J., Preece J. Social considerations in online communities: usability, sociability, and success factors. 2002. Available at: http://www.itu.dk/~khhp/speciale/videnskabelige%20artikler/Preece_2002%20DRAFT%20Social%20Consideration%20in%20online%20communities.pdf (accessed 24.08.2014).

6. Preece J., Maloney-Krichmar D. Online communities: focusing on sociability and usability. 2003. Available at: http://www.ee.oulu.fi/~vassilis/courses/socialweb10F/reading_material/1/Preece03-OnlineCommunities-HandbookChapt.pdf (accessed 24.08.2014).

7. Sergeyev A.N. *Podgotovka budushchikh uchiteley informatiki k professionalnoy deyatelnosti v setevykh soobshchestvakh Interneta* [Training of future computer science teachers for professional activity in network communities of the Internet. Doct. diss.]. St. Petersburg, 2010. 359 p. (In Russ.)

8. Orellana I. L'émergence de la communauté d'apprentissage ou l'acte de recréer des relations dialogique set dialectiques de transformation du rapport au milieu de vie. Éducation et environnement. Un croisement de savoirs. 2005. Pp. 67–84. Available at: http://www.refere.uqam.ca/pdf/articles/2005_orellana_isabel_01.pdf (accessed 24.08.2014).

9. Vygotskiy L.S. *Razvitiye vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [Development of the highest mental functions]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1960. 201 p. (In Russ.)

10. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Bases of the general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 712 p. (In Russ.)

11. Noskova T.N. *Setevaya obrazovatelnaya kommunikatsiya* [Network educational communication]. St. Petersburg, Herzen Univ. Publ., 2011. 178 p. (In Russ.)

12. Scardamalia M., Bereiter C. Computer support for knowledge-building communities. *J. of the Learning Sciences*, 1994, no. 3 (3), pp. 265–283. Available at: http://hrast.pef.uni-lj.si/~joze/podiplomci/prs/clanki03/CSILE_Scardamaila.htm (accessed 24.08.2014).

13. Scardamalia M., Bereiter C. Knowledge building: Theory, pedagogy and technology. K. Sawyer (Ed.). *Cambridge Handbook of the Learning Sciences*. New York, Cambridge Univ. Press, 2006. Pp. 97–118.

14. Plakhtiy M.V. [Social and psychological features of the organization of training in Internet communities]. *Computer Science and Education*, 2007, no. 8, pp. 39–42. (In Russ.)

15. Salmon G. A model for CMC in education and training. E-moderating. The key to teaching and learning online. London, Kogan Page, 2000. Pp. 24–51.

16. Shamova T.I. *Aktivizatsiya ucheniya shkolnikov* [Activization of training of schoolboys]. Moscow, Pedagogics Publ., 1982. 200 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 378.147:811

М.А. Одинокая

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ КОГНИТИВНОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

ОДИНОКАЯ Мария Александровна – *старший преподаватель английского языка для физико-математических направлений, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: World.Maria@hotmail.com

Цель статьи – продемонстрировать подход к решению одной из основных проблем современной подготовки студентов технического вуза, а именно формирование их профессионально значимых компетенций. Особое внимание обращено на основы формирования когнитивной и коммуникативной компетенций в условиях самостоятельной работы студентов. Проблема решается в рамках предметной области «Иностранный язык» в условиях применения дополнительных компьютерных дидактических ресурсов в учебном процессе по иностранному языку у студентов технического профиля. Рассмотрены принципы организации данного дидактического ресурса, основные организационные формы, виды деятельности, подходы к организации содержания и виды упражнений.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ВУЗ; ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК; ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ; КОГНИТИВНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИИ; САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА; ИНТЕРАКТИВНОСТЬ.

В настоящее время в центре внимания педагогов находятся вопросы, связанные с совершенствованием условий организации самостоятельной работы студентов, а именно формы аудиторной и внеаудиторной работы студентов, и это прежде всего касается организации парной работы на занятии и структурированной внеаудиторной самостоятельной работы, для повышения уровня обученности студентов технического вуза. Под самостоятельной работой мы понимаем целенаправленное изучение студентами учебного материала в автономном (внеаудиторном) режиме, развитие и совершенствование их когнитивной и коммуникативной компетенций. Указанное во многих федеральных государственных стандартах (ФГОС) овладение профессионально-ориентированным иностранным языком (ИЯ) предполагает в первую очередь освоение терминологической лексики, которое может обеспечиваться за счет применения сфокусированных на этом компьютерных средств [1].

Преподавателю ИЯ необходимо тщательно продумать возможности использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) во внеаудиторной самостоятельной работе студентов. Использование ИКТ для изучения ИЯ не вызывает у студентов затруднений, поскольку они уже обладают инструментальной компетенцией, включающей умения и навыки пользования компьютером и социальными сервисами [2–4]. Под инструментальной компетенцией мы понимаем способность студента осуществлять коммуникацию на ИЯ в интерактивном режиме, оформлять и представлять результаты выполненной работы в условиях учебного общения с использованием компьютера.

Повышение внимания к информационной области знания способствует более качественной подготовке бакалавров технических вузов.

Введенные с 2010 года ФГОС третьего поколения, созданные в формате компетентностного подхода, учитывают общий процесс информатизации и компьютеризации сферы образования в формулировании новых требований к обучению бакалавров. Компетенции, связанные с использованием ИКТ, заявлены во ФГОС всех направлений вузовской подготовки.

Отметим, что, согласно примерной программе по обучению ИЯ в неязыковом вузе, содержание языковой подготовки отражает «прирост» в овладении лексикой в диапазоне выделенных уровней, основного и повышенного, которые достигаются в процессе обучения ИЯ в техническом вузе. Ориентиром по обучению лексике в рамках обозначенных в программе тематики и проблематики общения по основному уровню является объем в 1200 лексических единиц, которые необходимо «нарастить» за период обучения в вузе. Если учесть то, что большинство студентов, поступающих на первый курс технического вуза, имеют допороговый уровень А2, задача обучения лексике нам представляется достаточно сложной.

Выполнение таких требований, как понимание студентами основного содержания научных текстов, а также умение конспектировать основные положения из специальных текстов для чтения, невозможно без достаточного владения студентами технического вуза терминологической лексикой в рамках своего направления. Знание специальных терминов в комбинации с иноязычной коммуникативной компетенцией поможет выпускнику технического вуза в ситуациях профессионального общения. Повышение лексического запаса студентов будет обеспечиваться за счет применения сфокусированных на этом электронных ресурсов.

Информационная составляющая, ориентированная на развитие информационной культуры, нас будет интересовать прежде всего в аспекте применения в процессе обучения профессионально-ориентированному ИЯ электронных ресурсов. Согласно примерной программе по ИЯ, ее изучение призвано обеспечить повышение уровня учебной автономии. Интеграция содержания обучения ИЯ предполагает, исходя из применения рекомендуемого принципа интегративности, сочетание содержания профилирующих предметных дисциплин, одновременное развитие как непосредственно коммуникативных, так и профессионально-коммуникативных информационных и академических знаний, умений и навыков [5]. При организации процесса обучения рекомендуется сместить акцент с аудиторных занятий с преобладанием репродуктивно-тренировочных заданий на самостоятельные поисково-познавательные виды деятельности с разной степенью учебной автономии [6].

Анализ научно-педагогической литературы показал, что доминирующими взаимодействующими подходами в практике иноязычного образования являются компетентностный и когнитивно-коммуникативный подходы [7–10]. Мы определяем когнитивно-коммуникативный подход к обучению ИЯ как совокупность приемов, способов обучения, направленных на овладение языком путем оптимального использования особенностей умственной деятельности студентов за счет выявления когнитивных структур и организации на их основе интенсивной целенаправленной деятельности с преобладанием коммуникационно-значимых упражнений, направленных на освоение общепрофессиональной лексики. Формирование основ иноязычных когнитивной и коммуникативной компетенций происходит на фоне имеющейся у современных студентов инструментальной компетенции.

Под *иноязычной когнитивной компетенцией* мы понимаем способность студентов к познанию, т. е. к самостоятельному приобретению новых знаний и умений по саморазвитию и самообразованию. Следовательно, основными составляющими когнитивной компетенции являются формируемые одновременно информационная и лексическая субкомпетенции.

Под *иноязычной коммуникативной компетенцией* мы понимаем способность осуществлять речевую деятельность на ИЯ, реализуя коммуникативное речевое поведение на основе фонологических, лексико-грамматических, социолингвистических и страноведческих знаний и навыков в соответствии с различными задачами и ситуациями общения. Основными составляющими коммуникативной компетенции являются формируемые одновременно устно-речевая и письменно-речевая субкомпетенции.

Нами была создана компетентностная модель учебного процесса обучения ИЯ, в которой

процесс обучения ИЯ в техническом вузе обеспечивается двунаправленным формированием компетенций студентов (см. рисунок).

Осознавая, что когнитивный подход распространяется на более широкие и более глубокие аспекты познания, мы считаем, однако, что, по логике нашего исследования, нам необходимо акцентировать связь когнитивной составляющей выбранного нами подхода главным образом с изучением лексики. Поскольку формирование когнитивной и коммуникативной компетенций требует значительной подготовки студентов и происходит в продолжение всего периода обучения их в вузе, то наиболее приемлемо будет ограничиться рассмотрением основ формирования когнитивной и коммуникативной компетенций.

Основы когнитивной компетенции формируются путем регулярной работы студентов с лексическими ресурсами ИКТ, а также с социальным сервисом Веб 2.0 *ВКонтакте*, который является основной платформой реализации учебного процесса обучения ИЯ в режиме самостоятельной работы. Лексическое направление учебной деятельности, которое мы условно считаем одной из составляющих когнитивной компетенции, осуществляется путем специально разработанной методики

Компетентностная модель процесса обучения ИЯ в техническом вузе

с включением терминологических кроссвордов и онлайнового перевода с использованием электронных словарей. Коммуникативная компетенция формируется в устноречевом аспекте путем диалогового общения студентов по изучаемой технической проблематике программного учебника *Infotech*, с ведением письменных записей диалогов во время самостоятельной работы студентов. Формирование устноречевой составляющей коммуникативной компетенции осуществляется также за счет включения подкастов как форм обучения и индивидуального контроля студентов.

Важным аспектом освоения новых образовательных стандартов является также выполнение требования пункта 7.3 ФГОС по разработке *технологий интерактивного обучения* (ТИО) по всем дисциплинам для формирования заявленных компетенций. Под ТИО понимается процесс, основанный на системе правил организации взаимодействия студентов, общающихся между собой и с преподавателем посредством компьютера, и обеспечивающий продуктивную устноречевую деятельность студентов.

Под интерактивным обучением с применением ТИО мы понимаем диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие как между преподавателем и студентом, так и между студентами непосредственно на занятии в аудитории или дистанционно, посредством компьютера. Если созданные нами условия диалогового общения студентов доказывают коммуникативную направленность технологии, то перевод профессионально-ориентированной лексики и заполнение кроссворда как игрового формата для работы с терминологической лексикой отражает ее когнитивную направленность. Когнитивный и коммуникативный аспекты технологии реализуются в условиях интерактивного обучения и успешно преломляются в четырех форматах: *терминологического кроссворда*, *онлайн-перевода*, *алгоритмизированного диалога* и *подкаста*, которые являются продуктами учебной деятельности студентов, используемыми для проведения мониторинга и индивидуального контроля.

Разработанная нами ТИО обеспечивает примерно 50 % самостоятельной работы студентов, вторая часть которой отводится на работу с традиционными лексико-грамматическими упражнениями программного учебника

Infotech: это упражнения на соотнесение терминов с определениями, соединение частей предложения по смыслу, выделение в тексте смысловых аспектов, выявление в нем лексических неточностей; описание рисунка, схемы; составление сообщения по ключевым словам и выражениям; сравнение описываемых в тексте объектов с употреблением изучаемой лексики; высказывание собственного мнения по проблеме. Описание ТИО представлено в соответствующем модуле в локальной сети вуза [11] и может использоваться всеми преподавателями.

Подводя итоги, можно сказать, что содержание обучения ИЯ в техническом вузе должно определяться когнитивно-коммуникативным подходом с формированием основ когнитивной и коммуникативной компетенций за счет методически целесообразной самостоятельной работы студентов. По логике нашего исследования, основы когнитивной компетенции формируются путем регулярной работы студентов с лексическими ресурсами ИКТ. Лексическое направление учебной деятельности, как основная составляющая когнитивной компетенции, реализуется в ТИО путем специально разработанной методики с включением перевода лексических единиц и игрового элемента – кроссворда. Коммуникативная компетенция формируется в устноречевом аспекте путем алгоритмизации диалогового общения студентов по изучаемой общетехнической тематике программного учебника с ведением письменных записей диалогов в онлайновом режиме и созданием подкастов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Федеральные** ГОС ВПО третьего поколения // Департамент методического обеспечения СПбГПУ. 2011. URL: http://uap.spbstu.ru/fgos (дата обращения: 01.01.2013).

2. **Рулиене Л.Н.** Высокие технологии в информационно-образовательном процессе университета // Образовательные технологии и общество. 2012. Т. 15, № 3. С. 377–391.

3. **Семенова Н.Б.** Принципы организации самостоятельной работы студентов вуза на основе ИКТ // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 1 (2). С. 75–78.

4. **Стрекалова Н.Б.** Самостоятельная работа студентов в системе профессионального образования // Изв. Самар. гос. сельскохоз. акад. 2014. № 2. С. 53–54.

5. **Попова Н.В.** Модульное проектирование интегративной основы обучения иностранному языку в вузе: междисциплинарный подход / под ред. М.А. Акоповой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 252 с.

6. «**Иностранный** язык» для неязыковых вузов и факультетов: примерная программа / Науч.-метод. совет по иностранным языкам Минобрнауки РФ; [разраб. под рук. и под общ. ред. С.Г. Тер-Минасовой; разработчики: Л.Г. Кузьмина, Е.Н. Соловова, М.А. Стернина, М.В. Вербицкая]. М., 2009. 24 с. URL: http://www.umo.msmu.ru/fgos/ppd_inyz.doc/ (дата обращения: 20.03.2012).

7. **Гретченко А.И., Гретченко А.А.** Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М.: КНОРУС, 2009. 432 с.

8. **Крепкая Т.Н.** Компетентностный подход к проектированию целей и результатов профессионального образования // Реализация компетентностного подхода в системе высш. проф. образования: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 апреля 2012 г., С.-Петерб. гос. политехн. ун-т / под ред. М.А. Акоповой, Н.И. Алмазовой. СПб., 2012. С. 114–118.

9. **Юсупова Т.Г.** Сущность и составляющие когнитивно-коммуникативного подхода к обучению иностранного языка // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер. Психологические науки. 2010. № 3. С. 103–106.

10. **Hutmacher W.** Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland. URL: http: uni-protokolle.de/forum/25, 2003 (дата обращения: 24.08.2014).

11. **Модуль** интерактивного обучения иностранному языку в техническом вузе / сост. М.А. Одинокая, под ред. Н.В. Поповой // LMS MOODLE. URL: https://dl.spbstu.ru/course/view.php?id=3320 (дата обращения: 21.08.2014).

M.A. Odinokaya

BUILDING OF COGNITIVE AND COMMUNICATIVE COMPETENCE VIA THE MEANS OF A FOREIGN LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF STUDENTS' INDEPENDENT WORK IN HIGHER TECHNICAL SCHOOL

ODINOKAYA Mariya A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: World.Maria@hotmail.com

The idea of the article is to demonstrate the possibility to fulfil one of the main educational functions in higher technical school – the need to build professionally meaningful student competences. Close attention is paid to building of a cognitive and communicative competence basis in setting students' independent work. The problem is solved within the framework of the discipline "Foreign Language" with the use of complementary computer resources and developed organizational forms, activities and exercises.

TECHNICAL UNIVERSITY; FOREIGN LANGUAGE; INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES; COGNITIVE AND COMMUNICATIVE COMPETENCE; INDEPENDENT WORK; INTERACTIVITY.

REFERENCES

1. [Federal State Educational Standard of Higher Professional Education of the third generation]. Department of methodological support SPbSTU. Available at: http://uap.spbstu.ru/fgos (accessed 01.01.2013).

2. Ruliene L.N. [High technologies in information educational process in university]. *Educational technologies and society*, 2012, vol. 15, no. 3, pp. 377–391. (In Russ.)

3. Semenova N.B. [Priciples of organization of students' independent work in high school on the basis of ICT]. *Vestnik of Buriatsky state university*, 2014, no. 1 (2), pp. 75–78. (In Russ.).

4. Strekalova N.B. [Students' independent work in system of professional education]. *Izvestia of Samara state agricultural academy*, 2014, no. 2, pp. 53–54. (In Russ.)

5. Popova N.V. *Modul'noye proektorovanie integrativnoy osnovy obucheniya inostrannomu iaziku v vuze: mezhdisciplinarnyy podkhod* [Design modularity of integrative basis of teaching foreign language in high school: interdisciplinary approach]. St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2012. 252 p. (In Russ.)

6. *"Foreign language" for non-language high schools and faculties: tentative progamme* [Research and instructional methodology of foreign languages of Ministry of Education and Science]. Moscow, 2009. 24 p. Available at: www.umo.msmu.ru/fgos/ppd_inyz.doc/ (accessed 20.03.2012).

7. Gretchenko A.I., Gretchenko A.A. *Bolonskiy process: inegratsiya Rossii v evropeiskoe i mirovoe obrazovatel'noe prostranstvo* [Bologna process: integration of Russia into european and world education space]. Moscow, KNORUS Publ., 2009. 432 p. (In Russ.)

8. Krepkaya T.N. [Competence approach to designing of purposes and results in professional education]. *Realizatsiya competentnostnogo podhoda v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Realization of competence approach in the system of high professional education]. Proc. of the Scientific Conf., 27–28 April, 2012, St. Petersburg State Polytechnical Univ. St. Petersburg, 2012. Pp. 114–118. (In Russ.)

9. Usupova T.G. [The root and the consistuents of cognitive and comminicative aproach to the education of foreign language]. *Vestnik of Moscow State Regional University. Psychological Siences*. 2010, no. 3, pp. 103–106. (In Russ.)

10. Hutmacher W. Key competencies for Europe. *Report of the Symposium Berne, Switzerland*. URL: http://uni-protokolle.de/forum/25, 2003 (accessed 24.08.2014).

11. Modul interaktivnogo obucheniya inostrannomu yazyku v tekhnicheskom vuze. *LMS MOODLE*. 2014. Available at: https://dl.spbstu.ru/course/view.php?id=3320 (accessed 21.08.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 377.35:687

О.В. Ежова

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ШВЕЙНОЙ ОТРАСЛИ

ЕЖОВА Ольга Владимировна – *доцент, Кировоградский государственный педагогический университет им. Владимира Винниченко; кандидат технических наук.*

Украина, 25006, Кировоград, ул. Шевченко, 1

e-mail: oyezhova@mail.ru

Статья посвящена составлению прогнозов инновационного развития швейной промышленности для прогнозирования содержания образования специалистов-швейников. На основе анализа публикаций и количественного исследования патентов составлены сценарные прогнозы инноваций в швейной отрасли на ближайшие 5–10 лет по направлениям: оборудование, материалы, автоматизация производства. Каждый вариант сценарного прогноза дополнен соответствующим прогнозом для образовательной сферы. Установлено, что для обеспечения развития по базовым сценариям необходимы инновации в техническом и методическом обеспечении процесса обучения.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ШВЕЙНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ; ПРОГНОЗ; СЦЕНАРИЙ; ИННОВАЦИИ.

Образование – сфера человеческой деятельности, устремленная в будущее и в значительной мере формирующая это будущее. В связи с этим не вызывает дискуссий тезис, что подготовка квалифицированных кадров должна производиться с учетом прогноза развития экономики и общества. Инновационное развитие экономики обеспечат высококвалифицированные кадры, готовые к решению теоретических и практических задач, причем не только актуальных, но и прогнозируемых. Им предстоит использовать арсенал как современных технологий, так и технологий, находящихся сегодня на стадии исследования и разработки.

В связи с этим для образовательной сферы актуальной является задача разработки прогнозов развития отраслей, а также методов и принципов использования полученных прогнозов при создании новых педагогических систем.

Нами рассмотрены перспективы развития и подготовки кадров для пока не самой высокотехнологичной отрасли – швейной промышленности.

Оценивая состояние инновационности экономики, используют понятие технологического уклада. Легкую промышленность принято относить к третьему технологическому укладу. Однако отдельные элементы новых технологических укладов имеют перспективу внедрения в исследования и производства швейной промышленности. Это, в частности, технологии внедрения Интернета и автоматизированных систем управления процессами, отнесенные к пятому укладу. Постепенно внедряются также отнесенные к шестому укладу нанотехнология, био- и фотоинформатика, технологии информационной поддержки жизненного цикла товаров. Именно эти направления инновационного развития должны стать составляющей содержания образования специалистов-швейников.

Чтобы составить прогнозы инновационного развития швейной промышленности для прогнозирования содержания образования специалистов-швейников, в частности квалифицированных робочих, необходимо решить следующие задачи:

- прогнозирование развития инновационного оборудования для подготовительно-раскройного и пошивочного участков швейного производства;

• прогнозирование внедрения инновационных материалов в производство бытовой и специальной одежды;

• анализ перспектив автоматизации швейной промышленности;

• составление сценарных прогнозов внедрения инноваций в швейное производство;

• прогнозирование содержания профессионально-технического образования для разных сценариев развития.

В нашем исследовании применен метод анализа научной литературы и публикаций рекламного характера, а также метод прогнозирования развития техники на основе определения патентов как источников сообщений, предложенный В.А. Лисичкиным [См.: 1]. При составлении прогнозов использован принцип иерархии проблем, когда основная проблема делится на подпроблемы.

Проведенный анализ публикаций, в частности патентов, позволил лишь оценить перспективы развития материалов, оборудования и технологий в швейной отрасли. Для разработки концепций развития профессионального образования необходимы также прогнозы внедрения инновационных разработок в производство. В связи с вероятностным характером перспектив практического внедрения таких разработок для прогнозирования использован сценарный подход. При этом, как это принято в технико-экономическом прогнозировании [2, с. 74], множество возможных ситуаций по каждому из факторов сведено к трем. Таким образом, по каждой составляющей прогноза предложены три сценария: стагнации, базовый, развития. На основе анализа состояния и перспектив развития швейной промышленности Украины разработаны прогнозы сценариев инновационного развития данной отрасли на ближайшие 5–10 лет по направлениям: оборудование, материалы, автоматизация производства.

Прогноз как анализ возможных состояний швейной промышленности должен стать основанием для прогноза соответствующих состояний профессионально-технического образования. Это позволит системе образования не только адекватно реагировать на развитие отрасли, но и обеспечивать это развитие в настоящем и будущем. Каждый вариант сценарного прогноза мы дополнили соответствующим прогнозом для образовательной сферы. Данные прогнозы необходимо учитывать при разработке образовательных систем, в частности методов, средств и содержания образования как инженеров, так и квалифицированных рабочих швейной индустрии. Таким образом, если прогноз отрасли имеет поисковый характер, то прогноз системы подготовки кадров носит характер нормативный.

Современное состояние легкой промышленности Украины не обеспечивает потребности населения ни по количеству, ни по качеству продукции. Так, согласно официальной статистике [3], на одного жителя страны в 2013 г. изготовлено 0,11 единиц одежды пальтово-костюмного ассортимента, менее чем 0,04 платьев женских и 0,09 единиц верхнего трикотажа. Важнейшей составляющей программы выхода отрасли из кризиса должна стать подготовка высококвалифицированных рабочих, готовых использовать оборудование, технологии и материалы не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Оборудование. Повышение качества выпускаемых швейных изделий напрямую зависит от оснащения предприятий новой высокоэффективной техникой. В свою очередь, эффективность внедрения инновационного оборудования в значительной мере определяется готовностью сотрудников предприятия к использованию данной техники.

Среди наиболее активно развивающихся классов швейного оборудования выделены следующие: автоматизированные и компьютеризированные машины; автоматизированные линии по производству одежды; автоматизированные раскройные устройства.

Для проверки перспектив развития инноваций в области швейных машин с автоматизированным и микропроцессорным управлением был проведен патентный поиск по всемирной базе «EPO Worldwide database» Европейской патентной организации (EPO), которая содержит патентные базы 90 стран мира [4].

Поиск проводился по следующим подклассам изобретений согласно Международной патентной классификации (МПК):

• D05B 19/00 – швейные машины с программным управлением;

• D05B 21/00 – швейные машины с автоматическим перемещением держателя изделия относительно стачивающего механизма для

получения строчки заданной конфигурации, например машины с программным управлением для обтачивания воротников по контуру, настрачивания карманов.

Результаты проведенного патентного поиска представлены на графике (рис. 1).

Как видно из рис. 1, отмечается стабильный интерес изобретателей к указанным типам оборудования, хотя наблюдается некоторое снижение количества патентов в последние годы по сравнению с базовым показателем 2008 г. (суммарно 51 патент на программируемые машины в 2013 г. по сравнению с 88 изобретениями в 2008 г.). На основании полученных данных можно прогнозировать дальнейшее развитие швейных машин с программным управлением, однако возможно снижение интенсивности этого развития. Это обусловливает необходимость оснащения профессионально-технических учебных заведений такими типами машин.

Помимо автоматизированных и компьютеризированных рабочих мест, эффективным средством повышения производительности труда и качества продукции является внедрение автоматизированных линий по производству одежды.

Автоматизированная швейная линия – это комплекс единиц технологического оборудования, манипуляторов (например, для загрузки, установки, выгрузки и складывания полуфабрикатов), а также средств управления.

Патентный поиск проводился по базе «EPO Worldwide database», подклассу A41H 42/00 «Многооперационные линии для производства одежды» согласно МПК. Полученный в результате поиска график (рис. 2) позволяет проследить тенденцию к увеличению количества патентов на указанное оборудование (46 патентов за три квартала 2014 г. по сравнению с 18 изобретениями в 2008 г.).

Таким образом, можно уверенно прогнозировать бурное развитие инноваций в области автоматизированных швейных линий. Это обусловливает необходимость изучения данного типа оборудования будущими квалифицированными рабочими. Высокая стоимость является серьезным препятствием для оснащения учебных заведений такими линиями, в связи с чем учащиеся могут изучать сведения о них в процессе теоретического обучения, а умения по эксплуатации и обслуживанию формировать в процессе производственной практики на предприятии.

Важнейшей составляющей инновационного развития швейной отрасли является автоматизация раскроя текстильных материалов. В связи с этим осуществлен патентный поиск по всемирной базе EPO по подклассу D06H 7/00 «Способы и устройства для разрезания или разделения текстильных материалов».

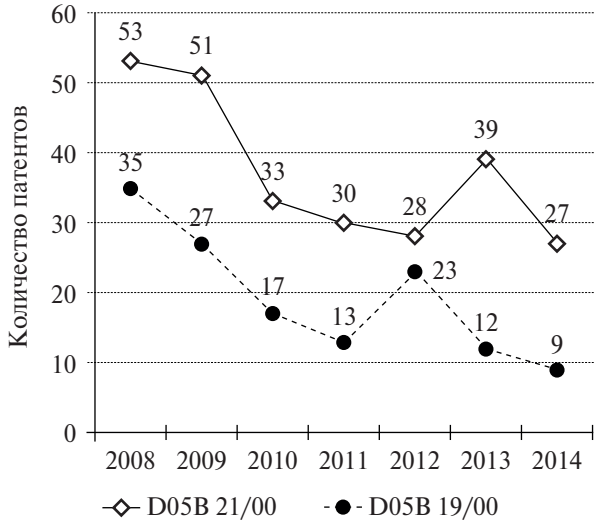


Рис. 1. Количество патентов на автоматизированные и компьютеризированные швейные машины (по данным базы «World wide EPO» на 03.10.2014 г.)

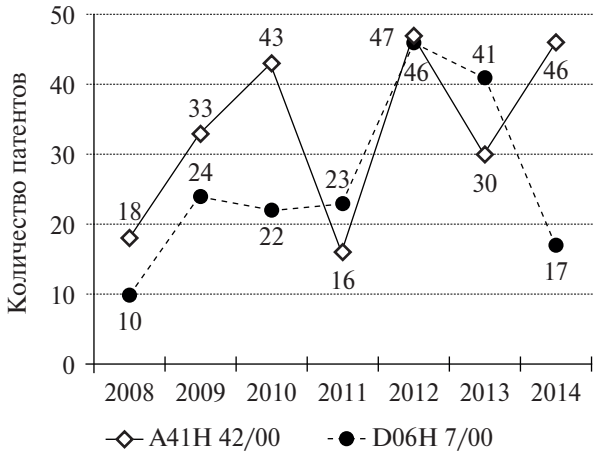


Рис. 2. Количество патентов на автоматизированные швейные линии и автоматизированное раскройное оборудование (по данным базы «World wide EPO» на 03.10.2014 г.)

Запрос по указанному подклассу уточнен ключевыми словами «computer or automatic». Это позволило выделить в данном подклассе автоматизированное и компьютеризированное оборудование и соответствующие методы раскроя. В то же время для ряда патентов данного подкласса, особенно за последние 1–2 года, недоступна информация о названии и кратком описании изобретения, что исключает из поиска по ключевому слову вероятно удовлетворяющие условиям поиска патенты. Тем не менее полученный график (рис. 2) позволяет выявить тенденцию к росту числа изобретений по сравнению с 2008 г. (41 и 17 патентов соответственно в 2013 и за три квартала 2014 г. по сравнению с 10 изобретениями в 2008 г.), даже несмотря на некоторое снижение в 2013–2014 гг. по сравнению с 2012-м.

Таким образом, можно с уверенностью прогнозировать бурное развитие инноваций в области автоматизированного раскройного оборудования, что обусловливает необходимость изучения данной разновидности техники в учебных заведениях. Из-за дороговизны данного оборудования его изучение, как и в случае с автоматизированными линиями, можно рекомендовать по такой модели: теоретические сведения учащиеся изучают в учебном заведении, а практические умения приобретают в процессе производственной практики на предприятии.

Итогом патентного поиска по развитию инновационного оборудования швейного производства стал соответствующий сценарный прогноз (табл. 1). Прогноз дополнен соответствующими сценариями развития профессионального образования. При этом следует отметить эффект обратной связи, который проявляется в том, что оснащение предприятий новой техникой стимулирует соответствующую корректировку содержания образования и техническое переоснащение профессионально-технических учебных заведений. В свою очередь, наличие подготовленных к работе с новой техникой кадров является одним из факторов, позитивно влияющих на принятие решений о внедрении инновационного оборудования в производство.

Материалы. Все более широкое применение в швейной отрасли получает нанотекстиль благодаря своим свойствам: устойчивости к загрязнению, антимикробным свойствам, повышенной прочности, водопроницаемости лишь в направлении от тела во внешнюю среду. Оптимистично выглядят «разумные» перспективы наноматериалов, такие как возможность включения в изделия токопроводящих элементов, солнечных батарей, сенсорных датчиков и т. п. Проведенный анализ рынка наноматериалов [5] показал, что нанотекстиль обладает революционными свойствами и находится на стадии промышленного внедрения, хотя широкого распространения пока не получил.

В производстве текстиля нанотехнологии применяют в направлениях: 1) производство

Таблица 1

Прогнозы развития оборудования швейного производства

Сценарий	Развитие по сценарию	
	швейной промышленности	профессионально-технического образования
Стагнации	Внедрение отдельных видов новой техники на единичных предприятиях	Замена только не подлежащего ремонту оборудования на новое или пригодное к эксплуатации б/у. Освоение новых образцов техники на производственной практике
Базовый	Комплексное внедрение новых производственных линий и техники на отдельных предприятиях	Замена большей части морально устаревшего оборудования на новое. Освоение новых образцов техники и автоматизированных линий на производственной практике
Развития	Полное технологическое переоснащение ведущих предприятий, внедрение новой техники и производственных линий на менее мощных фабриках	Замена морально устаревшего оборудования на инновационное. Освоение автоматизированных линий на производственной практике

нановолокон; 2) применение нановеществ в заключительной отделке традиционных текстильных волокон и материалов.

Патентный поиск по первому направлению проведен по подклассу D01D «Способы и устройства для производства химических нитей, мононитей, волокон, щетины и лент» (рис. 3). Дополнительным условием было наличие ключевого слова «nano» в заголовке. Для проверки перспектив развития отделок материалов с применением нанотехнологий поиск проведен по классу D06 «Обработка текстильных изделий; стирка; эластичные материалы, не отнесенные к другим классам» с ключевым словом в названии или аннотации «nano» (см. рис. 3).

Анализ графиков показал устойчивый рост количества патентов на текстильные наноматериалы (суммарно 194 патента за три квартала 2014 г. против 98 изобретений в 2008 г.). Можно с уверенностью утверждать, что через 10–15 лет волокнистые материалы, изготовленные с использованием нанотехнологий, будут широко использоваться в швейном производстве.

Проведенный патентный поиск по развитию текстильных наноматериалов позволил составить сценарный прогноз (табл. 2), дополненный соответствующими сценариями развития профессионального образования.

Анализ украинских учебных программ подготовки швей, портных, закройщиков и операторов швейного оборудования показал, что в

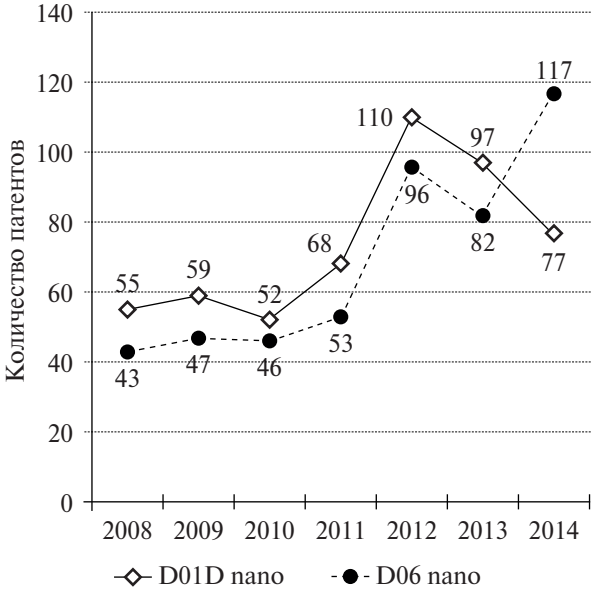


Рис. 3. Количество патентов на технологии производства текстильных наноматериалов (по данным базы «World wide EPO» на 03.10.2014 г.)

них отсутствуют вопросы, связанные с производством и обработкой текстильных наноматериалов, что соответствует сценарию стагнации.

Автоматизация. К разновидностям автоматизированных систем управления процессами в швейной отрасли относятся следующие [6]:

• системы автоматизированного проектирования (САПР);

Таблица 2

Прогнозы развития инновационных швейных материалов

Сценарий	Развитие по сценарию	
	швейной промышленности	профессионально-технического образования
Стагнации	Применение материалов, для которых существуют технология обработки и соответствующее оборудование	Изучение технологии обработки классических материалов. Изучение сведений о новых материалах
Базовый	Широкое внедрение новых материалов со специальными свойствами, в частности наноматериалов, в производство производственной одежды. Внедрение новых материалов со специальными свойствами в производство отдельных видов бытовой одежды	Изучение технологии обработки классических и новых материалов
Развития	Широкое внедрение новых материалов со специальными свойствами, в частности наноматериалов, в производство не только производственной, но и бытовой одежды	Изучение технологии обработки классических и инновационных материалов

• компьютеризированное и автоматизированное оборудование для раскроя, изготовления и влажно-тепловой обработки швейных изделий;

• системы автоматического сбора, учета, преобразования и обмена информацией между подразделениями швейного предприятия.

Большинство современных САПР одежды решают преимущественно инженерные задачи, такие как построение и проверка базовых конструкций одежды, техническое моделирование, оформление технологических припусков, градация по размерам и ростам, раскладка лекал, формирование конструкторских документов.

Все больше заказов на изготовление одежды как индивидуального, так и массового производства оформляется через Интернет. Это, несомненно, изменяет содержание труда работников швейной отрасли и должно быть учтено при подготовке квалифицированных специалистов.

Перспективным направлением развития автоматизации легкой промышленности может стать применение 3D печати для изготовления одежды. И хотя сегодня распечатанные на 3D принтере модели можно встретить только на модных показах и конкурсах [7], в обозримом будущем следует ожидать коммерческого применения данной технологии. И тогда сами термины «швейное изделие», «швейное производство» утратят свой смысл применительно к данному способу изготовления одежды. Такой сценарий развития также должен найти свое отображение в прогностической концепции подготовки квалифицированных рабочих.

Сценарный прогноз развития автоматизации швейного производства и соответствующего развития профессионального образования представлен в табл. 3.

Следует отметить, что в данном направлении программы подготовки рабочих-швейников, содержащиеся в государственных стандартах профессионально-технического образования Украины, предусматривают развитие по базовому сценарию. Однако практическая их реализация происходит преимущественно по сценарию стагнации ввиду отсутствия у большинства профессионально-технических учебных заведений швейного профиля компьютерной техники последних поколений, профессионально-ориентированного программного обеспечения, подготовленных педагогических кадров и учебно-методической литературы.

Таблица 3

Прогнозы развития технологий и автоматизации производства швейной промышленности

Сценарий	Развитие по сценарию	
	швейной промышленности	профессионально-технического образования
Стагнации	Автоматизация отдельных этапов подготовки производства на некоторых предприятиях	Изучение основ информационных технологий, поиска профессионально важной информации в Интернете
Базовый	Автоматизация подготовки производства и отдельных участков изготовления на большинстве предприятий. Развитие услуг по мелкосерийному и индивидуальному производству одежды по дистанционным заказам	Изучение основ информационных технологий, основ использования профессионально-ориентированного программного обеспечения, поиска и обработки профессионально важной информации в Интернете
Развития	Комплексная автоматизация производства – начиная с подготовки и до изготовления и реализации готовой продукции на ведущих предприятиях. Автоматизация подготовки производства и отдельных участков изготовления на менее мощных фабриках. Внедрение технологий 3D печати. Развитие услуг по мелкосерийному и индивидуальному производству одежды промышленными методами по дистанционным заказам	Освоение профессионально-ориентированного программного обеспечения, а также поиска, обработки и размещения профессионально важной информации в Интернете

Проведенный анализ перспектив развития швейной промышленности на основе анализа публикаций и количественного исследования патентов позволил составить сценарные прогнозы инноваций на ближайшие 5–10 лет по направлениям: оборудование, материалы, автоматизация производства.

Для обеспечения развития по базовым сценариям необходимы следующие инновации в техническом и методическом обеспечении процесса обучения:

• замена морально устаревшего оборудования на новое, освоение новых дорогостоящих образцов техники на производственной практике;

• изучение технологии обработки новых материалов, в том числе наноматериалов;

• изучение основ использования профессионально-ориентированного программного обеспечения, поиска и обработки профессионально важной информации в Интернете.

Для реализации более оптимистичного сценария развития необходимы активные действия не только по обновлению содержания образования квалифицированных рабочих швейной отрасли, но и по внедрению инновационных технологий в производство.

Результаты данного исследования необходимо учитывать при построении прогностической модели специалиста швейной отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гвишиани Д.М.** Прогностика. М.: Знание, 1968. 92 с.

2. **Джилл Рингланд.** Сценарное планирование для разработки бизнес-стратегии. М.: Диалектика Вильямс, 2007. 560 с.

3. **Виробництво** основних видів промислової продукції (1990–2013 рр.). URL: http://ukrstat.gov.ua/ (дата обращения: 01.10.2014).

4. **Официальный** сайт Европейской патентной организации. URL: http://ep.espacenet.com (дата обращения: 03.10.2014).

5. **Єжова О.В.** Прогнозування змісту навчання швейного матеріалознавства в технологічній та професійній освіті // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. Сер. № 5. Вип. 46. Київ, 2014. С. 73–78.

6. **Ежова О.В.** Прогнозирование изучения подготовительно-раскройного производства будущими специалистами швейной отрасли // Наукові праці Вищого навчального закладу «Донецький національний технічний університет». Сер. Педагогіка, психологія і соціологія. 2014. № 1. Ч. 1. С. 81–85.

7. **Печатай** одежду и аксессуары на 3D принтере. URL: http://3dsla.org/clothing-accessories/ (дата обращения: 01.10.2014).

O.V. Yezhova

PROJECTIONS OF INNOVATIVE EDUCATIONAL CONTENTS WHEN TRAINING SPECIALISTS IN THE SEWING INDUSTRY

YEZHOVA Olga V. – *Kirovohrad Volodymyr Vynnychenko State Pedagogical University.*
Vul. Shevchenka, 1, Kirovohrad, 25006, Ukraine
e-mail: oyezhova@mail.ru

The article is dedicated to compiling projections in order to forecast innovative development in the sewing industry, in particular to project the contents of sewing specialists' education. Through literature analysis and quantitative patents research, different scenarios of innovation development in the sewing industry have been compiled for the nearest 5–10 years. The scenarios are focused on several directions: equipment, stuff, automation of manufacture. Each scenario has been expanded with a corresponding projection for the education sphere. It has been found out that in order to secure the development according

to the basic scenarios there is a strong need for technical innovations as well as methodological provision of the education process: i.e. substitution of morally outdated equipment with modern one; study of new materials processing technology, including nanomaterials and study of the basics of CAD (Computer-Aided Design) of clothes.

PROFESSIONAL AND TECHNICAL EDUCATION; SEWING INDUSTRY; PROGNOSIS; SCENARIO; INNOVATIONS.

REFERENCES

1. Gvishiani D.M. *Prognostika* [Prognostics]. Moscow, Znanie Publ., 1968. 92 p. (In Russ.)

2. Gill Ringland. *Stsenarnoe planirovanie dlya razrabotki biznes-strategii* [Scenario Planning: Managing for the Future]. Moscow, Dialektika Wilyams Publ., 2007. 560 p. (In Russ.)

3. [Output of basic industrial products (1990–2013)]. Available at: http://ukrstat.gov.ua/ (accessed 01.10.2014).

4. Espacenet Patent search. Available at: http://ep.espacenet.com (accessed 03.10.2014).

5. Yezhova O.V. [Prognosis of sewing materials study in technological and professional education]. *National Pedagogical Dragomanov Univ. J.: Pedagogical Sciences*, 2014, no. 46. pp. 73–78. (In Ukr.)

6. Yezhova O.V. [Prognosis of preparatory cutting manufacture study by would-be apparel industry specialists]. *Donetsk National Technical Univ. J.: Pedagogy, Psychology and Sociology*, 2014, no. 1 (15), pt 1, pp. 81–85. (In Russ.)

7. [Print clothes and accessories on a 3D printer]. Available at: http://3dsla.org/clothing-accessories/ (accessed 01.10.2014).

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

УДК 372.881.111.1

С.В. Дроздов

ИНОЯЗЫЧНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

ДРОЗДОВ Семен Владимирович – *аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: Drozdovteacher@yandex.ru

Анализируется востребованность специальностей туриндустрии (в частности, направления 100400 – «Туризм») на современном рынке труда. Подчеркивается необходимость знания иностранного языка представителями туристических специальностей. Выявляются противоречия между требованиями, предъявляемыми работодателями к выпускникам вуза в сфере туриндустрии, и крайне невысоким уровнем сформированности у них профессиональных компетенций. Представлены результаты анкетирования крупнейших туроператоров. Определены компетенции, которые необходимо сформировать в рамках дисциплины «Иностранный язык» за время обучения.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ РЯД; АНКЕТИРОВАНИЕ ТУРОПЕРАТОРОВ; ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ; ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ; ДОЛЖНОСТНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА; КАДРОВАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ.

Проблема качественного образования, в частности иноязычной подготовки, и соответствия выпускника вуза предъявляемым к нему требованиям очень актуальна. Стоит отметить, что она рассматривается на протяжении последних десятилетий. Работы таких ученых, как А.Г. Бермус [1], И.А. Зимняя [2], Д.И. Изаренков [3], Е.И. Пассов [4], посвящены решению проблем, связанных с формированием общекультурных и профессиональных компетенций на разных этапах обучения. Иноязычная подготовка студентов требует особого внимания и рассмотрения.

Одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на уровень образования, востребованности профессии и требуемое количество выпускников, является социальный заказ, который находит свое выражение: во введении новых специальностей (направлений) в структуру высшего профессионального образования; в формировании новых и усовершенствовании существующих требований к подготовке специалиста в определенной сфере; в ежегодном предоставлении бюджетных и платных мест в вузе и т. д. Опираясь на эти данные, можно сделать выводы о востребованности той или иной профессии.

Тройку самых успешных российских вузов, занимающихся подготовкой кадров в сфере туриндустрии, составляют: Институт туризма и гостеприимства Московского государственного университета, Международный институт гостиничного менеджмента и туризма, Московская академия туристического и гостинично-ресторанного бизнеса при правительстве Москвы [5]. Согласно результатам нашего исследования, в Москве подготовку кадров по направлению 100400 – «Туризм» осуществляют 58 вузов, в Санкт-Петербурге – 16 вузов, в Иркутске, Екатеринбурге, Самаре – по 8, в Краснодаре – 7. В Санкт-Петербурге на уровне высшего профессионального образования непосредственно этим направлением занимаются: Балтийская академия туризма и предпринимательства, Петербургский государственный университет путей сообщения, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, РГПУ им. А.И. Герцена и др. Это свидетельствует о востребованности профессий, связанных с туризмом.

Данное направление, представленное в программах учреждений высшего профессио-

нального образования, является результатом многолетнего совершенствования и модернизации первоначальной специальности 230500 – «Социальный культурный сервис и туризм», ГОС ВПО которой был утвержден в 1996 году Государственным комитетом РФ по высшему образованию.

Государственные требования к работникам сферы туризма определены в Постановлении Минтруда РФ № 8 от 17.05.1999 (ред. от 10.10.2002) «О квалификационных требованиях (профессиональных стандартах) к основным должностям работников туриндустрии» [6], а также в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 220н от 12 марта 2012 года «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел „Квалификационные характеристики должностей работников организаций сферы туризма”» [7]. Данные нормативные документы предназначены для регулирования трудовых отношений и обеспечения эффективности функционирования организаций, занятых в сфере туризма. Согласно указанному постановлению, языком основной клиентуры (в нашем случае – английским и русским) должны владеть представители профессий следующих пяти секторов туристической индустрии:

• *в туристических агентствах*: агент по бронированию, продажам, выездному и въездному внутреннему туризму, ассистент по формированию групп, секретарь, стажер, кассир, курьер; менеджер по направлениям туризма, менеджер по бронированию и продажам, менеджер по маркетингу и рекламе, менеджер по работе с клиентами, менеджер по связям с общественностью, менеджер по кадрам, руководитель группы;

• *в экскурсионных бюро*: агент по приему заказов, секретарь, стажер, кассир, курьер; начальник экскурсионного бюро по маркетингу и рекламе, продажам, работе с клиентами, организационным вопросам;

• *в туроператорской сфере*: оператор по бронированию, продажам, выездному туризму, въездному и внутреннему туризму, сопровождающий, секретарь, кассир, стажер, курьер; директор по маркетингу, бронированию и продажам, турпродуктам, связям с общественностью, работе с клиентами, кадрам, информационным технологиям, финансам;

• *в службе приема и размещения (гостиницы)*: ассистент менеджера по обслуживанию гостей, регистратор, оператор телефонной службы, швейцар, стажер службы приема и размещения, носильщик; начальник службы приема и размещения, менеджер службы приема и размещения (старший смены), старший регистратор, старший администратор;

• *в службе организации питания*: младший официант, официант-стажер, директор и заместитель директора ресторана, менеджер по блюдам и напиткам, заведующий производством, метрдотель, метрдотель бара, администратор ресторана [6].

Во всех приведенных секторах туриндустрии знание иностранного языка (или «языка основной клиентуры») обязательно для представителей и работников, так как их должностные обязанности, описанные в постановлении Минтруда о профессиональных стандартах, непосредственно связаны с его использованием. В данном нормативном документе указаны также основные навыки и умения, необходимые для выполнения должностных обязанностей.

1. Для работников *турагентств* должностной обязанностью является работа с российской и иностранной клиентурой (на «языке основной клиентуры»). Для этого они должны владеть иностранным языком, умениями устного общения (в том числе и телефонного) и ведения деловой переписки, техниками и приемами переговоров с клиентами, культурой межличностного общения. Таким работникам необходимы лингвистические знания (лексика, грамматика и фонетика), знание аббревиатур в туристической сфере, а также теории межличностного общения.

Знание теории межличностного общения требуется для выполнения целого ряда должностных обязанностей: ведение деловой переписки, предоставление информации клиентам, маркетинг и реклама, продажа туристического продукта, работа с жалобами клиентов. Кроме того, работник должен обладать знаниями и навыками соблюдения делового этикета и протокола.

2. Для представителей *экскурсионных бюро* под работой с российской и иностранной клиентурой в постановлении подразумеваются: определение и удовлетворение потребностей туристов; устное общение с туристами по те-

матике профессиональных обязанностей; ведение беседы с туристами; при необходимости выполнение обязанностей переводчика; анализ материалов, связанных с работой экскурсионного бюро, на соответствующем иностранном языке; составление письменных сообщений (на иностранном языке); соблюдение делового стиля, протокола и этикета. Знание иностранного языка и соблюдение протокола и этикета необходимы и при выполнении следующих должностных обязанностей: встреча туристов, работа с группой туристов, работа с жалобами клиентов, планирование экскурсий по специальной программе и контроль за ее исполнением, организация и проведение презентаций, организация и проведение деловых переговоров, рекламные кампаний.

3. Для работников *туроператорской сферы* трактовка работы с иностранной клиентурой полностью совпадает с должностными обязанностями в первом секторе. Знание иностранного языка, соблюдение делового стиля, протокола, этикета и знание теории межличностного общения необходимы для выполнения следующих обязанностей: подготовка к работе туроператоров, пользование офисной оргтехникой, ведение деловой корреспонденции, предоставление информации клиенту, маркетинг и реклама, продажа туристского продукта, работа с жалобами клиентов, контроль за подготовкой и организацией работы офиса, создание и развитие агентской сети туроператоров, контроль предоставления информации клиенту, организация и проведение презентаций, деловых переговоров, рекламных кампаний, работа с жалобами клиентов, помощь работникам в разрешении возникающих в ходе работы проблем, управление конфликтными ситуациями.

4. Для представителей *службы приема и размещения (гостиницы)* в постановлении в списке должностных обязанностей на первом месте значится: владение иностранным языком в соответствии с постоянной клиентурой. Данная обязанность включает в себя: умение контактировать с гостями по тематике своей службы на языке гостя, встреча гостей и их регистрация, предоставление устной и письменной информации о размещении и продаже номеров, ответы на вопросы гостей, культура межличностного общения. Знание иностранного языка, культуры межличностного общения, соблюдение протокола и этикета включены в исполнение следующих должностных обязанностей: забота о гостях, встреча и приветствие гостей в гостинице, регистрация и размещение гостей, сопровождение гостей к их номерам, ответы на вопросы гостей, работа с жалобами, расчет гостей при въезде, организация отъезда и проводы гостей, информирование гостей и ответы на их вопросы, управление конфликтными ситуациями, организация и проведение деловых переговоров.

5. В *службе организации питания* владение иностранным языком подразумевает навыки культуры межличностного общения, устного общения с клиентами, владение профессиональной лексикой и терминологией. Для осуществления вышеупомянутой должностной обязанности работник должен знать: теорию межличностного общения, базовый словарный запас, основы фонетики и грамматики, словарный запас по теме ресторанного дела.

Также стоит упомянуть о необходимости соответствия выпускника данного направления выдвигаемым требованиям и представлениям работодателей об успешном и перспективном работнике компании. То есть по завершении учебного курса в вузе выпускник должен быть конкурентно-способным на рынке труда, что обусловливает необходимость привлечения пристального внимания к проблеме соответствия требований, выдвигаемых вузом и работодателями. Попытаемся проанализировать требования, предъявляемые турагентствами и туроператорами к сотрудникам своих фирм и компаний.

Большой рост потребностей в туристических продуктах обусловил соответственный скачок в развитии данной сферы, способной удовлетворить эти потребности. Только в 2011 году общий доход от индустрии туризма в России составил 11,5 млрд долларов, и эта цифра растет с каждым годом. Необходимость профильного туристического образования предписывается «Положением о лицензировании туроператорской и турагентской деятельности». Данные факты привели к тому, что в Российской Федерации уже более 320 вузов (как профильные, так и непрофильные) готовят квалифицированные кадры для сферы туризма. Как уже отмечалось, 16 таких вузов находятся в Санкт-Петербурге. Однако фактическая ситуация, складывающаяся в сфере туризма, свидетельствует о том,

что при достаточном обеспечении кадрами (со стороны вузов) с высшим профессиональным образованием индустрия туризма испытывает недостаток в профессионалах.

Данный парадокс проанализирован в статье Е.А. Титовой «Туристическое образование в России: проблемы и перспективы» [8]. Проведя собственное практическое исследование, она приводит несколько примеров, наглядно показывающих, как работодатели справляются с кадровой проблемой. Основными источниками кадровых ресурсов в туриндустрии, по данным Е.А. Титовой, являются кадры с непрофильным высшим образованием, которые были вынуждены обучаться профессии на практике, а также кадры, ранее успешно работавшие в данной сфере в иных компаниях, но перешедшие из-за более выгодных условий работы.

Данная информация свидетельствует о наличии несоответствия требований к выпускникам со стороны вузов и со стороны работодателей, контактирующих с реальными потребителями. Для педагогов-практиков это должно стать опорной точкой в пересмотре основ подготовки специалистов данного направления. Таким образом, можно сделать вывод, что выпускники не представляют реальной ценности для работодателей, и статус выпускника не является приоритетным при приеме на работу.

Деятельность туроператоров и турагентств является одной из самых развитых в туриндустрии, что влечет за собой высокий уровень конкуренции, а следовательно, и высокие требования к новым сотрудникам. Данные требования включают в себя знание рынка, широкий спектр компетенций, владение которыми должно соответствовать высокому уровню, знание иностранных языков (минимум двух). На практике многие претенденты не соответствуют предъявляемым требованиям.

Е.А. Титова приводит ряд причин, являющихся, по ее мнению, основанием для отказа в предоставлении должности выпускникам: недостаток знаний (практических), несоответствие уровней владения компетенциями (как профессиональными, так и общекультурными), несформированность коммуникативных способностей (умение общаться с клиентами и т. д.), компьютерная неграмотность, завышенные требования, низкий уровень способности обучаться на практике, нереалистичная оценка профессии [Там же].

Вышеперечисленные недостатки являются критичными для туроператоров и турагентств, что заставляет делать выбор в пользу более опытного и «рентабельного» кандидата.

Таким образом, высшее профессиональное образование не обеспечивает полноценной конкурентной способности выпускника, что свидетельствует о необходимости более качественного освоения учебной программы студентами и более глубокого понимания педагогами состава профессиональной компетентности выпускника. Также стоит обратить особое внимание на интегрированное освоение компетенций (как общекультурных, так и профессиональных) в рамках своего предмета, т. е. преподаватели иностранного языка должны мотивировать студентов к профессиональной деятельности и способствовать формированию у них не только общекультурных, но и профессиональных компетенций. Только так можно достигнуть требуемого уровня подготовки.

В нашем исследовании было проведено анкетирование 10 передовых туроператоров Санкт-Петербурга (2011–2014) с целью получения сведений и проведения анализа современной ситуации на кадровом рынке. Анкета состояла из 11 вопросов:

1. Основная часть кадрового состава Вашего турагентства имеет высшее профессиональное (туристическое) образование?

2. Кадровый состав отвечает выдвигаемым Вашей организацией требованиям?

3. Вы удовлетворены работой кадрового состава Вашей организации?

4. Работа в Вашем турагентстве (туроператоре) удовлетворяет потребностям сотрудников (финансовым, культурным, в саморазвитии и др.)?

5. Сотрудники проявляют мотивацию к работе в турагентстве (туроператоре)?

6. Большая часть кадрового состава работает в турагентстве (туроператоре) непрерывно более трех лет?

7. Соответствуют ли современные выпускники Вашим представлениям о перспективном работнике компании?

8. Каким Вы видите выпускника с высшим профессиональным (туристическим) образованием, имеющего возможность получить должность в компании?

9. При выборе кандидата Вы отдадите предпочтение опытному сотруднику без высшего профессионального (туристического) образования или выпускнику, имеющему его?

10. Работники Вашей организации знают один (несколько) иностранный(х) язык(ов)?

11. Уровень знания иностранного языка позволяет сотрудникам Вашей организации выполнять все поставленные перед ними задачи, в решении которых необходимо использовать иностранный язык?

На вопросы № 1–7 необходимо было дать положительный или отрицательный ответ. Вопрос № 8 является открытым. Вопрос № 9 предполагает выбор альтернативы. При ответе на 10-й и 11-й вопросы участники опроса могли предложить развернутый ответ.

Результаты анкетирования показали полное соответствие современной ситуации выводам исследования Е.А. Титовой. Все опрошенные дали отрицательный ответ на вопрос, касающийся соответствия выпускников образу перспективного работника. При ответе на вопрос о выборе работодателя между опытным сотрудником без высшего профессионального образования и выпускником вуза 70 % респондентов отдали предпочтение опытному сотруднику. По общим подсчетам, около 57 % сотрудников туроператоров и турагентств знают иностранный язык, примерно 34 % могут использовать его в трудовой деятельности для решения поставленных задач.

Результаты исследования Е.А. Титовой и проведенного нами анкетирования свидетельствуют о наличии проблем в образовательной сфере. В частности, выявлено несоответствие навыков и умений выпускников требованиям, предъявляемым к ним работодателями. Знание иностранного языка и умение его использовать в трудовой деятельности не соответствуют требованиям, предъявляемым в нормативных документах. Для более глубокого понимания этих противоречий необходимо проанализировать документы, на основе которых формируется компетентностный ряд выпускника в образовательном процессе.

В сфере высшего профессионального образования (ВПО) основным документом, регламентирующим требования к подготовке бакалавра по направлению 100400 – «Туризм», является приказ Министерства образования и науки РФ № 489 от 28 октября 2009 года [9]. В данном документе дисциплина «Иностранный язык» является обязательной к освоению в двухгодичный срок (первый – четвертый семестры; общее количество часов 198). Эта дисциплина входит в социально-гуманитарный цикл и направлена на формирование непосредственно общекультурных компетенций (ОК-4, ОК-7, ОК-10). В структуре основной образовательной программы также описаны результаты освоения учебных циклов (в том числе и иностранного языка). Выпускник-бакалавр должен знать грамматику, лексику, историю и культуру стран изучаемого языка, правила речевого этикета, а также уметь использовать знание иностранного языка в профессиональной деятельности и владеть основами деловых коммуникаций и речевого этикета изучаемого иностранного языка.

С практической точки зрения достижению основных поставленных целей образовательного процесса препятствуют несколько причин.

Во-первых, в связи с переходом на новые стандарты (ФГОС ВПО) значительная часть учебного материала должна осваиваться обучающимся самостоятельно, что зачастую приводит к бесконтрольности, недисциплинированности и, как следствие, к потере потенциальной пользы этой части учебного процесса и отставанию в освоении программы обучения.

Во-вторых, нехватка аудиторных часов вынуждает педагога идти на компромисс, так как некоторые аспекты (например, говорение, аналитическая работа с текстом и т. д.) не могут быть оставлены на самостоятельное изучение, тогда как изучение грамматики может быть организовано дистанционно. Как следствие, преподаватель вынужден перестраиваться на новый режим работы, искать подходящий для новых условий материал, адаптировать его, использовать возможности аудиторной и самостоятельной работы, повышая тем самым эффективность обучения через умелое сочетание данных видов работы.

В-третьих, новые стандарты образования предусматривают интегрированное овладение дисциплинами профессионального и социально-гуманитарного циклов: компетенции, формируемые в процессе освоения дисциплины «Иностранный язык», должны экстраполироваться и на профессиональные, т. е. иметь практическое применение. Данный факт влечет за собой необходимость глубокого понимания пе-

дагогом итогового компетентностного состава выпускника-бакалавра и вычленение тех профессиональных компетенций, формированию которых освоение дисциплины «Иностранный язык» может и должно способствовать.

И наконец, информатизация образования, целью которой является оптимизация и повышение качества, влечет за собой определенный ряд проблем, связанных с недостаточным техническим обеспечением учебного процесса, с невысоким уровнем владения медиаграмотностью.

Прогресс, появление новых источников информации вынуждают все системы общества развиваться и усовершенствоваться. Сфера образования также следует по пути модернизации и усовершенствования, что выражается в смене стандартов обучения, устаревании недавно созданных учебных пособий и многом другом.

Результаты данного исследования говорят о необходимости:

1. Совершенствования процесса и содержания обучения в области подготовки специалистов туриндустрии в вузе.

2. Определения компетентностного ряда, формируемого в рамках дисциплины «Иностранный язык» на уровне бакалавриата.

3. Создания учебно-дидактических материалов, направленных на формирование данных компетенций.

В основу проектирования педагогической технологии, направленной на формирование профессионально-ориентированных компетенций в рамках дисциплины «Иностранный язык», была положена сводная таблица, созданная на основе текста приказа Министерства образования и науки РФ № 489 от 28 октября 2009 года [9], определяющая компетентностный ряд выпускника направления 100400 – «Туризм». В рамках дисциплины «Иностранный язык» должны формироваться как общекультурные, так и профессиональные компетенции.

Для реализации поставленной цели по формированию данных компетенций нами были подготовлены и реализованы в преподавательской практике упражнения и виды деятельности, способствующие развитию компетентностного ряда выпускника (см. таблицу).

Данные упражнения и виды деятельности имеют высокий дидактический потенциал и формируют на достаточно высоком уровне необходимые компетенции.

Упражнения и виды деятельности, направленные на формирование общекультурных и профессиональных компетенций выпускника

Общекультурные (ОК) и профессиональные (ПК) компетенции*	Содержание компетенции	Упражнения и виды деятельности
ОК-4	Владение культурой мышления; способность к общению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; умение логически верно, аргументированно и ясно выстроить устную и письменную речь	Упражнения грамматического цикла, в том числе и вводно-корректировочного курса грамматики, а также упражнения: • на работу с текстом, различные виды чтения; • послетекстовое обсуждение; • письменную рефлексию по прочитанному тексту; • восприятие и анализ содержания аудио- и видеоматериала
ОК-7	Готовность к восприятию культуры и обычаев других стран и народов; терпимое отношение к национальным, расовым, конфессиональным различиям; способность к межкультурным коммуникациям в туристской индустрии	Упражнения с лингвострановедческой направленностью; анализ информации из оригинальных источников, посвященных традициям и обычаям различных национальностей; обсуждения и дискуссии на тему конфессиональных отличий, различий речевых этикетов и т. д.

Окончание таблицы

Общекультурные (ОК) и профессиональные (ПК) компетенции*	Содержание компетенции	Упражнения и виды деятельности
ОК-9	Способность понимать социальную значимость своей будущей профессии; обладание высокой мотивацией к профессиональной деятельности в туристской индустрии	Упражнения, направленные на ознакомление учащихся со спектром потенциальных профессий, должностных обязанностей, социальной значимостью (доля на рынке труда, в экономике РФ, потенциальные возможности индустрии); контакт с реальными работодателями, проведение исследования в сфере предъявляемых требований
ПК-3	Способность самостоятельно находить и использовать различные источники информации по проекту туристского продукта	Упражнения, направленные на поиск с помощью ИКТ и сети Интернет уже сформированных туристических продуктов; анализ структуры, схемы воздействия на потребителя; составление проекта схожего туристического продукта с учетом ранее выделенных маркетинговых особенностей; создание проекта индивидуального туристического продукта
ПК-6	Способность к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий	Проектирование индивидуального туристического продукта с использованием ИКТ и ресурсов сети Интернет; презентация продукта; аргументированное влияние на потенциального клиента; презентация и способы реализации интернет-продукта туриндустрии; аргументированное прогнозирование успешности туристического продукта
ПК-13	Способность находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию в области туристской деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий	Упражнения, направленные на поиск научных статей в области туристической индустрии, с последующим анализом, реферированием и презентацией с помощью средств ИКТ; выделение основных инновационных идей для туриндустрии; анализ проблем, рассматриваемых в различных онлайн-источниках, поиски возможных путей решения

* Классификация по приказу Министерства образования и науки РФ № 489 от 28 октября 2009 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бермус А.Г.** Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Эйдос. URL: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm (дата обращения: 20.04.2014).

2. **Зимняя И.А.** Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Там же (дата обращения: 20.04.2014).

3. **Изаренков Д.И.** Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54–60.

4. **Пассов Е.И.** Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989. 276 с.

5. **Министерство** образования и науки Российской Федерации. URL: http://минобрнауки.рф/static/ministry_eng.html (дата обращения: 28.04.2014).

6. **ЗаконПрост.** URL: http://www.zakonprost.ru/content/base/81729 (дата обращения: 28.04.2014).

7. **Российская** газета // RG. URL: http://www.rg.ru/2012/04/03/turizm-site-dok.html (дата обращения: 30.04.2014).

8. **Все** о туризме. Туристическая библиотека. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/titova2.htm (дата обращения: 28.04.2014).

9. **Гарант.** Информационно-правовой портал. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96991/ (дата обращения: 28.04.2014).

S.V. Drozdov

FOREIGN LANGUAGES ACQUIRING BY STUDENTS IN TOURISM SPHERE

DROZDOV Semyon V. – *Herzen State Pedagogical University of Russia*.
Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: Drozdovteacher@yandex.ru

This article outlines the demand for specialists in tourism industry in the modern labour market; the necessity of foreign language skills is underlined. The contradictions between employers' demands in tourism industry and a rather low level of professional competencies of university graduates are determined. The results of surveys of today's first-rate tour operators are represented and a competence range that should be formed when a foreign language is being studied is suggested.

COMPETENCE RANGE; QUESTIONNAIRE OF TOUR OPERATORS; COMMON CULTURAL COMPETENCES; PROFESSIONAL COMPETENCES; STAFF RESPONSIBILITIES; DEMAND ON STAFF.

REFERENCES

1. Bermus A.G. [Problems and prospects of competencies' realization in education]. *Eidos*. Available at: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm (accessed 20.04.2014).

2. Zimnyaya I.A. [The key competencies – new result's paradigm of modern education]. *Eidos*. Available at: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm (accessed 20.04.2014).

3. Izarenkov D.I. [Basic Components of Communicative Competence and their Formation on the Advanced Stage of Studying of Students in Non-Phylological Sphere]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 1990, no. 4, pp. 54–60. (In Russ.)

4. Passov Ye.I. *Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obscheniyu* [The Basic Principles of Communicative Method in Teaching Foreign Language Speaking]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989. 276 p. (In Russ.)

5. *Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii* [Ministry of science and education of Russian Federation]. Available at: http://minobrnauki.rf/static/ministry_eng.html (accessed 28.04.2014).

6. *ZakonProst* [Reference-law system "Thelawis-simple"]. Available at: http://www.zakonprost.ru/content/base/81729 (accessed 28.04.2014).

7. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Available at: http://www.rg.ru/2012/04/03/turizm-site-dok.html (accessed 30.04.2014).

8. *Vse o turizme. Turisticheskaya biblioteka* [Everything about tourism. Touristic library]. Available at: http://tourlib.net/statti_tourism/titova2.htm (accessed 28.04.2014).

9. Garant. Law-information portal. Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96991/ (accessed 28.04.2014).

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

УДК 378.147:811.111'24

А.И. Дашкина, А.Я. Фёдорова

РОЛЬ НАСТАВНИЧЕСТВА СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДВУХСТУПЕНЧАТОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ИНФОРМАТИВНОМУ ЧТЕНИЮ В МАЛЫХ ГРУППАХ

ДАШКИНА Александра Игоревна – *доцент кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

ФЁДОРОВА Александра Яковлевна – *старший преподаватель кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

В статье с помощью результатов пилотного эксперимента демонстрируется целесообразность применения двухступенчатого метода при обучении студентов работе с иноязычными текстами. На первой ступени учащиеся самостоятельно изучают текст, а на второй – выполняют задания на поисковое чтение в режиме наставничества.

НАСТАВНИЧЕСТВО; РАЗНЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ; ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ; ДВУХСТУПЕНЧАТЫЙ ПОДХОД; ИЗУЧАЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ.

Вопросы обучения информативному чтению текста на иностранном языке приобретают актуальность в свете переосмысления парадигмы образования. Подготовка специалиста в определенной сфере подразумевает необходимость открыть для него доступ к новой информации, изложенной не только на его родном языке, но и на иностранных языках. Кроме того, умение извлекать информацию из иноязычного текста вооружает учащихся умением самостоятельно усваивать новый материал, что особенно важно в настоящее время в связи с тем, что все большее внимание уделяется самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов.

Одним из способов достижения автономии студентов при изучении нового материала, содержащегося в иноязычном тексте, является работа в малых группах, состоящих из учащихся с разным уровнем языковой подготовки. Такая организация познавательного процесса позволяет студентам с более высоким уровнем владения иностранным языком оказать помощь учащимся с недостаточной подготовленностью по иностранному языку, а также повысить свой собственный уровень знаний за счет необходимости многократного повторения информации и систематизации вводимого учебного материала во время объяснения.

В процессе исследования роли наставничества студентов при обучении чтению на иностранном языке нами был проведен пилотный обучающий эксперимент на первом курсе среди студентов экономических специальностей. На этом этапе обучения занятия проводятся по английскому языку общей направленности, что является подготовкой к изучению профессионально-ориентированного языкового материала на следующих курсах. Именно на первом курсе студентов необходимо обучить успешному освоению концептуального содержания иноязычных текстов.

В основе работы по освоению концептуального содержания иноязычных текстов лежит взаимодействие текстовой информации и системы знаний учащегося. Таким образом, освоение концептуального содержания должно

быть направлено на «создание когнитивного и языкового тезауруса реципиента» [1, с. 14]. Это означает, что учащийся не может воспринять содержание текста, не имея предварительного представления об описываемой в нем тематике и не обладая достаточным набором лексических средств, применимых к данной области.

Поскольку учащиеся первого курса неязыкового вуза еще не обладают достаточными знаниями в области своего научного направления, на занятиях по иностранному языку они работают с текстами общей направленности. Так, студенты, обучающиеся по направлению «Экономика», на начальном этапе занимаются английским языком для общих целей по учебнику «Language Leader», ориентированному на такие разговорные темы, как, например, «Окружающая среда», «Черты характера», «Образование» и т. д. Приоритет, отдаваемый изучению английского языка общей направленности на первых курсах, объясняется тем, что на этом этапе у студентов еще не сформирован когнитивный тезаурус по своему направлению, что может значительно препятствовать восприятию ими профессионально-ориентированных текстов. Тем не менее основы профессионально-ориентированного информативного чтения должны закладываться уже в процессе работы с иноязычными текстами общей направленности.

Прежде чем перейти к подробному объяснению понятия «двухступенчатое иноязычное информативное чтение», необходимо остановиться на более традиционной классификации видов чтения в зависимости от практической потребности читателя. Согласно этой классификации, различают ознакомительное, поисковое и изучающее чтение. При ознакомительном чтении из текста извлекается основная информация со степенью полноты понимания приблизительно 70–75 %. Поисковое чтение предполагает нахождение в тексте информации, необходимой для читателя. При изучающем чтении достигается детальный и полный уровень понимания всего содержания текста [2, с. 235]. Схема двухступенчатого информативного чтения, предлагаемая в данной статье, будет включать в себя изучающее и поисковое чтение. Применение этой схемы при прохождении текстов общей разговорной направленности на первом курсе поможет учащимся в работе с текстами по определенному научному направлению на последующих курсах, а также будет способствовать формированию у них навыков профессионально-ориентированного информативного чтения.

В работах большинства авторов понятие «информативное чтение» непосредственно связывается с его ориентацией на профессиональные тексты. Оно определяется как «чтение, предусматривающее удовлетворение профессиональных информационных потребностей, в процессе которого потребительски необходимая информация может специалистом оцениваться, присваиваться и использоваться, и, наконец, создаваться вновь самим читающим» [3, с. 11]. Под оценкой подразумевается отбор из прочитанного текста профессиональной информации для последующего присвоения. Присвоение, в свою очередь, определяется как речевая деятельность конкретного читателя, которая осуществляется с целью присвоения новой, нужной информации, содержащейся в тексте, и в результате которой происходят увеличение профессиональных знаний студента и удовлетворение его профессиональных потребностей. В процессе информативного чтения читающий сам создает свою профессиональную информацию.

Поскольку, как было указано выше, программа по иностранному языку для первого курса неязыковых вузов не предусматривает изучения текстов профессиональной направленности, учащихся необходимо подготовить к информативному чтению на материале текстов общей направленности. Студенты должны научиться отбирать из текста лексическую информацию по определенной разговорной теме с ее последующим «присвоением», под которым мы будем понимать ее перенос в пассивный словарный запас, и «воссозданием», т. е. использованием в собственной речи.

При обучении информативному чтению особое внимание уделяется усвоению лексики, поскольку успешное извлечение информации из любого иноязычного текста (общей или профессиональной направленности) возможно только при владении тематической лексикой. Для того чтобы информация из изучаемого текста могла быть «присвоена» и «воссоздана», ее необходимо достаточно глубоко проанализировать и неоднократно повторить, что может быть

достигнуто с помощью разработанной нами модели обучения двухступенчатому информативному чтению.

В предлагаемой нами схеме (рис. 1) обучение двухступенчатому информативному чтению должно проводиться в парах или малых группах, в которых более сильные студенты будут оказывать помощь студентам с более низким уровнем владения языком на второй ступени. На первой ступени все учащиеся будут самостоятельно изучать предлагаемый им текстовый материал по определенной разговорной теме, т. е. эту ступень можно охарактеризовать как этап изучающего чтения. На второй ступени студенты перейдут к поисковому чтению, которое будет осуществляться в режиме наставничества в парах или малых группах.

	2-я ступень
1-я ступень	Поисковое чтение (при наставничестве в парах или малых группах)
Изучающее чтение	

Рис. 1. Схема обучения двухступенчатому иноязычному информативному чтению

Мы провели пробный эксперимент среди 75 студентов, обучающихся по направлению «Экономика и менеджмент» в Инженерно-экономическом институте СПбГПУ (в контрольной группе было 32 человека, в экспериментальной – 43). Порядок проведения эксперимента см. в табл. 1.

Обучающий эксперимент являлся пилотным, поскольку выполнялся на протяжении только трех занятий по ограниченному числу разговорных тем («Черты характера», «Путешествия», «Устройство на работу»). Цель проведения эксперимента – определить, повышается ли в режиме наставничества эффективность обучения двухступенчатому информативному чтению.

На первом этапе учащиеся должны были выполнить домашнее задание по самостоятельному изучению текстов из учебника «Language Leader», чтобы достичь детального и полного уровня понимания всего содержания текста. Для обеспечения валидности эксперимента мы указали, что домашнее задание должно выполняться ровно за 40 мин независимо от уровня языковой подготовки студентов. При этом в экспериментальной группе учащиеся с более высоким уровнем владения иностранным языком были ориентированы на подробное изучение всех возможных структурных и лексических сложностей текста с целью последующего их объяснения на аудиторном занятии студентам с недостаточным уровнем подготовки, а последние в процессе выполнения домашнего задания должны были найти по словарю значения незнакомых им слов и определить, какие именно части текста представляли наибольшую сложность для понимания.

В контрольной группе учащимся не давалось такой целевой установки, как в экспериментальной. Им просто сообщалось о необходимости выполнить домашнее задание по подробному изучению текста и определению значений незнакомых слов по словарю в течение 40 мин. Согласно классификации, предложенной Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, подобное чтение на этапе выполнения домашнего зада-

Таблица 1

Порядок проведения пробного обучающего эксперимента

Вид чтения	Группы		Продолжительность, мин	Место выполнения
	Контрольная	Экспериментальная		
Изучающее	Самостоятельное чтение в качестве домашнего задания		40	Внеаудиторная работа
Поисковое (выполнение заданий по тексту, подготовленному в процессе внеаудиторной работы)	Самостоятельное выполнение	Выполнение в парах или малых группах в режиме наставничества	20	Аудиторная работа
Фронтальная проверка заданий по тексту			5	То же

ния является изучающим чтением, поскольку студенты предпринимают попытку достичь детального и полного уровня понимания всего содержания текста.

На аудиторном занятии учащиеся в обеих группах должны были выполнить ряд заданий по тексту, изученному ими в процессе внеаудиторной работы. Это были задания на определение истинности утверждений, выбор подзаголовков для частей текста, нахождение в тексте лексической информации и фактических данных. Такой тип заданий классифицируется Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез как поисковое чтение, целью которого является извлечение из текста необходимой читателю информации.

Режим выполнения заданий на поисковое чтение в группах различался: в контрольной группе учащиеся выполняли их автономно, а в экспериментальной студенты с более высоким уровнем владения английским языком оказывали помощь студентам с недостаточной языковой подготовкой, которые, как указывалось выше, определили в процессе выполнения домашнего задания, какие именно части текста вызвали у них наибольшие затруднения. Таким образом, в течение 20 мин студенты-наставники отвечали на вопросы учащихся с более низким уровнем владения языком, тщательно прорабатывали сложные для понимания отрывки, а также совместно с ними выполняли задания на поисковое чтение, попутно обеспечивая необходимые пояснения.

На каждом из последующих трех занятий в течение 20 мин в обеих группах проводилось тестирование. Его цель – выявление уровня сформированности навыков поискового чтения текстов, охватывающих темы «Черты характера», «Путешествия», «Устройство на работу», которые изучались в ходе эксперимента. Для обеспечения достоверности результатов условия тестирования в группах были одинаковые. Учащимся предлагалось без предварительной подготовки индивидуально выполнить задания на поисковое чтение, такие как соединение подходящих по смыслу частей предложения, расположение отрывков текста в правильном логическом порядке, заполнение пробелов в тексте подходящими по смыслу отрывками. Результаты тестирования по группам приведены в табл. 2 и на рис. 2.

Как видно из данных табл. 2 и рис. 2, в среднем в экспериментальной группе количество ошибок более чем в 2 раза меньше, чем в контрольной.

Таблица 2

Результаты тестирования (количество ошибок по темам в группах)

Тема	Экспериментальная группа, чел.	Количество ошибок по теме на группу	Контрольная группа, чел.	Количество ошибок по теме на группу
«Черты характера» («Personality») (8 пунктов)	40	43	32	50
«Устройство на работу» («Getting a job») № 1 (6 пунктов)	39	4	31	11
(«Getting a job») № 2 (7 пунктов)		11		24
«Путешествия» («Travelling») (9 пунктов)	41	27	29	54

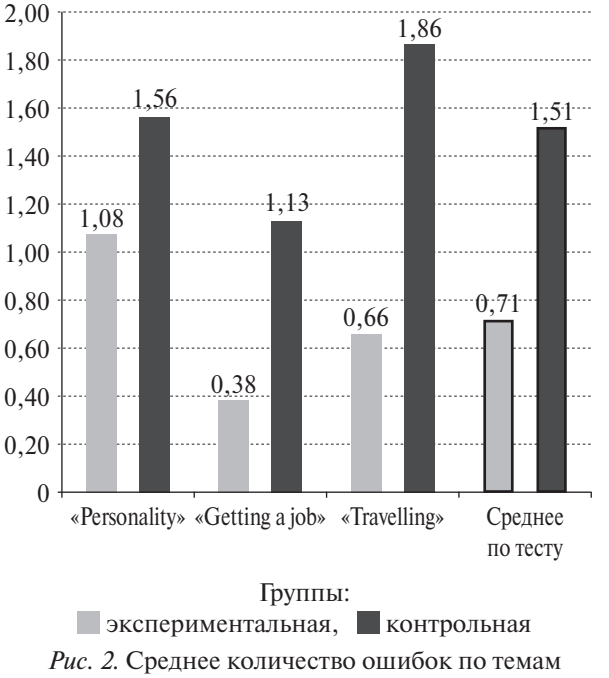


Рис. 2. Среднее количество ошибок по темам на одного студента

Поскольку тестирование проводилось на трех занятиях, каждый раз в нем принимало участие разное количество учащихся. При подсчете результатов мы учитывали общее количество студентов в группе и суммарное число ошибок, допущенных ими. Так, в тестировании по теме «Черты характера» 40 человек в экспериментальной группе допустили 43 ошибки, а 32 человека в контрольной – 50 ошибок. Результаты тестирования по теме «Устройство на работу» были также весьма показательными: на 31 учащегося в контрольной группе пришлось 35 ошибок, тогда как на 39 студентов в экспериментальной – 15 ошибок. На последнем занятии в рамках обучающего эксперимента проводилось тестирование по теме «Путешествия»: 29 студентов в контрольной группе допустили 54 ошибки, а на 41 учащегося в экспериментальной пришлось 27 ошибок.

После проведения тестирования по трем указанным темам был подсчитан средний результат по группам, участвовавшим в пилотном эксперименте. В среднем в контрольной группе на трех занятиях присутствовало 30 человек, в экспериментальной – 40 человек. Тем не менее среднее количество ошибок, допущенное на трех занятиях, в контрольной группе было 46,3, а в экспериментальной – 28,3. Таким образом, в контрольной группе, в которой учащихся приблизительно на 10 человек меньше, чем в экспериментальной, ошибок было допущено больше.

Результаты пилотного эксперимента указывают на целесообразность внедрения наставничества на этапе обучения поисковому чтению. Это объясняется тем, что в процессе парной или групповой работы все студенты участвуют в процессе совместной деятельности. Выполнение групповых заданий включает в себя «уточнение учебного задания, выбор путей решения, обсуждение результатов решения задания» [4, с. 15]. Действительно, поисковое чтение предполагает четко поставленную перед учащимися задачу, при выполнении которой в режиме наставничества учащиеся с более высоким уровнем языковой подготовки в доступной форме объясняют ее студентам с недостаточным владением иностранным языком. Кроме того, в процессе обсуждения выполняемого задания студенты-наставники закрепляют уже известный им учебный материал, в то время как студенты, нуждающиеся в помощи при изучении иностранного языка, достигают более высоких показателей благодаря индивидуализированному объяснению.

При традиционном обучении чтению иноязычных текстов этап поискового чтения текстов предшествует этапу изучающего чтения. Это означает, что учащиеся сначала автономно выполняют задания на поиск специфической информации в тексте, а затем детально изучают и обсуждают его на аудиторном занятии во фронтальном режиме под руководством педагога. Предлагаемая нами схема обучения двухступенчатому иноязычному информативному чтению представляется более целесообразной при работе в режиме наставничества. При самостоятельном ознакомлении с текстом в процессе самостоятельной работы учащиеся-наставники заранее устраняют возможные языковые трудности, с которыми они могут столкнуться при объяснении материала другим студентам. Учащиеся с более низким уровнем языковой подготовки выявляют, какие именно части текста наиболее сложны для их понимания и требуют дополнительного разъяснения.

После предварительного ознакомления с текстом в процессе выполнения домашнего задания учащиеся более глубоко подходят к выполнению аудиторных упражнений на поисковое чтение. Практически исключается выбор ответа наугад, характерный для студентов, недостаточно мотивированных к изучению иностранного языка. Учащиеся с низким уровнем языковой подготовки более активно участвуют в аудиторной работе, поскольку полное понимание изучаемого материала способствует повышению их познавательной мотивации. Студенты-наставники также становятся более заинтересованными в учебном процессе, поскольку они осознают свою личную ответственность за освоение материала менее подготовленными учащимися.

Таким образом, обучение двухступенчатому иноязычному информативному чтению более целесообразно проводить в режиме наставничества, поскольку оно не только способствует улучшению результатов учебной деятельности, но также приводит к большей сплоченности внутри группы студентов. Осуществление совместной учебно-познаватель-

ной деятельности «обеспечивает становление взаимоотношений доверия и сотрудничества, снятие противоречий между индивидуальным и групповым» [5, с. 273]. Наставничество, являющееся одной из форм совместной учебно-познавательной деятельности, играет роль связующего звена между этапами изучающего и поискового чтения и способствует формированию навыков информативного чтения, необходимых при работе с профессионально-ориентированными текстами на последующих этапах обучения иностранному языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Панкратова Е.Н.** Обучение профессионально-ориентированному чтению как когнитивно-информационной деятельности на старших курсах неязыкового вуза / Нижегородский гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Н. Новгород, 2009. 126 с.

2. **Гальскова Н.Д., Гез Н.И.** Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов лингв. ун-тов и фак. иностр. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд. М.: Академия, 2006. 336 с.

3. **Ямских Т.Н.** Методика дистанционного обучения иноязычному информативному чтению (английский язык, неязыковой вуз). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2004. 190 с.

4. **Мальцева С.Ф.** Педагогическая организация групповой учебной деятельности студентов педколледжа. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 160 с.

5. **Петровский А.В., Ярошевский М.Г.** Психология: учебник для студентов вузов. 6-е изд. М.: Академия, 2006. 512 с.

A.I. Dashkina, A.Ya. Fyodorova

TWO-STAGE APPROACH TO TEACHING INFORMATION-RETRIEVING READING IN A FOREIGN-LANGUAGE VIA STUDENTS' MENTORSHIP IN SMALL GROUPS

DASHKINA Aleksandra I. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

FYODOROVA Aleksandra Ya. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

The authors illustrate the expediency of applying a two-stage approach in teaching students to work with foreign-language texts via a pilot experiment. At the first stage the students work independently and study the text thoroughly. At the second stage of information-retrieving reading students' mentorship is applied.

MENTORSHIP; DIFFERENT LEVELS OF COMMAND OF A LANGUAGE; RETRIEVING INFORMATION; TWO-STAGE APPROACH; COMPREHENSIVE READING.

REFERENCES

1. Pankratova E.N. *Obuchenie professionalno-orientirovannomu chteniyu kak kognitivno-informatsionnoy deyatelnosti na starshikh kursakh neyazykovogo vuza* [Teaching professionally-oriented reading as an information-retrieving activity in undergraduate years of non-linguistic higher educational institutions]. Nizhniy Novgorod, 2009. 126 p. (In Russ.)

2. Galskova N.D., Gez N.I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [The theory of foreign language teaching. Linguistic didactics and methods. Textbook for students of linguistic universities and the departments of foreign languages of pedagogical higher educational institutions]. Moscow, Academy Publ., 2006. 336 p. (In Russ.)

3. Yamskikh T.N. *Metodika distantsionnogo obuchenia inoyazychnomu informativnomu chteniyu (angliyski yazyk, neyazykovoi vuz)*. Avtoref. kand. dis. [Methods of remote teaching information-retrieving reading in a foreign language (English language, non-linguistic higher educational institution) Abstr. cand. diss.]. Krasnoyarsk, 2004. 185 p. (In Russ.)

4. Maltseva S.F. *Pedagogicheskaya organizatsiya gruppovoi uchebnoi deyatelnosti studentov pedkolledzha*. Avtoref. kand. dis. [Pedagogical facilitation of students' coordinated learning activities at a pedagogical college. Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2002. 160 p. (In Russ.)

5. Petrovskiy A.V., Yaroshevskiy M.G. *Psykhologiya* [Psychology: textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Academy Publ., 2006. 512 p. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014

Хроника

УДК 061.3

Н.В. Офицерова, С.В. Кулик, С.Б. Ульянова

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЫСШАЯ ШКОЛА, НАУКА И ТЕХНИКА РОССИИ В 1914–1918 ГОДАХ (*Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции*)

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – *доцент, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; кандидат исторических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: oficernv@mail.ru

КУЛИК Сергей Владимирович – *заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; доктор исторических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: kulik54@mail.ru

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна – *профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; доктор исторических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: sbulyan@yandex.ru

Представлен обзор Всероссийской научно-теоретической конференции «К 100-летию Первой мировой войны: высшая школа, наука и техника России в 1914–1918 гг.», прошедшей 24 ноября 2014 г. в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете.

КОНФЕРЕНЦИЯ; ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; НАУКА; ТЕХНИКА; ВЫСШАЯ ШКОЛА.

В 2014 г. исполнилось 100 лет со дня начала войны, ставшей для человечества Первой мировой. Российская империя вступила в нее 1 августа 1914 г. Участие России в этой войне до сих пор воспринимается неоднозначно как с точки зрения общества, так и с точки зрения науки. Советская историография освещала Первую мировую войну исключительно как империалистическую, позорную, ненужную. На долгие 70 лет эта война стала «забытой». Вновь интерес к Великой войне появился в 2000-е гг.

Проблемы и противоречия, заложенные Первой мировой войной, ощущаются человечеством до сих пор. По мнению многих исследователей, современные геополитические проблемы берут свое начало в событиях этого периода. Очевидно, что исследование Первой мировой войны еще далеко не закончено, а без знания истории ее технических и гуманитарных аспектов и не будет завершено.

Эту войну называют первой технологической войной: никогда прежде не была так велика роль военных машин. Первая мировая в корне изменила и ситуацию в науке: ученые стали не просто «украшением» общества, но его необходимой силой. Так было положено начало «большой науке» XX в.

В Санкт-Петербургском государственном политехническом университете 24 ноября 2014 г. прошла Всероссийская научно-теоретическая конференция «К 100-летию Первой мировой войны: высшая школа, наука и техника России в 1914–1918 гг.», организованная кафедрой «История» Гуманитарного института и Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (ИИЕТ) РАН. В конференции приняли участие более 100 человек: преподаватели вузов, научные сотрудники академических учреждений и библиотечных организаций, аспиранты и студенты университета. С приветствиями к участникам конференции обратились: директор ИИЕТ РАН член-корреспондент РАН Ю.М. Батурин; исполняющий обязанности главного ученого секретаря Санкт-Петербургского научного центра Г.В. Двас; председатель Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники академик РАН С.Г. Инге-Вечтомов; директор Гуманитарного института профессор М.А. Акопова. Сообщения докладчиков были основаны на богатом источниковедческом материале, отличались значительной научной новизной.

На пленарном заседании конференции, которое вели научный руководитель СПбГПУ академик РАН Ю.С. Васильев, директор ИИЕТ РАН член-корреспондент РАН Ю.М. Батурин и директор Гуманитарного института профессор М.А. Акопова, были заслушаны четыре доклада.

Ю.М. Батурин в своем докладе представил масштабный проект ИИЕТ «Научно-техническая хронография Первой мировой войны». Докладчик показал процесс апробации научно-технических средств от времени их создания до использования в военный период и внедрения в массовое производство. Им был рассмотрен период 1905–1918 гг., в течение которого все основные участники Первой мировой использовали множество достижений науки, техники, политической и военной организации общества и т. д.

Доклад директора Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН профессора Э.И. Колчинского «Академия наук в годы Первой мировой войны» был посвящен деятельности высшего научного учреждения России в военное время. Сделан вывод о более лояльном отношении к власти академических работников.

Заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения профессор В.В. Фортунатов в своем докладе осветил положение высшей школы Петрограда в 1914–1918 гг. Докладчик сравнил деятельность вузов города в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Доклад профессора кафедры «История» СПбГПУ А.А. Михайлова «Петроградский политехнический университет в годы Первой мировой войны» вызвал особенно живой интерес. Докладчик подробно остановился на организации медицинской помощи и госпиталя, деятельности курсов по подготовке квалифицированных военно-технических кадров, участии политехников в боевых действиях на фронтах и т. д.

В рамках конференции состоялись и два секционных заседания в Доме ученых в Лесном. На секции № 1 (руководители: заведующий кафедрой «История» С.В. Кулик, доцент кафедры А.Н. Мичурин) с докладами выступили ученые из СПбГПУ и других организаций.

Доклад С.В. Кулика «Наука и техника в Российской империи накануне Первой мировой войны» был посвящен техническим вопросам подготовки российской армии к войне, военному планированию и техническим новациям в области вооружений в предвоенный период.

Старший научный сотрудник Военной академии Генерального штаба ВС РФ А.П. Жарский и профессор кафедры «История» А.А. Михайлов представили доклад «Отражение проблем военно-технического обеспечения российской армии в Первую мировую войну в мемуарах артиллерийского офицера В.М. Цейтлина». Обнаруженные авторами неопубликованные мемуары являются ценным историческим источником, изучение которого позволит вскрыть основные проблемы, связанные со снабжением и обеспечением фронтов, увидеть как «боевое», так и «штабное» отражение проблем армии.

Начальник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Военной академии Генерального штаба ВС РФ Э.Л. Коршунов в своем докладе «Отечественная историография создания и применения химического оружия в годы Первой мировой войны» заострил внимание на важной и злободневной проблеме истории науки и техники.

Л.С. Фомичева в докладе «Высшие органы государственной власти и управления в годы

Первой мировой войны» сделала акцент на неэффективности управления в военные годы, что было связано с сохранением самодержавной власти, усилением противоречий между властью и обществом.

А.Н. Мичурин выступил с докладом «„Академическая группа" в Государственном совете в годы Первой мировой войны». Основное внимание докладчик уделил политическим противоречиям, возникшим в академическом сообществе в годы Первой мировой войны, выборам от Академии наук и университетов в Государственный совет в 1915 г. и практической работе членов верхней палаты парламента Российской империи в различных оборонных организациях.

А.Н. Кашеваров в своем выступлении на тему «Монастырская благотворительность в годы Первой мировой войны» обобщил материалы, связанные с благотворительностью и работой церковных организаций, направленной на оказание помощи фронту. В докладе были использованы новые источники, рассказывающие о подвижничестве отдельных священников, приведены новые статистические данные в отношении участия отдельных монастырей в сборе помощи раненым и нуждающимся в 1914–1918 гг.

В докладе Б.Б. Дьякова «Российское физическое сообщество и Первая мировая война» был представлен сравнительный анализ активности физического и химического научных сообществ в России и за рубежом в годы Первой мировой войны. Особое внимание было уделено работе и персональному составу физико-технического кружка под руководством А.Ф. Иоффе, возникшего в Политехническом институте в годы войны.

Г.Ю. Афанасьев, выступая с докладом «К.П. Боклевский и воссоздание российского военного флота: к участию политехников в подготовке к Великой войне (1908–1914 гг.)», осветил вопросы привлечения председателем Совета министров Российской империи П.А. Столыпиным заведующего кораблестроительным отделением Санкт-Петербургского политехнического института К.П. Боклевского к восстановлению Военно-морского флота России после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и участия последнего в разработке новой кораблестроительной программы.

И.В. Сидорчук в своем выступлении на тему «1914 г. как перелом в истории отечественной науки» оспорил тезис о том, что перелом в отечественной науке наступил в 1917 г. и связан с революционными событиями. По мнению докладчика, именно начало войны разрушило старые традиционные связи с зарубежными учеными, усилило политическое размежевание в академическом сообществе, привело к радикализации взглядов отдельных ученых.

М.Ю. Любимова (Российская национальная библиотека) выступила с сообщением на тему «Евгений Замятин в годы Первой мировой войны». Е.И. Замятин, окончивший Политехнический институт в 1906 г., сохранял связи с ним. С 1916 г. он работал в системе военной промышленности. М.Ю. Любимова проследила влияние на творчество Е.И. Замятина как его собственных переживаний повседневности военного времени, так и работы в оборонной промышленности.

К.Ю. Эйдемиллер (РГПУ им. А.И. Герцена) представил доклад «Место и роль мусульманской общины в политической жизни Европы на изломе Первой мировой войны: история и судьба мечети Лог под Мангартом», в котором осветил участие боснийских мусульман в боевых действиях на итальянском фронте и существующие в Словении проблемы, связанные с мемориалом погибшим солдатам-мусульманам. По мнению докладчика, Первая мировая война стала переломным моментом, который усугубил имевшийся кризис в мусульманском мире и последствия которого ощущаются до сих пор.

Доклад С.Б. Ульяновой «Советские ученые и публицисты 1920-х гг. о последствиях Первой мировой войны» был посвящен вопросам переоценки Великой войны в раннесоветском обществе, формирования дискурса «империалистической войны». Докладчик отметила, с одной стороны, влияние политической публицистики на оценку учеными экономических и медицинских последствий войны, а с другой – использование результатов научных исследований в агитационно-пропагандистских целях.

Н.В. Офицерова в своем выступлении размышляла об отношении к техническим специалистам немецкого происхождения после Первой мировой войны. В советском промышленном сообществе сохранялось негативное восприятие «немцев» как национальной груп-

пы, пик которого пришелся на конец 1920-х гг., что объективно было связано с «Шахтинским делом» 1928 г. При этом власть, оценивая «немцев» как трудолюбивую и аккуратную нацию, сохраняла к ним некоторую неприязнь. Специалисты и рабочие немецкого происхождения пытались преодолеть это отчуждение, достичь более высокого социального статуса, участвуя в общественной жизни предприятий.

В докладе аспиранта кафедры «Философия» Н.В. Симановой «Влияние Первой мировой войны на развитие идей евразийства» были затронуты разнообразные вопросы возникновения этого идейного течения и влияния мировой войны на отдельных его представителей. По мнению докладчика, идеи евразийства о многополюсном мире, опоре на воспроизводство собственной культуры актуальны и сегодня.

Завершал работу секции доклад Н.Г. Зарембо (Российский государственный исторический архив) о выставке в РГИА под названием «Ныне Господь нам послал испытание. К 100-летию начала Первой мировой войны». Докладчик указала на возможности научного поиска по многим направлениям, объединенным общей целью выставки – показать человека на войне. Источники, представленные на выставке, посвящены вопросам повседневной жизни на фронте и в тылу, женщинам в условиях военного времени, участию церкви в войне, военной цензуре, органам государственной власти и др.

На студенческой секции было заслушано 18 докладов, подготовленных студентами и аспирантами СПбГПУ. Большинство из них были посвящены различным аспектам развития науки и техники в годы Первой мировой войны. Все доклады были выполнены на хорошем научном уровне. Авторы изучили обширную научную и научно-популярную литературу, опубликованные (а в отдельных случаях и неопубликованные) документы. Большой интерес вызвали доклады студентов Инженерно-строительного института, сделанные под руководством профессора кафедры «История» А.А. Михайлова: М.К. Бронзовой «„Война химиков” в Первой мировой войне», К.К. Богдасаряна «Стрелковое оружие Первой мировой войны: новые технические достижения», Д.А. Ипатова и А.А. Попова «Развитие и применение тяжелой артиллерии в Первую мировую войну 1914–1918 гг.», А.В. Дубровина «Зенитная артиллерия в годы Первой мировой войны» и др. Дискуссия развернулась по докладу П.А. Акимовой «Причины Первой мировой войны на страницах вузовских учебников» (научный руководитель – профессор кафедры «История» А.В. Гринев). Доклады студентов Института машиностроения, металлургии и транспорта М.М. Демидовой «В зеркале советской прессы: Первая мировая война в 1924 г.» и К.С. Климовского «Первая мировая война в оценке советской партийной прессы в 1920-е гг.» (научный руководитель – доцент кафедры «История» Н.В. Офицерова) были посвящены советскому дискурсу войны, который четко фиксировал ее как «империалистическую» и «позорную». Завершающий доклад заместителя директора Историко-технического музея Р.А. Панова «Политехники в Великой войне 1914–1918 гг.» освещал участие в боевых действиях сотрудников и студентов института.

Многие участники конференции подчеркивали особую роль как Политехнического университета, высшей школы в техническом перевооружении российской армии накануне и во время Первой мировой войны, так и политехников в академическом сообществе, отмечали их участие в сложных политических процессах в Российской империи во время войны.

Обсуждение всех докладов сопровождалось самой заинтересованной дискуссией, показавшей актуальность исследования различных аспектов Первой мировой войны.

N.V. Ofitserova, S.V. Kulik, S.B. Ulyanova

FOR 100TH ANNIVERSARY OF THE FIRST WORLD WAR: HIGHER EDUCATION, SCIENCE AND TECHNOLOGY OF RUSSIA IN 1914–1918 (*All-Russian scientific-theoretical conference*)

OFITSEROVA Natalya V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: oficernv@mail.ru

KULIK Sergey V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kulik54@mail.ru

ULYANOVA Svetlana B. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: sbulyan@yandex.ru

Provides an overview of the All-Russian scientific-theoretical conference “On the 100th anniversary of the First World War: Higher School, Science and Technology of Russia in 1914–1918”, held in Saint-Petersburg State Polytechnical University on November 24, 2014.

THE FIRST WORLD WAR; CONFERENCE; HIGHER EDUCATION; SCIENCE; TECHNOLOGY.

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences

№ 4 (208) 2014

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 24.12.2014. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 28,0. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций **(**свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу **http://journals.spbstu.ru**.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:
(812) 294-47-72 с 10^{00} до 14^{00} – Алексей Анатольевич
или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru